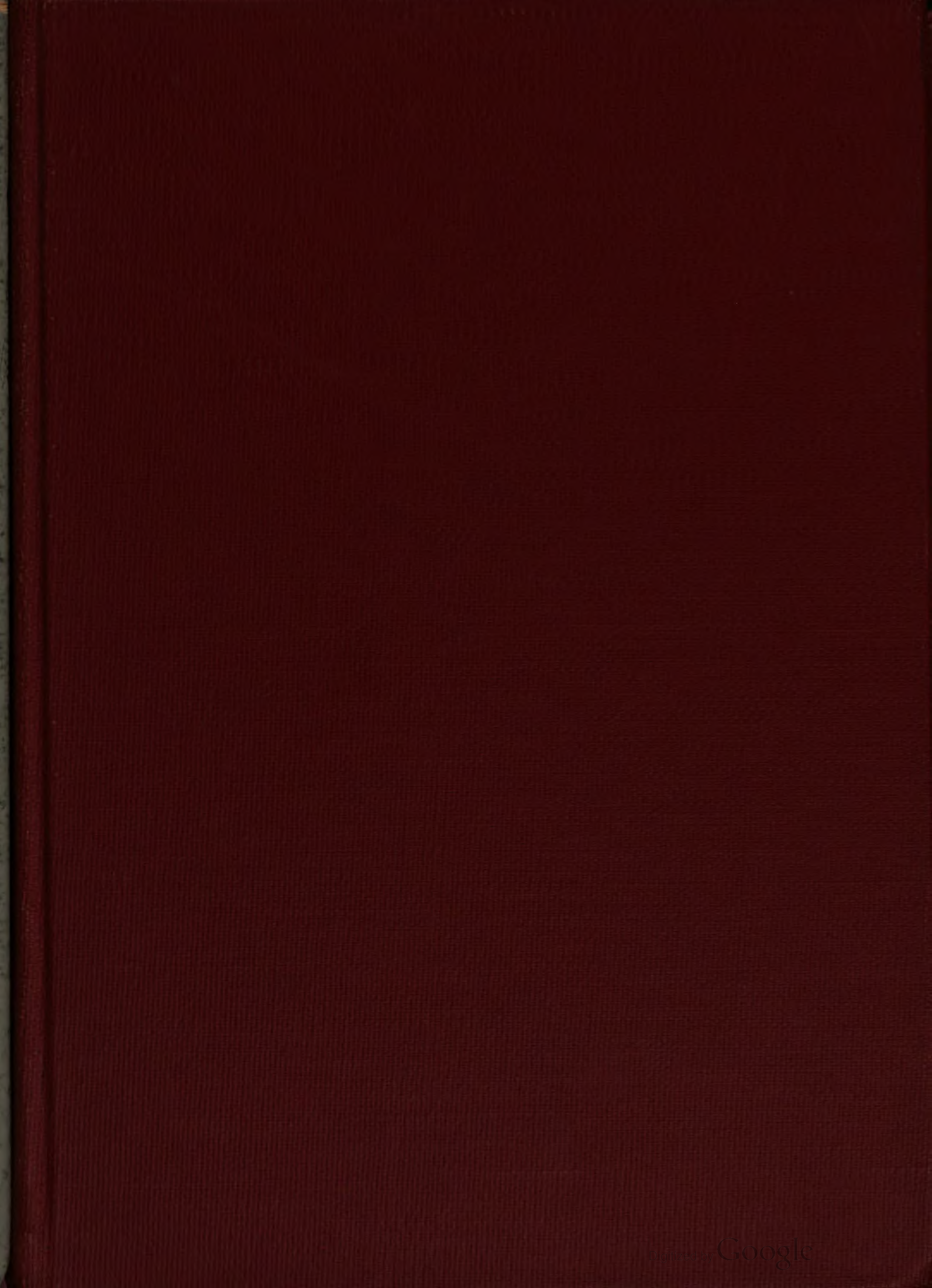
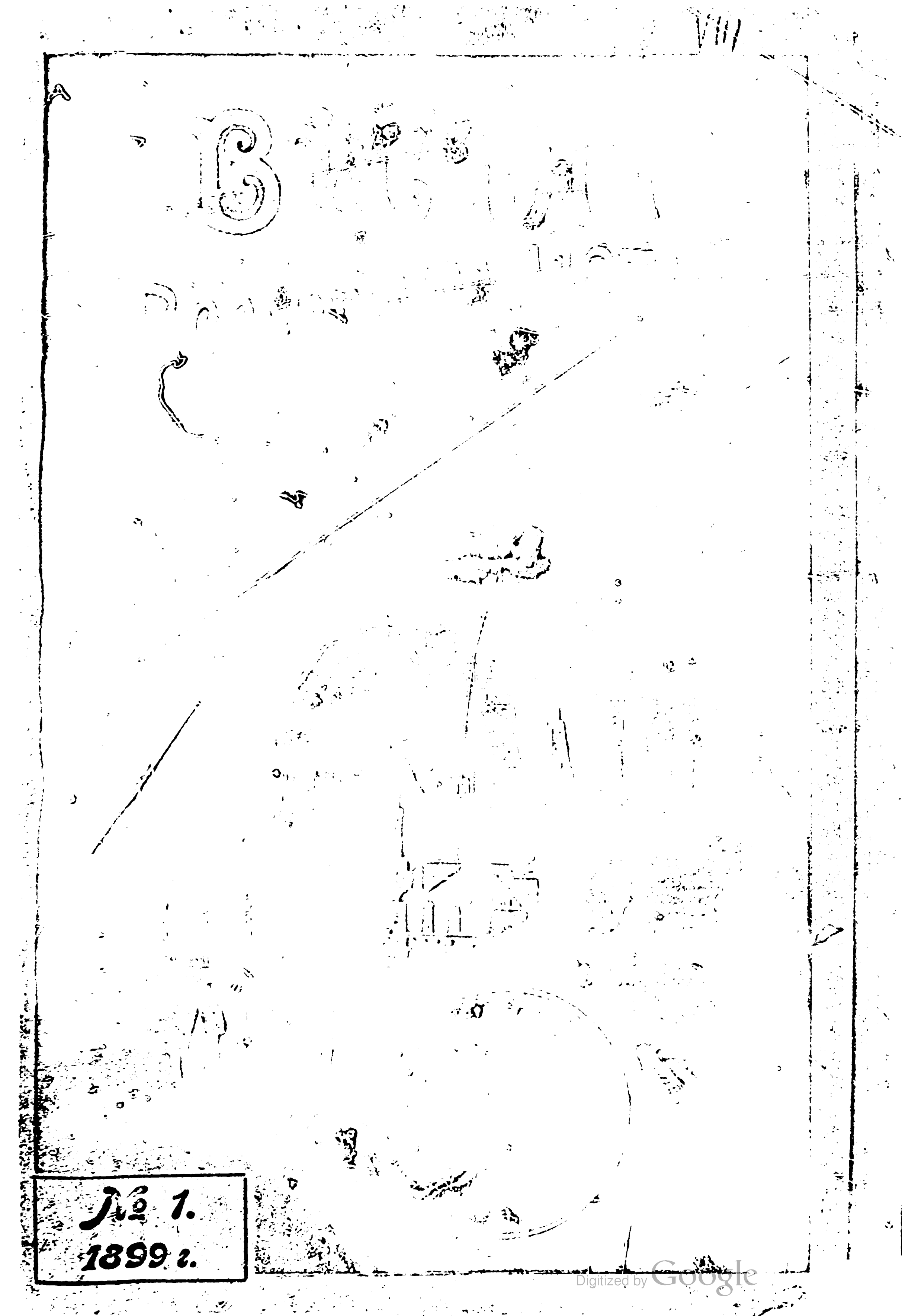

VE RI
TAS

№ 1.
1899 г.

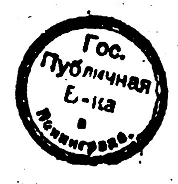
ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

Ежемѣсячный журналъ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

ДЕКАБРЬ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.
1899.

2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 ноября 1899 г.

Отъ редакціи.

Всякій новый органъ печати, если онъ не плодъ столь частой у насъ за послѣднее время хозяйской предпріимчивости, имѣетъ право на существованіе лишь въ томъ случаѣ, когда отвѣчаетъ извѣстной духовной потребности общества, не удовлетворенной или не вполнѣ удовлетворяемой.

Особая важность историческихъ знаній въ дѣлѣ выработки міросозерцанія, въ дѣлѣ выработки идеала личнаго и общественнаго признана всѣми, и, вслѣдствіе этого, право на существованіе у насъ изданія, посвященнаго всемірной исторіи, съ цѣлію ознакомить русское общество съ общимъ ходомъ исторіи, едва-ли требуетъ доказательствъ.

Великая книга исторіи, какъ и великая книга природы, всегда открыта для человѣка—но нужно умѣть читать въ ней, и, въ данномъ случаѣ, правдивѣй, чѣмъ когда-либо, звучатъ слова Евангелія объ имѣющихъ глаза и не видящихъ и объ имѣющихъ уши и не слышащихъ.

Вслѣдствіе этого, среди вопросовъ, привлекавшихъ за послѣдніе годы и теперь еще привлекающихъ къ себѣ особенное вниманіе, видное мѣсто занимаетъ вопросъ о надлежащемъ „пониманіи исторіи". За границей, а отчасти и

1*

у насъ этому вопросу посвященъ рядъ цѣнныхъ и поучительныхъ изслѣдованій, онъ вызвалъ обширную полемическую литературу, возбудилъ интересъ въ широкихъ кругахъ публики и далеко еще не сошелъ да и врядъ ли скоро сойдетъ съ очереди. Это и понятно. Предметъ исторіи — прошедшія судьбы человѣчества; но прошлое незамѣтно переходитъ въ настоящее, исторія неразрывно связана съ современной общественной жизнью. Наше отношеніе къ современнымъ общественнымъ факторамъ неизбѣжно должно отразиться на нашихъ историческихъ взглядахъ—и наоборотъ. Огромныя перемѣны, происходящія съ половины настоящаго столѣтія въ жизни европейскихъ народовъ, не могли не поколебать многаго изъ того, что раньше казалось незыблемымъ; измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ не могли не вызвать измѣненій въ общественныхъ воззрѣніяхъ. Но общественная воззрѣнія, тѣ или иныя объясненія современной общественной жизни не могутъ не отражаться и на пониманіи жизни прошлой, исторіи.

Въ области естествознанія научное изученіе явленій дѣлается возможнымъ благодаря опыту и наблюденію, въ области же наукъ общественныхъ мы лишены этихъ двухъ могучихъ способовъ изслѣдованія.

Что же намъ остается?

Неужели простое „перечисленіе фактовъ до конца", о которомъ говорилъ Шопенгауэръ, такое перечисленіе, которое охватывало бы собой всѣ моменты жизни человѣчества, дѣйствій и приключеній, мысли и чувства людей всѣхъ странъ, во всѣ моменты жизни человѣчества и т. п., превращая исторію, а въ данномъ случаѣ наше изданіе, въ болѣе или менѣе обширную кладовую, въ которой можетъ

быть все и „сохранно", но пахнетъ плѣсенью, все и собрано съ возможной полнотой, но не одухотворено вѣяніемъ жизни.

Такую задачу конечно можетъ, но едва-ли долженъ преслѣдовать какой-либо органъ исторической печати, памятуя, что для документовъ и матеріаловъ есть архивы, великій же опытъ исторіи только тогда будетъ плодотворенъ для современниковъ, для которыхъ и ради которыхъ въ каждый отдѣльный моментъ жизни общества всякая наука только и имѣетъ право на существованіе, когда путемъ историческаго изученія, въ безконечномъ разнообразіи фактовъ будетъ подмѣчено единство и преемственность, все будетъ приведено въ систему и образуетъ совокупность истинъ, т. е. науку.

Historia—vitae magistra, гласитъ древній афоризмъ: исторія—учительница жизни. Но въ pendant къ нему явился позднѣйшій афоризмъ: исторія учитъ, что она никогда ничему никого не научила. Само собою разумѣется, что исторія въ старинномъ смыслѣ слова, простой перечень фактовъ, исторія-лѣтопись ничему и не могла научить. Изучая и выясняя явленія прошлой жизни съ ихъ прагматической стороны, исторія должна выяснить и взаимную связь, причинную обусловленность фактовъ, раскрыть, что лежитъ въ основѣ пестраго калейдоскопа историческихъ явленій. Но исторія не можетъ быть наукой точныхъ чиселъ, точной мѣры. Она не можетъ пользоваться тѣми методами изслѣдованія, которые составляютъ силу и которыми создано величіе точныхъ наукъ. Положенія и выводы исторіи могутъ имѣть такимъ образомъ лишь большую или меньшую внутреннюю убѣдительность, большее или меньшее вѣроя-

тіе, но безъ этихъ выводовъ истолкованіе многихъ событій современности было бы однако неправильнымъ.

Вслѣдствіе этого во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда общественное вниманіе привлекаютъ такіе вопросы и событія, которые, связывая настоящее съ прошедшимъ, обладаютъ глубокимъ современнымъ значеніемъ, задача повременнаго историческаго изданія состоитъ, по нашему мнѣнію, въ ознакомленіи общества со всѣмъ тѣмъ, что требуется для выясненія вопроса съ точки зрѣнія исторической науки.

Современность, соприкасаясь такимъ образомъ съ исторіей, облекаетъ въ плоть и кровь образы прошлаго и—*прошлое говоритъ*.

Этотъ языкъ прошлаго мы и постараемся сдѣлать доступнымъ и понятнымъ нашимъ читателямъ.

...еселеніе буровъ. 2) Памятникъ независимости. 3) Іоганнесбургъ. 4) Преторія. 5) Зданіе при-
...ственныхъ мѣстъ въ Преторіи. 6) Копи. 7) Жуберъ. 8) Домъ Крюгера. 9) Войска буровъ.

КЪ БОРЬБѢ БУРОВЪ

ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

(Справка изъ исторіи колонизаціи Южной Африки).

Ы всѣ въ настоящее время съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдимъ за борьбой Англіи съ Трансваалемъ, которому приходится защищать свою независимость и свободу. Въ южной чертѣ африканскаго материка столкнулись двѣ далеко неравныя силы: англійскія стремленія къ господству и завоеванію, съ одной стороны, и рѣшимость населенія Трансвааля скорѣе исчезнуть съ лица земли въ открытой борьбѣ съ врагомъ, нежели попасть въ экономическое рабство къ англійскимъ капиталистамъ. Буры не пожелали дождаться того дня, когда Англія перебросить въ южную Африку достаточно многочисленную армію, и поспѣшили сами объявить войну. Въ исторіи распространенія британскаго владычества по земному шару это едва ли не первый примѣръ, когда намѣченная британскимъ львомъ жертва, слабо и плохо вооруженная, торопится сама принять вызовъ и заглушаетъ въ себѣ голосъ благоразумія.

Не въ первый разъ бурамъ, или «африканцамъ», какъ они охотно сами себя называютъ, приходится съ оружіемъ въ рукахъ защищать независимость противъ англичанъ, да и, въ вообще, многострадальна исторія этого энергичнаго племени голландскаго происхожденія, купившаго свою свободу цѣною громадныхъ усилій. Кто же эти буры, откуда они явились въ южной Африкѣ и что вообще представляетъ

собою это племя, которому Европа, недавно серьезно мечтавшая о наступленіи золотаго періода всеобщаго мира, шлетъ теперь свои горячія симпатіи, оставаясь однако равнодушной зрительницей этой, повидимому, безумной схватки пигмея съ великаномъ? Каковы прошлыя судьбы этого народа, которому быть можетъ суждено доказать міру, что въ жизни цѣлаго государства, какъ и въ жизни отдѣльной личности, путь холодныхъ математическихъ выкладокъ не всегда путь наиболѣе надежный, что вѣра въ святость и правоту своего дѣла иногда можетъ получить огромное, рѣшающее значеніе?

Возникновеніе англо-голландскихъ вооруженныхъ столкновеній въ южной Африкѣ относится къ концу прошлаго столѣтія. Въ 1782 году англичане дѣлаютъ первую попытку овладѣть голландскимъ тогда Капштадтомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и небольшой, но уже цвѣтущей Капландіей. Попытка эта оказалась неудачной, и англійская экспедиція, отправленная для захвата Капштадта, должна была позорно удалиться. Тогда впервые буры нанесли пораженіе англичанамъ. Но англичане не ост вливаются передъ неудачами, а Капландія была имъ необходима. Владѣніе этой колоніей, въ гаваняхъ которой останавливались всѣ корабли, огибающіе Африку, должно было обезпечить англичанамъ свободный морской путь изъ Англіи въ Индію, которая въ то время была уже англійской колоніей, и англичане воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ и возобновили свою попытку завладѣть Капландіей. Въ 1795 году Англія, находясь въ войнѣ съ Голландіей, завладѣваетъ Капштадтомъ, но, не покоривъ страны, принуждена по мирному договору 1803 года возвратить этотъ важный для нея городъ обратно. Вскорѣ, однако, война между Англіей и Голландіей возобновилась, и въ 1806 году англичане успѣваютъ овладѣть не только Капштадтомъ, но и всей тогдашней Капландіей. Парижскій трактатъ 1814 года утвердилъ за Англіей владѣніе Капской землею, и съ этого времени въ южной Африкѣ начинается интереснѣйшая по своимъ перипетіямъ борьба буровъ, колонистовъ-крестьянъ, съ англичанами, колонистами-купцами.

Съ голландскими поселеніями въ южной Африкѣ мы встрѣчаемся—уже въ началѣ XVII вѣка; въ 1601 году

въ Столовой бухтѣ возникаетъ торговая голландская факторія; колонисты, прибывающіе изъ Голландіи, разселяются не вдалекѣ отъ этой бухты и полагаютъ основаніе земледѣльческой культуры края. Въ 1652 году для защиты колоніальныхъ поселковъ отъ воинственныхъ готтентотовъ, основывается крѣпость Капштадтъ, впослѣдствіи столица колоніи, съ постояннымъ, хотя и незначительнымъ гарнизономъ. Отмѣна Нантскаго эдикта во Франціи дала Капской землѣ новый контингентъ переселенцевъ-гугенотовъ, которые, поселившись въ южной Африкѣ среди находившихся уже тамъ голландцевъ, мало по малу слились съ ними въ одинъ народъ, получившій позднѣе отъ англичанъ презрительную кличку „буры", что значитъ „мужики".

Буры оказались превосходными колонистами. Собственными силами (голландскій гарнизонъ въ Капштадтѣ всегда былъ малочисленъ) справились они съ воинственными туземными племенами. Покоривъ черныхъ сосѣдей, они обязали этихъ вчерашнихъ враговъ барщиной и, на основѣ полудароваго труда, воздвигли земледѣльческую культуру, распахали огромное пространство земли, развели многочисленныя стада, построили фермы и окружили ихъ садами плодовыхъ деревьевъ. Такой результатъ могъ быть достигнутъ только многолѣтнимъ упорнымъ трудомъ и неусыпной энергіей многихъ поколѣній, преемственно продолжавшихъ работу надъ превращеніемъ дѣвственной страны, населенной дикарями, въ культурную область. Потомъ и кровью освятили буры каждый клочокъ воздѣланной земли, на трупахъ своихъ близкихъ, павшихъ подъ ударами копій и стрѣлъ дикарей, основали они свое благополучіе, создали себѣ новую, дорогую родину. Въ трудной борьбѣ съ дѣвственной природой, въ непрекращающихся военныхъ столкновеніяхъ съ окружающими многочисленными черными туземцами выработался изъ бура своеобразный типъ солдата—пахаря, одинаково хорошо управляющаго плугомъ и запряженными въ него волами и степнымъ скакуномъ, на которомъ буръ, съ ружьемъ въ рукахъ, выступаетъ въ походъ на защиту своей семьи и своего поля, на защиту земли и независимости — двухъ святынь бура. Особый отпечатокъ налагаетъ на буровъ ихъ суровая протестантская религіозность. Отчужденный отъ новыхъ европейскихъ вѣяній мысли, буръ остался на уровнѣ развитія гугенотовъ и голландскихъ протестантовъ XVII столѣтія.

Онъ знаетъ одну только книгу—Библію; онъ живетъ самъ, воспитываетъ своихъ дѣтей, создаетъ свои идеалы по ветхозавѣтнымъ образцамъ. Своихъ враговъ—черныхъ—онъ искренно считаетъ филистимлянами и амалекитянами, свою отвоеванную тяжкими усиліями страну—Ханааномъ, а себя—избраннымъ народомъ Божіимъ. Съ этимъ-то народомъ, который такъ странно, такъ необычно сочеталъ въ своемъ характерѣ черты трудолюбиваго земледѣльца, испытаннаго солдата и суроваго протестанта, живущаго по библейскимъ образцамъ, пришлось столкнуться англичанамъ съ ихъ купеческой колоніальной политикой, съ ихъ характерно капиталистической культурой, незнающей другихъ боговъ, кромѣ торга, наживы и эксплоатаціи. Конфликтъ былъ неизбѣженъ, и борьба должна была стать рѣшительной и безпощадной, такъ какъ обѣ столкнувшіяся націи характеризуются непреклонной волей, непобѣдимой энергіей и... значительной дозой жестокости.

Овладѣвши Капштадтомъ и Капской землей, англичане не могли довольствоваться номинальнымъ владычествомъ; они пожелали извлечь реальныя выгоды изъ новопріобрѣтенной колоніи, славившейся плодородіемъ своей почвы и урожайностью своихъ воздѣланныхъ полей. Но реальными выгодами уже пользовались другіе—буры, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались и воздѣланныя поля, и домашній скотъ, и даровой трудъ черныхъ туземцевъ. Надо было либо устранить буровъ, либо ослабить ихъ экономическую силу. И англичане принялись систематически за борьбу. Чтобы рассорить буровъ и туземцевъ, англичане отмѣнили барщину; за отмѣной барщины послѣдовало уничтоженіе бурскаго городского и сельскаго самоуправленія, привлеченіе въ Капскую землю различными льготами и привилегіями англійскихъ колонистовъ, увеличеніе гарнизоновъ, ссылка въ Капландію преступниковъ, и другія мѣропріятія, которыя дѣлали положеніе буровъ въ Капландіи совершенно невыносимымъ.

Такъ продолжалось до 1837 года, когда буры, во главѣ съ Питеромъ Ретифомъ, рѣшили оставить свою Капландію, ставшую англійской, и искать свободной отъ англичанъ земли. Въ Грагамстоунѣ Ретифъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ говорилъ, что «онъ и его друзья отчаялись вырвать страну у бродягъ, которые царятъ въ ней господами», и что они рѣшили искать себѣ убѣжища, болѣе

надежнаго, чѣмъ была для нихъ доселѣ Капская земля. Это переселеніе 5000 семействъ капскихъ буровъ подъ предводительствомъ Петра Ретифа буры впослѣдствіи уподобляли исходу евреевъ изъ Египта. Экономически «исходъ» буровъ оказался для нихъ чрезвычайно разорительнымъ. Передъ выселеніемъ 456 фермъ буровъ было совершенно разрушено, 350 — разрушены не вполнѣ; захвачено или убито англичанами 5.705 лошадей, 111.930 головъ скота и 161.930 штукъ барановъ. Лишь съ остатками своего имущества буры ушли съ Ретифомъ на сѣверъ отъ Капландіи въ нынѣшнюю землю Наталь. Здѣсь Ретифъ пріобрѣлъ покупкой у одного изъ кафрскихъ князьковъ необходимое пространство удобной и плодородной земли у залива Индійскаго океана, въ мѣстности, гдѣ нынѣ расположенъ городъ Дурбанъ, иначе Портъ Наталь. Послѣ долгой борьбы съ мѣстными сильными кафрскими князьями, въ которой вѣроломно погибъ самъ Ретифъ, буры окончательно укрѣпились въ новой колоніи, вспахали землю, развели стада, построили городъ Дурбанъ и много цвѣтущихъ хуторовъ вокругъ новой своей столицы, а въ 1840 году объявили Наталь независимой республикой. Англичане не признали новопоявившейся республики, и въ 1842 году лордъ Стэнли, опираясь на вооруженную эскадру, занялъ Дурбанъ и объявилъ о включеніи Наталя въ число земель, подвѣдомственныхъ капскому губернатору. Только черезъ 12 лѣтъ Наталь, оставшись навсегда англійской колоніей, получилъ отдѣльное отъ Капландіи самоуправленіе. Часть натальскихъ буровъ не захотѣла подчиниться англійскому режиму. Буры опять оставили англичанамъ свои фермы, поля и сады и, нагрузивъ на свои крытыя телѣги, движимое имущество, ушли изъ Наталя двумя отрядами за Драконовы горы, тянущіяся параллельно Натальскому берегу, и основали тамъ двѣ республики: Оранжевую (иначе, „республика Оранжевой рѣки“) расположенную между рѣками Оранжевой и ея притокомъ Вааломъ, и Трансвааль (впослѣдствіи Южно-африканская республика), занимающій высокое плоскогоріе, окаймленное рѣками Вааломъ и Лимпопо. Но англичане и здѣсь не на долго оставили буровъ въ покоѣ. Въ 1848 году капскій губернаторъ сэръ Гарри Смитъ вторгся въ Оранжевую республику. Его встрѣтилъ въ десять разъ слабѣйшій отрядъ буровъ подъ предводительствомъ Андрея Преторіуса. При Boomplats буры были разбиты на голову, и, не рѣшаясь болѣе въ открытомъ полѣ дать сраженіе

численно превосходящему ихъ непріятелю, начали противъ англичанъ ожесточенную партизанскую войну, подстерегая ихъ за каждымъ кустомъ, поджидая въ каждомъ ущельѣ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока англичане не признали въ 1852 году независимости Трансвааля, а въ 1854 году независимости Оранжевой республики.

Организаторомъ молодой Трансваальской республики сдѣлался Андрей Преторіусъ, бывшій предводитель буровъ въ борьбѣ съ англичанами. Вмѣстѣ съ Крюгеромъ, нынѣ президентомъ Трансвааля, Преторіусъ, опираясь на преданную ему партію реформаторовъ, провелъ въ народномъ собраніи буровъ Трансвааля въ 1858 году конституцію, которая легла въ основу дальнѣйшаго государственнаго роста бурской республики. По этой конституціи всѣ буры получаютъ полныя политическія права; всѣ права, по истеченіи извѣстнаго срока, получаетъ и каждый бѣлый, поселившійся на жительство въ Трансваалѣ; черные жители республики только терпимы, какъ рабочая сила, и должны довольствоваться полнымъ политическимъ и гражданскимъ безправіемъ. На томъ же народномъ собраніи Преторіусъ былъ избранъ въ президенты Трансвааля, и его именемъ названа столица бурской республики — Преторія, ему же поручена и вся исполнительная власть. На основѣ этой примитивной патріархально-демократической конституціи буры жили спокойно до самаго конца шестидесятыхъ годовъ, пока въ нѣдрахъ ихъ новой, тяжкимъ трудомъ завоеванной, родины не былъ открытъ жесточайшій ихъ врагъ, приведшій ихъ снова къ столкновенію съ англичанами,—золото.

Золото было открыто въ Трансваалѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Это не были еще знаменитыя розсыпи Вайтвотерсранда или просто Ранда (Южная часть Трансваальской республики), изъ которыхъ въ 1897 году добыто было свыше 3 милліоновъ унцій золота (болѣе ¹/₅ всего золота, добываемаго на земномъ шарѣ); это были только провозвѣстники будущаго богатства Ранда, открытаго потомъ въ восьмидесятые годы, тѣмъ не менѣе, англичане тотчасъ же попытались захватить золотоносный Трансвааль въ свои руки. Въ 1877 году англійскій коммиссаръ, пользуясь тѣмъ, что буры были вовлечены въ ожесточенную войну съ зулусами, подъ предлогомъ защиты англійскихъ гражданъ, захватилъ Преторію и объявилъ Трансвааль британской колоніей. Захваченные врасплохъ, буры не могли оказать вооруженнаго сопротивленія, и англичане, какъ у себя

дома, безконтрольно распоряжались въ Трансваалѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Это безконтрольное англійское хозяйничанье въ Трансваалѣ привело къ тому, что въ 1881 году буры, потерявши всякую надежду на возможность ужиться съ англичанами, въ отчаяніи снова взялись за оружіе. Судьба благопріятствовала бурамъ. Войска англичанъ были разбиты ими послѣдовательно въ трехъ сраженіяхъ, изъ которыхъ самое замѣчательное произошло при Маджуба-Хиль, гдѣ англичане, численно превосходившіе буровъ, были на голову разбиты послѣдними. Англійскіе полководцы, получившіе подкрѣпленія изъ Европы и Индіи, готовились отмстить за «Маджубскій позоръ», но въ это время въ Англіи произошла смѣна министерствъ; мѣсто консервативнаго воинственнаго кабинета занялъ кабинетъ либеральный съ Гладстономъ во главѣ, и капскій губернаторъ получилъ подписанную «великимъ старцемъ» знаменитую короткую телеграмму: «Мы виноваты передъ бурами. Заключите миръ». Заключенъ былъ мирный договоръ между воюющими сторонами, согласно которому Трансвааль остался свободнымъ государствомъ, а Англія получила надъ нимъ почетный номинальный протекторатъ. Въ 1884 году этотъ мирный договоръ былъ измѣненъ въ пользу буровъ; мѣсто мирнаго договора заняла, такъ называемая, Лондонская конвенція 1884 года, по которой за Англіей осталось только право въ теченіе шести мѣсяцевъ опротестовывать договоры, заключаемые Трансваальской республикой съ другими государствами, за исключеніемъ, однако, республики Оранжевой рѣки, договоры которой съ Трансваалемъ не могли быть опротестованы англійскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ англичане отрѣзали себѣ путь къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Трансваальской республики.

Золото, открытое въ Вайтвотерсрандѣ, доставило бурамъ враговъ не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ. Буры, справившись такъ или иначе съ англичанами — внѣшними врагами, принуждены были—вступить въ борьбу съ внутренними врагами своими—уйтлэндерами, которые, впрочемъ, въ большинствѣ тоже принадлежали къ подданнымъ королевы Викторіи. Залежи золота, добыча котораго, возрастая съ каждымъ годомъ, дошла, какъ выше было упомянуто, въ 1897 году до $^1/_6$ всего количества золота, добываемаго на земномъ шарѣ, привлекли къ себѣ тысячи авантюристовъ со всѣхъ странъ свѣта, жаждущихъ наживы и обогащенія. Въ южной части Трансвааля, въ золотоносномъ

Рандѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ выросли города съ десятками тысячъ населенія, населенія буйнаго, развратнаго, безпокойнаго, презрительно относящагося къ кореннымъ трансваальцамъ, этимъ «африканскимъ мужикамъ». За десять лѣтъ уйтлэндеры количественно превысили коренное бурское населеніе въ два раза: они захватили въ свои руки всѣ золотоносныя земли Трансвааля, построили въ Рандѣ городъ Іоганнесбургъ, который къ 1887 году имѣлъ свыше ста тысячъ жителей, и передъ которымъ столица буровъ казалась ничтожной деревушкой. Въ рукахъ уйтлэндеровъ сосредоточились всѣ богатства края, и буры съ ужасомъ смотрѣли на этотъ все растущій потокъ людей, принесшихъ съ собою изъ Европы всю изнанку городской цивилизаціи, отъ кафешантановъ до домовъ терпимости включительно, потокъ, который грозилъ затопить своей мутной водою ихъ родину, ихъ семьи, ихъ гордую независимость. И буры рѣшили принять предохранительныя мѣры, чтобы ихъ не захлестнула мутная волна пришельцевъ.

Въ 1890 году, по почину Крюгера, была пересмотрѣна конституція 1858 года. По новой конституціи полноправными гражданами (бургерами перваго класса) могутъ быть только буры и бѣлые, поселившіеся въ Трансваалѣ до 1876 г., а также и участвовавшіе въ войнѣ за независимость 1881 года (съ 1896 года признаны полноправными и бѣлые, участвовавшіе въ отраженіи набѣга Джемсона); неполноправнымъ (бургерами второго класса) можетъ быть каждый уйтлэндеръ, пробывшій въ странѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. Законодательная власть вручена народному собранію, составленному изъ двухъ палатъ (фольксраадовъ): первая палата состоитъ изъ бургеровъ перваго класса, вторая—собирается совмѣстно бургерами перваго и втораго классовъ; всякое мнѣніе первой палаты почитается закономъ, мнѣніе второй палаты можетъ стать закономъ только послѣ утвержденія первой палатой. Такимъ образомъ, фактически, значеніе законодательнаго учрежденія имѣетъ только первая палата. Исполнительная власть ввѣрена президенту, избираемому на 5 лѣтъ и четыремъ министрамъ; президента выбираютъ бургеры перваго класса. Право избирать пріобрѣтается по достиженіи 16 лѣтъ; выбраннымъ въ раадъ можетъ быть только гражданинъ 30 лѣтъ, обладающій земельной собственностью, принадлежащій къ протестантскому вѣроисповѣданію. Уйтлэндеръ можетъ сдѣлаться бургеромъ перваго класса, только проживъ въ странѣ въ теченіе 12 лѣтъ

послѣ натурализаціи, при условіи безнедоимочной уплаты податей и налоговъ за все прожитое въ странѣ время. Такимъ образомъ, уитлэндерамъ совершенно былъ закрытъ доступъ къ политическимъ правамъ, преграждена была всякая возможность участвовать въ законодательствѣ страны, которое всецѣло принадлежало бурамъ, какъ земледѣльческому населенію, котораго, кстати сказать, почти совершенно не коснулась «золотая» горячка. Такимъ образомъ, создалось своеобразное положеніе, при которомъ люди, болѣе сильные количественно и экономически, оказались въ роли болѣе слабыхъ политически: вопреки всѣмъ европейскимъ понятіямъ, буры, крестьяне-земледѣльцы, диктовали законы милліонерамъ-золотопромышленникамъ и, вообще, всему ядру городскаго населенія.

Уитлэндерамъ, среди которыхъ больше всего англичанъ, не могло нравиться такое положеніе вещей. Будучи крупными капиталистами, владѣя большей частью земельной поверхности Трансвааля, уплачивая 5/6 всего количества налоговъ, они, не желая оставаться подъ законодательной опекой буровъ, требовали для себя соотвѣтственнаго представительства въ законодательныхъ учрежденіяхъ страны, но буры систематически отстраняли всѣ требованія уитлэндеровъ, не желая дѣлить свою власть съ пришлымъ, неустойчивымъ населеніемъ, пришедшимъ въ страну только ради наживы. Тогда въ золотоносныхъ округахъ Трансвааля началась сильная политическая агитація. Въ Іоганнесбургѣ образовался союзъ уитлэндеровъ, исполнительный комитетъ котораго, состоявшій изъ 64 богатѣйшихъ гражданъ, владѣвшихъ имуществомъ, оцѣниваемымъ въ полмилліарда рублей, вошелъ въ тайныя сношенія съ премьеромъ Капской земли Сесилемъ Родсомъ, а черезъ него и съ англійскимъ министромъ колоній Чемберлэномъ. Въ то же время англійская пресса подняла страшный шумъ по поводу угнетенія уитлэндеровъ въ Трансваалѣ невѣжественными бурами. Результатомъ сношеній іоганнесбургскихъ заговорщиковъ съ Родсомъ и Чемберлэномъ былъ извѣстный разбойничій набѣгъ на Трансвааль доктора Джемсона, позорно окончившійся тѣмъ, что буры захватили въ плѣнъ самого Джемсона и все его войско. Въ то же время буры арестовали въ Іоганнесбургѣ in corpore весь исполнительный комитетъ союза уитлэндеровъ. Такъ закончился первый фазисъ внутренней борьбы буровъ съ безпокойными уитлэндерами.

Почти три года послѣ эпизода съ Джемсономъ уитлэн-

деры спокойно сидѣли въ Трансваалѣ, выжидая удобнаго случая для того, чтобы возобновить свои требованія и вновь начать политическую смуту. Случай этотъ представился весною текущаго года вслѣдствіе убійства бурскимъ полицейскимъ англійскаго рабочаго. На этотъ разъ уйтлэндеры повели свои дѣла рѣшительнѣе и дальновиднѣе. Оставивъ систему тайныхъ сношеній съ англійскимъ правительствомъ, они заставили Англію оффиціально вмѣшаться во внутреннія дѣла Трансвааля и выступить въ качествѣ защитницы «угнетенныхъ» уйтлэндеровъ. Британскій министръ колоній Чемберлэнъ не преминулъ воспользоваться благодарной ролью защитника слабыхъ, которая эффектнымъ щитомъ прикрывала его радость при видѣ открывшейся, повидимому, возможности удовлетворить давнишнему желанію англичанъ присоединить золотоносный Трансвааль къ Англіи въ качествѣ колоніи. Свои долгіе, утомительные, сбивчивые переговоры съ Крюгеромъ, президентомъ Трансвааля Чемберлэнъ закончилъ требованіями, которыми санкціонировалось хроническое вмѣшательство Англіи во внутреннія трансваальскія дѣла. Буры не могли принять этихъ предложеній, такъ какъ ими уничтожалась независимость Трансвааля, и отвѣтили извѣстнымъ ультиматумомъ 8 октября, который равнялся объявленію войны.

«Чемберлэнъ требовалъ»,—говорилъ Крюгеръ въ послѣднемъ засѣданіи Трансваальскаго раада,—«чтобы я отдалъ ему свой сюртукъ. Я отдалъ. Потомъ онъ потребовалъ, чтобы я отдалъ ему свои штаны. Я отдалъ. Тогда онъ потребовалъ, чтобы я отдалъ ему свое тѣло, т. е. вашу независимость. Я не могъ отдать ему этого». Послѣ этихъ словъ была рѣшена война съ Англіей.

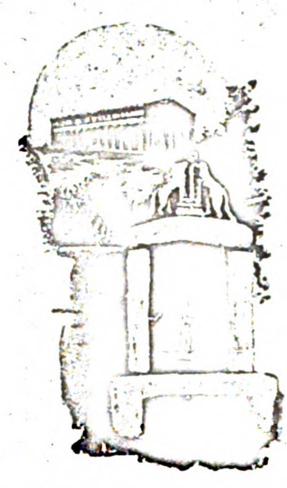
Къ Трансваалю присоединилась союзная съ нимъ бурская Республика Оранжевой рѣки. Вмѣстѣ они выставили въ поле около 50.000 сражающихся, и пока, какъ извѣстно, одерживаютъ верхъ надъ англійскими войсками.

Долго-ли, однако, этотъ маленькій, но мужественный народъ будетъ въ состояніи бороться за свою независимость противъ могущественной Англіи, покажетъ, конечно, лишь будущее...

Это борьба Давида съ Голіафомъ, съ той только разницей, что если у Давида и не одна праща, то и Голіафъ далеко не такъ простъ, какъ древне-библейскій богатырь.

Б. Б.

Первое свѣтопреставленіе.

ОСУЖЕЙ головѣ угодно было предсказать намъ кончину нашего бреннаго міра къ первымъ числамъ благополучно истекшаго нынѣ ноября. Хотя такія прорицанія повторяются періодически и ихъ исходъ неизмѣнно одинъ и тотъ же, тѣмъ не менѣе праздная выдумка, о которой идетъ рѣчь, не осталась безъ вреднаго вліянія: благодаря безсовѣстной спекуляціи, не постыдившейся обратить въ источникъ наживы безпросвѣтную тьму, въ которой понынѣ пребываетъ пугливая душа нашего народа, вѣсть о предстоящемъ свѣтопреставленіи получила, пишутъ намъ, широкое распространеніе среди деревенскаго люда. Угнетенные повторяющимися недородами крестьяне приняли ее, какъ нѣчто естественное; она шла навстрѣчу той мрачной теодицеѣ, на которую наводила ихъ умы жестокость мачихи-сырой земли за послѣдніе годы. „Оттого-то“, покорно говорили они, „Богъ и не далъ намъ хлѣба, что и жить-то осталось не долго“. Но мѣстами теорія переходила и въ практику; бывали примѣры, что люди отказывались убирать урожай со своихъ полей, ссылаясь на то, что пользоваться имъ все равно нѣ придется. Хватилась, наконецъ, кое-гдѣ и мѣстная администрація; по ея настоянію книгопродавцы обязались не продавать болѣе смущавшихъ народъ вздорныхъ брошюрокъ. Теперь, когда страхъ прошелъ, явилась возможность подвести итоги совершившемуся—что и будетъ сдѣлано, надѣемся, тою же администраціей, въ назиданіе потомству и въ предупрежденіе, поскольку это въ ея силахъ, такихъ же случаевъ въ будущемъ.

Но, помимо администраціи, и историческая наука не можетъ относиться безучастно къ явленіямъ въ родѣ описаннаго. Какъ-никакъ, а мысль объ ожидавшейся 1 ноября 1899 г. кончинѣ міра представляетъ изъ себя идею — нелѣпую, не спорю, но все-таки идею. Такія идеи, полезныя и вредныя, ежедневно массами рождаются, массами уносятся вѣтромъ общественнаго мнѣнія, подобно

тому, какъ настоящій вѣтеръ массами уноситъ сѣмена ели и омелы, земляники и крапивы; въ обоихъ случаяхъ природа чрезмѣрно плодовита, заранѣе разсчитывая на гибель 99% своихъ дѣтищъ. Требуется совпаденіе цѣлаго ряда благопріятныхъ условій для того, чтобы этой гибели не было, чтобы сѣмя полезной или сорной травы могло взойти и развиться; только тамъ, гдѣ всѣ эти условія на лицо—только тамъ это развитіе будетъ полнымъ. При наличности лишь нѣкоторыхъ условій сѣмя, быть можетъ, взойдетъ, но дастъ жалкую, тщедушную былинку, неспособную къ дальнѣйшему развитію; тѣмъ не менѣе, и эта былинка, и то крѣпкое, обильное благотворными или ядовитыми соками дерево,—одно и то же растеніе: ботаникъ не сдѣлаетъ между ними существеннаго различія, хотя бы глазъ обыкновеннаго человѣка и затруднился признать въ первой подобіе послѣдняго. У насъ имѣлись именно только нѣкоторыя изъ требовавшихся условій, вслѣдствіе чего и результатъ получился—слава Богу—довольно жалкій. Имѣлось, во-первыхъ, основаніе для ожидаемаго событія въ народной вѣрѣ, имѣлся, во-вторыхъ, глубокій умственный мракъ съ его неизмѣннымъ спутникомъ—суевѣрнымъ страхомъ; имѣлось, въ-третьихъ, угнетенное настроеніе, вызванное повторяющимися неурожаями въ нашей преимущественно земледѣльческой странѣ; имѣлась, наконецъ, въ-четвертыхъ, она сама, эта вздорная идея, какъ разъ тогда пущенная въ оборотъ гдѣ-то на западѣ и жадно подхваченная беззастѣнчивыми барышниками у насъ. Благодаря всему этому и получился сравнительно скромный успѣхъ. Но представимъ себѣ, что къ этимъ условіямъ присоединились бы другія, притомъ не только наводненія, пожары, повѣтрія, войны, но и такія событія, о которыхъ и говорить страшно—и кто можетъ опредѣлить, какой результатъ получился бы тогда?

О такомъ-то случаѣ я и хотѣлъ бы побесѣдовать съ читателемъ въ настоящемъ очеркѣ. Я озаглавилъ его „Первое свѣтопреставленіе"—дѣйствительно, тотъ случай, который я имѣю въ виду, является первымъ, о которомъ исторія повѣствуетъ. О болѣе раннихъ не имѣлось опредѣленныхъ свѣдѣній. Правда, ходили слухи о томъ, что земля не разъ и въ прежнее время подвергалась періодическимъ катастрофамъ, всякій разъ уничтожавшимъ культуру ея жителей; Платонъ въ знаменитомъ мѣстѣ своего „Тимея" объясняетъ сравнительную юность греческой цивилизаціи тѣмъ, что благодаря этимъ катастрофамъ именно образованные жители низменностей уносились въ море разбушевавшимися стихіями, и только дикіе обитатели горъ оставались въ живыхъ. Но преданіе не сохранило памяти о нихъ, если не считать одной, всемірнаго потопа Девкаліона и Пирры; да и тутъ одно только голое событіе признавалось историческимъ фактомъ, а не его подробности, всецѣло потекшія изъ богатой фантазіи даровитыхъ поэтовъ. Та эпоха, напротивъ, о которой говорю я, пришлась въ ясный полдень исторической жизни человѣчества; оно не только пользовалось всѣми благами культуры, но и достигло въ ней такого высокаго уровня, какого не знало впослѣдствіи въ теченіе многихъ вѣковъ; его пытливая мысль съумѣла освободиться отъ всѣхъ оковъ, которыми

вѣковая традиція сдерживала раньше свободу ея движеній; и тѣмъ не менѣе совпаденіе всѣхъ вышеупомянутыхъ условій было такъ чудесно, такъ подавляюще, что не только слѣпая чернь, но и лучшіе, просвѣщеннѣйшіе люди тогдашняго времени подчинились его силѣ, увѣровали въ недалекій конецъ міра и сдѣлались распространителями этой вѣры среди своихъ соотечественниковъ. Эпоха эта—та (и это совпаденіе далеко не случайно), которая непосредственно предшествовала началу нашей эры.

I.

Первымъ и важнѣйшимъ условіемъ была и здѣсь религія и та опора, которую въ ней находила вѣра въ предстоящій конецъ міра. Это условіе мало кому извѣстно; насколько знамениты мессіанскіе элементы іудаизма и ихъ роль въ исторіи возникновенія и распространенія христіанской вѣры, настолько забыты аналогичныя явленія въ области античнаго язычества. Старинная церковь объ этомъ судила иначе: въ нынѣ изгнанномъ третьемъ стихѣ своего заупокойнаго гимна:

Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in favilla,
Teste David et Sibylla—

она рядомъ съ благочестивымъ царемъ Израиля называетъ вѣщую дѣву-язычницу какъ пророчицу того дня гнѣва, который развѣетъ по пространству золу истребленнаго мірозданія. Стихъ этотъ, повторяю, болѣе не поется; и если бы въ настоящее время новый Микель Анджело взялся украсить своими фресками потолокъ новой Сикстинской капеллы,—онъ врядъ-ли осмѣлился бы изобразить наряду съ ветхозавѣтными пророками и античныхъ Сивиллъ. Дѣйствительно, „оракулы Сивиллы“, доставившіе своей мнимой авторшѣ такой почетъ, потеряли кредитъ, оказавшись греческимъ пересказомъ еврейскихъ и христіанскихъ идей; предоставляя филологамъ провести границу между подлогомъ и недоразумѣніемъ, церковь презрительно отвернулась и отъ того и отъ другаго и была со своей точки зрѣнія права. Но правъ и историкъ, когда онъ, опредѣляя и вычитая долю того и другаго, возстановляетъ собственность настоящей античной Сивиллы и находитъ, что эта собственность вполнѣ обезпечиваетъ ей почетное мѣсто среди пророковъ годины гнѣва.

Образъ Сивиллы выросъ на почвѣ религіи Аполлона, которая въ свою очередь была развитіемъ и реформой еще болѣе древней и глубокомысленной религіи Зевса. Послѣдняя исходила изъ представленія о царившемъ нѣкогда на землѣ „золотомъ вѣкѣ“, когда не было еще ни труда, ни войны, ни грѣха, когда мать-Земля съ материнской нѣжностью заботилась о человѣкѣ, давая ему и пищу, и одежду, и знаніе—да, и знаніе въ той, къ счастью, незначительной долѣ, въ которой оно было ему нужно для блаженнаго, хотя и безцѣльнаго бытія. Изъ этого состоянія

вырвалъ людей Зевсъ; возмутившись противъ Земли и ея силъ-Титановъ и поборовъ ихъ, онъ повелъ человѣчество по новому пути. Трудъ былъ провозглашенъ условіемъ и знанія, и жизни; но трудъ повелъ за собую частную собственность; частная собственность—споры изъ-за нея, насиліе, войну; насиліе съ войной породили неправду, преступленіе, грѣхъ. Это постепенное ухудшеніе условій жизни и нравовъ человѣчества древніе изображали картинно въ рядѣ послѣдовательныхъ „вѣковъ"—серебрянаго, мѣднаго и желѣзнаго—имена которыхъ были подсказаны, кромѣ сравнительной оцѣнки металловъ, также и смутными воспоминаніями о давно-прошедшихъ до-историческихъ эпохахъ. Важнѣйшимъ „событіемъ" въ этомъ постепенномъ паденіи человѣчества было послѣднее, появленіе среди него „неправды". Уже раньше легкоживующіе боги почти всѣ оставили многослезную обитель людей; теперь ее покинула и послѣдняя изъ небожительницъ, божественная правда. Оскорбленная преступностью человѣческаго рода, святая дѣва поднялась на небо, гдѣ и пребываетъ—какъ позже учили—понынѣ, витая среди небесныхъ свѣтилъ подъ видомъ созвѣздія Дѣвы. Что же касается покинутаго ею людскаго рода, то, разъ отдавъ себя во власть неправды, онъ этимъ самымъ обрекъ себя на гибель; такъ-то предстоящее въ отдаленномъ будущемъ истребленіе человѣческаго рода, какъ нравственная необходимость, подтвердило метафизическую необходимость гибели царства Зевса и боговъ. Метафизическая же необходимость основывалась на неоспоримомъ законѣ, что все имѣвшее начало должно имѣть и конецъ; царство Зевса, основанное на развалинахъ царства Земли путемъ побѣды надъ ея силами-Титанами, погибнетъ отъ земли же и ея силъ-Гигантовъ; несчастный исходъ боя Гигантовъ долженъ положить конецъ тому, чему положилъ начало счастливый исходъ боя Титановъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе мрачной религіи Зевса, древнѣйшей религіи не только грековъ, но и германцевъ и, вѣроятно, другихъ европейскихъ племенъ, включая и славянское. Правда, въ отдаленной перспективѣ, за гибелью открывалась возможность новаго начала новой чистой жизни—но эта перспектива именно вслѣдствіе своей отдаленности врядъ-ли могла служить дѣйствительнымъ утѣшеніемъ. Человѣчество чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе стало ждать спасителя и искупителя, который бы отвратилъ тяготѣющую надъ богами и человѣчествомъ гибель, истребилъ сѣмя грѣха, вернулъ дѣву-Правду съ эмпирея на землю. Такое ожиданіе никогда не бываетъ тщетнымъ; желанный спаситель и искупитель явился, наконецъ, въ образѣ Аполлона. Новая религія Аполлона принесла богамъ міръ съ землею и обезпеченіе дальнѣйшаго ихъ царства—Зевсъ, говорила она, уже сразился съ Гигантами, покорилъ ихъ и съ тѣхъ поръ царствуетъ безбоязненно на вѣки; людямъ же она принесла очищеніе отъ грѣховъ, устраняя, такимъ образомъ, нравственную необходимость ихъ истребленія. Такова была реформа Зевсовой религіи религіей Аполлона.

Но реформы и реформаціи по самому существу элементовъ, съ которыми имъ приходится считаться, не бываютъ полными. Ста-

рыя вѣрованія въ той или другой формѣ продолжаютъ тлѣть подъ золой, изрѣдка вспыхивая зловѣщимъ пламенемъ; компромиссы, извращающіе въ теоріи чистоту новаго ученія, оказываются на практикѣ необходимыми. Пусть Аполлонъ принесъ людямъ очищеніе отъ грѣха; глядя другъ на друга и на себя, они безъ труда убѣждались, что неправда продолжаетъ жить среди нихъ, что лучезарная дѣва по-прежнему пребываетъ въ безстрастномъ безгрѣшномъ эѳирѣ. Это убѣжденіе не могло не отразиться и на догматахъ Аполлоновой религіи; да, Аполлонъ принесъ людямъ очищеніе,—въ этомъ сомнѣваться было нечестиво, но имъ гибель человѣчества была лишь отсрочена; хорошо и то, что у стараго змѣя не выростаетъ новыхъ головъ. Самъ же онъ не сраженъ; тому грѣху, который когда-то запятналъ человѣчество и изгналъ дѣву-Правду, искупленія нѣтъ. Придетъ время—и онъ поглотитъ родъ людской; но затѣмъ онъ самъ погибнетъ отъ свѣтлоликаго бога, вернется дѣва-Правда, вернется золотой вѣкъ. Когда же это будетъ? Не скоро... такъ, по истеченіи „великаго года"; до этого дня ни мы, ни наши дѣти, ни внуки не доживутъ.—Ну и отлично; значитъ, можно быть спокойнымъ.

Но кто же были пророки и проповѣдники этой новой религіи? Въ точности мы себѣ не можемъ составить представленія объ организаціи ея пропаганды; знаемъ, однако, что не послѣднюю роль играли въ ней женщины-пророчицы. Женщина ближе къ природѣ, т. е. къ землѣ, чѣмъ мужчина; у нея эмоціонное начало болѣе подчиняетъ себѣ интеллектъ, чѣмъ у него; ее преимущественно фантазія всѣхъ народовъ надѣляетъ даромъ вѣщей мысли, исходящей отъ земли. Вотъ почему мы встрѣчаемъ вѣщихъ дѣвъ постоянными спутницами религіи Аполлона въ ея побѣдоносномъ шествіи съ востока на западъ. Зовутся онѣ Сивиллами—темное, не поддающееся объясненію имя, быть можетъ, даже не греческаго, а восточнаго происхожденія. Древнѣйшая изъ нихъ—это троянская Сивилла, она же и Кассандра. Преданіе, предваряя ея роль, какъ пророчицы гибели человѣчества, представляетъ ее вдохновенной дѣвой, предсказавшей Пріаму паденіе его царства. Но разсказъ о троянской войнѣ несовмѣстимъ съ представленіемъ, что троянцамъ ихъ участь была извѣстна заранѣе; видно, имъ было о ней сказано, но они пророчицѣ не повѣрили. Но почему же не повѣрили? И этому многотворная фантазія грековъ нашла объясненіе; вотъ слова, въ которыхъ она сама у Эсхила *) повѣствуетъ хору аргосскихъ старцевъ о своемъ несчастьи:

Хоръ. Мы дивимся,
Какъ ты пришла изъ-за моря—и знаешь,
Какъ будто видѣла, все, что здѣсь было.
Касс. Мнѣ даръ всевидѣнья данъ Аполлономъ.
Хоръ. Онъ благосклоненъ былъ къ тебѣ? Любилъ?
Касс. Донынѣ стыдъ мнѣ былъ бы въ томъ сознаться.
Хоръ. Достоинство хранимъ мы въ счастьѣ строже!
Касс. Любилъ... и требовалъ моей любви.

*) „Агамемнонъ" ст. 1198 сл. (перев. А. Майкова).

Хоръ. И ты его порывамъ уступила?
Касс. Дала обѣтъ, но не сдержала слова.
Хоръ. Ужъ получивъ сперва даръ прорицанья?
Касс. Ужъ гибель я предсказывала Троѣ.
Хоръ. И гнѣвъ его тебя не поразилъ?
Касс. Ужасный гнѣвъ: никто не сталъ мнѣ вѣрить!

Родственнаго характера былъ миѳъ, разсказываемый про самую знаменитую изъ Сивиллъ—если не считать дельфійской Пиѳіи, которая, въ сущности, была той же Сивиллой—про эриѳрейскую (т. е. изъ гор. Erythrae въ Малой Азіи). Когда Аполлонъ требовалъ ея любви, она, въ свою очередь, потребовала, чтобъ онъ даровалъ ей столько лѣтъ жизни, сколько песчинокъ на эриѳрейскомъ взморьѣ. Аполлонъ исполнилъ ея желаніе, но подъ условіемъ, чтобы она никогда не видѣла болѣе родной земли. Тогда она поселилась въ италійскихъ Кумахъ, граждане которыхъ окружили ее большимъ почетомъ, какъ пророчицу-любимицу ихъ главнаго бога. Годы проходили за годами, поколѣнія умирали за поколѣніями, одна только Сивилла не знала смерти; но, состарившись и одряхлѣвъ до послѣднихъ предѣловъ, она сама стала тосковать по ней; слишкомъ поздно убѣдилась она въ своей роковой ошибкѣ, что, прося бога о дарованіи долгой жизни, она забыла попросить его продолжить также ея молодость. Наконецъ куманцы сжалились надъ нею и, зная объ условіи, подъ которымъ ей была дана долговѣчность, послали ей письмо, запечатанное, по старому обычаю, глиной. Глина была изъ эриѳрейской земли; увидѣвъ ее, Сивилла испустила духъ. Но ея вѣщій голосъ не умеръ вмѣстѣ съ нею; и послѣ ея смерти онъ продолжалъ слышаться въ пещерахъ вулканической куманской земли, одна изъ которыхъ извѣстна и понынѣ подъ именемъ „грота Сивиллы“. И еще въ позднія времена память о Сивиллѣ жила въ нѣсколько странной игрѣ куманскихъ дѣтей,—если только это была игра,—о которой намъ разсказываетъ современникъ императора Нерона Петроній. Посреди комнаты (повидимому) свѣшивалась бутылка; дѣти, окружая бутылку, спрашивали: „Сивилла, чего хочешь?“—голосъ изъ бутылки отвѣчалъ: „умереть хочу“.

Эта эриѳрейско-куманская Сивилла представляетъ для насъ особый интересъ: благодаря ей вѣра въ предстоящую, черезъ опредѣленное число лѣтъ, гибель человѣческаго рода была перенесена изъ Греціи въ Римъ. Да, въ Римъ; объ этомъ существовало особое, небезызвѣстное и нынѣ преданіе. Къ царю Тарквинію Гордому явилась однажды таинственная старуха и предложила ему купить, за очень высокую цѣну, девять книгъ загадочнаго содержанія. Царь разсмѣялся; тогда она бросила въ горѣвшій тутъ же огонь три книги изъ девяти и потребовала за остальныя шесть ту же цѣну. Тотъ же пріемъ она повторила еще разъ; тогда озадаченный царь купилъ у нея послѣднія три книги за требуемую цѣну и, сложивъ ихъ въ подземельѣ Капитолійской горы, назначилъ особыхъ жрецовъ-толкователей ихъ мудренаго содержанія. Таинственная старуха была именно куманская Сивилла, а купленныя царемъ три книги—знаменитыя впослѣдствіи „Сивиллины

книги". Смыслъ всего преданія заключается, разумѣется, въ фактѣ, что вѣщія книги Сивиллы были изъ Кумъ перенесены въ Римъ. Перенесены-же онѣ могли быть только вмѣстѣ съ культомъ того бога, который былъ залогомъ ихъ достовѣрности—съ культомъ Аполлона. Такимъ образомъ религія лучезарнаго бога, родиной которой была давно разрушенная Троя, нашла себѣ, наконецъ, пріютъ въ Римѣ; на этомъ преемствѣ основывается, не говоря о прочемъ, и столь знаменательное вѣрованіе: „Римъ—вторая Троя".

Сивиллины книги стали тайной книгой судебъ римскаго государства; къ нимъ обращались въ тревожныя и тяжелыя минуты, чтобы узнать, какими священнодѣйствіями можно умилостивить угрожающій Риму или уже разразившійся надъ нимъ гнѣвъ боговъ. Конечно, предсказанія Сивиллы были даны въ самой общей формѣ, безъ именъ; дѣломъ жрецовъ было рѣшать, какое прорицаніе соотвѣтствуетъ данному случаю. Намъ теперь легко смѣяться надъ этимъ способомъ предотвращенія катастрофъ: въ Римѣ тоже настало время, когда надъ нимъ стали смѣяться. Но смѣхъ—смѣхомъ, а заведенные предками обряды должны были быть исполняемы; на этотъ счетъ даже между просвѣщеннѣйшими людьми сомнѣній быть не могло. Тотъ самый вельможа, который въ разговорѣ съ Цицерономъ подъ прохладной сѣнью тускуланскихъ платановъ, промѣнявъ торжественную римскую тогу на удобный греческій плащъ, вышучивалъ Сивиллу и ея причудливыя пророчества,—тотъ самый вельможа, какъ quindecimvir sacrorum, очень серьезно, развернувъ старинныя книги, въ спорѣ со своими коллегами рѣшалъ важный вопросъ, сколько овецъ заклать Діанѣ по поводу замѣченнаго и доложеннаго ариційской бабой тревожнаго знаменія, а именно, что сидѣвшая на священномъ деревѣ ворона заговорила человѣческимъ голосомъ. И въ этомъ даже не было никакого лицемѣрія; любовь къ родному городу и его величію естественно переносилась и на его вѣрованія и все прочее. Сколько Скавровъ, Мессалъ, Пизоновъ, Марцелловъ на этомъ самомъ стулѣ занималось рѣшеніемъ тѣхъ же или такихъ же вопросовъ! Итакъ, квириты, смѣйтесь сколько угодно въ Тускулѣ, но на Капитоліи сохраняйте степенный и сосредоточенный видъ.

А впрочемъ... пришло время, когда и въ Тускулѣ стало не до смѣха.

II.

Кончина міра была предсказана Сивиллой къ исходу „великаго года". Срокъ этотъ былъ такой отдаленный, что на первыхъ порахъ никто имъ не интересовался. Когда же, по истеченіи многихъ столѣтій, вопросъ о немъ получилъ научный, хронологическій интересъ, то оказалось, что безпокоиться о немъ было уже поздно. Научный интересъ... да, только наука, методы которой были пущены въ ходъ при рѣшеніи нашего вопроса, была довольно своеобразна, представляя изъ себя странную смѣсь метафизики и эмпиріи, миѳологіи и астрономіи. А именно: было рѣшено, что „великій годъ" равенъ совокупности четырехъ вѣковъ, золо-

таго, серебрянаго, мѣднаго и желѣзнаго. Ближайшей задачей было опредѣлить продолжительность такого „вѣка"; рѣшили, что таковымъ должна считаться максимальная продолжительность человѣческой жизни (на это рѣшеніе наводило самое значеніе греческаго слова, соотвѣтствующаго русскому „вѣкъ"). Итакъ, спрашивалось: какова же максимальная продолжительность человѣческой жизни; на основаніи довольно недостаточной, повидимому, статистики ее опредѣлили въ 110 лѣтъ. Такимъ образомъ, „великій годъ" оказался равнымъ 440 годамъ; астрономы подтвердили этотъ результатъ указаніемъ на то, что какъ разъ въ этотъ періодъ времени всѣ планеты возвращаются къ своему первоначальному положенію. Все это было въ высшей степени утѣшительно. Вѣдь Сивилла была современницей троянской войны: ея жизнь, такимъ образомъ, совпадала съ началомъ XII вѣка до Р. Х.; къ эпохѣ, о которой мы говоримъ—эпохѣ александрійской учености, III-му и II-му вѣку до Р. Х.—назначенный ею 440-лѣтній срокъ давно уже истекъ. Стало быть, волноваться было нечего.

Такимъ-то образомъ легкомысленная, жизнерадостная Греція освободилась отъ кошмара, которымъ предсказаніе Сивиллы ей угрожало; не такъ легко отнесся къ этому дѣлу Римъ. Происходило это безъ сомнѣнія оттого, что Сивиллины книги были національной его святыней, а Троя, родина Сивиллы, считалась какъ бы пра-Римомъ. Непогрѣшимость приписываемыхъ вѣщей дѣвѣ оракуловъ была краеугольнымъ камнемъ религіозной жизни римскаго народа; нѣтъ, ужъ если кто-нибудь ошибся, то не она, а скорѣе ея хитроумные толкователи—александрійцы. Откуда взяли они, что подъ „великимъ годомъ" слѣдуетъ разумѣть четыре вѣка? Изъ Гесіода. Прекрасно. Но Гесіодъ самъ жилъ приблизительно четырьмя вѣками позже троянской войны и поэтому большаго числа вѣковъ знать не могъ; какъ же можно было на него ссылаться? А ужъ если „великій годъ" представлялъ изъ себя круглую сумму вѣковъ, то скорѣе всего десять... Мы не можемъ поручиться, что люди разсуждали именно такъ; но фактъ тотъ, что римскими жрецами-толкователями Сивиллиныхъ книгъ „великій годъ" былъ признанъ равнымъ десяти „вѣкамъ", т. е. 1100 лѣтамъ. А если такъ, то, принимая во вниманіе время жизни Сивиллы, слѣдовало ждать кончины міра въ теченіе перваго вѣка до Р. Х.

И дѣйствительно, съ этого времени пугало свѣтопреставленія повисло надъ Римомъ. Правда, предсказанія Сивиллы хранились въ тайнѣ; только коллегія 15 толкователей (квиндецимвировъ) имѣла доступъ къ нимъ, да и то только съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія сената. Но этотъ оракулъ слишкомъ близко затрогивалъ интересы всѣхъ, слишкомъ сильно дѣйствовалъ на воображеніе людей, видѣвшихъ тогда въ окружающемъ ихъ мірѣ гораздо болѣе загадокъ, чѣмъ видимъ ихъ мы теперь. Товарищамъ ли сенаторамъ, женѣ ли, вѣрному ли отпущеннику разболталъ свою тайну неосторожный жрецъ-квиндецимвиръ, мы не знаемъ; знаемъ только, что около середины перваго вѣка до Р. Х. сѣмя грозной идеи отдѣлилось отъ произведшаго его дерева и, гонимое вѣтромъ молвы, пошло летать по бѣлу-свѣту, въ поискахъ

удобной къ его воспріятію почвы. Успѣхъ былъ обезпеченъ заранѣе; почва была воспріимчива уже тогда и съ каждымъ годомъ становилась воспріимчивѣе, и наше сѣмя не преминуло выказать ту свою замѣчательную всхожесть, которая не оставила его и понынѣ.

Что же это была за почва?

III.

... Такъ-то съ теченіемъ дней, и великія стѣны вселенной
Рухнутъ, и тлѣющій прахъ ихъ развалинъ наполнитъ пространство.
Пища обмѣномъ веществъ обновляетъ живыя созданья,
Пища имъ силу даетъ, ихъ отъ гибели пища спасаетъ.
Тщетное рвенье! Живительный сокъ въ ослабѣвшія жилы
Ужъ не течетъ, ужъ его не вливаетъ скупая Природа.
Да, ея старость настала; Земля, утомившись родами,
Лишь мелкоту создаетъ—да, Земля, всего сущаго матерь,
Та, что животныхъ породъ родила исполинскія туши...
Какъ? иль ты думаешь, другъ, что съ поднебесья цѣпь золотая
Всѣхъ ихъ, одну за другой, потихоньку на землю спустила?
Иль что на берегъ скалистый морскія ихъ вынесли волны?
Нѣтъ: родила ихъ все та же Земля, что и нынѣ питаетъ,
Та, что и желтыя нивы, и сочныя винныя лозы
Собственной силой тогда создала намъ, смертнымъ, на пользу.
Ихъ и ростимъ мы и холимъ, и что же? Весь трудъ свой влагая
Даромъ изводимъ воловъ мы, крестьянскую силу изводимъ,
Даромъ нашъ плугъ разъѣдаетъ земля; ужъ не кормитъ насъ поле;
Меньше становится жито, растетъ лишь лихая работа.
Чаще ужъ пахарь-старикъ, головою сѣдою качая,
Стонетъ, что злая година весь трудъ его рукъ погубила;
Прошлые дни вспоминая, что нѣкогда было, и нынѣ
Что наступило,—онъ славитъ отцовъ благодатные годы.
Стонетъ предъ чахлой лозой виноградарь, и дни проклинаетъ
Жизни своей, и въ молитвѣ напрасной богамъ досаждаетъ:
„Да“, говоритъ, „въ старину благочестія болѣе было;
„Такъ-то на мелкихъ надѣлахъ привольнѣе жили крестьяне,
„Нежели нынѣ, когда и земли, и скота стало больше“.

Вотъ—почва.

Приведенные стихи принадлежатъ одному изъ самыхъ талантливыхъ поэтовъ республиканскаго Рима—Лукрецію; ими кончается вторая книга его замѣчательной поэмы „О природѣ“. Мы видимъ, италійская земля истощена; надѣлъ уже не въ состояніи прокормить сидящей на немъ семьи; набожный виноградарь видитъ въ повторяющихся недородахъ признаки гнѣва божія, вызваннаго упадкомъ благочестія среди людей—видно, голосъ Сивиллы до него еще не дошелъ. Въ лицѣ Лукреція наука идетъ его поучать; скажетъ-ли она ему слово утѣшенія, разсѣетъ нависшія тучи унынія, подниметъ упавшій духъ? Нѣтъ. При міросозерцаніи виноградаря исходъ еще возможенъ: если боги гнѣваются на насъ за наше нечестіе—что жъ, будемъ опять благочестивы, будемъ набожно обхо-

дить праздники, соблюдать посты, исправно умилостивлять Ларовъ оиміамомъ, полбою и кровью поросенка; вы увидите, всѣ дѣла пойдутъ лучше. Но наука безжалостно отрѣзала этотъ исходъ. „Бѣдный", говоритъ Лукрецій,

...того онъ не знаетъ, что все постепенно дряхлѣетъ,
Все совершаетъ свой путь,—путь къ мрачной и тихой могилѣ".

Научный детерминизмъ въ данномъ случаѣ сходился съ религіознымъ. Мы не можемъ сказать, зналъ ли Лукрецій о предсказаніяхъ Сивиллы, или нѣтъ; онъ былъ послѣдователемъ эпикурейской философіи, которая, хотя и признавала боговъ, но не допускала никакого вмѣшательства съ ихъ стороны въ человѣческія дѣла, а стало быть — и предсказаній. Но важно было то, что эпикурейское ученіе о предстоящемъ разложеніи мірозданія было подтверждено симптомами изъ земледѣльческой жизни тогдашней Италіи, и что оно въ своемъ результатѣ совершенно сходилось съ пророчествомъ Сивиллы; отнынѣ уже не стыдно будетъ поэтамъ, воспитаннымъ въ тѣхъ же философскихъ традиціяхъ, какъ и Лукрецій, но менѣе рѣзкимъ и прямолинейнымъ, чѣмъ онъ,—преклониться передъ авторитетомъ миоической троянской пророчицы и сдѣлать свою поэзію носительницей ея идей. Но это случилось много позже, и Риму было суждено испытать не мало ужасовъ, прежде чѣмъ дѣло до этого дошло.

И теперь, впрочемъ, — мы ведемъ свой разсказъ съ начала шестидесятыхъ годовъ,—признаки были довольно тревожные: италійская земля туго награждала за потраченный на нее трудъ; недороды сдѣлались періодическимъ явленіемъ. Они повели, какъ это бываетъ всегда, къ оскудѣнію деревни; обнищалые крестьяне стекались въ городъ Римъ. Тамъ они представляли изъ себя силу: не обладая даже ничѣмъ другимъ, римскій гражданинъ сохранялъ за собою одно сокровище, изъ-за котораго предъ нимъ должны были заискивать сильные того времени—свое право голоса. Только такой кандидатъ могъ разсчитывать на успѣхъ, который съумѣлъ заручиться поддержкой этого голоднаго и полунагаго крестьянина-пролетарія. И, дѣйствительно, онъ не замедлилъ постоять за себя: „помощь голодающимъ" явилась быстро и внушительно, въ видѣ такъ называемыхъ „хлѣбныхъ законовъ". Эти хлѣбные законы обязывали годичныхъ магистратовъ производить въ хлѣбородныхъ провинціяхъ—Сардиніи, Сициліи, Африкѣ—закупки на казенный счетъ хлѣба для продажи по дешевой цѣнѣ, а то и даровой раздачи обѣднѣвшимъ римскимъ гражданамъ. Но эти законы было легче издать, чѣмъ исполнить. Какъ свезти закупленный хлѣбъ въ Римъ, когда моря кишѣли пиратами, когда даже италійскія гавани и побережья страдали отъ ихъ нападеній? И на какія средства его закупать, когда самыя доходныя провинціи, весь благодатный Востокъ находился въ рукахъ самаго опаснаго врага Рима, царя Митридата? Такъ-то законы оставались законами, а хлѣбъ былъ дорогъ, и народъ голодалъ. Онъ безъ труда понялъ, что требованія чести римскаго знамени тожественны съ его собственными насущными интересами, и, поэтому, всей душой отдался

человѣку, котораго онъ счелъ способнымъ позаботиться и о тѣхъ, и о другихъ; а этимъ человѣкомъ былъ Помпей. Онъ обѣщалъ народу освободить его и отъ пиратовъ и отъ Митридата, если его облекутъ съ этой цѣлью сверхзаконными, исключительными полномочіями; онъ,—что было много труднѣе,—съумѣлъ заставить народъ повѣрить его обѣщаніямъ, увѣровать въ него и его счастье; онъ, наконецъ—что было труднѣе всего—исполнилъ данное народу слово, притомъ въ столь короткій срокъ, что и друзья его были удивлены, и враги ошеломлены. Обо всемъ этомъ говорится въ извѣстной рѣчи Цицерона „Объ избраніи Помпея полководцемъ". Многіе ее читали, но многіе ли догадывались о томъ, какъ она интересна, если ее разсматривать на фонѣ всей римской жизни тѣхъ временъ?

Слово было сдержано; хлѣбъ разомъ подешевѣлъ. Римъ свободнѣе вздохнулъ; можно было пока не думать о пророчествѣ Сивиллы. Одно было тревожно во всемъ этомъ дѣлѣ—само условіе оказанной Помпеемъ помощи, данныя ему сверхзаконныя, исключительныя полномочія. Благодаря имъ, въ близкой перспективѣ показался призракъ единовластья; а этотъ призракъ, подобно всему, что происходило и подготовлялось въ жуткую эпоху пятидесятыхъ годовъ, былъ на-руку Сивиллѣ.

IV.

Сивилла жила (или предполагалась жившей) въ тѣ времена, когда не было другой формы правленія, кромѣ царской; неудивительно, поэтому, что у нея царь, какъ представитель общины, встрѣчался нерѣдко. На первый взглядъ могло бы показаться, что это одно должно было повредить ей, какъ первой пророчицѣ судебъ республиканскаго Рима; на дѣлѣ же неудобства были гораздо меньше. Обычныя прорицанія Сивиллы касались умилостивленій, очищеній и т. д. и требовали, такимъ образомъ, отъ царя исполненія чисто религіозныхъ обрядовъ; а для такого рода дѣлъ у римлянъ во всѣ времена былъ свой „царь"—почтенный, но совершенно устраненный отъ политики rex sacrificulus. Имя было сохранено, сущность измѣнена; таковъ былъ благочестивый обманъ, совершенный римскимъ народомъ по отношенію къ своимъ богамъ—въ ожиданіи того времени, когда Августъ пустилъ въ ходъ ту же хитрость противъ самого римскаго народа.

Наличность этого номинальнаго „царя" позволяла римлянамъ въ обыкновенное время приводить въ исполненіе указанія Сивиллы безъ всякой опасности для республиканскаго строя государства; но ея предсказаніе о концѣ міра было таково, что это предохранительное средство оказалось недостаточнымъ. Свѣтопреставленію должны были предшествовать не одни только грозныя знаменія, ниспосланныя богами, но и тяжелыя, кровопролитныя войны; пророчица видѣла свой народъ въ борьбѣ съ разрушительнымъ натискомъ вражеской рати, видѣла, какъ онъ, то побѣждая, то отступая, отбивался отъ варваровъ,—и вездѣ царь побѣждалъ, царь отступалъ, царь собиралъ вокругъ себя своихъ

вѣрныхъ воиновъ, чтобы отсрочить до послѣдней возможности печальное рѣшеніе рока. Что было дѣлать съ этимъ предсказаніемъ? Было болѣе чѣмъ ясно, что оно было совершенно непримѣнимо къ невоинственному и безсильному царю-жрецу, поставленному предками, чтобы отвести глаза богамъ; нѣтъ, тотъ царь, о которомъ говорила Сивилла, былъ настоящимъ царемъ, вождемъ и властителемъ своего народа. Оставалось одно: скрывать отъ граждань антиреспубликанскій образъ мыслей Сивиллы. Его и скрывали; къ счастью, засѣданія коллегіи квиндецимвировъ были и безъ того закрытыми. Но правда, какъ это и естественно, то и дѣло просачивалась черезъ искусственную плотину тайны. Итакъ, кончинѣ міра должно предшествовать разрушеніе республиканскаго строя; Римъ подпадетъ сначала власти царя, а затѣмъ, подъ его предводительствомъ, пойдетъ навстрѣчу войнамъ и ужасамъ послѣднихъ дней; отнынѣ у людей той эпохи имѣется въ болѣе или менѣе близкой перспективѣ не одно только свѣтопреставленіе, но, какъ подготовленіе къ нему и своего рода „появленіе антихриста".

Кто же имъ будетъ?

Понятно, что этотъ вопросъ многихъ волновалъ; понятно также, что онъ долженъ былъ возбуждать очень противорѣчивыя чувства. Большинство римлянъ содрогалось при одномъ звукѣ имени rex, при чемъ наслѣдственная политическая антипатія въ нашу эпоху, вѣроятно, была приправлена и большей или меньшей примѣсью суевѣрнаго страха. Но не забудемъ, что эта эпоха была въ то же время и просвѣтительной эпохой въ римской исторіи; я уже сказалъ, что многіе изъ образованныхъ людей были склонны смѣяться втихомолку надъ всѣми вообще предсказаніями, не исключая и книги судебъ римскаго государства. Быть ли, или не быть свѣтопреставленію—это вопросъ, рѣшеніе котораго можно было предоставить будущему; а вотъ вопросъ о царской власти — это дѣло другое. Пускай народъ узнаетъ, что царь намѣченъ рокомъ; это скорѣе заставитъ его примириться съ фактомъ, когда онъ совершится. Можно быть очень просвѣщеннымъ человѣкомъ и все-таки, ради высшихъ соображеній, охотно играть на суевѣрной стрункѣ народной души; это проявленіе политической мудрости было извѣстно древнимъ римлянамъ такъ же хорошо, какъ и намъ.

Первымъ замечтался Помпей. Онъ былъ уже облеченъ сверхзаконными полномочіями; усмиренный Востокъ, повергнувъ свои сокровища къ его ногамъ, уже встрѣчалъ его какъ царя надъ царями; въ его рукахъ была очень внушительная военная сила, между тѣмъ какъ безоружный Римъ не имѣлъ другаго оплота, кромѣ чувства законности въ сердцахъ его граждань. Съ трепетомъ ждала Италія, чѣмъ кончится борьба въ душѣ ея самаго могущественнаго военачальника; но въ концѣ-концовъ исходъ борьбы оказался благополучнымъ. Помпей распустилъ свое войско и частнымъ человѣкомъ вернулся въ Римъ—вернулся для того, чтобы испытать одно разочарованіе, одно униженіе за другимъ. Ему не простили того, что призракъ царскаго вѣнца разъ пока-

зался надъ его головой, окружая ее яркимъ, хотя и непродолжительнымъ блескомъ.

Пришлось покорителю Востока искать союзниковъ для того, чтобы удержать хоть нѣкоторое значеніе въ государствѣ; и тутъ начинается то чудесное совпаденіе обстоятельствъ, которое, разрушая плоды просвѣтительной эпохи, открыло суевѣрію доступъ въ умы даже такихъ людей, которыхъ школа Эпикура должна была, кажется, предохранить отъ всякаго страха передъ таинственными силами и сверхъестественными явленіями. Дѣло въ томъ, что тотъ союзникъ, къ которому поневолѣ долженъ былъ обратиться Помпей, былъ не только самымъ способнымъ политикомъ и полководцемъ тогдашняго Рима,—онъ и по своему происхожденію имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы обратить въ свою пользу предсказаніе Сивиллы о римскомъ царѣ. Юлій Цезарь велъ свой родъ отъ древнихъ троянскихъ царей, потомковъ Ила, основателя Иліона; эта генеалогія, будучи много древнѣе самого Цезаря, возбуждала въ тѣ времена такъ же мало сомнѣній, какъ и этимологія, на которую она отчасти опиралась: Ilus—Iulus—Iulius; отъ Ила происходилъ Эней, отецъ Асканія—Іула, отъ Іула—Юліи Цезари. Мы видѣли, что вѣра въ троянское происхожденіе Рима была естественнымъ послѣдствіемъ переселенія первоначально троянской Сивиллы въ Римъ; но въ такомъ случаѣ было ясно, что благословеніе Сивиллы могло быть дано только Энею, перешедшему изъ Трои въ Италію и перенесшему туда троянскихъ боговъ; а если такъ, то оно по наслѣдству перешло къ его потомкамъ, къ Юліямъ. Если, по слову Сивиллы, Римъ долженъ былъ имѣть царя, то кто былъ къ этому сану болѣе приспособленъ, чѣмъ мужъ изъ крови Іула, потомокъ Ромула, основателя царственнаго города, столицы міра?

Но Цезарь предоставилъ народной молвѣ совершать свою тихую и вѣрную работу, а самъ сталъ заботиться о томъ, чтобы въ рѣшительный моментъ въ его рукахъ была достаточная фактическая сила. Съ этой цѣлью онъ отправился воевать въ Галлію; но война затягивалась, срокъ управленія этой провинціей близился къ концу, надо было добиться продолженія власти, а съ этой цѣлью—расположить въ свою пользу какъ можно болѣе вліятельныхъ лицъ. И вотъ онъ для переговоровъ приглашаетъ въ Луку всѣхъ своихъ приверженцевъ; ихъ оказалось столько, что друзья республики ужаснулись. Ихъ голосъ слышится въ предостереженіи, которое вѣщатели въ эту самую минуту сочли полезнымъ дать растерявшейся римской знати по поводу одного изъ многочисленныхъ знаменій, кѣмъ-то гдѣ-то усмотрѣннаго. „Есть опасность", говорили они, „что благодаря раздорамъ среди знати руководители государства поплатятся жизнью, что вслѣдствіе этого экономическія и военныя силы государства достанутся во власть одного человѣка, а затѣмъ послѣдуетъ... deminutio". Это послѣднее слово не однихъ насъ озадачиваетъ; древніе часто пользовались скромными, мягкими словами для обозначенія страшнаго предмета. Въ данномъ случаѣ вѣщатели избрали слово, означавшее „убыль, утрата, уменьшеніе", но разумѣли, повидимому—„конецъ".

Въ первый разъ предметъ всеобщей боязни получилъ такое ясное, можно сказать, оффиціальное наименованіе. Цицеронъ, которому осложненія общественныхъ дѣлъ не давали высказывать свое мнѣніе вполнѣ открыто, ухватился, однако, за эту часть предсказанія вѣщателей, призывая сенатскую партію къ единенію и согласію. „Пусть эта взаимная вражда“, — говоритъ онъ въ своей рѣчи „Объ отвѣтѣ вѣщателей“—исчезнетъ изъ нашего государства; тогда исчезнутъ и всѣ эти страхи, которыми насъ пугаютъ. *Тогда этотъ змѣй, который то скрывается здѣсь, то, взвившись, бросается туда, расшибленный и раздавленный погибнетъ*“... Что это за змѣй?—Увидимъ.

Напрасны были и предостереженія вѣщателей, и краснорѣчивые призывы оратора: событія шли своимъ путемъ, медленно, но неумолимо. Черезъ нѣсколько лѣтъ вся Галлія была у ногъ Цезаря, а съ нею ему досталась и громадная денежная и военная сила; вскорѣ затѣмъ его легіоны перешли черезъ Рубиконъ, и поля Ѳессаліи, Африки, Испаніи покрылись костьми защитниковъ римской республики. Цезарь былъ консуломъ, былъ диктаторомъ; онъ фактически имѣлъ въ своихъ рукахъ всю силу царской власти; недоставало только ея имени и внѣшнихъ признаковъ.

Съ давнихъ поръ стремился онъ и къ нимъ. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ развивалъ онъ народу, по поводу смерти одной родственницы, происхожденіе своего рода отъ древнихъ троянскихъ царей; основываясь на немъ, онъ ходилъ подъ-часъ, изъ уваженія къ старинѣ, въ красныхъ башмакахъ, каковая обувь считалась царской. Послѣ его побѣды надъ врагами его статуя была поставлена на Капитоліи рядомъ со статуями царей. Такъ-то онъ мало-по-малу пріучалъ своихъ согражданъ къ той роли, которую онъ разсчитывалъ играть среди нихъ; но народъ туго поддавался этой наукѣ, и когда консулъ Антоній въ 44 г. въ праздникъ Луперкалій, осмѣлился, якобы отъ имени народа, предложить Цезарю царскій вѣнецъ, народъ встрѣтилъ это предложеніе ропотомъ и стонами, и лишь торжественный отказъ чествуемаго вернулъ ему его прежнее благодушное настроеніе. Тогда рѣшились испытать крайнее средство: уговорили квиндецимвировъ обнародовать предсказаніе Сивиллы—конечно, въ возможно благонамѣренной формѣ, безъ всякаго намека на предстоящую послѣ избранія царя deminutio. «*Римъ нуждается въ царѣ для того, чтобы восторжествовать надъ своимъ главнымъ, вѣковымъ врагомъ—пареянами*»—вотъ форма, въ которой слово Сивиллы могло быть пущено въ оборотъ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Да, надъ пареянами. Римъ заблуждался относительно враговъ, отъ которыхъ ему грозила опасность; не придавая важности сильнымъ и смѣлымъ племенамъ германцевъ, вѣчно враждовавшимъ между собою и призывавшимъ римскую власть другъ противъ друга,—онъ съ тревогой обращалъ свои взоры на Востокъ, преувеличивая въ своемъ воображеніи могущество и выносливость сосѣдняго пареійскаго государства. Дѣйствительно, смѣлые наѣздники-стрѣлки пареійскаго царя нанесли римской державѣ десять лѣтъ назадъ чувствительное пораженіе и все еще не были за это

наказаны: смерть полководца Красса оставалась неотомщенной, взятые въ плѣнъ легіонеры, поженившись на пароянкахъ, воздѣлывали чужія поля на далекомъ Евфратѣ, римскіе орлы украшали дворецъ пароійскаго царя. Мысль объ этомъ глубоко оскорбляла національную гордость Рима; но къ чувству негодованія примѣшивался и извѣстнаго рода суевѣрный страхъ. Если Риму суждено было погибнуть, какъ это говорила Сивилла, то, очевидно, пароянамъ въ этомъ дѣлѣ была предоставлена не послѣдняя роль; очевидно, они-то и представляли изъ себя ту дикую, варварскую силу, которой предстояло восторжествовать надъ обреченной на смерть тысячелѣтней культурой. Да, Римъ погибнетъ, распадутся храмы Капитолія и форума, обрушатся дворцы Палатина и Каринъ, и дикій наѣздникъ-пароянинъ промчится по опустошенной площади царственнаго города, попирая священный прахъ Ромула звенящими копытами своего коня. Вотъ картина, мерещившаяся отнынѣ римлянамъ, когда они, вспоминая о вѣщемъ словѣ Сивиллы, старались облечь въ болѣе опредѣленныя формы образъ предстоящаго въ близкомъ будущемъ разрушенія.

При этихъ условіяхъ планъ Цезаря былъ задуманъ недурно; пожалуй, римскій народъ не отказалъ бы въ царскомъ вѣнцѣ тому, кто освободилъ бы его отъ этого кошмара. И тутъ предполагалось соблюсти мудрую послѣдовательность: сначала властитель Рима хотѣлъ выступить царемъ только въ провинціяхъ, чтобы такимъ образомъ возвысить обаяніе свое и своего государства въ глазахъ враговъ; а затѣмъ, когда царскій вѣнецъ перестанетъ рѣзать глаза римскому солдату, можно было надѣяться, что этотъ солдатъ и въ гражданской тогѣ откажется отъ чрезмѣрной чувствительности — тѣмъ болѣе, если первый римскій царь принесетъ своему городу въ даръ тріумфъ надъ побѣжденнымъ и покореннымъ Востокомъ.

Вотъ какія мысли волновали диктатора и подвластный ему народъ въ весенніе мѣсяцы 44 года; будучи усердно распускаемы, эти мысли возымѣли довольно важное дѣйствіе, подготовляя метаморфозу, имѣвшую совершиться лишь 10 — 20 лѣтъ спустя. Роль „царя“ въ предстоящихъ событіяхъ раздвоилась: онъ былъ съ одной стороны предвѣстникомъ ожидаемой катастрофы, антихристомъ языческаго свѣтопреставленія, но, съ другой стороны, освободителемъ своего народа, побѣдителемъ надъ лютымъ врагомъ. Кто знаетъ, быть можетъ ему удастся, съ благословенія боговъ, вывести свой народъ невредимымъ изъ бѣдствія, подобно тому, какъ его родоначальникъ Эней вывелъ довѣрившихся ему людей и боговъ невредимыми изъ пламени горящей Трои?...

Мартовскія иды положили конецъ всѣмъ этимъ мечтаніямъ; призракъ царскаго вѣнца оказался и этотъ разъ роковымъ для человѣка, чью голову онъ осѣнялъ. Цезарь палъ подъ ударами убійцъ; не стало царя изъ рода Іула, но не стало и намѣченнаго рокомъ освободителя римскаго народа.

V.

Событія, наступившія непосредственно послѣ убійства Цезаря, были таковы, что только очень крѣпкіе духомъ люди могли побороть въ себѣ увѣренность въ близости предстоящей гибели міра.

„Въ теченіе всего года", говоритъ Плутархъ, „послѣдовавшаго за убійствомъ Цезаря, солнце было блѣдно и безъ лучей; тепло, отъ него исходящее, было безсильно и незначительно, въ воздухѣ чувствовалась какая-то мгла и тяжесть вслѣдствіе недостатка очищающаго теплорода; хлѣбъ, отцвѣтши, преждевременно вялъ и гибъ отъ холода окружающей среды". Въ древнихъ разсказахъ о гигантомахіяхъ упоминалось и о томъ, что солнце должно потухнуть и исчезнуть въ пасти роковаго змѣя, имѣющаго поглотить вселенную: народъ это помнилъ и съ тревогой смотрѣлъ на небесный сводъ въ ожиданіи новыхъ страшныхъ знаменій.

Его ожиданія не были обмануты. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда наслѣдники убитаго диктатора давали народу завѣщанныя имъ игры въ честь его божественной родоначальницы Венеры съ наступленіемъ вечера на восточномъ небосклонѣ показалась непривычная „звѣзда-мечъ": Тотчасъ по рядамъ зрителей прошелъ крикъ: „комета!" тотчасъ появились вѣщатели, напомнившіе народу о страшномъ значеніи этого знаменія. „Дважды", говорили они, „видѣлъ его Римъ: въ первый разъ междоусобная война Марія и Суллы, во второй разъ — Помпея и Цезаря послѣдовала за его появленіемъ. Оба раза должны мы были искупить его потоками римской крови". Теперь комета появилась въ третій разъ, а число три имѣетъ роковое значеніе въ ударахъ судьбы.—Къ счастью, наслѣдникъ имени и славы убитаго, молодой Цезарь Октавіанъ, не растерялся: обращая въ свою пользу общераспространенныя вѣрованія, касавшіяся божественности небесныхъ свѣтилъ и такъ называемыхъ катастеризмовъ (т. е. перехода въ звѣзды душъ обоготворяемыхъ людей), онъ объявилъ новоявленную звѣзду душою самого Цезаря, который такимъ образомъ оказывался принятымъ въ сонмъ небожителей. Это заявленіе нѣсколько успокоило народъ, и онъ могъ съ большимъ спокойствіемъ смотрѣть на загадочное свѣтило, продолжавшее сіять еще въ теченіе шести дней; но разгорѣвшаяся вскорѣ затѣмъ третья междоусобная война подтвердила правильность первоначальнаго толкованія смысла „звѣзды-меча".

Еще тревожнѣе было приключившееся въ томъ же году опустошительное наводненіе Тибра. Сильными западными вѣтрами воды славной римской рѣки были задержаны у ея устья, лежавшаго всего на 15 футовъ ниже ея уровня въ Римѣ; поднявшись, она пошла затоплять низменную часть своего лѣваго берега, которая была въ то же время самой оживленной и населенной частью Рима. Сначала она покрыла своими волнами овощный и мясной рынки, лежавшіе на самомъ берегу; затѣмъ, вливаясь черезъ густо застроенную „Тусскую улицу", что между Капитолійскимъ и Палатинскимъ холмами, она наводнила форумъ, подмывая

его храмы и базилики и остановилась не раньше, чѣмъ разрушила самый очагъ Рима, храмъ Весты. Если даже общественныя зданія не устояли противъ напора воды, то легко можно себѣ представить, что случилось съ многоэтажными ветхими домами Тусской, Новой и другихъ улицъ, по которымъ себѣ прокладывала путь разъяренная стихія; несмѣтная толпа народа осталась безъ крова; она могла на досугѣ, смотря съ римскихъ холмовъ на водное пространство у ихъ подножія, разсуждать о причинахъ и смыслѣ разразившагося бѣдствія. Установить его связь съ убійствомъ диктатора было нетрудно; сама миѳологія, преподносившаяся народу съ подмостковъ сцены, давала всѣ требуемыя разъясненія. Всѣ знали, что весталка Илія, она же и Рея Сильвія, мать Ромула и Рема, была въ то же время и родоначальницей Юліевъ Цезарей; что, будучи впослѣдствіи брошена въ Тибръ, она стала супругой бога рѣки и съ тѣхъ поръ живетъ безсмертной русалкой въ его чертогахъ. Мудрено ли, что она воспылала гнѣвомъ при убійствѣ своего славнаго потомка? что Тибръ, ея преданный супругъ, уступая ея настойчивымъ просьбамъ, вызвался быть мстителемъ за убитаго?.. Не скоро забылъ римскій народъ это наводненіе, которое мы—и по его причинамъ, и по силѣ, и по произведенной имъ паникѣ—можемъ смѣло сравнить съ тѣмъ, жертвою котораго сдѣлалась наша столица въ ноябрѣ 1824 года; много лѣтъ спустя о немъ вспоминаетъ Горацій, говоря:

Мы видѣли, какъ Тибръ, оборотя теченье
Съ этрусскихъ береговъ, желтѣющей волной
На памятникъ царя направилъ разрушенье,
    На Весты храмъ святой.
Стенаньемъ Иліи на мщенье ополченный
Онъ лѣвымъ берегомъ, волнуяся, потекъ,
Потекъ наперекоръ властителю вселенной,
    Услужливый потокъ *).

Эти слова стоятъ у него въ очень интересной для насъ одѣ, имѣющей своимъ предметомъ именно ожидавшійся въ тѣ годы конецъ вселенной; наводненіе Тибра упоминается на-ряду съ другими знаменіями, заставлявшими опасаться втораго всемірнаго потопа, повторенія того, который много вѣковъ назадъ истребилъ и обновилъ людской родъ при Девкаліонѣ и Пиррѣ:

Довольно ужъ отецъ и градомъ и снѣгами
Всю землю покрывалъ, ничѣмъ не умолимъ;
Ужъ подъ его рукой, краснѣющей громами,
    Трепещетъ древній Римъ;
Трепещетъ и народъ, чтобъ Пиррину годину,
Исполненную чудъ, опять не встрѣтилъ взоръ,
Тотъ вѣкъ, когда Протей погналъ свою скотину
    Смотрѣть вершины горъ.

---

*) Оды I, 2. Выдержки изъ Горація приводятся въ (мѣстами исправленномъ) переводѣ Фета; выдержки изъ остальныхъ поэтовъ—въ моемъ.

И рыба втерлась тамъ въ вязовыя вершины,
Гдѣ горлицѣ лѣсной была знакома сѣнь,
И плавалъ посреди нахлынувшей пучины
Испуганный олень.

Темный народъ допускалъ возможность этого потопа, основываясь на ниспосланныхъ ему тревожныхъ знаменіяхъ; люди образованные обращались за совѣтомъ къ наукѣ. Отвѣтъ науки намъ сохраненъ въ очень любопытномъ мѣстѣ „изслѣдованій о природѣ“ Сенеки (III, 27). „Зададимъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ, когда наступитъ намѣченный рокомъ день всемірнаго потопа, большая часть земли будетъ погребена подъ волнами: дѣйствующими ли въ океанѣ силами отдаленнѣйшія моря будутъ подняты на насъ, или пойдутъ непрерывные дожди и упорная зима, раздавивъ лѣто, выльетъ безконечное множество воды изъ разорванныхъ тучъ, или земля, открывая все новые источники, обнаружитъ все большее и большее число рѣкъ, или, наконецъ, будетъ не одна только причина зла, а всѣ пути къ нему одновременно поведутъ: вмѣстѣ и дожди пойдутъ, и рѣки станутъ рости, и моря, оставивъ свои мѣста, надвинутся на сушу, и всѣ силы соединятся для уничтоженія рода человѣческаго.—Справедливо послѣднее мнѣніе; нѣтъ ничего труднаго для природы—особенно если она работаетъ для собственной гибели; въ началѣ жизни она бережетъ свои силы и проявляетъ себя въ медленномъ, ускользающемъ отъ взора прогрессѣ; но дѣло разрушенія творитъ быстро, напоромъ всей своей мощи... Прежде всего будутъ лить непрекращающіеся дожди; безпросвѣтныя тучи покроютъ небо унылой пеленой, надъ землей будетъ стоять вѣчный туманъ и какая-то густая влажная мгла вслѣдствіе отсутствія осушающихъ вѣтровъ. Отсюда болѣзни посѣвамъ; хлѣбъ, выколосившись, до налива сгніетъ на корню, а послѣ гибели того, что посѣяла рука человѣческая, болотныя травы заполонятъ всѣ поля. Вскорѣ затѣмъ и болѣе крѣпкія растенія уступаютъ злу: ложатся дерева, корни которыхъ размыло водой, не держатся ни лозы, ни кусты на топкой и размякшей почвѣ. И вотъ ужъ не стало ни хлѣба, ни травъ; наступаетъ голодъ, люди ищутъ своей первобытной пищи. Напрасно! падаютъ и дубы и всѣ другія деревья; до тѣхъ поръ ихъ на высокихъ мѣстахъ сдерживали скалы, въ разсѣлинахъ которыхъ они росли — теперь же и онѣ уже размыты. Да и крыши, насквозь промокшія, сползаютъ со стропилъ, фундаменты, до дна пропитанные водой, осѣдаютъ, вся почва превращается въ болото. Тщетно стараются подпереть шатающіяся зданія: вѣдь и подпорки приходится прикрѣплять къ скользкимъ мѣстамъ, такъ какъ прочныхъ не осталось въ той грязи, изъ которой состоитъ почва. А тучи все гуще и гуще сплочиваются надъ землей, таетъ снѣгъ ледниковъ, наросшій въ теченіе столѣтій—и вотъ бурный потокъ, стекая съ высокихъ горъ, уноситъ и безъ того слабо державшіеся лѣса, скатываетъ расшатанныя въ своихъ основаніяхъ скалы, срываетъ хижины, а съ нимъ и ихъ хозяевъ, сплавляетъ стада; онъ уже разрушилъ меньшія строенія и унесъ то, что было на его пути, и теперь, съ удесятеренной силой, устремляется на болѣе значитель-

ныя преграды. Онъ опустошаетъ города, топитъ заключенныхъ въ свои стѣны жителей, не знающихъ, на что имъ жаловаться, на потопъ ли, или на разрушеніе—столь одновременны были оба бѣдствія и то, которое ихъ топитъ, и то, которое ихъ давитъ. А затѣмъ, принявъ въ себя еще нѣсколько другихъ потоковъ, онъ уже на далекое пространство заливаетъ равнину. Въ то же время и рѣки, по природѣ своей широкія, задержанныя ливнями, выступаютъ изъ своихъ береговъ... А дожди, между тѣмъ льютъ и льютъ, небо все гуще заволакиваетъ; прежде оно было облачно, теперь его покрыла сплошная ночь, ночь тревожная и страшная, прерываемая зловѣщими огнями: часто сверкаютъ молніи, бури бичуютъ море, теперь впервые увеличенное отъ прилива рѣкъ и не находящее себѣ мѣста. Оно надвигается на берега; потоки пробуютъ воспрепятствовать его выступленію и погнать обратно его приливъ, но въ большинствѣ случаевъ уступаютъ ему, точно задержанные неудобствомъ устья, и превращаютъ поля въ одно сплошное озеро. И вотъ уже все пространство залито водой, всѣ холмы погребены подъ волнами; всюду неизмѣримая глубина, лишь самые высокіе хребты горъ представляютъ возможность брода. Туда-то и бѣжали несчастные, взявъ съ собой женъ и дѣтей и стада; нѣтъ у нихъ средствъ сноситься между собой, такъ какъ вода наполнила всю низменность; лишь къ вершинамъ жмутся остатки рода человѣческаго, облегченнаго въ своемъ крайнемъ положеніи лишь тѣмъ, что его страхъ уже перешелъ въ какое-то тупое безчувствіе".

Вотъ отзвуки наводненія, которое испыталъ Римъ въ 44 году, непосредственно послѣ смерти Цезаря. Оно, къ слову сказать, не ограничилось Римомъ: если Горацій, римлянинъ по воспитанію и связямъ, вспоминаетъ преимущественно о немъ, то транспаданецъ Вергилій сообщаетъ то же самое о своей родной рѣкѣ По. Его описаніе тоже интересно: положимъ, въ немъ много баснословнаго, но для занимающаго насъ вопроса и легенда имѣетъ свое значеніе. Богъ солнца, говоритъ этотъ поэтъ въ своей поэмѣ „О земледѣліи", тоже бываетъ предвѣстникомъ грядущихъ бѣдъ:

Часто онъ намъ предвѣщаетъ глухія волненья въ народѣ,
Скрытыхъ злодѣевъ обманъ и зародыши войнъ многокровныхъ.
Въ годъ, когда Цезарь погибъ, онъ изъ жалости къ падшему Риму
Мглой непросвѣтной покрылъ свой божественный ликъ лучезарный;
И ужаснулось людей нечестивое племя, и вопли
Всюду средь нихъ раздалися: „То вѣчная ночь наступаетъ!"

Поэма „О земледѣліи" была сочинена Вергиліемъ много спустя, когда страхъ уже прошелъ; вотъ почему онъ даетъ другое, болѣе безобидное толкованіе грозному знаменію, о которомъ, какъ мы видѣли выше, свидѣтельствуетъ и Плутархъ. „Солнце скорбитъ о смерти Цезаря"—это и есть то позднѣйшее, благочестивое толкованіе; но непосредственное, народное толкованіе было другое:— „то вѣчная ночь наступаетъ!".

Впрочемъ, въ тотъ сумрачный годъ и земля, и морская пучина
Знаменья злыя давали, и псы-духовидцы и птицы.
Часто, Циклоповъ разрушивъ очагъ, сотрясенная Этна

Жидкаго рѣки огня и расплавленныхъ камней потоки
Съ гуломъ глухимъ извергала; Германія бранному крику
Съ неба ночнаго внимала и шуму доспѣховъ желѣзныхъ;
Землетрясеніе въ Альпахъ народъ напугало; повсюду
Голосъ послышался грозный изъ чащи лѣсовъ молчаливыхъ;
Блѣдныя тѣни блуждали во мракѣ ночномъ, и—о ужасъ!—
Голосомъ съ нами людскимъ безсловесная тварь говорила.
Мало того: разверзалась земля; прекращали теченье
Рѣки; въ святыняхъ кумиры боговъ обливались слезами;
Рѣкъ властелинъ Эриданъ, охвативъ разъяренной пучиной
Горныя рощи, понесъ на поля ихъ, срывая попутно
Стойла и скотъ хороня. И зловѣщія жилы являлись
Въ чревѣ закланныхъ овецъ, и колодцевъ студеныя воды
Кровь обагряла, и жалобный голосъ волковъ кровожадныхъ
Всѣ города оглашалъ въ безпокойное время ночное.

Быстро и вѣрно исполнялась программа предсказанной Сивиллой катастрофы. За небесными страхами—наводненія; за наводненіями—голодъ. Хлѣбъ не уродился; подъ вліяніемъ упорнаго ненастья колосья сгнили на корню. Надежды на подвозъ изъ хлѣбородныхъ провинцій не было и быть не могло; въ началѣ было не до того, а впослѣдствіи стало поздно: моря были во власти Секста Помпея, сына бывшаго тріумвира, который, собравъ флотъ и вооруживъ сицилійскихъ рабовъ, воскресилъ память корсарскихъ и невольническихъ войнъ минувшаго поколѣнія. Кое-какъ провели лѣто 44 г. и слѣдующую зиму, а затѣмъ положеніе стало ухудшаться съ каждымъ мѣсяцемъ. Народъ голодалъ и въ деревняхъ, и въ городахъ, и въ Римѣ; но только въ Римѣ онъ могъ оказывать давленіе на правителей и требовать улучшенія своей участи. Онъ и стекался въ Римъ все въ большемъ и большемъ числѣ, ютясь, гдѣ попало, питаясь, чѣмъ кто могъ; политическіе лозунги были забыты, всѣ партійныя требованія слились въ одномъ протяжномъ, зловѣщемъ крикѣ, который отнынѣ преслѣдовалъ правителей на каждомъ ихъ шагу—въ крикѣ: „хлѣба!“ Но хлѣбъ взять было негдѣ; тѣмъ временемъ голодъ и скученность довершали свое дѣло; наконецъ, подъ возрастающимъ вліяніемъ этихъ двухъ бѣдствій, появилось третье, самое страшное изо всѣхъ—чума.

Наводненія—голодъ,—чума... теперь дѣло было за послѣднимъ изъ великихъ враговъ и истребителей рода человѣческаго, войной. Но и война была недалеко, и притомъ самая разрушительная изо всѣхъ возможныхъ войнъ,—война междоусобная. Царскій вѣнецъ убитаго диктатора былъ разорванъ на мелкія части; тотъ, кто хотѣлъ имъ владѣть, долженъ былъ его собрать по лоскутамъ, а каждый лоскутъ долженъ былъ стоить жизни своему владѣльцу. Началась война въ Италіи—началась сравнительно тихо и скромно и съ надеждой на быстрое окончаніе; но ея результатомъ былъ, вмѣсто ожидавшагося объединенія, грозный и кровавый тріумвиратъ. Наступило время жестокихъ проскрипцій; рознь между тріумвирами и „освободителями“ была непримирима, при Филиппахъ пали послѣдніе бойцы за римскую республику. Но и эта жертва не дала желаннаго успокоенія; уже въ ближайшіе послѣ гибели

Брута мѣсяцы обнаружился въ самой Италіи разладъ между членами тріумвирата, зародышъ долгихъ смутъ и войнъ; а въ то же время Секстъ Помпей, „сынъ Нептуна", какъ онъ себя называлъ, одновременно пускалъ въ ходъ и обаяніе своего дѣйствительнаго, и силы своего названнаго отца, чтобы морить народъ голодомъ и этимъ подрывать власть своихъ враговъ-тріумвировъ.

Теперь всѣ бичи, когда-либо терзавшіе людей, одновременно дѣйствовали; не могло быть сомнѣнія, что именно теперь должна была наступить предсказанная Сивиллой година гнѣва, теперь— или никогда.

VI.

Мы желали бы знать, въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, нѣсколько подробнѣе сущность предсказанія Сивиллы. Къ сожалѣнію, наши источники въ отношеніи этого пункта очень немногословны; все же, путемъ комбинаціи разрозненныхъ данныхъ, можно составить себѣ представленіе о немъ, быть можетъ, не во всѣхъ его частяхъ одинаково неоспоримое, но въ его совокупности достаточно близкое къ истинѣ.

Сивилла предсказала обновленіе міра послѣ истеченія „великаго года". Мы видѣли уже, что этотъ великій годъ иными опредѣлялся въ четыре, другими въ десять „вѣковъ", въ 110 лѣтъ каждый. Для нашего свѣтопреставленія только послѣднее опредѣленіе имѣло смыслъ, но и первое не было вполнѣ отброшено; какъ ни какъ, а оно должно было быть довольно знаменательнымъ моментомъ. Если допустить—что было наиболѣе естественнымъ—что пророчество Сивиллы-Кассандры было дано въ началѣ троянской войны, т. е. въ 1193 г., то конецъ четвертаго вѣка приходился въ 753 г.; приблизительно въ это время, какъ это доказывали другія хронологическія соображенія—должно было прійтись основаніе Рима. И дѣйствительно, мы имѣемъ поводъ предполагать, что закрѣпленіе основанія Рима за 753 г.—т. наз. Варронова эра—состоялось именно подъ вліяніемъ указаннаго уравненія 1193—440=753. Правда, согласно тому же счету, конецъ десятаго вѣка долженъ былъ совпасть съ 93 г.—а между тѣмъ этотъ годъ давно уже прошелъ; и, разумѣется, имѣй мы дѣло съ научной теоріей—это возраженіе было бы убійственнымъ. Но, во-первыхъ, въ дѣлѣ суевѣрія человѣческій умъ удивительно растяжимъ; вспомнимъ, сколько разъ наши раскольники въ 17 вѣкѣ, на основаніи каждый разъ „исправленныхъ" разсчетовъ, отодвигали срокъ ожидаемаго ими свѣтопреставленія. Во-вторыхъ, теорія, о которой мы говоримъ, не претендуетъ не только на научность, но даже и на единство: иные примѣняли ее такъ, другіе иначе, народъ же прислушивался одинаково ко всѣмъ, не замѣчая допускаемаго имъ при этомъ противорѣчія. Въ-третьихъ, Сивилла вѣдь не сказала, что гибель міра состоится въ одинъ день—достаточно, если она началась съ 93 г.

Второй вопросъ имѣлъ своимъ предметомъ тотъ первородный грѣхъ, которымъ человѣчество навлекло на себя эту страшную кару. Въ легендѣ о четырехъ поколѣніяхъ, легендѣ умной и глу-

бокомысленной, этотъ грѣхъ, изгнавшій дѣву-Правду изъ нашей юдоли въ заоблачныя пространства, поименованъ не былъ; понятно, однако, что народная фантазія этимъ не удовольствовалась. Стали размышлять; въ греческой миѳологіи Сизифъ рано прослылъ за перваго великаго грѣшника; но для Рима этотъ миѳологическій персонажъ никакого интереса не представлялъ. На римской почвѣ рѣшеніе вопроса зависѣло оттого, признавать ли четырехвѣковой великій годъ и, слѣдовательно, такъ сказать, малое искупленіе въ годъ основанія Рима,—или нѣтъ. Если нѣтъ, то римская исторія была прямымъ продолженіемъ троянской; тяготѣвшее надъ Римомъ проклятіе было то же самое, отъ котораго нѣкогда погибла Троя; а въ такомъ случаѣ дѣло было совершенно ясно... Прошу тутъ читателя отнестись снисходительно къ странной легендѣ, которую я имѣю сообщить, и помнить, что дѣло идетъ о первородномъ грѣхѣ. Троянскія стѣны были воздвигнуты при Лаомедонтѣ, отцѣ Пріама; по его просьбѣ, двое боговъ, Нептунъ и Аполлонъ, взялись—за плату—ихъ соорудить и обезпечить, такимъ образомъ, вѣчность зачищенному ими городу. Но Лаомедонтъ, воспользовавшись услугами боговъ, не пожелалъ выдать имъ впослѣдствіи условленной платы. Вотъ это „клятвопреступленіе Лаомедонта" и сдѣлалось источникомъ проклятья; оно навлекло гибель на Трою, а послѣ ея разрушенія перешло на тотъ городъ, который былъ ея продолженіемъ—на Римъ... Но возможно ли допустить, чтобы въ образованную эпоху Вергилія и Горація люди серьезно смущались этимъ миѳическимъ преступленіемъ, самая грубость котораго должна была казаться несовмѣстимой съ идеальными обликами тогдашнихъ боговъ? Въ той области, о которой идетъ рѣчь, всѣ противорѣчія уживаются; тотъ самый сенаторъ, который ставилъ въ своей божницѣ прекрасную статую работы Праксителя, въ государственномъ храмѣ воскурялъ ѳиміамъ передъ безобразнымъ чурбаномъ, наслѣдіемъ грубой старины. Не кто иной, а самъ Вергилій кончаетъ первую книгу своей поэмы „О земледѣліи" слѣдующей молитвой, прося боговъ объ ихъ покровительствѣ новому искупителю Рима—императору Августу.

Боги родные, ты, Ромулъ-отецъ, ты, древняя матерь
Веста, что Тибръ нашъ блюдешь и священный хребетъ Палатина,
Гибнущій вѣкъ нашъ спасти вы хоть этому юношѣ дайте!
Сжальтесь! Довольно въ бояхъ непрестанныхъ мы пролили крови,
Лаомедонтовой Трои преступный обѣтъ искупая!
(Laomedonteae luimus perjuria Trojae).

Согласно другой теоріи, признающей четырехвѣковой „великій годъ", троянскій грѣхъ не былъ перенесенъ на почву Рима; годъ основанія города былъ въ то же время и годомъ обновленія имѣющаго признать его власть человѣчества. Эту теорію впослѣдствіи развилъ Горацій въ красивой фикціи, которую мы даемъ ниже въ переводѣ Фета,—переводѣ, къ сожалѣнію, не вездѣ достаточно правильномъ (оды III, 3).

Рѣчью пріятною Гера промолвила
Сонму боговъ: „Иліонъ, Иліонъ святой
„Въ прахъ обращенъ отъ судьи беззаконнаго,
„Гибель навлекшаго, и отъ жены чужой.
„Троя съ тѣхъ поръ, какъ въ уплатѣ условленной
„Лаомедонтъ отказалъ небожителямъ,
„Проклята мной и Минервою чистою
„Съ племенемъ всѣмъ и лукавымъ правителемъ...
„Нашей враждою война продолженная
„Отбушевала. И нынѣ смиреннаго
„Марса прошу и душѣ ненавистнаго
„Внука, троянскою жрицей рожденнаго—

т. е. Ромула, сына весталки Реи Сильвіи. Итакъ, Римъ былъ чистъ въ день своего основанія—въ тотъ знаменательный день, когда оба брата, питомцы волчицы, совершили первыя „ауспиціи“ на мѣстѣ, гдѣ позднѣе выросъ Римъ,—славное на всѣ времена augurium augustum. А если такъ, то это значитъ, что первородный грѣхъ былъ сотворенъ тамъ же, на римской почвѣ. Относительно дальнѣйшаго не могло быть сомнѣнія: древнее преданіе шло на встрѣчу встревоженной фантазіи людей. Когда Ромулъ, гордый благословеніемъ боговъ, сталъ сооружать стѣну новаго города, его обиженный братъ въ поруганье ему перепрыгнулъ черезъ нее; тогда основатель, разгнѣвавшись, убилъ его, сказавъ: „такова да будетъ участь каждаго, кто задумаетъ перескочить черезъ мои стѣны“. Легенда эта была, повторяю, старинная, и первоначальный ея смыслъ былъ ясенъ: основатель Рима до того любилъ свой городъ, что не пожалѣлъ даже брата, опорочившаго дурнымъ знаменьемъ его основаніе; онъ убилъ его точно такъ же, какъ позднѣе основатель республики Брутъ убилъ своихъ сыновей, злоумышлявшихъ противъ нея. Такъ думали въ старину; но теперь, съ наступленіемъ всѣхъ описанныхъ въ предыдущей главѣ страховъ, и отношеніе угнетенныхъ римлянъ къ древней легендѣ измѣнилось. Какъ его ни объясняй, а поступокъ Ромула былъ братоубійствомъ; не слѣдуетъ ли допустить, что и братоубійственная война, отъ которой Римъ погибалъ, была наказаніемъ за него? Тогда древнѣйшая стѣна Рима была осквернена пролитой кровью брата: можно ли ожидать искупленія раньше, чѣмъ не будетъ разрушена она сама, эта оскверненная и проклятая стѣна? Вотъ онъ, значитъ, этотъ первородный грѣхъ Рима; когда, послѣ непродолжительнаго міра, Октавіанъ и Помпей вторично обратили свое оружіе другъ противъ друга, Горацій напутствовалъ ихъ слѣдующимъ стихотвореніемъ (эподъ 7):

Куда, куда, преступные?
И для чего мечи свои
  Вы изъ ноженъ хватаете?
Иль по землѣ и по морю
Латинской крови пролито
  Все мало—вы считаете?

Не съ тѣмъ, чтобъ ненавистный намъ
И гордый Карѳагенъ предсталъ
Твердынею сожженною,
Не съ тѣмъ, чтобъ неподатливый
Британецъ, весь закованный
Дорогой шелъ священною,
Нѣтъ, чтобы, какъ желательно
Пароянамъ, этотъ городъ нашъ
Погибнулъ самъ отъ рукъ своихъ...
Слѣпое ли безуміе
Влечетъ, иль сила мощная,
Иль *грѣхъ* васъ? Отвѣчайте мнѣ!—
Молчатъ, и блѣдность томная
На лицахъ появилася
И мысли отнялись вполнѣ.
Да, римлянъ гонятъ подлинно
Судьбы, и злодѣяніемъ
Ихъ жизнь еще объятая,
Когда на землю канула
Кровь Рема неповинная,
Но правнукамъ заклятая.

Третій вопросъ касался самой катастрофы. Сивилла говорила собственно не объ истребленіи, а объ обновленіи рода человѣческаго. Десять вѣковъ, изъ которыхъ состоитъ „великій годъ", исчерпали его исторію; по ихъ истеченіи она должна начаться вновь. Каждый изъ этихъ вѣковъ—и здѣсь мы имѣемъ вѣроятно смѣшеніе греческихъ вѣрованій съ восточными—имѣлъ своего бога-покровителя; такъ первый, золотой вѣкъ, имѣлъ своимъ покровителемъ Сатурна; покровителемъ десятаго, послѣдняго былъ Аполлонъ. Дѣломъ Аполлона было, слѣдовательно, произвести великій переворотъ; когда онъ убьетъ великаго змѣя, тогда дѣва-Правда вернется къ людямъ и вновь наступитъ царство Сатурна. Но какъ произойдетъ этотъ переворотъ? Предполагаетъ ли обновленіе человѣческаго рода его предварительное истребленіе, или нѣтъ? Долженъ ли великій змѣй сначала поглотить человѣчество, или же стрѣла далекоразящаго бога убьетъ его прежде, чѣмъ онъ исполнитъ свое гибельное дѣло? Таковы были вопросы, и не мудрено, что на нихъ отвѣчали различно, смотря по настроенію времени. Въ пятидесятыхъ годахъ Цицеронъ, какъ мы видѣли выше (гл. IV), считалъ возможнымъ благополучный исходъ борьбы съ великимъ змѣемъ—котораго онъ, разумѣется, толковалъ аллегорически—подъ условіемъ согласія въ правительствующей партіи; но междоусобная война разрушила эту иллюзію. Съ установленіемъ единовластія Цезаря надежда воскресла вновь; стали видѣть въ Цезарѣ избранника судьбы, искупителя Рима, подъ побѣдоноснымъ предводительствомъ котораго вѣчный городъ восторжествуетъ надъ пароянами и надъ раздоромъ у собственнаго очага; но убійство диктатора положило конецъ и этимъ мечтаніямъ. Теперь все государство было объято войной; мракъ былъ чернѣе и гуще, чѣмъ когда-либо, и требовалась большая смѣлость для того, чтобы при все-

общемъ разложеніи надѣяться на мирное обновленіе человѣческаго рода, встревоженнаго и небесными знаменіями, и отвѣтами науки, страдающаго и отъ голода, и отъ чумы, и отъ нескончаемой, безнадежной войны.

VII.

Время, о которомъ идетъ рѣчь—т. е. главнымъ образомъ тридцатые годы, съ прибавленіемъ къ нимъ конца сороковыхъ—было временемъ расцвѣта обоихъ лучшихъ поэтовъ, которыхъ когда-либо имѣлъ Римъ,—тѣхъ самыхъ, къ стихотвореніямъ которыхъ мы уже не разъ обращались въ предыдущихъ главахъ. Они и въ дальнѣйшихъ останутся нашими главными источниками; къ нашему крайнему сожалѣнію, мы не имѣемъ другихъ современныхъ нашей эпохѣ памятниковъ; что же касается позднѣйшихъ, то вполнѣ понятно, что они не говорятъ болѣе „о свѣтопреставленіи", страхъ передъ которымъ уже успѣлъ пройти. Пророчествами интересуются только тогда, когда они сбылись или еще могутъ сбыться; что касается несбывшихся пророчествъ, то они быстро предаются забвенію, согласно любопытному и важному закону личной и народной психологіи — тому закону, безъ котораго и вѣра въ пророчество никогда не могла бы возникнуть и удержаться среди людей.

Въ этомъ заключается также, къ слову сказать, причина, почему изложенные въ настоящей статьѣ факты такъ мало извѣстны историкамъ; разъ имѣешь дѣло съ поэтами, является невольно нѣкоторая подозрительность и желаніе все затрудняющее насъ сваливать на пресловутую „піитическую вольность". Но изслѣдованія новѣйшихъ временъ значительно съузили область этой піитической вольности, подводя подъ опредѣленные законы то, что раньше казалось дѣломъ произвола, и пріучая насъ считаться и съ различнымъ отъ нашего міросозерцаніемъ; что же касается настоящей статьи, то я для того и постарался группировать поэтическія свидѣтельства съ прозаическими, чтобы показать ихъ полную гармонію и, стало быть, одинаковую достовѣрность.

Вернемся, однако, къ нашимъ поэтамъ.

Обоихъ родила деревня; на обоихъ наложила свою печать природа, въ ближайшемъ общеніи съ которой протекло ихъ дѣтство. Отсюда—не только ихъ любовь къ природѣ, столь художественно изображенной ими въ ихъ стихотвореніяхъ, но и неизмѣнная спутница деревни и деревенской жизни — извѣстная мечтательная религіозность, скрывающаяся глубоко въ тайникахъ души, часто помимо и даже противъ нашей воли. Дальнѣйшее воспитаніе не особенно благопріятствовало развитію этой религіозности: оба поэта поддались вліянію школы Эпикура и даже съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ примкнули къ ученію этого героя мысли, устранившаго въ своей философіи всякое вмѣшательство боговъ въ человѣческія дѣла и поставившаго законъ природы на мѣсто свергнутаго божества. Но вліяніе эпикуреизма было неполнымъ: религіозность, какъ окраска темперамента, не дала себя стереть доводамъ разума, и въ

результатѣ получилась лишь извѣстная двойственность. Вполнѣ соглашаясь съ Эпикуромъ, Вергилій воспѣваетъ происхожденіе міра изъ атомовъ и пустоты; Горацій въ обществѣ Мецената и того же Вергилія весело смѣялся надъ благочестивыми обывателями захолустной Гнатіи, увѣрявшими его, что въ ихъ храмѣ ладанъ сгораетъ безъ огня (сат. I, 5):

евреи пусть вѣритъ Апелла,
А не я; я учился, что боги живутъ безмятежно,
И если диво какое проявитъ природа—не боги жъ
Въ гнѣвѣ съ высокаго неба его посылаютъ на землю.

Но тотъ же Горацій наединѣ съ величіемъ грозной природы былъ способенъ испытывать совершенно иныя чувства; тогда доводы разума умолкали, тогда вновь звучали въ глубинѣ его души таинственные аккорды, отголоски шума дубовыхъ рощъ его апулійской родины. Онъ самъ, чуткій къ голосу своей души, описалъ намъ такое обращеніе въ интересной одѣ (I, 34; переводъ здѣсь, къ сожалѣнію, особенно неудовлетворителенъ):

Скудный боговъ почитатель и вѣтренный,
Мудростію заблужденный безумною,
Нынѣ задумалъ вѣтрила поставить я
Вспять и, разставшись съ пучиною шумною,
Истинный путь отыскать: вѣдь Діеспитеръ,
Вѣчно огнемъ потрясавшій надъ тучею,
Съ громомъ промчалъ по лазури безоблачной
Звучныхъ коней съ колесницей летучею...

Въ силу этой двойственности своего міросозерцанія Горацій могъ совершенно серьезно внимать тревожнымъ голосамъ, предвѣщавшимъ близкую кончину міра. Для этого ему даже не нужно было измѣнять философіи: мы видѣли уже, что эпикуреецъ Лукрецій признавалъ свою эпоху старостью матери-земли, за которой не замедлитъ послѣдовать разложеніе; если же Горацій отъ эпикурейской философіи обращался къ стоицизму, то и тутъ онъ встрѣчалъ „намѣченный рокомъ день всемірнаго потопа“, описаніе котораго мы дали выше словами Сенеки. Трудно было при такихъ обстоятельствахъ не увѣровать въ предстоящее свѣтопреставленіе; религія его предвѣщала, наука допускала. А тутъ еще наступила смерть диктатора и всѣ ужасы, которые были ея послѣдствіями.

Горацій находился тогда въ Аѳинахъ. Какъ римскій гражданинъ, онъ былъ зачисленъ въ войско Брута, послѣдній оплотъ свободной республики. Какъ извѣстно, надежды, возлагавшіяся на возстановленіе этой республики, были жестоко обмануты: съ „подрѣзанными крыльями“, какъ онъ выражается самъ, вернулся Горацій въ Италію. Пролитая при Филиппахъ кровь не утолила жажды гибельнаго змѣя; тріумвиры, соединенные на время обязанностью отомстить за Цезаря, теперь обратили ужъ другъ противъ друга братоубійственные мечи. Видно, первородный грѣхъ требуетъ быстраго и полнаго искупленія; кровь убитаго Рема, взывающая о мщеніи, не успокоится, пока будутъ стоять стѣны Рима и пока прахъ его убійцы, Ромула, не будетъ развѣянъ по всѣмъ вѣтрамъ.

Таково было настроеніе, подъ вліяніемъ котораго поэтъ написалъ самое замѣчательное изъ входящихъ въ нашу область стихотвореній—шестнадцатый эподъ.

Вотъ второй уже вѣкъ потрясаютъ гражданскія войны
И разрушается Римъ собственной силой своей...

Тотъ Римъ, котораго никакіе внѣшніе враги не могли побѣдить, его мы,

Племя той проклятой крови, своими руками погубимъ
И звѣрями опять будетъ земля занята.
Варваръ, увы, побѣдитель на пепелъ наступитъ, и въ Римѣ
Громкимъ копытомъ стуча, всадникъ промчится чужой,
Ромула царственный прахъ, защищенный отъ вѣтра и солнца,
Не доведись увидать! дерзкой развѣетъ рукой.

Это точное толкованіе словъ Сивиллы; если Цезарь былъ намѣченный рокомъ спаситель Рима отъ пареянъ, то теперь побѣда пареянъ надъ Римомъ—рѣшенное дѣло; они будутъ орудіемъ божіей воли, исполнителями суда надъ оскверненнымъ братской кровью городомъ.

Итакъ, на спасеніе Рима разсчитывать нечего; остается одно для отважнаго человѣка — порвать узы, связывающія его съ проклятымъ городомъ. Планъ этотъ тогда далеко не казался такимъ фантастическимъ, какимъ онъ представляется намъ нынѣ; совпаденіе цѣлаго ряда условій заставляло вѣрить въ его осуществимость.

На первомъ планѣ стоитъ и тутъ религія, въ которой сохранилась память о какомъ-то земномъ раѣ—„Елисейскихъ поляхъ", или „островахъ Блаженныхъ", находящихся гдѣ-то далеко, за океаномъ. О первыхъ повѣствуетъ Гомеръ:

Ты жъ, Менелай, не умрешь: на окраинѣ міра земнаго
Боги тебя поселятъ, въ Елисейской блаженной долинѣ.
Сладостно жизнь тутъ течетъ, какъ нигдѣ для людей землеродныхъ;
Не изнуряетъ ихъ зной, ни порывы Борея, ни ливень,
Нѣтъ: Океана тамъ волны прохладою вѣчною дышатъ,
Вѣчно тамъ съ шепотомъ нѣжнымъ ласкаетъ зефиръ человѣка.

Объ островахъ же Блаженныхъ свидѣтельствуетъ Гесіодъ,—говоря объ избранныхъ богатыряхъ миоическихъ войнъ:

Имъ многословный Зевесъ на окраинѣ міра земнаго
Чудную землю назначилъ, вдали отъ обители смертныхъ,
Но и вдали отъ боговъ, и подъ власть ихъ Сатурнову отдалъ.
На островахъ тамъ Блаженныхъ живутъ съ беззаботной душою
Въ счастіи вѣчномъ герои у водъ океана глубокихъ,
Трижды въ году пожиная дары благодатной природы.

Схожесть—очень естественная—этихъ описаній съ ходячими описаніями золотаго вѣка породила мнѣніе, что Елисейскія поля (или острова Блаженныхъ)—та же земная обитель, но нетронутая гнѣвомъ Земли и первороднымъ грѣхомъ, изгнавшимъ дѣву-Правду изъ среды людей. Здѣсь продолжается, поэтому, золотой вѣкъ;

сюда иногда Юпитеръ, за ихъ заслуги, переселяетъ доблестныхъ людей.

Таковъ первый факторъ; вторымъ была локализація фантастическихъ гомеровскихъ мѣстностей, которой дѣятельно занимались греческіе географы. Такъ баснословная земля Феаковъ была отожествлена съ Коркирой, земля циклоповъ — съ Сициліей и т. д.; что касается рѣки-океана, то ее естественнѣе всего было признать въ великомъ морѣ, омывавшемъ западные берега Европы и Африки

Третьимъ факторомъ были разсказы путешественниковъ о замѣчательномъ плодородіи нынѣшнихъ Канарскихъ острововъ. Карѳагеняне, гласило преданіе, знали ихъ мѣстоположеніе, но никого къ нимъ не допускали—во-первыхъ, изъ боязни, какъ бы весь ихъ народъ туда не переселился, а во - вторыхъ, чтобъ имѣть убѣжище на случай, если бы ихъ владычеству наступилъ конецъ. За Канарскими островами это имя—острова Блаженныхъ—и осталось; подъ этимъ именемъ они извѣстны у древнихъ географовъ.

Четвертымъ факторомъ были извѣстія объ общинахъ, бросавшихъ подъ неотразимымъ натискомъ врага свои города и переселявшихся въ другіе, болѣе благодатные края. Самымъ славнымъ былъ подвигъ гражданъ малоазіятской Фокеи: спасаясь отъ ига персовъ, эти храбрые люди оставили свою родину и, проклявъ торжественно отщепенцевъ изъ своей среды, сѣли на корабли; выѣхавъ въ открытое море, они бросили въ пучину громадную желѣзную гирю и дали клятву, что тогда только вернутся въ родную Фокею, когда эта гиря всплыветъ на поверхность. Затѣмъ они отправились на западъ и, послѣ многихъ приключеній основали городъ Массилію (нынѣ Марсель). Такъ точно и послѣ разгрома Италіи Аннибаломъ часть римской молодежи помышляла о переселеніи въ другіе края. Тогда Сципіонъ воспрепятствовалъ осуществленію этого плана; но въ эпоху террора Суллы его осуществилъ вождь римской эмиграціи, Серторій. Онъ основалъ новый Римъ въ Испаніи; но Испанія, какъ часть римскаго государства, его не удовлетворяла, и онъ мечталъ о томъ, чтобъ отвести колонію за океанъ, на острова Блаженныхъ.

Теперь вновь настали тяжелыя времена, много тяжелѣе тѣхъ, что были при Суллѣ; теперь мысль Серторія была умѣстнѣе, чѣмъ когда-либо раньше. Ея проповѣдникомъ и сдѣлался Горацій; подражая примѣру старыхъ пѣвцовъ, пѣснями вдохновлявшихъ своихъ согражданъ на трудные подвиги, онъ всю свою поэтическую силу, весь свой молодой пылъ вложилъ въ святое—какъ ему казалось—дѣло спасенія лучшей части Рима отъ тяготѣющаго надъ городомъ проклятія:

Можетъ быть, спросите вы—сообща, или лучшіе люди—
    Чѣмъ бы на помощь придти Риму въ тотъ гибельный часъ?
Лучшаго нѣтъ вамъ совѣта: какъ нѣкогда, молвятъ, Фокейцы,
    Давши великій зарокъ, всѣ уплыли на судахъ,
Нивы оставивъ и храмы и хижинъ прохладныя сѣни
    На житіе кабанамъ, да кровожаднымъ волкамъ—
Такъ отправляться и намъ, куда ноги помчатъ, иль куда насъ
    Нотъ понесетъ по волнамъ, или же Африкъ лихой...

Но поклянемся мы въ томъ: лишь тогда, когда камней громады
Съ два на поверхность всплывутъ, не возбраненъ намъ возвратъ...

Въ цѣломъ рядѣ эффектныхъ варіацій проводится эта мысль—навсегда безо всякой надежды на возвращеніе оставить обреченный на гибель городъ. Но куда идти?.. До сихъ поръ поэтъ выражался неопредѣленно—„куда умчатъ ноги, куда понесутъ вѣтры"—желая исподволь подготовить слушателей къ своему чудесному замыслу; теперь онъ обнаруживаетъ свое намѣреніе. Русскій читатель безъ труда признаетъ въ немъ популярный у насъ мотивъ: „тамъ за далью непогоды есть блаженная страна"—этотъ вѣчный мотивъ тоски и желанія.

Насъ кругосвѣтный ждетъ океанъ; тамъ прибьемся мы къ нивамъ
Благословеннымъ, найдемъ пышные тамъ острова,
Гдѣ возвращаетъ посѣвъ ежегодный безъ пахоты поле,
И безъ подчистки лоза все продолжаетъ цвѣсти,
Гдѣ никогда безъ плодовыхъ вѣтвей не бываетъ олива
И на родимомъ дичкѣ фигъ дозрѣваетъ краса.
Медъ тамъ течетъ изъ дупла дубоваго, тамъ съ горныхъ утесовъ
Легкій стремится потокъ тихо журчащей струей...

И такъ далѣе; все яснѣе и яснѣе вырисовывается передъ слушателями картина золотаго вѣка. Золотой вѣкъ! Да, онъ суждень, по вѣщему слову Сивиллы, тому поколѣнію, которое вновь населитъ искупленную землю; но возможно ли увидѣть его уже теперь? Возможно; тѣ острова не испытали скверны—пусть только тѣ, кто собираются ихъ занять, будутъ чисты и стойки душой, подобно тѣмъ героямъ, которыхъ боги тамъ поселили.

Зевсъ берега тѣ назначилъ лишь благочестивому люду.
Въ день, какъ испортить рѣшилъ мѣдью онъ вѣкъ золотой;
Мѣдью, за ней и желѣзомъ вѣка закалилъ онъ; отъ нихъ-то,
Благочестивые, вамъ мною указанъ уходъ.

VIII.

Нашла ли пылкая проповѣдь поэта отголосокъ въ сердцахъ его современниковъ? У насъ нѣтъ объ этомъ никакихъ извѣстій. Горацій былъ не единственнымъ солдатомъ Брута, вернувшимся въ Италію послѣ пораженія при Филиппахъ; не ему одному подвластная тріумвирамъ Италія была мачихой. Но время не ждало; вскорѣ назрѣли другіе вопросы, другіе конфликты; сонъ о римской республикѣ быстро отошелъ въ прошлое.

Положеніе дѣлъ продолжало быть очень неустойчивымъ; тріумвиры то соединялись для общихъ дѣйствій противъ Секста Помпея и его рабовъ-корсаровъ, то враждовали между собой; но во всѣхъ перипетіяхъ этой двойной борьбы выдѣлялась все выгоднѣе и выгоднѣе личность молодаго Цезаря Октавіана. Своей умѣлостью равно какъ и своей воздержностью и милосердіемъ онъ заставилъ римлянъ простить себѣ и участье въ проскрипціяхъ 43 года и жестокое дѣло мести за убитаго диктатора; о его планахъ ничего не было извѣстно, а ужь если выбирать между нимъ и Антоніемъ,

или между нимъ и Секстомъ Помпеемъ, то выборъ для республиканца не могъ быть сомнительнымъ. Вскорѣ мы видимъ Горація въ его свитѣ, точнѣе говоря, въ кружкѣ его приближеннаго Мецената, къ которому его пріобщилъ Вергилій. Побѣда надъ Секстомъ Помпеемъ въ 35 году открыла заморскому хлѣбу доступъ въ Италію; народъ вздохнулъ свободнѣе, самое тяжелое время могло считаться прожитымъ. Все съ большей и большей любовью останавливался взоръ на царственномъ юношѣ, съумѣвшемъ влить новую надежду въ сердца отчаявшихся римлянъ; быть можетъ, обновленіе вселенной состоится мирнымъ путемъ, безъ истребленія рода человѣческаго? Быть можетъ, молодой Цезарь окажется тѣмъ искупителемъ своего народа, которому суждено отвратить тяготѣющую надъ нимъ гибель? Дѣйствительно, общественное мнѣніе все болѣе склонялось къ этому взгляду на дѣло; когда вскорѣ послѣ побѣды надъ С. Помпеемъ начался окончательный разладъ между Цезаремъ и Антоніемъ и стала угрожать опасность новой гражданской войны, чувства Горація были уже другія. Онъ не требуетъ болѣе бѣгства изъ стѣнъ обреченнаго города, онъ желаетъ только, чтобы государственный корабль былъ спасенъ отъ надвигающейся грозной бури. „Недавно еще", говоритъ онъ въ своемъ обращеніи къ этому кораблю съ явнымъ намекомъ на разсмотрѣнный въ предыдущей главѣ эподъ, „ты внушалъ мнѣ чувство безпокойнаго отвращенія; зато теперь ты мнѣ внушаешь одну лишь тоску, одну тяжелую заботу; о, не ввѣряй себя полному утесовъ морю!" (оды I, 14). Но и это воззваніе не достигло своей цѣли; корабль пошелъ на встрѣчу грозной бурѣ и, управляемый своимъ искуснымъ кормчимъ, благополучно ее поборолъ.

Въ этой новой войнѣ симпатіи болѣе чѣмъ когда-либо были на сторонѣ Цезаря: Антоній, правитель Востока, не полагаясь на собственныя силы, повелъ противъ своей родины иноземное, египетское войско. Битва была дана у Актійскаго мыса, украшеннаго храмомъ актійскаго Аполлона. Это обстоятельство еще болѣе увеличило всеобщее упоеніе. Аполлонъ, тотъ самый Аполлонъ, которому, согласно прорицанію Сивиллы, слѣдовало, какъ богу покровителю послѣдняго вѣка, обновить вселенную—онъ даровалъ побѣду Цезарю! Не ясно ли было, что онъ именно его назначилъ искупителемъ человѣчества? Другимъ и этого было мало. Время было страстное; велики были невзгоды пережитыхъ лѣтъ, велика и благодарность тому, кто съумѣлъ ихъ превозмочь. Обновитель-богъ, искупитель-человѣкъ... а что, если оба они были тождественны? А что, если богъ Аполлонъ принялъ на себя образъ человѣка, чтобы искупить грѣхъ и обновить міръ? И вотъ пронесся по вселенной радостный крикъ о совершившемся чудѣ... Это началось лѣтъ 20—30 до Рождества Христова.

Позволю себѣ по этому поводу маленькое отступленіе. Давно былъ замѣченъ разительный контрастъ между настроеніемъ обѣихъ лучшихъ эпохъ римской литературы—эпохой Цицерона, какъ ее принято называть, и вѣкомъ Августа. Тамъ вольнодумство, смѣлая пытливость мысли, не признающей предѣловъ себѣ и своей силѣ, все рѣшительно дѣлающей предметомъ своей работы—здѣсь какое-

то смиренное преклоненіе передъ высшей волей, какая-то жажда воздвиженія пьедесталовъ и кумировъ, и особенно—неслыханный дотолѣ въ Римѣ, столь непріятно поражающій насъ апоѳеозъ человѣка. Было время, когда въ происшедшей перемѣнѣ винили почти исключительно честолюбіе Августа и раболѣпіе его свиты, включая туда и поэтовъ: онъ, дескать, пожелалъ быть царемъ, но видя, что это трудно, рѣшилъ сдѣлаться богомъ, что было гораздо легче. Нынѣ такое объясненіе одного изъ интереснѣйшихъ явленій всемірной исторіи уже невозможно; изученіе надписей доказало повсемѣстность того упоенія, результатомъ котораго былъ апоѳеозъ императора, а при слабой въ сущности администраціи римскаго государства—имѣвшей какой угодно характеръ, но только не полицейскій—такая повсемѣстность не можетъ быть выведена изъ воли правителя. Нѣтъ, правителю ничего не оставалось, какъ регулировать движеніе, которое было создано не имъ; создано же было оно самимъ народомъ подъ вліяніемъ неслыханныхъ бѣдствій и неожиданнаго, прямо чудеснаго избавленія отъ нихъ. Предсказаніе Сивиллы играетъ во всемъ этомъ первенствующую роль; оно съ самаго начала придало всему происходящему религіозный характеръ, оно было виною тому, что и благодарность избавителю выразилась въ религіозной формѣ.

Что касается поэтовъ, то они шли не впереди движенія, а медленно и нехотя уступали ему. Стоитъ обратить вниманіе, какъ осторожно и туманно выражается Горацій въ той одѣ, которая является для насъ первымъ вздохомъ облегченія послѣ пережитыхъ невзгодъ—именно только вздохомъ облегченія, а не радостнымъ крикомъ освобожденія. Описавъ ужасы минувшихъ лѣтъ,—мы привели выше соотвѣтствующія строфы,—поэтъ продолжаетъ:

Какое божество молить? И кто поможетъ
Народу изо всѣхъ въ превратностяхъ судьбы?
Какая пѣсня жрицъ заставить Весту можетъ
Дѣвичьи внять мольбы?
Гдѣ очиститель намъ Юпитеромъ избранный?
Ты, наконецъ, приди, моленіемъ смягченъ,
Увивши рамена одеждою туманной,
Вѣщатель Аполлонъ!
Сойди, блестящая улыбкой Эрицина (т. е. Венера);
Тебя Амуръ и Смѣхъ сопровождаютъ въ путь;
Иль удостой на чадъ возлюбленнаго сына (т. е. Ромула)
Ты, праотецъ, взглянуть (т. е. Марсъ)...
Склонись, сынъ Маи (т. е. Меркурій), станъ съ проворными крылами.
На образъ юноши земной перемѣнить:
Мы будемъ признавать, что избранъ ты богами
За Цезаря отмстить.
Надолго осчастливь избранный градъ Квирина;
Да не смутитъ тебя гражданъ его порокъ!
И поздно ужъ отъ насъ подыметъ властелина
Летучій вѣтерокъ.

Тріумфы громкіе и славное прозванье
Владыки и отца принять не откажи,
И мида (т. е. пареянина) коннаго строптивое возстанье
Ты, Цезарь, накажи!

Аполлонъ приглашаетъ лишь присутствовать при дѣлѣ искупленія—очевидно потому, что отъ него исходитъ объявленное его пророчицей Сивиллой вѣщее слово о предстоящемъ обновленіи вселенной; не даромъ онъ названъ „вѣщателемъ" (augur). Венера и Марсъ приглашаются какъ боги-родоначальники—Венера, какъ мать Энея, Марсъ, какъ отецъ Ромула. Что касается императора, то онъ не отожествляется ни съ Аполлономъ, ни съ Марсомъ; лишь вскользь высказывается предположеніе, что онъ—Меркурій, принявшій на себя образъ юноши. Онъ сдѣлалъ это уже разъ, по приглашенію Зевса:

Тебѣ изъ боговъ наипаче пріятно
Съ сыномъ земли сообщаться; ты внемлешь, кому пожелаешь [1]),

чтобы безопасно проводить Пріама въ греческій станъ; тогда онъ предсталъ передъ нимъ

благородному юношѣ видомъ подобный,
Первой брадой опушенный, коего младость прелестна.

Но Меркурій не принадлежитъ къ великимъ богамъ; съ нимъ сыны земли сообщались скорѣе запросто—а у молодаго императора былъ дѣйствительно прекрасный царственный станъ и благородный обликъ, дышащій одухотворенной отвагой и силой. Послѣдняя же строфа напоминаетъ императору объ условіи, подъ которымъ Римъ, повинуясь Сивиллѣ, признаетъ его своимъ владыкой, о побѣдѣ надъ пареянами, все еще не искупившими кровь Красса и легіоновъ, все еще продолжающими угрожать едва окрѣпшему тѣлу римскаго государства.

Императоръ не отказывался отъ этой задачи, но откладывалъ ея исполненіе до болѣе удобнаго времени; а пока онъ, уступая теченію, старался извлечь возможную пользу изъ обаянія, которымъ побѣда надъ Антоніемъ у мыса Актійскаго Аполлона окружила его имя. Былъ основанъ храмъ въ честь этого бога на Палатинской горѣ, по сосѣдству съ дворцомъ самого императора; но и помимо того онъ всячески выставлялъ себя любимцемъ свѣтлаго бога, покровителя послѣдняго вѣка великаго года, предоставляя народу и, особенно, провинціямъ, идти въ этомъ отношеніи много дальше его самого. Будучи фактически владыкою объединеннаго имъ римскаго государства, онъ долго не рѣшался остановиться на опредѣленной внѣшней формулѣ, которая бы выражала эту фактическую власть; колебался также между двумя возможностями, либо удержать эту власть въ своихъ рукахъ, либо сдѣлать сенатъ правительствующимъ органомъ, передавъ ему часть своихъ полномочій. Годъ 27-й положилъ конецъ колебаніямъ. Императоръ призвалъ къ власти сенатъ, предоставляя, однако, себѣ самому наиболѣе значительную ея часть; взамѣнъ этого, онъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ сената титула, который бы вы-

---

[1]) Иліада (XXIV 334 сл. пер. Гнѣдича).

ражалъ внѣшнимъ образомъ его исключительное положеніе въ государствѣ. Пріятнѣе всего былъ бы ему титулъ Ромула; въ немъ заключалось бы ясное указаніе на начало новой эры для Рима, на исполненіе прорицанія Сивиллы. Но Ромулъ былъ царемъ, а царское имя продолжало внушать Риму непреодолимое отвращеніе; императоръ долженъ былъ, поэтому, отказаться отъ этой мысли и найти другой путь, ведущій къ той же цѣли. Какъ было сказано выше, началомъ римскаго государства считался религіозный обрядъ, посредствомъ котораго было испрошено благословеніе боговъ предстоящему акту основанія города. Этотъ обрядъ (augurium), какъ положившій начало городу, давно уже назывался „возроствшимъ" Римъ (augurium augustum, отъ augere). Вотъ этотъ-то эпитетъ императоръ и присвоилъ себѣ, какъ титулъ; называя себя Augustus, онъ давалъ понять, что его правленіе будетъ вторымъ основаніемъ нѣкогда оскверненнаго, нынѣ же искупленнаго города.

Оставалось торжественнымъ образомъ совершить актъ этого искупленія и втораго основанія города; но тутъ мы касаемся самаго больнаго мѣста въ счастливой жизни императора Цезаря Августа.

IX.

У втораго основателя римскаго государства не было сыновей; его бракъ со Скрибоніей, своячницей Секста Помпея, заключенный по политическимъ разсчетамъ, сдѣлалъ его отцомъ лишь одной дочери, легкомысленной Юліи. Братьевъ у него тоже не было; самымъ близкимъ ему лицомъ, послѣ его дочери, была его сестра Октавія, у которой былъ сынъ отъ перваго брака, молодой Марцеллъ. Этотъ его родной племянникъ былъ, такимъ образомъ, единственнымъ близкимъ ему по крови мужчиной; прекрасный собой, даровитый и скромный, онъ былъ естественнымъ наслѣдникомъ власти императора, который и отличалъ его всячески передъ его сверстниками. Все же въ жилахъ Марцелла текла не его кровь; благословеніе боговъ, дарованное Августу, не перешло бы на сына его сестры; продолжатель династіи Цезарей долженъ былъ происходить по крови отъ него. Августъ это сознавалъ; лишь только Марцеллъ достигъ требуемаго возраста, онъ женилъ его на своей родной дочери, Юліи. Теперь народъ съ нетерпѣливой надеждой взиралъ на этотъ бракъ Марцелла и Юліи; имѣющій родиться сынъ обоихъ, сынъ изъ крови Цезарей, истинный наслѣдникъ осѣняющаго Августа божіяго благословенія, будетъ несомнѣнно залогомъ благоденствія римскаго народа; съ дня его рожденія потекутъ счастливые годы, съ этимъ днемъ будетъ всего естественнѣе связать и торжество искупленія и обновленія вселенной.

До сихъ поръ счастье сопутствовало Августу во всѣхъ его начинаніяхъ: казалось невозможнымъ, чтобы оно отказало ему въ исполненіи этого его пламеннаго желанія. Самъ Августъ не слагалъ съ себя консульства, желая въ этомъ санѣ встрѣтить рожденіе своего внука. Народъ съ волненіемъ, да, но съ волненіемъ радостнымъ, ждалъ наступленія желаннаго дня, и Вергилій былъ

только выразителемъ всеобщаго настроенія, когда онъ напутствовалъ молодую чету слѣдующимъ стихотвореніемъ,—стихотвореніемъ очень замѣчательнымъ, которому суждено было пріобрѣсть громкую, рѣдкостную славу. Оно стоитъ въ сборникѣ его „пастушескихъ стихотвореній“, подражаній сицилійскому поэту Θеокриту; согласно этому онъ во вступленіи обращается къ вдохновлявшей этого поэта музѣ:

Муза земли Сицилійской, внуши мнѣ иные напѣвы;
Всѣхъ не плѣнитъ мурава, да приземистый кустъ тамариска;
Ужъ если пѣть про лѣса—будь консула, пѣсня, достойна.
Вотъ ужъ послѣднее время настало Сивиллиной пѣсни,
Новое зиждя начало великой вѣковъ вереницѣ;
Вскорѣ вернется и Дѣва, вернется Сатурново царство,
Вскорѣ съ небесныхъ высотъ снизойдетъ вожделѣнный младенецъ.
Ты лишь, родильницъ отрада, пречистая дѣва Діана,
Тайной заботой лелѣй намъ сулимаго рокомъ малютку;
Онъ вѣдь положитъ конецъ ненавистному вѣку желѣза,
Онъ до предѣловъ вселенной намъ племя взроститъ золотое;
Ты лишь лелѣй его, дѣва: вѣдь Фебъ уже властвуетъ, братъ твой.
Да, и родится онъ въ Твой консулатъ, эта гордость столѣтья,
Года великаго дни съ Твоего потекутъ консулата!
Ты, о нашъ вождь, уничтожишь грѣха роковаго остатки,
Отдыхъ даруя землѣ отъ мученій гнетущаго страха.
Время придетъ—и небесная жизнь его приметъ, и узритъ
Въ сонмѣ боговъ онъ героевъ и самъ пріобщится ихъ лику,
Миръ укрѣпляя вселенной, отцовскою доблестью данный.
Время придетъ: а пока, прислужиться желая малюткѣ,
Плющемъ ползучимъ земля и душистымъ покроется нардомъ,
Въ лотоса пышный уборъ и въ веселый аканѳъ нарядится.
Козочки сами домой понесутъ отягченное вымя,
Станутъ на львовъ-исполиновъ безъ страха коровы дивиться;
Сами собою цвѣты окружатъ колыбельку малютки;
Сгинетъ предательскій змѣй, ядовитое всякое зелье
Сгинетъ; сирійскій амомъ обновленную землю покроетъ.
Годы текутъ; ужъ читаешь ты, отрокъ, про славу героевъ,
Славу отца познаешь и великую доблести силу.
Колосъ межъ тѣмъ золотистый унылую степь украшаетъ,
Сочная гроздь винограда средь терній колючихъ алѣетъ,
Меда янтарнаго влага съ суроваго дуба стекаетъ.
Правда, воскреснетъ и сонъ первобытной вины незабытый:
Въ море помчится ладья; вокругъ города выростутъ стѣны;
Плугъ бороздой оскорбитъ благодатной кормилицы лоно;
Новый корабль Аргонавтовъ, по новаго кормчаго мысли
Горсть храбрецовъ увезетъ; вотъ и новыя битвы настали,
Новый Ахиллъ-богатырь противъ новой отправился Трои.
Пылкая юность пройдетъ; возмужалости время наступитъ.
Бросить торговецъ ладью, перестанетъ обмѣну товаровъ
Судно служить; повсемѣстно сама ихъ земля производитъ.
Почвы не рѣжетъ соха, уже не рѣжетъ лозы виноградарь;
Снялъ ужъ и пахарь ярмо съ изстрадавшейся выи бычачьей;

Мягкая шерсть позабыла облыжной обманывать краской:
Нѣтъ, на лугу ужъ баранъ то пріятною блещетъ порфирой,
То золотистымъ шафраномъ, то яркимъ огнемъ багряницы.
Столь благодатную пѣснь по неизмѣнному рока рѣшенью,
Нити судебъ выводя, затянули согласныя Парки.
Ты жъ, когда время придетъ, многославный вѣнецъ свой пріемли,
Милый потомокъ боговъ, вседержавнымъ ниспосланный Зевсомъ!
Видишь? Отъ тверди небесной до дна безпредѣльнаго моря
Сладкая дрожь пробѣжала по тѣлу великому міра;
Видишь? Природа ликуетъ, грядущее счастье почуя.
О если-бъ боги продлили мнѣ жизнь и мой духъ охранили,
Чтобъ о дѣяньяхъ твоихъ могъ я пѣсню сложить для потомства!
Пѣснью бы той побѣдилъ я тогда и ѳракійца Орфея,
И сладкозвучнаго Лина, хотябъ вдохновляли ихъ боги
(Мать Калліопа—Орфея, а Лина—отецъ сребролукій);
Даже и Панъ, предъ Аркадіи судъ мною вызванный смѣло—
Даже и Панъ предъ Аркадьи судомъ побѣжденный отступитъ.
Милый! Начни жъ узнавать по улыбкѣ ликъ матери ясный;
Мало ли мать настрадалась въ томительный срокъ ожиданья!
Милый младенецъ, начни; кого мать не встрѣчала улыбкой,
Богъ съ тѣмъ стола не дѣлилъ, не дѣлила и ложа богиня.

Въ 25 году была отпразднована свадьба Марцелла и Юліи; на 24 годъ ждали рожденія младенца. Тотчасъ бы по всему подвластному Августу міру помчались гонцы приглашать народы въ Римъ на великое, искупительное торжество, которое состоялось бы въ слѣдующемъ 23 году. И Горацій предполагалъ украсить это торжество своей поэзіей: ода I, 21

Діану—нѣжныя хвалите хоромъ дѣвы,
Хвалите, отроки, вы Цинтія съ мольбой, и т. д.

была, по всей вѣроятности, написана въ ожиданіи его. Такъ велика была повсемѣстная увѣренность, что Фортуна не откажетъ Цезарю въ этомъ новомъ драгоцѣнномъ подаркѣ.

И все-таки она ему въ немъ отказала. Двадцать четвертый годъ не принесъ наслѣдника императорскому дому; а слѣдующій унесъ даже надежду на его появленіе. Марцеллъ занемогъ; отправленный лѣчиться въ знаменитыя своими морскими купаніями Баи, онъ тамъ и скончался въ одинъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ того года, который долженъ былъ быть годомъ искупительнаго торжества. Велико было горе, причиненное смертью этого свѣтлаго, ласковаго юноши; Августъ, не оставлявшій надежды до послѣднихъ дней, отказался отъ званія консула, въ которомъ онъ разсчитывалъ встрѣтить зарю золотаго вѣка; Проперцій почтилъ элегіей смерть юноши и горе его семьи (III, 18); но самый прекрасный памятникъ поставилъ ему все тотъ же Вергилій. Эней навѣстилъ своего отца Анхиса въ преисподней; тотъ показываетъ ему души тѣхъ, которымъ суждено съ теченіемъ времени украсить своими именами лѣтопись римской исторіи, души еще нерожденныя, но уже чующія радость или горечь ожидающихъ ихъ судебъ.

Среди прочихъ онъ показываетъ ему героя Аннибаловой войны, того Марцелла, который былъ прозванъ „мечемъ Рима“; рядомъ съ нимъ Эней замѣчаетъ юношу:

Весь красотой онъ сіяетъ и блескомъ сверкающихъ латъ, но
Грусть омрачаетъ чело и потуплены ясныя очи.
„Кто, мой отецъ, этотъ спутникъ идущаго грознаго мужа?
„Сынъ ли его? Иль далекій великаго рода потомокъ?
„Какъ его шумно привѣтствуютъ всѣ! И какъ самъ онъ прекрасенъ!
„Жаль лишь, что грустною мглой его мрачная ночь осѣняетъ“.
Тутъ прослезился Анхисъ и въ печальной отвѣтствовалъ рѣчи:
„Сынъ мой, оставь подъ покровомъ твоихъ несказанное горе!
„Рокъ лишь покажетъ народамъ его, но гостить средь народовъ
„Долго не дастъ; черезмѣрнымъ, о боги! знать, блескомъ державу
„Римскую онъ бы покрылъ, кабы долѣе жилъ между нами.
„Сколько, ахъ, жалобныхъ стоновъ подъ городомъ Марса великимъ
„Лугъ прибережный услышитъ! и, свѣжій курганъ огибая,
„Сколь безконечную встрѣтишь, о Тибръ! ты печальную свиту!..
„Отрокъ злосчастный! О, если бы могъ ты жестокое рока
„Слово нарушить! Ты будешь—Марцеллъ! Цвѣтомъ лиліи бѣлымъ,
„Алою розой мнѣ дайте почтить омраченную душу
„Внука; услугой напрасной хоть сердца печаль облегчу я!“

Таковъ былъ исходъ тѣхъ свѣтлыхъ надеждъ, съ которыми тотъ же народъ два года назадъ отпраздновалъ веселую свадьбу Марцелла и Юліи.

X.

Марцелла не стало; но народъ продолжалъ жить, продолжалъ требовать, чтобы его правитель торжественнымъ искупительнымъ обрядомъ освободилъ его отъ „мученій гнетущаго страха“. Печаль императорскаго дома могла отсрочить исполненіе этого требованія, но не предать его забвенію.

Правда, если относиться къ дѣлу строго, то отсрочка была равносильна полному отказу отъ торжества. Оно должно было быть пріурочено къ моменту истеченія десятаго вѣка и новаго начала „великой вереницы вѣковъ“, а назначеніе этого момента зависѣло, понятно, не отъ воли правителя — послѣднему оставалось только уловить его, разсчитавъ его наступленіе по непреложнымъ хронологическимъ даннымъ. Но мы знаемъ уже, какъ растяжима хронологія суевѣрія; въ данномъ случаѣ не было опредѣленнаго начальнаго года для счета вѣковъ, не было и несомнѣннаго опредѣленія того, что такое вѣкъ. Относительно этого послѣдняго существовали три теоріи: по однимъ, вѣкъ (saeculum) равнялся 110 годамъ, по другимъ, 100 (это — принятое у насъ опредѣленіе) по третьимъ, вѣкъ кончался тогда, когда умиралъ послѣдній изъ жившихъ или родившихся въ день его начала людей, а такъ какъ знать это было невозможно, то боги разными чудесными знаменіями доводятъ объ этомъ до свѣдѣнія людей. Наблюденіе такихъ знаменій подало нѣкогда, въ первую пуническую войну, поводъ къ учрежденію „вѣковыхъ игръ“ (ludi saeculares). Память объ этомъ

событіи была очень жива; она была связана, можно сказать, съ возникновеніемъ самой римской литературы.

Учрежденіе этихъ игръ состоялось по непосредственному внушенію Сивиллиныхъ книгъ. Въ Тарентѣ съ давнихъ поръ праздновались трехдневныя игры въ честь Аполлона-Гіакинѳа; это былъ умилостивительный и искупительный праздникъ. Теперь, около 250 года до Р. Х., толкователи Сивиллиныхъ книгъ, усматривая во множествѣ тревожныхъ знаменій указаніе на приближающійся конецъ вѣка, рѣшили, что эти „тарентинскія игры" должны быть перенесены въ Римъ и отпразднованы какъ „вѣковыя" съ тѣмъ, чтобы повторяться къ концу каждаго вѣка, но не чаще. Для этого нужно было пригласить въ Римъ образованнаго тарентинца, который хорошо бы зналъ и обряды празднества, и латинскій языкъ, и сдѣлать его римскимъ гражданиномъ, чтобы онъ „умилостивилъ боговъ по иноземному обряду, но съ римской душою". Удобнымъ для этого лицомъ оказался тарентинецъ Андроникъ; получивъ римское гражданство подъ именемъ М. Ливія Андроника, онъ научилъ своихъ новыхъ согражданъ обходить по всѣмъ правиламъ празднество „тарентинскихъ игръ". Оставшись затѣмъ въ Римѣ, онъ перевелъ по-латыни Одиссею, насадилъ путемъ переводовъ или подражаній греческимъ образцамъ другіе роды поэзіи—все это было, разумѣется, очень грубо и аляповато, но вызвало соревнованіе, и въ результатѣ вышло, что нашъ тарентинецъ, вызванный въ Римъ ради „вѣковыхъ игръ", сдѣлался родоначальникомъ римской литературы. Услужливая легенда тотчасъ явилась на помощь Сивиллѣ, вселяя въ римлянахъ убѣжденіе, что ихъ „вѣковыя игры" были не нововведеніемъ, а лишь возобновленіемъ обряда, правившагося съ самаго начала существованія города къ концу каждаго „вѣка".

Легко себѣ представить, съ какой готовностью Августъ взялся воскресить этотъ забытый обрядъ. „Тарентинскія игры" имѣли всѣ требуемыя данныя для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ то грандіозное искупительное торжество, котораго народъ требовалъ въ видахъ избавленія отъ кошмара угрожающаго свѣтопреставленія: онѣ сами по себѣ были искупительнымъ торжествомъ, онѣ были уже пріурочены къ истеченію отдѣльныхъ вѣковъ Сивиллиной пѣсни, онѣ правились, наконецъ, въ честь того же Аполлона, который былъ покровителемъ и Августа, и истекающаго десятаго вѣка. Оставалось опредѣлить въ точности годъ истеченія этого вѣка; толкователи Сивиллиныхъ книгъ, по неизвѣстнымъ намъ соображеніямъ, рѣшили, что таковымъ будетъ 23 годъ. На этотъ годъ игры и были назначены; очень вѣроятно, что Августъ потому поторопилъ свадьбу Марцелла и Юліи—жениху было всего 17, невѣстѣ всего 14 лѣтъ—чтобы, по развитымъ въ предыдущей главѣ соображеніямъ, пріурочить вѣковыя игры ко времени рожденія ожидаемаго наслѣдника. Когда же эта послѣдняя надежда не оправдалась, когда вмѣсто обѣщанной народу радости послѣдовала болѣзнь и смерть императорскаго зятя, — мысль объ искупительномъ торжествѣ была оставлена.

Навсегда, или только на время? На этотъ вопросъ трудно дать опредѣленный отвѣтъ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что черезъ

нѣсколько лѣтъ о ней заговорили опять. Юлія, по истеченіи предписаннаго обычаемъ времени вдовства, была выдана императоромъ за энергичнаго М. Агриппу, которому она вскорѣ—въ 19 г. до Р. Х.—родила сына; съ другой стороны парѳяне безъ войны признали себя побѣжденными и выдали Августу орловъ Крассовыхъ легіоновъ, такъ что и съ этой точки зрѣнія пророчество Сивиллы могло считаться исполнившимся. Непріятно, разумѣется, было то, что срокъ вѣковыхъ игръ былъ, собственно говоря, пропущенъ; но этому горю можно было пособить. Квиндецимвиры, провѣривъ сложные (м. пр. и астрологическіе) разсчеты, на основаніи которыхъ конецъ десятаго вѣка былъ пріуроченъ къ 23 году, нашли въ нихъ ошибку; по исправленіи этой ошибки оказалось, что началомъ новой эры долженъ быть признанъ не 23, а 17 годъ. Къ этому году и стали готовить неслыханныя по своей пышности „вѣковыя игры".

Объ этихъ играхъ мы имѣемъ довольно опредѣленное представленіе: о нихъ упоминаютъ не разъ позднѣйшіе авторы, къ тому же въ 1890 г., при регуляціи Тибра, были найдены оффиціальные документы, сюда относящіеся—указъ императора квиндецимвирамъ и два постановленія—съ точнымъ описаніемъ ритуала. Вѣстники приглашали народъ къ участію въ торжествѣ, „котораго никто никогда еще не видѣлъ и никто никогда болѣе не увидитъ"; съ 31 мая до 3 іюня длились празднества, происходившія непрерывно днемъ и ночью, при чемъ чередовались жертвоприношенія различнымъ богамъ, драматическія представленія въ театрахъ, угощенія, процессіи подъ звуки торжественныхъ славословій, и т. д. Изъ боговъ особое почтеніе было оказано Землѣ и Паркамъ, что объясняется искупительнымъ характеромъ праздника: имъ принадлежалъ запятнанный грѣхомъ родъ человѣческій, ихъ слѣдовало вознаградить за то, что они милостиво отпустили его изъ-подъ своей власти; но кромѣ того были почтены боги-покровители римской державы, Юпитеръ съ Юноной, затѣмъ—покровитель истекающаго вѣка, Аполлонъ съ Діаной и наконецъ — богини-заступницы родильницъ. Можно себѣ представить, съ какой благодарностью помолился бы народъ этимъ богинямъ, если бы торжество состоялось въ 23 г. послѣ благополучнаго рожденія „вожделѣннаго младенца"!

Съ особымъ интересомъ прочли мы въ новонайденныхъ документахъ слова: „По окончаніи жертвоприношенія двадцать семь отроковъ, сыновья живыхъ отцовъ и матерей, и столько же дѣвочекъ исполнили кантату; кантату написалъ Кв. Горацій Флаккъ. Эта кантата намъ сохранена; она издается въ собраніяхъ стихотвореній нашего поэта особо подъ заглавіемъ carmen saeculare. Не будучи вполнѣ свободной отъ недостатковъ, обыкновенно присущихъ кантатамъ, эта пѣснь тѣмъ не менѣе производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ радостнымъ, праздничнымъ настроеніемъ. Имъ дышитъ уже первый привѣтъ—привѣтъ Солнцу:

Солнце—кормилецъ, что день съ колесницей намъ ясной
Кажешь и прячешь, инымъ возрождаясь и тѣмъ же,

Пусть ничего на пути ты не узришь могучѣй
Города Рима!

Оно же царитъ и во всей остальной одѣ. Всѣмъ богамъ праздника воздана честь; съ народа сложена томящая обуза. Смѣлѣе смотрятъ участники торжества на встрѣчу грядущимъ временамъ: „Боги!“ взываютъ они,

Боги! возвысьте въ понятливой юности нравы!
Боги! вы старость святой тишиной окружите!
Ромула внукамъ—потомства, богатства и славы
Громкой пошлите!..
Съ древней Стыдливостью, съ Миромъ и Правдой дерзаетъ
Доблесть забытая вновь появляться межъ нами;
Снова Довольство отрадное всѣмъ разсыпаетъ
Рогъ свой съ дарами...

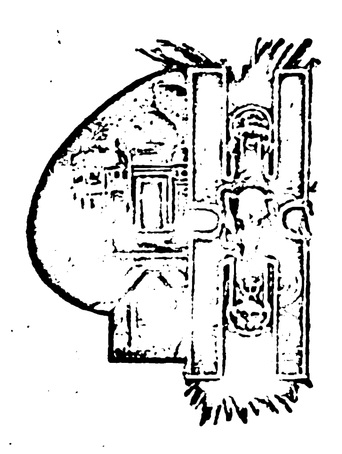
Это, хотя и въ болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ, то же чаяніе приближающагося золотаго вѣка, какъ и въ вышеприведенной эклогѣ Вергилія: возвращается Сатурново царство съ его довольствомъ, возвращается и дѣва-Правда со свитой своихъ ясныхъ сестеръ. Исполнилось ли это предсказаніе?.. Было бы странно и спрашивать объ этомъ. Дѣва-Правда осталась въ небесной лазури, гдѣ она пребываетъ и понынѣ; что же касается человѣчества, то хорошо было и то, что, благодаря радостному искупительному торжеству, оно надолго освободилось отъ того пугала, передъ которымъ оно трепетало до тѣхъ поръ—отъ перваго въ лѣтописяхъ исторіи „свѣтопреставленія“.

Ѳ. Зѣлинскій.

„Принцъ Ммая-до“.[1]

Очеркъ изъ исторіи Японіи по оригинальнымъ японскимъ источникамъ[2]).

ИЗНЬ и дѣянія царскаго сына принца Ммая-до съ одной стороны посвящены развитію буддизма въ Японіи и административной дѣятельности, съ другой, при непосредственномъ его участіи въ управленіи страною, упорядоченію государственныхъ учрежденій и многаго другаго. Такъ, между прочимъ, имъ былъ составленъ „законъ изъ 17 статей“ (цзіу-сици-кен-поо), благодаря которому принцъ Ммая-до можетъ считаться первымъ законодателемъ въ странѣ; до него въ Японіи не имѣлось ни одного писаннаго закона. Но тутъ же слѣдуетъ замѣтить, что „законъ изъ 17 статей“, обнародованный въ 604 году при императрицѣ Суйко, носитъ характеръ не юридическій, а философско-нравственный, почему и долженъ быть скорѣе названъ „оффиціальнымъ наставленіемъ“. Впрочемъ, ниже изъ приведеннаго въ своемъ мѣстѣ перевода этого историческаго памятника само собою станетъ ясно, насколько „законъ изъ 17 статей“ долженъ называться „оффиціальнымъ наставленіемъ“, а не юридическимъ закономъ въ точномъ смыслѣ этого слова.

Теперь, прежде чѣмъ приступить къ изложенію біографическаго очерка принца Ммая-до, я полагаю, что не будетъ лишнимъ познакомиться съ тѣмъ, какъ тогдашніе японцы взволновались при появленіи буддизма въ странѣ и боролись изъ-за него между собою. Надо знать, что въ Японіи съ незапамятныхъ временъ существовало и существуетъ еще и понынѣ особаго рода поклоненіе:—поклоненіе миѳологиче-

---

[1]) Краткія свѣдѣнія о принцѣ Ммая-до, жившемъ въ 573—621 г. до Р. Х., сообщаются здѣсь въ связи съ данными о появленіи буддизма въ Японіи.

[2]) Дай-Нихон-си. Хон-ціо-цу-ган. Нихон-кхо, Тайси-ден-реки, Ки-зи-ки. Има-мукаси - моногатари, Кок-си-ряку, Ниин-си-коо. Коку-си-цуу-кай. Нихо-цин-си-тэй-іоо. Син-сэн-нэн-піоо и др.

скимъ духамъ, благодѣтельствовавшимъ странѣ и народу. Среди послѣднихъ особенною популярностью пользуется царица Ама-тэрасу-Оогами, что значитъ: великая богиня, озаряющая вселенную, божество солнца. Изъ японской исторіи видно, что первый историческій императоръ Японіи Зимму (660—585 до Р. X.) на четвертомъ году своего царствованія торжественно совершилъ обрядъ поклоненія этимъ миѳологическимъ духамъ, какъ своимъ предкамъ, и тѣмъ положилъ основаніе для послѣдующихъ императоровъ дѣлать то же. Съ теченіемъ времени такое поклоненіе, получивъ болѣе или менѣе опредѣленную форму, превратилось въ національную японскую религію, извѣстную подъ именемъ Синтоо (синтоизма). И вотъ, послѣдователи-то синтоизма и оказались непримиримыми врагами буддизма, перешедшаго въ Японію чрезъ древнихъ корейцевъ, впервые привезшихъ въ нее въ 552 году по Р. X. статую Будды, балдахины, хоругви и нѣсколько буддійскихъ книгъ. Но тутъ я замѣчу, что еще гораздо ранѣе появленія буддизма въ Японіи водворилось ученіе Конфуція, которое, какъ вовсе не религія, а ученіе морально-гражданское, не только не было встрѣчено враждебно со стороны синтоистовъ, а наоборотъ, скорѣе слилось съ ними и, усиливъ въ нихъ духъ почтенія къ своимъ отдаленнымъ предкамъ, содѣйствовало имъ въ борьбѣ съ буддизмомъ.

Статуя Будды и нѣкоторыя книги его ученія были поднесены корейцами отъ имени Хякусайскаго князя Сеймей тогдашнему императору Киммей (541—571). Это подношеніе сопровождалось объясненіемъ о величіи и превосходствѣ буддизма надъ другими религіями. Но императоръ, прежде чѣмъ принять въ даръ статую Будды и оказать должное вниманіе буддійскому ученію, рѣшилъ узнать мнѣніе о томъ отъ своихъ приближенныхъ. Такихъ мнѣній оказалось два, и другъ другу совершенно противоположныхъ. Великій сановникъ Сога-но Иname высказался за буддизмъ. Онъ сказалъ: „Во всѣхъ западныхъ странахъ молятся этому богу, какъ же въ одной нашей Японіи не почтить его". Другой же сановникъ Мононобе-но Окоси и его товарищъ Камако отнеслись къ буддизму враждебно: „Въ нашемъ государствѣ, сказали они, каждое время года молятся 180 духамъ неба и земли, какъ же можно, вопреки издавна существующему обычаю, поклоняться чужеземному богу". „Нѣтъ, нельзя этого дѣлать", воскликнули они, „иначе

боги наши покараютъ насъ". Императоръ, выслушавъ оба мнѣнія, склонился на сторону послѣдняго, почему и приказалъ только одному Сога-но Инаме воздать хвалу Буддѣ. Сога-но Инаме съ радостью исполнилъ повелѣніе своего монарха: онъ всталъ на колѣни предъ статуей Будды и затѣмъ принялъ ее въ свой дворецъ. Къ несчастію для буддистовъ, въ скоромъ времени послѣ этого Японію постигла эпидемическая болѣзнь, и много бѣдъ она натворила среди ея населенія. Бѣдствіемъ какъ нельзя лучше воспользовались оба вышеназванные противника буддизма. Они доложили императору, что такое тяжелое горе постигло его страну за то, что не внялъ онъ въ свое время ихъ мнѣнію о Буддѣ, не принялъ противъ буддизма мѣръ энергическихъ. „Прикажи же теперь", сказали они ему, „уничтожить статую Будды". И внялъ ихъ слову императоръ Киммей: онъ приказалъ выбросить статую Будды въ рѣку Нанива[1]) и сжечь буддійскую кумирню. Но, несмотря на такое гоненіе, не исчезъ буддизмъ въ Японіи. Благодаря постоянному наплыву съ материка ученыхъ монаховъ, буддійскихъ книгъ и тому подобнаго, буддизмъ сталъ исподволь запускать глубокіе корни въ страну, тѣмъ болѣе, что и гоненіе-то въ Японіи на него ограничивалось лишь сожженіемъ храмовъ и бросаціемъ идоловъ въ воду, но никогда, какъ это ни странно, не было запрещено народу исповѣдывать буддизмъ. Изъ такого факта сама собою вытекаетъ терпимость къ буддійской религіи.

Борьба синтоизма съ буддизмомъ въ царствованіе императора Битацу (572—585 г.) была еще сильнѣе, чѣмъ въ предыдущее царствованіе. Въ это время должности великихъ сановниковъ занимали сыновья великихъ сановниковъ царствованія Киммея. Такъ, Сога-но-Ммако сынъ Сога-но-Инаме, а Мононобе-но Морія—сынъ Мононобе-но Окоси. Но оба они, какъ послѣдователи религіи своихъ отцовъ, находились между собою въ далеко не дружескихъ отношеніяхъ. Мононобе-но Морія, пользуясь особымъ расположеніемъ императора, такого же, какъ и онъ, ревностнаго сторонника

[1]) Эта статуя Будды была сдѣлана изъ чистой платины, глазами же ея были два драгоцѣнные алмаза. Преданіе гласитъ, что впослѣдствіи нѣкій рыбакъ, будучи крайне пораженъ ея блескомъ, вытащилъ ее неводомъ. Извлеченная такимъ образомъ изъ воды, статуя Будды была привезена въ провинцію Синано. Много позднѣе для нея воздвигли извѣстный храмъ въ Японіи Зенкоози, святыней котораго она служитъ и понынѣ.

синтоизма, ждалъ только удобнаго момента начать свое гоненіе противъ буддизма. Ждать ему долго не пришлось. Въ 585 году новое народное бѣдствіе, эпидемическая болѣзнь, постигло Японію, и императоръ, по наущенію Морія, издалъ указъ: выбросить всѣхъ буддійскихъ идоловъ въ рѣку Нанива[1]), сжечь буддійскія кумирни, а монаховъ и монахинь обратить въ свѣтскихъ людей. Но тогда какъ Монопобе-но Морія занимался гоненіемъ буддизма, Сога-но Ммако, какъ буддистъ, поощрялъ распространеніе буддійской религіи: онъ строилъ храмы, увеличивалъ количество идоловъ и обращалъ людей свѣтскихъ въ монахи. Вѣсть о такихъ дѣяніяхъ Сога-но Ммако достигла уха повелителя. „Вѣрь Буддѣ одинъ, если хочешь", сказалъ Битацу Ммако, при первой же съ нимъ встрѣчѣ, „но не смѣй совращать въ эту вѣру другихъ". Однако, не смутился великій сановникъ-буддистъ строгимъ выговоромъ своего повелителя, напротивъ, онъ былъ даже очень радъ: слова императора предоставляли ему полную свободу исповѣдывать буддизмъ. Но зато онъ затаилъ въ своемъ сердцѣ страшную злобу противъ Монопобе-но Морія, такъ какъ никто иной, какъ онъ, довелъ его до выговора императора.

При слѣдующихъ двухъ императорахъ Іо-мей (585—586) и Сузюнъ (586—592) вражда между синтоистами и буддистами достигла своего апогея. Тутъ она уже не ограничилась одними религіозными распрями, а выйдя изъ предѣловъ религіозности, отразилась на дѣлахъ государственныхъ и вызвала кровопролитіе. Въ царствованіе императора Іо-мея положеніе обоихъ сановниковъ измѣнилось. Сога-но Ммако, какъ родственникъ повелителя Японіи, сдѣлался его любимцемъ, да къ тому же и самъ Іо-мей скорѣе былъ буддистъ, чѣмъ синтоистъ. Монопобе-но же Морія, не видя поддержки со стороны императора, сталъ заискивать у его брата Анахобе, человѣка крайне безнравственнаго и дурнаго. Такъ однажды онъ намѣревался посягнуть на честь вдовы Битацу, царицы Касикіяхиме, но вѣрный ея сановникъ Мива-но Сакае не допускалъ Анахобе войти въ ея дворецъ. Изступленный братъ Іо-мея въ сообщниче-

[1]) Эти идолы были сдѣланы изъ огнеупорнаго металла—платины. Въ то время никому въ Японіи не былъ извѣстенъ способъ плавки платины, а потому, когда Мононобе-но Морія, желая доказать безсиліе Будды, заставилъ расплавить его статуи въ огнѣ, семь сутокъ трудились японцы, но ничего подѣлать не могли. Раздосадованный сановникъ приказалъ выбросить статуи Будды въ рѣку.

ствѣ Мононобе-но Морія убилъ вѣрнаго своему долгу Мивано Сакае. И вотъ такого-то человѣка Морія, по смерти императора Іо-мея, желалъ всѣми силами возвести на престолъ. Но намѣренію защитника синтоистовъ не довелось исполниться. Сога-но Ммако во-время подослалъ воиновъ, которые и покончили съ жизнью Анахобе.

По смерти Іо-мея въ Японіи наступило кратковременное междуцарствіе. Это время было временемъ кровопролитной борьбы двухъ религіозныхъ партій, во главѣ которыхъ стояли все тѣ же два великихъ сановника. Тогда же появился на сцену и принцъ Ммая-до—сторонникъ буддистовъ. Послѣ нѣсколькихъ жаркихъ сраженій Мононобе-но Морія, потерпѣвъ пораженіе, былъ убитъ, а все его конфискованное имущество было пожертвовано въ пользу храмовъ. Съ этого дня вліяніе Сога-но Ммако сдѣлалось настолько сильнымъ, что императоръ Сузюнъ, вступившій на престолъ послѣ междуцарствія и ненавидѣвшій Сога-но Ммако, палъ отъ руки убійцы, подосланнаго къ нему послѣднимъ. Этотъ фактъ замѣчателенъ тѣмъ, что убійство императора Сузюна являлось единственнымъ злодѣйскимъ и позорнымъ убійствомъ микадо (императора) въ исторіи Японіи. Вотъ до чего довелъ буддизмъ тогдашнихъ японцевъ!

Послѣ смерти императора Сузюна на престолъ вступила вдовствующая царица Касикіяхиме, извѣстная болѣе въ исторіи Японіи подъ именемъ императрицы Суйко[1]) (592—628). Ея царствованіе знаменито полнымъ утвержденіемъ буддизма въ Японіи, чему не мало способствовалъ принцъ Ммая-до, прозванный за свой умъ и религіозность Со-токутайси, что значитъ: „премудрый царевичъ". Теперь я приступлю къ его біографіи и описанію его дѣятельности.

Принцъ Ммая-до былъ старшимъ сыномъ[2]) принца Тоёхи, впослѣдствіи императора Японіи подъ именемъ Іо-мея, отъ жены его Анахобе-но Хасито[3]). Само его рожденіе произо-

---

[1]) Царицѣ Касикіяхиме, той самой, на честь которой посягалъ братъ императора Іо-мея Анахобе, не разъ предлагалось вступить на престолъ послѣ смерти Сузюна, но она постоянно отказывалась отъ этой великой чести и только подконецъ уступила усиленнымъ просьбамъ сановниковъ.

[2]) По нѣкоторымъ описаніямъ Ммая-до считается вторымъ сыномъ Іо-мея, но есть основаніе полагать, что это ошибка, происшедшая отъ смѣшенія принца Ммая-до съ однимъ изъ побочныхъ сыновей Іо-мея

[3]) О зачатіи принца Ммая-до преданіе разсказываетъ слѣдующее: Однажды Анахобе-но Хасито явился во снѣ монахъ въ золотой одеждѣ и обратился къ ней съ такими словами: „Я клялся спасти міръ и желалъ бы быть въ твоемъ чревѣ." „Но кто вы такой?" спросила его Анохобе-но

шло при довольно странной обстановкѣ. Въ первый день перваго мѣсяца 573 года Анахобе-но Хасито, выйдя изъ дворца посмотрѣть разнаго рода дворцовыя службы и дойдя до двери императорскихъ конюшенъ, вдругъ разрѣшилась сыномъ. Этотъ сынъ и былъ принцъ Ммая-до, имя котораго въ переводѣ означаетъ: „конюшенныя двери“. Съ ранняго дѣтства ребенокъ сталъ уже отличаться чѣмъ-то особеннымъ. Изъ знакомства со многими историческими сочиненіями видно, что не исполнилось ему еще и полугода отъ роду, какъ младенецъ сталъ говорить и изъясняться ясно и толково. Случилось однажды маленькому принцу Ммая-до (тогда ему было года четыре) играть съ своими родственниками, сверстниками въ одной изъ комнатъ дворца. Дѣти поспорили и подняли отъ бѣготни и криковъ такой сильный шумъ и гамъ, что Тоёхи выскочилъ съ плетью въ рукахъ и по-своему желалъ расправиться съ мальчиками. Но при видѣ его и плетки, всѣ дѣти разбѣжались кто куда попало. Одинъ только Ммая-до не испугался своего отца, а двинулся къ нему навстрѣчу съ обнаженными плечами. „Что ты дѣлаешь“—закричалъ на него Тоёхи. „Ничего“, отвѣтилъ спокойно Ммая-до, „я знаю, что нельзя мнѣ подняться по лѣстницѣ на небо и скрыться на немъ, знаю я, что нельзя мнѣ и подкопаться подъ землю и укрыться подъ ней, такъ потому я иду къ тебѣ—бей меня!“ Понятно, что послѣ такихъ словъ отецъ не наказалъ своего сына, но не могъ и не удивиться его разсужденію. Занятія молодаго принца начались довольно рано и главнымъ образомъ состояли изъ чтенія китайскихъ классиковъ. Но въ то же время въ странѣ распространилось не мало буддійскихъ книгъ, съ которыми Ммая-до и познакомился подъ руководствомъ людей ученыхъ, преимущественно монаховъ“[1]). Впослѣдствіи

Хасито. «Я Босацу, я существо спасенія міра», отвѣчалъ монахъ, „а живу я на Западѣ“. „Но мое тѣло нечистое, какъ же вы можете находиться въ немъ?“ „Я нечистымъ не брезгаю», воскликнулъ монахъ и, подскочивъ, влетѣлъ черезъ ея ротъ въ нее. Послѣ этого Анахобе-но Хасито проснулась и почувствовала, что что-то сидитъ въ ея горлѣ. Вскорѣ она оказалась беременной. Кромѣ сего біографія принца Ммая-до изобилуетъ массой другихъ разсказовъ, столь же нелѣпыхъ, какъ и этотъ. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что, когда принесли новорожденнаго принца во дворецъ,—то отъ него блеснулъ ярко-красный свѣтъ, озарившій всю комнату, что отъ него вѣяло ароматами и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что такія росказни выдуманы фанатическими буддійскими монахами для возвеличенія достоинства Ммая-до.

[1]) Въ нѣкоторыхъ описаніяхъ жизни Ммая-до говорится, что на седьмомъ году отъ роду онъ, съ разрѣшенія дяди своего, императора Битацу, прочелъ многотомное буддійское сочиненіе „Кіо-ронъ“. По про-

двумя его главными наставниками явились Каку-ка и Кей-цзю [1]: первый, какъ наставникъ по части конфуціанства и китайской классической словесности, второй же, знаменитый монахъ изъ страны Кома (Коорай)—по части буддизма.

Принцъ Ммая-до, одаренный съ молодыхъ лѣтъ недюжинными способностями, оказалъ блестящіе успѣхи въ изученіи современныхъ наукъ. Классическую китайскую литературу онъ изучилъ въ совершенствѣ, почему и пользовался ею безъ всякихъ затрудненій [2]. Изученіе же буддизма такъ повліяло на его душу, что онъ сдѣлался истиннымъ его поклонникомъ до конца жизни; это же и дало ему поводъ сдружиться съ Согано-но Ммако. Въ совершеннолѣтнемъ возрастѣ Ммая-до занималъ одно время должность судьи и, какъ судья, достигъ большой славы. Говорятъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе разбирать по нѣскольку дѣлъ сразу, и рѣшенія его были всегда справедливы. Такъ, однажды, онъ разобралъ въ одно и то же время сложныя дѣла 10 лицъ, одновременно просившихъ его о разсмотрѣніи таковыхъ. За такія судейскія способности народъ его прозвалъ: „Тоёто-ми-ми-но-микото“ [3], что значитъ „всеслышащій царевичъ“. Вскорѣ послѣ этого отецъ Тоёхи, какъ бы въ награду, отвелъ ему верхній дворецъ, и тогда къ первому названію принца присоединилось второе „Уеномія“ (верхній дворецъ), что въ общемъ составило довольно длинное наименованіе Ммая-до: „Уено-мія-но-Ммая-до-но-Тоёто-мими-но-мико-но-микото“.

Однажды, въ 585 году при императорѣ Битацу, великій сановникъ Согано-но Ммако сильно заболѣлъ. Желая получить облегченіе отъ болѣзни, онъ просилъ императора разрѣшить ему помолиться Буддѣ о своемъ выздоровленіи. Но Битацу, какъ я уже писалъ выше, ненавидѣлъ буддизмъ и

чтеніи его малолѣтній Ммая-до предложилъ своему дядѣ установить шесть дней воздержанія (не охотиться, не убивать животныхъ и т. п.), что, говорятъ, вскорѣ и было исполнено. Хотя такія описанія и приправлены нѣсколько фантастическими разсказами буддійскихъ монаховъ, тѣмъ не менѣе нельзя не заключить изъ нихъ, что дѣйствительно принцъ Ммая-до съ ранняго возраста питалъ большую любовь къ чтенію.

[1]) Кей-цзю прибылъ въ Японію въ 592 году. Отъ него Ммая-до воспринялъ пять заповѣдей, послѣ чего далъ себѣ, на-подобіе буддійскихъ монаховъ, особое имя Сёо-манъ (названіе одной буддійской книги). Этимъ именемъ онъ подписывалъ всѣ бумаги, касавшіяся буддизма.

[2]) Какъ извѣстно, буддійскія книги были издавна переведены въ Китаѣ съ санскритскаго языка и въ такомъ видѣ привезены въ Японію. Слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ммая-до могъ познакомиться съ буддійскими книгами только на классическомъ китайскомъ языкѣ.

[3]) Или „Яцу-мими-но микото“, т. е. восьмиушный царевичъ.

потому не желалъ разрѣшить сановнику совершить буддійскую молитву. Тѣмъ не менѣе онъ поинтересовался узнать мнѣніе о томъ отъ принца Ммая-до. „Какъ ты думаешь", спросилъ онъ его, „разрѣшить мнѣ Ммако принести молитву Буддѣ или нѣтъ, вѣдь у насъ свои есть боги, отчего же ему молиться чужеземному?" На это Ммая-до отвѣтилъ императору такъ: „Сущность ученія Будды и его святыхъ та же, что и отечественныхъ боговъ; почему же не разрѣшить Ммако помолиться Буддѣ за счастье свое и государство?" Слова принца заставили императора исполнить просьбу Ммако. Вскорѣ страну постигла эпидемическая болѣзнь. Синтоисты Мононобе-но Морія и Накаоми-но Кацуми приписали бѣдствіе Буддѣ и вызвали тѣмъ, какъ уже извѣстно, гоненіе на буддизмъ.

Въ концѣ 585 года умеръ императоръ Битацу. Ему наслѣдовалъ принцъ Тоёхи (императоръ Іо-мей), отецъ принца Ммая-до. Но къ великому горю сына и буддистовъ, онъ процарствовалъ только годъ и сильно заболѣлъ. Опечаленный Ммая-до, день и ночь находясь возлѣ больнаго отца, усердно молился о его здравіи тремъ сокровищамъ буддизма[1], и громкая его молитва нѣсколько сутокъ нарушала общую тишину дворца. Долго съ умиленіемъ слушалъ больной императоръ буддійскія молитвы и потому неудивительно, что пожелалъ перейти въ буддизмъ. Вѣсть о такомъ намѣреніи быстро облетѣла царедворцевъ, и такъ какъ ни одинъ повелитель Японіи не переходилъ въ буддійскую религію, то рѣшено было собрать совѣтъ. Несомнѣнно, что Морія и Кацуми явились самыми ярыми противниками желанія императора, но что же они могли подѣлать, когда Ммако, пользовавшійся въ то время особымъ расположеніемъ Іо-мея, открыто заявилъ всѣмъ, что идти противъ желенія микадо не подобаетъ. Это и рѣшило дѣло въ пользу буддизма. Съ сего времени буддисты воспряли духомъ, а ко двору былъ вызванъ ученый буддистъ[2]) изъ провинціи Тоёкуни (на о. Кіусіу). Принцъ Ммая-до и Ммако торжествовали. Они видѣли свою побѣду надъ синтоистами и не могли не радоваться токому факту. „Знаешь ли что", сказалъ однажды Ммая-до со слезами на глазахъ, крѣпко пожимая руку Ммако, „глубокій смыслъ трехъ сокровищъ

---

[1]) Три сокровища, три драгоцѣнности буддизма: Будда, законъ (ученіе) и монашествующіе (въ смыслѣ общины, церкви).

[2]) Имя этого ученаго буддиста неизвѣстно.

людямъ неизвѣстенъ, и потому они такъ безразсудно возбуждаются непріязнью къ этой священной тріадѣ. Однако я весьма радъ, что мы съ тобой направили свои сердца къ истинному счастію". Глубоко тронутый словами принца Ммако, низко поклонившись ему, воскликнулъ: „Это благодаря вашей мудрости возвысился буддизмъ, а потому да будетъ день моей смерти равенъ дню моего рожденія!"

„Но тогда какъ Ммая-до и Ммако торжествовали, Морія, Кацуми и ихъ единомышленники съ ненавистью отнеслись къ совершившемуся событію. Къ тому же до Мононобе-но Морія дошелъ слухъ о словахъ Ммая-до, порицавшихъ его дѣйствія и предсказывавшихъ ему бѣду. Такая вѣсть заставила осторожнаго сановника окружить себя вооруженной охраной, къ нему же и присоединился Кацуми съ своими воинами. Послѣдній, впрочемъ, былъ скоро убитъ.

Все это совершилось во время болѣзни императора Іомея, который, какъ человѣкъ больной, относился ко всему индифферентно. Болѣзнь его съ каждымъ днемъ ухудшалась, и наконецъ онъ почувствовалъ себя настолько плохо, что, желая выздоровѣть, далъ клятву построить храмъ и статую во имя Будды-врачевателя (Якуси). Но ни клятва, ни даже переходъ его въ буддизмъ,—ничто не помогло, и императоръ Іо-мей умеръ такъ же, какъ умирали и всѣ его предшественники. Со дня смерти Іо-мея наступило временное междуцарствіе. Я уже упоминалъ выше о намѣреніи Морія возвести на престолъ брата покойнаго императора принца Анахобе. Но Ммако не допустилъ совершиться такому факту: онъ, несмотря на протесты Ммая-до, при помощи подосланныхъ убійцъ, покончилъ съ братомъ императора. Отдѣлавшись отъ Анахобе, Ммако рѣшилъ во что бы то ни стало стереть съ лица земли и Морія, но, какъ видно, привести такое свое намѣреніе въ исполненіе ему не легко пришлось. Кровопролитная борьба ожидала его впереди. Въ сраженіи противъ Морія участвовалъ и принцъ Ммая-до. Въ это время онъ, согласно тогдашнему обычаю (похороны микадо еще не состоялись), носилъ довольно оригинальную прическу: волосы его были зачесаны на лобъ и связаны впереди шнуркомъ, голова же его была украшена четырьмя маленькими идолами, сдѣланными изъ платановаго дерева. Эти идолы изображали буддійскихъ небесныхъ полководцевъ, хранителей четырехъ странъ свѣта. Имъ принцъ Ммая-до молился о побѣдѣ и далъ обѣтъ, въ случаѣ удачи,

воздвигнуть во имя ихъ храмъ. Побѣда, какъ извѣстно, осталась на сторонѣ Ммако и Ммая-до. Морія былъ убитъ, а принцъ привелъ свой обѣтъ въ исполненіе.

Послѣ кратковременнаго междуцарствія на японскій престолъ вступилъ императоръ Суцзюнъ—дядя принца Ммая-до. Съ перваго дня своего царствованія Суцзюнъ возненавидѣлъ Ммако. „Я", сказалъ онъ однажды принцу Ммая-до, указывая на Ммако, „ненавижу этого царедворца за его необузданный нравъ и корыстолюбіе, и вѣрь мнѣ, что подъ личиной буддиста онъ совершаетъ только однѣ подлости". Ммая-до согласился съ мнѣніемъ своего дяди, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его за своего друга. „Пощади его", говорилъ онъ императору, „кто знаетъ, быть можетъ, онъ исправится". Но раздраженный микадо, хотя и щадилъ опальнаго сановника, тѣмъ не менѣе открыто высказывался противъ него. Такъ однажды зимой въ 592 году, когда императору нѣкій охотникъ преподнесъ живаго кабана, Сюцзюнъ воскликнулъ: „когда же наконецъ зарѣжутъ ненавистнаго мнѣ человѣка такъ, какъ зарѣжутъ сейчасъ эту свинью?" Словомъ, положеніе друга принца было не изъ завидныхъ, но онъ, какъ извѣстно, обладалъ энергіей, и съ врагами не стѣснялся. „Надо убить Суцзюна", рѣшилъ Ммако, „инаго исхода нѣтъ". И какъ ни старался послѣ этого Ммая-до остановить преступленіе, какъ ни молился онъ Буддѣ о спасеніи своего дяди, мѣсяцъ спустя въ Японіи совершилось убійство микадо: Суцзюнъ палъ отъ руки убійцы [1]), подосланнаго Ммако [2]). Въ скоромъ времени убійцу казнили, но и Ммако за свою подлость заслужилъ вѣчную ненависть со стороны японскаго народа. Однако, какъ ни странно, Ммая-до, хотя и говорилъ открыто, что опозоренное имя останется навѣки въ памяти народа, тѣмъ не менѣе не только не могъ отдѣлаться отъ Ммако, но и не смѣлъ ему противорѣчить. Такой фактъ является фактомъ исторически необъяснимымъ, и потому каждый историкъ разбираетъ его посвоему.

---

[1]) Убійца Суцзюна Атаи-Кома, пользуясь покровительствомъ Ммако, не былъ казненъ да, вѣроятно, и совсѣмъ бы не получилъ возмездія за свое преступленіе, если бы не похитилъ дочь своего покровителя. По открытіи похищенія Атаи-Кома былъ скоро пойманъ, привязанъ къ дереву и разстрѣлянъ изъ лука лично самимъ Ммако. Во всякомъ случаѣ смерть убійцы послѣдовала вскорѣ послѣ смерти императора.

[2]) Когда вѣсть объ этомъ дошла до Ммая-до, онъ рыдалъ нѣсколько дней и подъ конецъ утѣшился только тѣмъ, что мученическая кончина Суцзюна являлась какъ бы возмездіемъ ему за прошлую его жизнь.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ года смерти императора Суцзюна на престолъ Японіи вступила вдовствующая царица Тоёмике Касикіяхиме (Суйко). Въ первый же годъ своего царствованія она назначила принца Ммая-до наслѣдникомъ престола и ввѣрила ему управленіе страною. Съ этого дня для Ммая-до открылось широкое поле дѣятельности, и ему пришлось уже не ограничиваться только однимъ буддизмомъ, а потребовалось примѣнить и конфуціанство: вліяніе послѣдняго особенно отразилось на законѣ изъ 17 статей. Но, занимаясь государственнымъ благоустройствомъ [1]), принцъ Ммая-до не терялъ надежды утвердить буддизмъ въ странѣ. Всѣ его усилія были направлены къ этому дѣлу, и они не пропали даромъ. Такъ, на второмъ году царствованія Суйко послѣдовалъ указъ объ утвержденіи буддизма, послѣ чего всѣ сановники усердно стали строить храмы и пагоды. Въ 596 году извѣстный ученый буддистъ Кей-цзю и монахъ Кейсоо, поселившись при храмѣ Хоо-коо-цзи, построенномъ Ммая-до, спеціально занялись распространеніемъ буддійской религіи. Оба они считались защитниками трехъ сокровищъ буддизма.

Въ 603 году принцъ Ммая-до установилъ 12 степеней чиновъ; всѣ они различались между собой только правомъ чиновниковъ того или другаго чина носить особый костюмъ, цвѣтъ одежды, головной уборъ и прическу. Въ четвертомъ же мѣсяцѣ 604 года былъ обнародованъ составленный Ммая-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время правительство Японіи было занято не только однимъ внутреннимъ благоустройствомъ страны, но и усмиреніемъ тогдашнихъ корейцевъ (корейцы, раздѣлившись на 3 другъ другу враждебныхъ княжества, своими распрями постоянно безпокоили Японію) и установленіемъ сношеній съ Китаемъ. Не мало дѣла было у принца Ммая-до. Императрица Суйко, 31 микадо по порядку отъ Зимму, оказалась первой женщиной, вступившей на престолъ Японіи. Она чтила буддизмъ и сильно содѣйствовала его развитію въ странѣ; тѣмъ не менѣе, какъ повелительница Японіи, не могла и игнорировать миѳологическихъ духовъ. Поэтому въ 607 году былъ изданъ манифестъ: „Мы знаемъ, что наши предки императоры съ глубокимъ почтеніемъ поклонялись духамъ, осчастливившимъ нашу страну и народъ всѣмъ видимымъ. Какъ же можно предать забвенію такой святой обычай, искони существующій въ странѣ и т. д". Прочитавъ его, всѣ сановники, не исключая принца Ммая-до и Ммако, совершили поклоненіе духамъ. Тутъ кстати я считаю умѣстнымъ замѣтить, что съ самой древности и до настоящаго времени синтоизмъ и буддизмъ въ Японіи идутъ каждый самъ по себѣ. Повсюду высятся храмы синтоистическіе и буддійскіе, но число первыхъ гораздо больше числа послѣднихъ. Надо замѣтить, что синтоизмъ является какъ бы патріотической религіей въ Японіи, и потому буддизму дѣйствительно не мало приходилось съ нимъ считаться. Нѣтъ сомнѣнія, что даже такой извѣстный буддійскій миссіонеръ, какъ Кукай (въ IX вѣкѣ по Р. Х.), разъ бы онъ только посягнулъ на честь миѳологическихъ духовъ, не былъ бы въ состояніи распространить буддизмъ въ Японіи.

до законъ изъ 17 статей. Прослѣдимъ же теперь этотъ законъ, который я, по возможности, перевелъ дословно.

1. Согласіе и дружба служатъ основаніемъ жизни. Люди бываютъ разнаго развитія, и свѣдущихъ среди нихъ очень мало, вотъ почему часто встрѣчаются: непокорные сыновья, непреданные слуги, недоброжелательные сосѣди и т. п. Но когда высшіе и низшіе, старшіе и младшіе живутъ между собою въ дружбѣ и единодушіи въ дѣлахъ, то дѣла ихъ, идя по законному направленію, не встрѣчаютъ препятствія въ своемъ исполненіи.

2. Чти всей душой три сокровища (буддизма). Они же суть: Будда, законъ и монашествующіе, и это является конечной цѣлью жизни всѣхъ живыхъ и хранилищемъ силъ всѣхъ странъ. Не было и не будетъ вѣка, не было и не будетъ человѣка, который бы не почиталъ это руководящее начало. Трудно найти человѣка неисправимо злаго. Надо учить и исправить его. Но какъ же исправить испорченную натуру человѣка, не обращаясь къ тремъ сокровищамъ буддизма?

3. Къ императорскому повелѣнію каждый долженъ относиться съ благоговѣніемъ. Государь чтится подобно небу, подданные же сравниваются съ землей. Небо покрываетъ, земля поддерживаетъ, а потому времена года идутъ правильно, и всѣ атмосферныя явленія проникаютъ повсюду. Но если бы земля пожелала опрокинуть небо, то сама бы только разрушилась. По сей причинѣ государь приказываетъ, слуги подчиняются, высшіе дѣйствуютъ, низшіе повинуются. Слѣдовательно, къ императорскимъ повелѣніямъ должно относиться благоговѣйно, и нельзя поступать иначе, чтобы не погубить самого себя.

4. Всѣ сановники и всѣ чиновники должны принять за начало всѣхъ своихъ дѣйствій благочиніе (этику, церемонію). При управленіи народомъ оно необходимо, такъ какъ если высшіе не соблюдаютъ благочинія, то и низшіе, не уважая его, нравственно разлагаются, и потому преступленія неизбѣжны. По сему когда государь и слуги соблюдаютъ благочиніе, то и порядокъ чинопочитанія не исчезаетъ, а если еще и народъ чтитъ его, то государство само по себѣ упорядочивается.

5. Воздерживайся отъ обжорства, отбрось свои страсти! Ясно и нелицепріятно разбирай тяжбы! Помни, что тяжебъ народа въ день насчитывается до тысячи! Сколько же ихъ

будетъ за нѣсколько лѣтъ? Положимъ, что судьи имѣютъ обыкновеніе разсчитывать на выгоду и потому рѣшаютъ дѣла по взяткамъ. Въ такомъ случаѣ тяжбы богатыхъ подобны бросанію камня въ воду, а неимущихъ—бросанію воды внутрь камня, и не знаетъ тогда бѣдный людъ, на кого ему опереться. При такомъ положеніи дѣла долгъ чиновниковъ считается нарушеннымъ.

6. Древній образцовый законъ: наказывать зло, поощрять добро. Потому нельзя скрывать добрыя дѣянія человѣка и не искоренять зла. Лживые люди, обманщики являются для государства опасными разрушительными факторами, а для народа острыми мечами. Угодники, льстецы охотно болтаютъ передъ высшими о поступкахъ низшихъ, а предъ послѣдними порицаютъ ошибки первыхъ. Тѣ и другіе люди чужды всякимъ чувствамъ преданности государю и человѣколюбія къ народу: они источники большаго безпорядка въ государствѣ.

7. У каждаго есть своя обязанность (должность), которую онъ долженъ исполнять строго. Когда мудрые и правдивые люди состоятъ на службѣ, то похвальные отзывы раздаются отовсюду, когда же на ихъ мѣстѣ люди лживые, то несчастіямъ и безпорядкамъ нѣтъ конца. Мало людей на свѣтѣ отъ рожденія умныхъ, и потому только отъ продолжительнаго опыта и размышленій человѣкъ становится мудрымъ. Всѣ дѣла, какъ большія, такъ и малыя, разъ только они завѣдываются людьми достойными, движутся въ порядкѣ: все совершается само собой тихо и спокойно. Это залогъ вѣчнаго спокойствія государства, такъ какъ нѣтъ уже тогда для него ничего опаснаго. Вотъ почему древніе мудрые императоры искали человѣка для должности, а не должность для него.

8. Всѣ сановники и чиновники должны рано утромъ являться въ присутствія и поздно удаляться изъ нихъ. Нельзя относиться небрежно къ дѣламъ казеннымъ. Ихъ нелегко окончишь, проработавъ и цѣлый день. Слѣдовательно, станешь поздно приходить въ присутствіе, не успѣешь въ дѣлахъ срочныхъ и неожиданныхъ, а будешь рано уходить,—совсѣмъ ихъ не окончишь.

9. Вѣрность есть источникъ всего того, чему слѣдуетъ быть. Во всемъ должна быть вѣрность. Хорошо ли, худо ли исполнено дѣло или разрушено, все это сводится къ одному: съ вѣрностью ли оно было сдѣлано или нѣтъ. Когда го-

сударь и слуги вѣрны между собою: всѣ дѣла ихъ спорятся, когда же нѣтъ—все распадается.

10. Оставь гнѣвъ, прекрати негодованіе! Не сердись на человѣка за его противорѣчіе! У каждаго есть свое сердце, а въ каждомъ сердцѣ есть свое убѣжденіе. Если онъ правъ, то ты не правъ, и обратно. Помни, что ты уже не есть непремѣнно мудрый, а онъ глупый! Какъ онъ, такъ и ты, всѣ вы люди обыкновенные. Законъ же о томъ, что правда и что нѣтъ, трудно поддается опредѣленію. Всѣ между собою или умны, или глупы, и подобно это кольцу, не имѣющему ни начала, ни конца. Потому если кто-либо сердится на тебя, то прежде посмотри, не ошибся ли ты самъ; когда же ты самъ себя считаешь правымъ, то, спросся мнѣнія у другихъ, дѣйствуй сообща.

11. Точно опредѣляй заслуги и проступки и, согласно имъ, назначай награды и наказанія! Въ старое время награды давались недостойнымъ, а наказанія терпѣлись невиновными. Сановники, вѣдающіе такія дѣла, должны правильно распредѣлять награды и наказанія.

12. Кокуси и кокузоо [1]) не смѣютъ отъ своего имени собирать подати съ народа. Въ государствѣ не существуетъ двухъ царей, у народа—двухъ повелителей. Несмѣтная масса людей съ края до края всей земли имѣетъ надъ собой одного императора, одного властелина. Всѣ чиновники—его слуги. Какъ же смѣютъ они самовольно собирать подати съ народа?

13. Всѣ чиновники одинаково должны вѣдать всѣ дѣла. Случается, что, благодаря болѣзни или временной отлучкѣ одного изъ нихъ, дѣло его останавливается. Въ такомъ случаѣ каждый его товарищъ долженъ безпрекословно замѣнить его. Въ противномъ же случаѣ явится остановка въ казенныхъ дѣлахъ, что, подъ предлогомъ невѣдѣнія дѣла со стороны другаго чиновника, допустимо быть не можетъ.

14. Всѣ сановники и чиновники не должны другъ другу завидовать. Коль скоро ты позавидуешь одному, онъ будетъ завидовать тебѣ. Бѣда же отъ зависти не имѣетъ своихъ границъ. Такъ, если умъ и способности одного выше другаго, то послѣдній не будетъ радъ такому факту, и за-

---

[1]) Кокуси или куни-но-микото-моци—губернаторъ, а кокузоо или куни-но-міяцуко—тоже губернаторъ, но въ описываемое время по своему положенію ниже перваго.

висть его обуяетъ. Потому встрѣтить умнаго государственнаго дѣятеля за 500 лѣтъ пожалуй еще возможно, но геніальнаго трудно ожидать и чрезъ 1000 лѣтъ. Однако какъ же безъ нихъ поддерживать порядокъ въ государствѣ?

15. Оставить личныя (частныя) дѣла и стремиться къ дѣламъ казеннымъ (общественнымъ)—вотъ законъ для служащихъ! Если кто-нибудь имѣетъ стремленіе къ личной эгоистической выгодѣ, то со стороны другихъ непремѣнной явится противъ него досада и негодованіе, а гдѣ они—тамъ уже нѣтъ единодушія и согласія. Отсюда личное эгоистическое стремленіе, лишая служащихъ единодушія, тормозитъ дѣла казенныя (общественныя). Въ случаѣ же, если ненависть разгорится, то явятся дѣла уже противозаконныя. Статья же первая гласитъ: высшіе и низшіе должны быть согласны между собою.

16. Употреблять народъ (крестьянъ) на работу въ соотвѣтственное время года—это одинъ изъ прекраснѣйшихъ законовъ древности! Потому зимой, когда крестьяне свободны, ихъ слѣдуетъ заставлять работать. Съ весны же до осени, когда они заняты земледѣліемъ и шелководствомъ, нельзя пользоваться ихъ работой. Ибо откуда же достать хлѣба, разъ они не будутъ воздѣлывать поля, откуда пріобрѣсть одежду, если они не станутъ заниматься шелководствомъ?

17. Не должно вообще рѣшать дѣла по личному своему усмотрѣнію, ихъ слѣдуетъ рѣшать сообща. Правда, мелкія и легкія дѣла еще не требуютъ совмѣстнаго разсмотрѣнія, но зато дѣла большія, возбуждающія сомнѣнія, требуютъ рѣшенія общаго. Только въ такомъ случаѣ получится правильное законное рѣшеніе.

Такъ заканчивается законъ изъ 17 статей. Какъ видите, всѣ эти статьи являются скорѣе философско-нравственными правилами, чѣмъ строго юридическими нормами. Во всякомъ случаѣ, какимъ бы ни казался законъ принца Ммая-до, но онъ сослужилъ свою службу въ Японіи и создалъ громкую славу своему составителю.

Въ 605 г. Ммая-до поселился въ новомъ своемъ дворцѣ въ Икаругѣ [1]), откуда ежедневно ѣздилъ верхомъ въ Тоё-

[1]) Икаруга находится въ округѣ Хегури въ провинціи Ямато. Ммая-до былъ женатъ на дочери императрицы Суйко, и я полагаю, что женитьба его состоялась какъ разъ съ переселеніемъ его въ новый дворецъ. Дворецъ строился 4 года.

ура [1]) для докладовъ императрицѣ. Весною 606 года онъ совершилъ поѣздку по возвышенностямъ Хиси-и и, любуясь съ нея видомъ на селеніе Хегури, вдругъ замѣтилъ подошедшаго къ нему мѣстнаго синтоистическаго жреца. „Принцъ", сказалъ ему жрецъ, указывая на нѣсколько связанныхъ живыхъ птицъ, „прими ихъ отъ меня"; но Ммая-до отказался отъ такого подношенія. „Я исповѣдую буддизмъ", отвѣтилъ онъ жрецу, „и потому не люблю убивать животныхъ; но если ты непремѣнно хочешь что-нибудь поднести мнѣ, то поди и принеси цвѣты". Жрецъ съ радостью исполнилъ желаніе принца, за что и заслужилъ его благодарность. Осенью того же года Ммая-до, по просьбѣ императрицы, три дня читалъ и толковалъ во дворцѣ Окамото буддійскую книгу „Сёо-манъ". Его слушали сама Суйко, сановники и приглашенные ученые монахи; послѣдніе задавали вопросы и оппонировали. Принцъ Ммая-до, облаченный въ духовныя одежды, стоя за каѳедрой и помахивая хоссу [2]), блестяще выполнилъ свою задачу. Вскорѣ при той же обстановкѣ онъ толковалъ другую буддійскую книгу „Хо-ке-кёо". Какъ толкованіе первой, такъ и второй книги очень понравились императрицѣ Суйко, почему она и пожаловала принцу 100 десятинъ заливныхъ полей въ мѣстности Нагата въ провинціи Харима. Ммая-до же пожертвовалъ ихъ въ пользу храма Икаругадэра (Хоо-ріу-зи).

Въ 607 году, согласно докладу принца, было отправлено первое посольство въ Китай; во главѣ его находился сановникъ Оно-но-Имоко [3]). Въ это время въ Китаѣ царствовалъ императоръ Іодай изъ династіи Зуй, извѣстный своею расточительностью и враждой къ тогдашнимъ корейцамъ. Посланіе императрицы Суйко къ Іодаю, составленное по всѣмъ даннымъ принцемъ Ммая-до, не могло понравиться китайскому императору. Оно начиналось такъ: „Царица страны восходящаго солнца имѣетъ честь доложить императору страны заходящаго солнца и т. д.". Тѣмъ не менѣе въ началѣ 608 года посольство возвратилось въ Японію съ результатомъ:

---

[1]) Тоёура—резиденція императрицы Суйко, находится въ округѣ Таканци въ провинціи Ямато.

[2]) Хоссу особаго рода опахало, употребляемое при буддійскихъ церемоніяхъ.

[3]) Ммая-до между прочимъ поручилъ послу Оно-но Имоко достать въ Китаѣ лучшій экземпляръ книги „Хо-ке-кёо", такъ какъ онъ замѣтилъ недостатокъ нѣсколькихъ іероглифовъ въ экземплярахъ этой книги, имѣвшихся въ Японіи. Порученіе было исполнено въ 608 году.

съ тѣхъ поръ между двумя имперіями завязались формальныя сношенія. Вскорѣ въ Японію прибыло китайское посольство съ многочисленной свитой и посланіемъ отъ императора Іодай. Въ отвѣтъ на него Суйко въ восьмомъ мѣсяцѣ того же года снова отправила сановника Оно-но Имако съ письмомъ къ императору. Послѣднее, какъ утверждаютъ историки, было также составлено Ммая-до. Переводъ его слѣдующій: „Восточная императрица имѣетъ честь доложить западному императору, что посолъ его Хи-сей-сей со свитой прибылъ къ нашу страну. И такъ наше давнишнее желаніе исполнилось. Какъ вы чувствуете себя въ виду наступившей свѣжей осенней погоды? Мы же полагаемъ, что, какъ и всегда, Ваше Величество обрѣтается въ свѣтломъ здравіи и т. д.“.

Въ пятый день пятаго мѣсяца 611 года императрица собиралась полюбоваться на охоту за дикими звѣрями на полѣ Удано. Вѣсть объ этомъ достигла принца Ммая-до, и онъ успѣлъ остановить ея грѣховное намѣреніе. „Одна изъ пяти буддійскихъ заповѣдей“, говорилъ онъ ей, „запрещаетъ убивать животныхъ, заповѣдь же эта не что иное, какъ конфуціонное правило о любви ко всѣмъ и вся (о гуманности). Вотъ почему я и прошу Ваше Величество навсегда прекратить охоту“. Императрица согласилась съ Ммая-до и въ тотъ же день, отмѣнивъ ее, приказала устроить сборъ цѣлебныхъ травъ. Впослѣдствіи собираніе травъ вошло въ обычай и повторялось подъ названіемъ „лѣкарственной охоты“.

Въ 614 году заболѣлъ великій сановникъ Сога-но Ммако. Желая его выздоровленія, Ммая-до съ разрѣшенія императрицы обратилъ 1000 человѣкъ въ монахи и монахини. Зато вскорѣ выздоровѣвшій сановникъ не забылъ отблагодарить принца. Онъ всюду восхвалялъ его заслуги и добродѣтели и какъ въ особую милость къ себѣ просилъ императрицу наградить Ммая-до. Суйко съ радостью исполнила его просьбу. Она пожаловала принцу большой участокъ земли и удвоила ему жалованье. Но Ммая-до всегда и всюду оставался вѣренъ своей задачѣ:—развитію буддизма, почему и пожертвовалъ царскія награды въ пользу храмовъ, имъ построенныхъ [1]). Въ 617 году принцъ-буддистъ еще разъ читалъ и толко-

[1]) За время жизни Ммая-до въ Японіи считалось 46 буддійскихъ храмовъ, 316 монаховъ, 569 монахинь. 11 храмовъ построено принцемъ; изъ нихъ нѣкоторые существуютъ и до сихъ поръ.

валъ буддійскую книгу „Сёо-манъ" и снова произвелъ огромное впечатлѣніе на всѣхъ.

Итакъ, вотъ каковы были дѣянія принца Ммая-до, но не смотря на его многостороннюю дѣятельность, описать которую въ столь краткой біографіи не представляется возможности, принцъ написалъ еще и нѣсколько сочиненій. Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ комментаріи къ тремъ буддійскимъ книгамъ: Сёо-ман-кёо (609 г.), Юй-ма-кёо (612) и Хо-ке-кёо (617), извѣстные также подъ названіемъ „Уемія-по-со (т. е. комментаріи царевича Уемія—(одно изъ прозвищъ принца). Они сохраняются въ рукописяхъ и донынѣ при храмѣ Хооріу-зи въ округѣ Хегури въ провинціи Ямато. Въ 620 году, посовѣтовавшись съ Ммако, Ммая-до составилъ исторію японскихъ императоровъ, лѣтопись Японіи, книгу о чинахъ іерархіи и пр. Но всѣ эти послѣднія его сочиненія не сохранились въ отдѣльности: они вошли, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, въ одну книгу, изданную гораздо позже подъ заглавіемъ Кіу-зи-ки (описаніе старины).

Въ концѣ 620 года принцъ Ммая-до смертельно заболѣлъ. Опечаленная императрица Суйко послала къ больному царевича Тамура [1]). Онъ долженъ былъ справиться о состояніи его болѣзни и его желаніяхъ. „Я желаю одного", сказалъ Тамурѣ Ммая-до, „я желаю крѣпкаго утвержденія буддизма въ странѣ и заботъ о храмахъ". Съ этимъ единственнымъ желаніемъ въ пятый день пятаго мѣсяца 621 года скончался 49-лѣтній принцъ Ммая-до во дворцѣ Икаругѣ [2]). Вѣсть о его смерти быстро разнеслась по всей Японіи и потрясла милліоны людей. Рыданія и вопли нѣсколько мѣсяцевъ оглашали страну, имя же его осталось въ вѣчной памяти народа. Не даромъ холмъ-Синага [3]), гдѣ и понынѣ покоится прахъ Ммая-до, прозванъ народомъ „О-хака-яма": гора съ почтенною могилою—могилой принца Ммая-до.

Іосибуми Куроно.

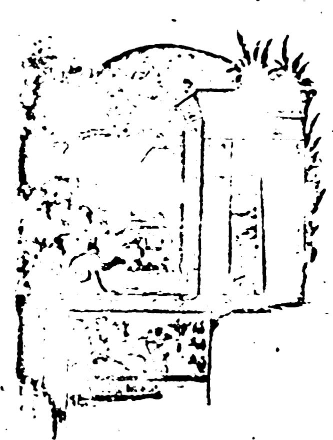
---

[1]) Царевичъ Тамура—внукъ императора Битацу, наслѣдовалъ престолъ отъ Суйко и извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ императора Зёмей.

[2]) Преданіе говоритъ, что бывшій наставникъ принца, ученый монахъ Кейзю, вернувшійся на родину Коме въ 615 году, узнавъ о смерти своего ученика, пожелалъ умереть также въ 5 день 5 мѣсяца черезъ годъ послѣ его кончины, что и исполнилось въ 622 году. Суевѣрные японцы придаютъ этому большое значеніе: «причинную связь».

[3]) Холмъ Синага находится въ округѣ Исиказа въ провинціи Кавачи.

Даръ слезъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ [1])

I.

ОСЛУШАЙ, братъ мой!.. доколѣ духъ твой заключенъ въ тѣлѣ, не попусти безпечности, — закончилъ свое поученіе старецъ Евагрій, обращаясь къ своему ученику Матою и зорко вглядываясь въ выраженіе его глазъ.

— Такъ, авва—смиренно отвѣтилъ Матой. — Страсти мои давно улеглись и мало уже помышляю о земномъ.

Евагрій покачалъ въ знакъ удовлетворенія головой, но въ глубинѣ его старческихъ, безцвѣтныхъ и усталыхъ глазъ промелькнула искорка недовѣрія.

— Хотя бы ты и думалъ, что на нѣкоторое время успокоился отъ страстей, никакъ не довѣряй этому спокойствію,—продолжалъ онъ.—Демоны лукаво прекращаютъ на время нападенія свои. Поступаютъ они такъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы человѣкъ, возмнивъ о себѣ, что онъ достигъ безстрастія, пересталъ наблюдать за сердцемъ и хранить его.

— Авва!—чуть возвысивъ голосъ, проговорилъ Матой, котораго нѣсколько раздражали безконечныя поученія старца,—я непрестанно наблюдаю за собою и за сердцемъ своимъ.

— Такъ, — спокойно продолжалъ Евагрій; чуть усмѣхнувшись и отвернувшись отъ ученика, чтобы онъ не замѣтилъ этой

---

[1]) Во многихъ книгахъ, изреченіяхъ и повѣстяхъ, оставшихся въ видѣ рукописныхъ памятниковъ древняго монашества отъ первыхъ вѣковъ христіанства, сохранилось множество разсѣянныхъ отдѣльныхъ чертъ, эпизодовъ, поученій и бытовыхъ подробностей, которыя казалось не безынтереснымъ и поучительнымъ собрать во-едино и представить въ одной, цѣльной картинѣ. Настоящій романъ, основанный на изученіи духовныхъ книгъ, каковы напримѣръ: «Алфавитный Патерикъ», «Лѣствица», «Патерикъ Скитскій», «Cassiani Collatio», «Protologiae Graecae» и др., и является попыткою этого рода. Ни одного эпизода, ни одного мелкаго факта не придумано авторомъ—всѣ они почерпнуты изъ нашихъ церковныхъ книгъ, какъ и вся бытовая сторона и діалоги этого разсказа.

улыбки,—но знай, какъ только наблюденіе ослабляется, такъ тотчасъ же, внезапно демоны наскакиваютъ на бѣдную душу, уловляютъ ее какъ птицу, и, если она окажется слабѣе ихъ, то и попираютъ и уничтожаютъ ее немилостиво въ разныя согрѣшенія, болѣе тягостныя, нежели тѣ, объ отпущеніи которыхъ она доселѣ молилась.

Матой ничего не отвѣтилъ на эти слова. Онъ подошелъ къ выходу изъ вертепа, въ которомъ жилъ со старцемъ, и сѣлъ на порогѣ своего обиталища, свѣсивъ голову на грудь и глубоко задумавшись.

Онъ думалъ не о словахъ старца Евагрія, которыя онъ уже много разъ слышалъ и выучилъ почти наизусть. И не о демонахъ, наскакивавшихъ на беззащитную душу, думалъ онъ. Нѣтъ, мысли его были далеки отъ всего этого.

Онъ думалъ о себѣ. Не такъ давно въ его душѣ началъ совершаться нѣкоторый переворотъ. Прежде онъ спокойно внималъ словамъ своего старца, и они, касаясь его слуха, проникали въ его душу и оставляли въ ней слѣдъ. Мало-по-малу, слѣдовъ этихъ накоплялось все больше и больше, и душа его становилась мягкою, какъ воскъ, таявшій подъ лучами жгучаго солнца пустыни. И онъ весь отдавался этому мягкому, теплому, молитвенному настроенію, и весь міръ казался ему обширнымъ храмомъ великаго, но суроваго Бога, котораго онъ любилъ и... боялся.

Старецъ училъ его послушанію и безмолвію. Онъ говорилъ, что онъ безмолвія рождается подвижничество; отъ подвижничества—плачъ; отъ плача—страхъ божій; отъ страха божія—смиреніе; отъ смиренія—духовное прозрѣніе или разумъ; отъ разума—любовь. Любовь же содѣлываетъ душу здравою и безстрастною.

Но Матой, не смотря на то, что весьма долго безмолвствовалъ, будучи обреченъ на слушаніе старцевыхъ поученій, не ощущалъ еще въ себѣ плача, а только одинъ страхъ божій и за каждую свою сокровенную мысль, казавшуюся ему грѣшной, ожидалъ суроваго наказанія. А въ послѣднее время смиреніе стало понемногу покидать его, и слова старца приводили его въ раздраженіе. И онъ много разъ спрашивалъ себя — гдѣ же духовное прозрѣніе и рождающаяся отъ него любовь? Да, Бога онъ любилъ, но до сихъ поръ не могъ добиться того, чтобы возненавидѣть твореніе божіе—жизнь во всемъ ея объемѣ и во всѣхъ проявленіяхъ, какъ училъ его старецъ Евагрій.

И въ особенности въ послѣднее время, чувство жизни не давало ему покоя. И когда онъ говорилъ своему наставнику, что непрестанно наблюдаетъ за собою и за сердцемъ своимъ, онъ не лгалъ. Да, онъ наблюдалъ и за собою, и за своимъ сердцемъ, но наблюдалъ, какъ будто былъ зрителемъ, со стороны, и изумлялся тѣмъ перемѣнамъ, которыя совершались въ его сердцѣ.

Узкій, тѣсный, низкій вертепъ съ закоптѣвшими сводами надоѣлъ ему. Жизнь впроголодь перестала нравиться ему. Тѣло его исхудало, а вмѣстѣ съ исхуданіемъ явилось какое-то равнодушіе; вялость овладѣвала имъ, и онъ съ тоскливымъ чувствомъ ожидалъ разсвѣта дня и съ жгучимъ чувствомъ радости ждалъ наступле-

нія ночи, когда, освобожденный отъ своихъ обязанностей, онъ будетъ предоставленъ самому себѣ, своимъ мечтамъ и мыслямъ.

И прохладная, безмолвная ночь съ ея темно-синимъ пологомъ неба, усѣяннымъ яркими серебряными звѣздами, нравилась ему больше жгучаго, яркаго дня, когда унылая и мрачная пустыня, раскаленная и потрескавшаяся, точно умирала подъ лучами жестокаго солнца.

Съ наступленіемъ вечера, старецъ уходилъ въ глубь вертепа, ворошилъ сухіе листья, служившіе ему ложемъ, опускался на нихъ въ молитвенной позѣ и, сложивъ благочестиво руки, принимался шептать молитвы и каноны, или пѣть своимъ дребезжащимъ, надтреснутымъ голосомъ псалмы. Мало-по-малу шептаніе прекращалось, изъ сухихъ устъ старца начинали вырываться хриплые, безсмысленные звуки, и онъ, какъ подкошенный снопъ, валился на свое жесткое ложе. На него находилъ тогда чуткій сонъ. Во снѣ являлись къ старцу видѣнія, и иногда, среди глубокой ночи, пустынникъ вскакивалъ съ своего ложа, опять принимался за молитвы и снова засыпалъ. На утро онъ вставалъ, шелъ будить своего ученика, которому особенно хорошо спалось на зарѣ, и еще полусонному, полуотдохнувшему, начиналъ разсказывать о своихъ видѣніяхъ и ночныхъ бдѣніяхъ. Это давало старцу обширный матеріалъ для поученій.

Но Матой слушалъ его разсѣянно.

Когда старецъ уходилъ во внутренній вертепъ, ученикъ его садился на порогѣ ихъ пещеры, прислонялъ голову къ камню и отдавался своимъ мечтамъ. Всю ночь напролетъ проводилъ онъ въ этихъ мечтахъ, уносясь далеко отъ всего того, что ему приходилось выслушивать днемъ отъ Евагрія. Только на зарѣ, когда темный пологъ надъ пустыней начиналъ свѣтлѣть и края горизонта становились розовыми, на него находилъ сонъ, крѣпкій, освѣжающій сонъ, безъ сновъ и видѣній. И этихъ немногихъ часовъ хватало ему на цѣлый предстоящій день и на слѣдующую ночь. Онъ спалъ меньше старца, но старецъ не переставалъ упрекать его этимъ крѣпкимъ сномъ.

— Къ душѣ спящаго дьяволъ имѣетъ свободный доступъ,—говорилъ ему Евагрій.

Въ этотъ вечеръ Матоемъ овладѣло особенно сильное желаніе скорѣе остаться одному. Онъ смиренно дослушалъ послѣднія поученія старца и, проводивъ своего наставника во внутренній вертепъ, вернулся на свое обычное мѣсто на порогѣ.

Тихая, безлунная ночь спустилась на истомленную зноемъ пустыню. Передъ глазами Матоя разстилалась обширная равнина, лишенная воды и, растительности; на много стадій кругомъ не было жилья, и ни одинъ человѣкъ не проходилъ мимо ихъ вертепа; въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, одиноко разсѣянные по мертвой пустыни стояли и другіе вертепы, въ которыхъ спасались старцы-пустынники вмѣстѣ со своими учениками; но старцы и ученики рѣдко выходили изъ своихъ пещеръ, дабы не соблазняться созерцаніемъ грѣховнаго міра и не проводить времени въ праздномъ общеніи. Только когда съ кѣмъ-либо изъ по-

движниковъ случалось что-либо особенное, когда нападало на нихъ искушеніе, когда разуму ихъ предстояло разрѣшить какой-либо вопросъ особой важности, тогда такой подвижникъ отправлялся къ какому-либо особо-почитаемому старцу и излагалъ ему свое недоумѣніе. Но если и этотъ почитаемый старецъ оказывался недостаточно сильнымъ, чтобы помочь словомъ нуждающемуся, тогда онъ отправлялся въ Скитъ, въ которомъ стоялъ монастырь и гдѣ жило много пустынниковъ-монаховъ во главѣ съ великимъ и Богомъ умудреннымъ старцемъ Аполлосомъ. Старецъ Аполлосъ выслушивалъ недоумѣніе нуждавшагося, объяснялъ ему это недоумѣніе, наставлялъ пришедшаго и, преподавъ ему благословеніе, отпускалъ его съ миромъ.

Матой, прислонивъ голову къ камню, глядѣлъ на безмолвное, темное небо, сплошь усѣянное звѣздами. Изъ звѣздъ составлялъ онъ въ умѣ рисунки, соединялъ нѣсколько звѣздъ вмѣстѣ и составлялъ изъ нихъ то крестъ, то колесницу, то подобіе вертепа. И ему казалось, что это темное небо—подобіе той пустыни, въ которой онъ жилъ, и что эти свѣтлыя звѣзды — души усопшихъ старцевъ, переселившихся въ мѣста горнія и удостоившихся вѣчной жизни.

„Кто знаетъ“ — думалъ онъ, — „можетъ быть, и я вознесусь когда-нибудь въ пустыню неба и днемъ буду созерцать величіе и славу Бога, а ночью свѣтить яркимъ огонькомъ какому-нибудь одинокому мечтателю, сидящему, подобно мнѣ, у порога вертепа“.

Когда-то эти мысли утѣшали его и приводили въ тихое, мечтательное настроеніе. Но теперь, въ эту теплую, темную ночь, духъ его былъ смятенъ, и совсѣмъ другое настроеніе владѣло имъ.

Онъ силился проникнуть зрѣніемъ въ тьму лежавшей передъ нимъ пустыни. Но, какъ ни напрягалъ онъ зрѣніе, ему ничего не удалось открыть, кромѣ нѣсколькихъ темныхъ силуэтовъ низкорослыхъ кустиковъ тернія. Онъ хорошо зналъ, что въ каменистой почвѣ пустыни ничего не произрастаетъ, кромѣ тернія и волчца, но ему хотѣлось увидѣть что-либо необыкновенное, такое, чего никто еще не видѣлъ до него.

Онъ насторожилъ свой слухъ и прислушался. Протяжный вой шакала нарушилъ торжественное безмолвіе ночи. Матой не испугался. Слишкомъ привыкъ онъ къ этому вою и къ самому виду хищниковъ. Вскорѣ замѣтилъ онъ прямо передъ собою два зеленыхъ огонька и не содрогнулся. Шакалъ подошелъ близко къ пещерѣ, остановился у входа, протяжно завылъ и потянулъ въ себя воздухъ.

Матой прочиталъ молитву, и шакалъ исчезъ, скрывшись во тьмѣ пустыни.

Изъ глубины вертепа доносилось до слуха Матоя бормотаніе старца, шорохъ сухихъ листьевъ. Матой улыбнулся недоброй улыбкой, махнулъ рукой и устремилъ свой взглядъ въ даль.

Съ неба скатилась звѣзда и, огненной полосой прорѣзавъ тьму небеснаго купола, безслѣдно исчезла въ невѣдомой безднѣ.

„Что это?“ — подумалъ Матой, — „если звѣзды — свѣтильники старческихъ душъ, населившихъ небо, то какъ можетъ такая свѣтлая душа низвергаться въ бездну?“.

Но онъ не нашелъ отвѣта на этотъ вопросъ и перевелъ свой взглядъ съ неба въ безпросвѣтную тьму нѣмой ночи.

И въ эту минуту съ прежней силой имъ овладѣли тѣ думы, которыя за послѣднее время не давали ему покоя.

Онъ постарался отдѣлаться отъ нихъ; но думы шли къ нему съ особенною настойчивостью. Какъ будто эта темная бездна, разстилавшаяся передъ нимъ, была чревата этими думами и посылала ихъ на него побѣдною ратью. И какъ будто умъ и душа его не были защищены въ эту ночь, и думы безпрепятственно входили въ нихъ, какъ черезъ открытыя двери.

Онъ уже больше не содрогался, какъ прежде, при ихъ появленіи; онъ давно пересталъ бороться съ ними, видя всю безполезность этой борьбы; онъ, однако же, ничего не повѣдалъ старцу, потому что прежняго чувства къ своему наставнику онъ уже не питалъ.

„Что сдѣлалось со мною?“ — вопрошалъ онъ себя. — „Какимъ образомъ потерялъ я къ учителю и наставнику моему то уваженіе, которое ему долженъ?“.

И ему приходило на умъ, что это демоны завладѣли душой его и что ему надлежало бы, съ наступленіемъ дня, повергнуться ницъ передъ старцемъ и исповѣдать грѣшныя мысли, а если это не поможетъ, то идти въ Скитъ къ великому праведнику Аполлосу и открыть ему свою душу, полную грѣховныхъ помысловъ.

Но наступало утро, занималась на горизонтѣ розовая заря, и крѣпкій сонъ одолѣвалъ молодаго пустынника. А когда онъ просыпался, то имъ овладѣвало озлобленіе противъ старца-наставника и неодолимое нежеланіе разсказывать ему о своихъ ночныхъ грезахъ.

„Господь создалъ міръ“, — раздумывалъ Матой, сидя на порогѣ пещеры и вперяя свой задумчивый взоръ въ тьму непроглядной ночи, — „и наполнилъ его людьми, плодовыми деревьями, цвѣтами и удовольствіями. Господь создалъ день для труда и ночь для отдохновенія. Господь создалъ мужчину и женщину и опредѣлилъ имъ любить другъ друга. Господь наградилъ человѣка смѣхомъ и опредѣлилъ ему радоваться созданіямъ его и веселиться жизнью, которую онъ даровалъ своимъ людямъ. И что же? Что дѣлаемъ мы? Живемъ одиноко, вдали отъ людей, чуждаемся, боимся ихъ, какъ будто они не тѣ же Божія созданія, не тѣ же дѣти одного отца. Мы не ѣдимъ вкусныхъ плодовъ, созданныхъ Богомъ на нашу потребу, точно мы брезгаемъ твореніемъ его; мы питаемся черствымъ, сухимъ хлѣбомъ, и то не до сытости; днемъ мы не трудимся, а проводимъ время въ бесѣдахъ и молитвахъ, ночью не отдыхаемъ, а стоимъ на той же молитвѣ. Старецъ мой говоритъ: „ежедневно имѣй Смерть передъ очами. Да объемлетъ тебя непрестанно попеченіе о томъ, какимъ образомъ ты будешь разлучаться съ тѣломъ, какимъ образомъ ты возможешь пройти черезъ область властей тьмы, которыя встрѣтятъ тебя въ воздухѣ“. Къ чему же непрестанно думать о Смерти, а не о Жизни?“

Матой задумался, провелъ рукой по сухому пылавшему лбу, какъ будто стараясь разогнать овладѣвшія имъ мысли, и снова погрузился въ раздумье.

„Смѣемся ли мы?" — продолжалъ онъ размышлять, — „нѣтъ мы не смѣемся. Учитель мой, голосъ котораго я сейчасъ слышу изъ глубины вертепа, часто говаривалъ мнѣ, когда я еще юношей умѣлъ смѣяться: „не отверзай устъ твоихъ для смѣха: это признакъ разсѣянной и нерадивой души, чуждой страха Божія". И онъ журилъ меня, и наказывалъ, и ставилъ на послушаніе... И я разучился смѣяться, но не научился и плакать. И смутно, и уныло стало у меня на душѣ. И мнится мнѣ, что смѣхъ, какъ и плачъ — созданіе одного Бога, какъ солнце и дождь. И когда свѣтитъ солнце—радуется вся тварь земная, и когда идетъ дождь—дѣлается печально на землѣ. И еще говорилъ мнѣ старецъ Евагрій: „странствуя, не ночуй въ такомъ домѣ, въ которомъ сердце твое ощущаетъ опасность подвергнуться грѣхопаденію. Если услышишь, что въ домѣ томъ на трапезѣ съ тобой будетъ присутствовать женщина, то никакъ не оставайся тамъ. Не смотри даже на одежды женскія". Почему? Развѣ не тотъ же Богъ сотворилъ женщину, и развѣ она не такое же созданіе Господа? Но тогда почему же Господь одѣлилъ ее такими чарами"...

Послѣдняя мысль все чаще и чаще приходила теперь тревожить его, все чаще и чаще начинала смущать его покой. И при грезѣ о женщинѣ сердце его мучительно билось, точно хотѣло выпрыгнуть изъ той суровой темницы, въ которую онъ заключилъ его при помощи старца Евагрія. Голова юноши начинала кружиться, кровь сильно билась въ жилахъ и, вглядываясь во тьму непроглядной пустынной ночи, онъ видѣлъ передъ собою соблазнительный образъ женщины, образъ, въ которомъ сосредоточивались прелести и красы всѣхъ женщинъ міра. Мало-по-малу тьма ночи разсѣивалась... Онъ видѣлъ передъ собою голубую лазурь морскихъ водъ, слышалъ нѣжные всплески волны, а на берегу этого моря, у котораго и онъ жилъ когда-то,—воздушный образъ купальщицы. Она всегда являлась ему обнаженной, покрытой волною густыхъ золотистыхъ волосъ, и стройной, какъ пальма. Она улыбалась, и ротъ ея походилъ на только-что распустившійся цвѣтокъ, а зубы ея походили на рядъ ровныхъ, драгоцѣнныхъ жемчужинъ. Она смотрѣла на него своимъ дѣтски-веселымъ взглядомъ, и глаза ея имѣли блескъ, походившій на блескъ черныхъ ирисовъ. И ноздри ея слегка вздернутаго носика вздрагивали отъ какого-то невѣдомаго ощущенія, трепетно проходившаго по всему ея тѣлу. И Матой тоскливо вопрошалъ ее:

— Кто ты?

И въ умѣ его, въ глубинѣ сознанія его складывался отвѣтъ, котораго она не выговаривала, но который онъ слышалъ въ тиши этой безмолвной ночи:

— Я — женщина.

И точно нѣжное дуновеніе вѣтерка освѣжало пылавшее лицо его, когда онъ изсохшими губами повторялъ себѣ этотъ простой отвѣтъ. Сердце его принималось биться такъ сильно, что онъ долженъ былъ сдерживать его руками.

Тогда онъ вставалъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ около пещеры, возвращался къ своему мѣсту, садился вновь, съ твердой рѣши-

мостью не давать воли своимъ преступнымъ грезамъ, закрывалъ глаза, чтобы уснуть; но сонъ упорно бѣжалъ отъ его воспаленныхъ глазъ. Онъ падалъ тогда на колѣни, вызывая въ умѣ своемъ слова давно заученныхъ молитвъ; но память измѣняла ему; уста сжимались, и изъ пересохшаго горла вырывался хрипъ, котораго онъ самъ пугался, среди ночной тишины. Глаза его раскрывались, и онъ чувствовалъ, что они окружены горячими кольцами воспаленныхъ вѣкъ. И вдали, на темномъ фонѣ ночи, просвѣчивался человѣческій обликъ, приближался къ нему, выясняясь и свѣтлѣя все болѣе и болѣе... И вотъ онъ опять видѣлъ передъ собою очаровательное видѣніе, грезу своихъ безсонныхъ ночей.

И опять, съ тоскою въ сердцѣ, вопрошалъ онъ ее:

-- Кто ты, кто ты?!

— Я—женщина,—отвѣчала она ему. — Женщина и призваніе мое—ласки. У меня нѣтъ мужа, и всѣ—мои мужья. Они считаютъ меня своей рабыней, но я не вѣрю имъ, потому что они лежатъ во прахѣ у ногъ моихъ. Я никого изъ нихъ не люблю, но всѣ они меня любятъ; такимъ образомъ я избѣгаю страданія, не знаю обмановъ любви, горечи разлуки, яда ревности. Они дѣлаютъ видъ, что презираютъ меня, но дарятъ мнѣ цвѣты и деньги. Это все, что мнѣ нужно и большаго отъ нихъ я не требую.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты приходишь ко мнѣ?

Но на этотъ вопросъ видѣніе ничего не отвѣчало. Матой видѣлъ ея очаровательную, соблазнительную улыбку, и онъ самъ переводилъ ее словами: „зачѣмъ въ грозовый день, когда небо покрыто тучами, когда душою человѣка овладѣваетъ уныніе и печаль--выглядываетъ изъ-за тучъ солнце? Зачѣмъ среди безплодной, каменистой пустыни попадаются отрадные уголки съ ключемъ свѣжей прохладной воды, весело журчащей подъ тѣнью покрытыхъ зелеными листьями пальмъ? Зачѣмъ, зачѣмъ? Такова воля природы. Свѣтъ долженъ смѣняться тьмою, веселье—печалью, отдыхъ—работой. Если бы было не такъ, то весь міръ представлялся бы намъ сплошною пустынею, окутанной тьмою вѣчной ночи. Если бы было не такъ, то люди умѣли бы только плакать и смѣха не существовало бы на землѣ"...

Видѣніе исчезало, но долго еще продолжало биться сердце Матоя.

И въ эту ночь, какъ и всегда, явился передъ нимъ соблазнительный образъ женщины. И въ эту ночь онъ говорилъ съ нею и слушалъ ее, то-есть прислушивался къ тому, что шептала ему его поколебленная душа. И глаза его горѣли, и въ вискахъ его стучало, и онъ порывался уйти изъ этой раскаленной пустыни туда, гдѣ есть прохлада, цвѣты, зелень, веселые огни, таинственный шопотъ любви и радости жизни.

Но куда онъ пойдетъ?

Въ большомъ городѣ, который онъ смутно еще помнилъ, у него нѣтъ никого. Часто старецъ Евагрій разсказывалъ ему о его дѣтскихъ и отроческихъ годахъ и о томъ, какъ попалъ онъ въ эту пустыню и въ этотъ вертепъ.

Однажды, когда, по какому-то дѣлу, Евагрій пошелъ въ тотъ большой городъ, гдѣ родился Матой, онъ встрѣтилъ на базарѣ

женщину съ ребенкомъ. Женщина неутѣшно плакала и, когда Евагрій спросилъ ее, въ чемъ ея горе, она разсказала ему, что мужъ ея, рыбакъ, былъ застигнутъ бурей въ открытомъ морѣ и утонулъ, оставивъ ее съ сыномъ безъ всякихъ средствъ къ жизни. Ее выгнали изъ дому за долги, и вотъ она пришла на базаръ нищенствовать. Тогда Евагрій отдалъ ей всѣ свои корзины, принесенныя имъ для продажи, и деньги велѣлъ ей взять себѣ; сына же ея взялъ, съ ея согласія, съ собою, увѣривъ ее, что ея мальчикъ не будетъ нуждаться, поведетъ хорошую жизнь и получитъ награду, которой удостоиваются немногіе.

Женщина мало поняла Евагрія. Она была истощена отъ голода и усталости и почти равнодушно отдала сына и взяла корзины.

Впослѣдствіи, Евагрій разсказывалъ еще, что онъ встрѣтилъ раза два мать Матоя. Онъ уговаривалъ ее уйти изъ міра и вступить въ обитель. Но она была уже одѣта въ хорошее платье, лицо ея было радостно, и на губахъ играла улыбка. На смуглой шеѣ ея онъ замѣтилъ ожерелье, а на рукахъ браслеты. Она отказалась послѣдовать совѣтамъ Евагрія и сказала ему:

— Твои корзины принесли мнѣ счастье. Я выгодно продала ихъ и на вырученныя деньги купила себѣ новую одежду. Меня встрѣтилъ человѣкъ, который полюбилъ меня и взялъ къ себѣ. Онъ очень богатъ, у него свой дворецъ и много прислуги. Если хочешь, я отдамъ тебѣ деньги за твои корзины. Въ обитель я не пойду. Зачѣмъ мнѣ идти туда? Туда идутъ тѣ, которымъ нечего больше дѣлать въ жизни. Слышала я, что теперь много развелось въ пустынѣ странныхъ людей, которые громко учатъ, что надо уйти изъ міра, голодать, лишать себя всего необходимаго, ненавидѣть женщинъ и молиться Единому Богу. Но я еще молода и красива. Когда состарюсь или обнищаю, тогда еще можно подумать о твоемъ предложеніи; теперь же еще рано...

Она вскользь спросила о сынѣ и ушла отъ Евагрія, отказавшагося принять отъ нея деньги за корзины.

Разсказывая Матою о его дѣтствѣ и объ этомъ эпизодѣ его жизни, старецъ всегда прибавлялъ:

— Чадо доброе! Самъ Господь спасъ себя отъ грѣшной жизни, отъ вѣчной погибели. Пребывай здѣсь съ терпѣніемъ, ради Бога, оставя пристрастіе къ отцу и матери. Мы имѣемъ въ Богѣ и отца, и матерь.

Но Матой и не питалъ никакого пристрастія къ своимъ родителямъ: отца онъ почти не зналъ, мать давно позабылъ. И онъ считалъ себя круглымъ сиротой на свѣтѣ.

И тѣмъ не менѣе, какъ только впервые голосъ разума заговорилъ въ немъ, его неудержимо потянуло на родину, туда, гдѣ онъ провелъ первые годы дѣтства, въ тотъ огромный приморскій городъ, который въ смутныхъ, неясныхъ образахъ и чертахъ возникалъ въ его сознаніи. Иногда, проснувшись среди ночи, Матой въ изумленіи открывалъ глаза и съ испугомъ всматривался въ развертывавшуюся передъ нимъ картину. И онъ съ поразительной ясностью видѣлъ тогда уголокъ лазурнаго моря съ ка-

чающимися на немъ барками и лодками, оснащенными красными просмоленными парусами, или базарную площадь, на которой продавали рыбу, бѣлыя лиліи, черные ирисы, овощи и плоды, на которой толпилось много народа и животныхъ, приведенныхъ для продажи, или видѣлъ онъ какую-нибудь узенькую улицу, ведущую въ портъ, гдѣ онъ жилъ съ отцомъ и матерью, или нарядную городскую площадь съ красивымъ и величественнымъ храмомъ. Все это были картины города, особенно глубоко запечатлѣвшіяся въ его душѣ съ дѣтства.

И въ такія минуты ясновидѣнія, сердце его трепетало и замирало отъ особеннаго, тревожнаго чувства. Его влекло къ этому теперь ему невѣдомому, но соблазнительному городу, къ этимъ улицамъ, площадямъ, храмамъ и въ особенности къ яркому, веселому, блиставшему подъ золотыми лучами солнца, лазурному морю...

Но сонъ смыкалъ его уставшіе за день глаза, и на утро онъ забывалъ о видѣніяхъ ночи.

Такъ шли дни, недѣли, мѣсяцы. Прошли годы, и видѣнія волшебнаго города становились все рѣже и рѣже. Суровая школа отшельничества дѣлала свое дѣло. Матой становился безмолвнымъ, робкимъ, послушнымъ ученикомъ сердитаго и строгаго старца.

Теперь, при каждой яркой мысли, при каждой смѣлой думѣ, изрѣдка возникавшей въ его умѣ, онъ ощущалъ страхъ отвѣтственности, страхъ наказанія. Тотъ страхъ Божій, о которомъ говорилъ ему непрестанно Евагрій, вселился въ его душу, и молодому ученику стало казаться, что гдѣ-то тамъ далеко и высоко, за этимъ голубымъ небомъ, такимъ свѣтлымъ и отраднымъ, украшеннымъ розовато-бѣлыми облачками, точно цвѣтами, живетъ нѣмое таинственное существо, занимающееся соглядайствомъ надъ людьми, ревниво подглядывающее за ними и подслушивающее не только каждое ихъ слово, но и каждую сокровенную мысль и жестоко казнящее этихъ людей не только за самые ничтожные поступки, но и за мысли.

Такой ли страхъ Божій хотѣлъ видѣть въ своемъ ученикѣ старецъ Евагрій? Этого Матой не зналъ. Но именно такой страхъ жилъ въ немъ...

Матой крѣпко спалъ, растянувшись на камняхъ у входа въ пещеру. Солнце давно уже сіяло на небѣ, и день обѣщалъ быть жаркимъ.

Евагрій долго молился во внутреннемъ вертепѣ, стоя колѣнами на сухихъ листьяхъ, и удивлялся, что ученикъ его еще не приходитъ.

Подождавъ еще нѣкоторое время и пропѣвъ еще два псалма своимъ дребезжавшимъ и надтреснутымъ голосомъ, старецъ поднялся съ колѣнъ и отправился къ порогу своей пещеры.

Здѣсь онъ увидѣлъ спящаго Матоя и пришелъ въ озлобленіе.

— Вонъ какъ солнце высоко, а сей нерадивый все еще спитъ!— пробормоталъ онъ.—И такъ каждое утрое! Мало подвизается юноша. Но подвизающійся познаетъ значеніе грѣха и всю горечь его. Небрегущій о подвижничествѣ приготовляетъ себѣ муку.

И онъ принялся будить юношу.

— Братъ!—говорилъ онъ ему, трогая его за плечо.—Возстань отъ сна! Если бы Гедеонъ не сокрушилъ глиняныхъ сосудовъ, то не увидѣлъ бы свѣта свѣтильниковъ, которые были скрыты въ этихъ сосудахъ. Такъ и человѣкъ, если не презритъ тѣла своего и соннаго услажденія, не увидитъ свѣта Божьяго.

Матой протеръ глаза, лѣниво потянулся и всталъ.

Евагрій сказалъ ему:

— Стань на молитву и произноси за мною слова: „Господи, весь я передъ Тобою. Удостой меня быть въ волѣ Твоей, потому что я не знаю, что полезно мнѣ. Сотвори брань съ врагами моими, потому что я не способенъ вѣдѣть всей злобы ихъ и всѣхъ ухищреній".

Матой повторялъ за старцемъ слова молитвы. Когда они кончили одну, Евагрій начиналъ слѣдующую. Со лба юноши падали капли пота, во рту у него пересохло, въ глазахъ помутилось. И въ то время какъ онъ просилъ Бога сотворить брань съ врагами его, передъ уставшимъ взоромъ, точно отдѣлившись отъ земли, пронеслось волшебное видѣніе ночи, во всей его соблазнительной прелести и, привѣтливо улыбнувшись ему, точно растаяло въ яркой лазури неба и слилось съ золотисто-розовыми облачками.

— Усталъ я, отче!—взмолился онъ, въ изнеможеніи садясь у порога и обращая къ старцу умоляющіе и утомленные глаза.

Евагрій усмѣхнулся.

— Не съ достаточно пламенной ревностью заботишься, братъ мой, объ исполненіи заповѣдей Божіихъ,—сказалъ ему старецъ.—Если бы заботился—примѣтилъ бы смущающихъ тебя и тѣ начала, на основаніи которыхъ они смущаютъ. А они смущаютъ умъ, чтобы привести его въ разсѣянность и праздность...

Старецъ поучалъ долго и говорилъ много. Но юноша почти не слушалъ его и переживалъ въ душѣ впечатлѣнія ночнаго сна.

Евагрій, увидя разсѣянность своего ученика, прекратилъ поученія и, пристально взглянувъ на него, задумалъ обратить его умъ къ заботамъ повседневной жизни.

— Братъ Матой!—сказалъ онъ ему.—Пора приниматься за работу. Принеси пальмовыхъ сухихъ листьевъ изъ внутренняго вертепа, и будемъ плесть корзины. Весь запасъ нашъ проданъ, и теперь не осталось у насъ ни одной... Много ли денегъ у насъ?

— Недѣлю тому назадъ я все, что осталось, отдалъ Зенону, привезшему намъ чечевицу, хлѣбъ и финики. Болѣе ничего нѣту.

— А много ли осталось чечевицы и хлѣба?

— На сей день хватитъ, но не болѣе.

— А когда Зенонъ долженъ намъ доставить изъ города припасы?

— Три дня тому назадъ онъ долженъ былъ проходить здѣсь. И я ждалъ его у порога. Но его не было, авва.

— Ужъ не послалъ ли на него Господь болѣзнь?

Матой ничего не отвѣтилъ и отправился во внутрь пещеры за вѣтвями и листьями. Онъ вскорѣ вернулся съ пустыми руками.

— Ни вѣтвей, ни листьевъ пригодныхъ для работы болѣе нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Что же это Зенонъ дѣлаетъ съ нами?—укоризненно проговорилъ старецъ.—Вотъ у насъ нѣтъ ни припасовъ, ни денегъ, ни корзинъ, чтобы, продавъ ихъ, добыть нужныя деньги. Зенонъ всегда аккуратно доставлялъ намъ все нужное... необходимо узнать, что сталось съ нимъ...

Старецъ задумался, опустивъ голову на свои костлявыя руки. Онъ какъ будто колебался произнести то, что ему пришло на умъ. Но, такъ какъ другаго выхода не было, то ему ничего не оставалось больше, какъ сказать своему ученику:

— Братъ! Сходишь ли въ городъ позвать Зенона, доставляющаго все нужное?

Лицо Матоя покрылось краской. Сердце его учащенно забилось отъ радости. Нѣсколько мгновеній онъ не могъ произнести слова, но, наконецъ, собравшись съ силами, сказалъ:

— Сдѣлаю, отецъ, какъ повелишь.

Старецъ опять удалился во внутренній вертепъ и сталъ на молитву, такъ какъ у него теперь не было его любимаго занятія плетенія корзинъ. Матой сидѣлъ въ передней пещерѣ, спасаясь отъ лучей сильно палящаго солнца, и думалъ о предложеніи старца.

Теперь въ немъ боролось два чувства. Желаніе влекло его въ городъ. Когда онъ представлялъ себѣ длинный и утомительный путь по пустынѣ, ему не было страшно, потому что въ концѣ этого пути онъ увидитъ тотъ великолѣпный городъ, въ которомъ онъ родился и который снился ему въ ночныхъ грезахъ. Онъ уже никогда не надѣялся увидѣть его и часто съ грустью думалъ о томъ, что всю долгую жизнь проведетъ въ этой мрачной и узкой пещерѣ, спачала вдвоемъ со старцемъ, а потомъ, когда старца не станетъ, то въ полномъ одиночествѣ, какъ заживо погребенный и замурованный въ гробу. Ему дѣлалось жутко. Онъ представлялъ себѣ эту ужасную жизнь, это гнетущее прозябаніе. Потянутся длинные, томительные дни, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ песчинки пустыни, какъ двѣ капли воды; дни будутъ смѣняться ночами, долгими и безпросвѣтными, какъ будни. И день будетъ походить на безмолвную ночь, а ночь на такой же безмолвный день безъ солнца. И будетъ бѣдный отшельникъ произносить всю жизнь одни и тѣ же слова, однѣ и тѣ же молитвы. Одни и тѣ же видѣнія будутъ приходить тревожить его грустный покой, пока жизненныя силы, тотъ духъ жизни, который скрытымъ ключемъ бьетъ въ немъ, не изсякнетъ за слабостью и истощеніемъ физическихъ силъ отъ старости, и онъ не превратится въ такой же сухой скелетъ, какъ его авва Евагрій. И жизненный путь покажется ему такой же унылой безплодной пустыней, какъ та пустыня, въ которой стоитъ ихъ убогая пещера... Другое чувство говорило ему: откажись отъ мысли идти въ городъ. Міръ, который находится за предѣлами этой пустыни, полонъ соблазна и грѣха. Душа твоя молода и не окрѣпла. Долгая жизнь въ пещерѣ не закалила твоей воли, а обезсилѣла ее. Кто знаетъ, при видѣ этого лазурнаго моря, на берегахъ котораго ты родился, при видѣ этихъ мраморныхъ дворцовъ, окруженныхъ благоухающими садами, при созерцаніи

этихъ веселыхъ, красивыхъ женскихъ лицъ и дорогихъ нарядовъ, не поколеблется ли духъ твой, не покажется ли тебѣ твое пребываніе въ пустынѣ мрачнымъ, тяжелымъ сномъ, отъ котораго ты захочешь убѣжать. И не говорилъ ли мнѣ старецъ: „намъ должно приготовиться къ перенесенію напасти прежде пришествія напасти, чтобы оказаться искусными въ то время, когда она придетъ". Но готовъ ли я? Окажусь ли я искуснымъ настолько, чтобы не соблазниться и устоять. И тотъ же внутренній голосъ, все существо его вопіяло: „нѣтъ! ты не устоишь, ты падешь, ты погибнешь!.." И ему дѣлалось страшно, и онъ рѣшилъ не идти въ городъ.

„Подожду, по крайней мѣрѣ", — сказалъ онъ себѣ въ утѣшеніе, — „можетъ быть, горожанинъ Зенонъ придетъ сегодня съ припасами".

И онъ отправился готовить трапезу дня.

Раздѣливъ малое количество чечевицы, оставшееся у нихъ, на три равныхъ части, такъ же какъ и хлѣбъ, онъ положилъ чечевицу въ воду, чтобы она намокла и вспухла. Когда она достаточно размягчилась, онъ накрошилъ въ чашку сухаго хлѣба, такъ какъ Евагрій, по преклонности лѣтъ, не могъ уже жевать зачерствѣлыя корки хлѣба, и понесъ пищу своему наставнику.

Евагрій зорко взглянулъ ему въ глаза и, молча, ничего не сказавъ, вкусилъ пищу. Поѣлъ и юноша, но очень воздержанно: онъ не хотѣлъ, чтобы старецъ по его нежеланію идти въ городъ принужденъ былъ голодать.

Когда они окончили трапезу, Евагрій прочиталъ молитву и сказалъ Матою.

— Много ли еще у насъ необходимаго для пропитанія?

— Хватитъ еще на два дня, ежели будемъ пользоваться умѣренно и не наѣдаться до сытости.

— Такъ, братъ мой, — проговорилъ Евагрій и не прибавилъ ни слова.

Но вечеромъ, озабоченный тѣмъ, что Зенонъ все еще не приходилъ, старецъ опять сказалъ Матою:

— Не сходишь ли, братъ, въ городъ и не приведешь ли Зенона?

Матой хотѣлъ пасть къ ногамъ старца, покаяться ему въ своихъ мысляхъ, исповѣдать ему свои сомнѣнія и опасенія. Но опять прежнее чувство удержало его отъ этого порыва, и онъ просто отвѣтилъ Евагрію:

— Сдѣлаю, отче, что велишь.

Онъ не могъ отвѣтить иначе, потому что не хотѣлъ оказывать непослушанія своему наставнику. Но боязнь соблазна все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала имъ и прошелъ второй день, а Матой не отправился въ городъ.

Ввечеру втораго дня, Евагрій сказалъ ученику своему:

— Мало осталось у насъ пищи. Но и этого малаго при осмотрительности хватитъ на тебя и на меня, пока не придетъ Зенонъ. Но Зенонъ, быть можетъ, боленъ или забылъ о насъ и не придетъ, пока ты не позовешь его. Пойдешь ли, братъ мой, въ городъ и приведешь ли сюда Зенона?

И опять Матой отвѣчалъ:

— Пойду, отче, и приведу его.

Тогда Евагрій велѣлъ ему принести къ нему оставшееся количество пищи и хлѣба.

Матой исполнилъ приказаніе старца.

Евагрій оглядѣлъ припасы и раздѣлилъ ихъ поровну.

— Вотъ,—сказалъ онъ.—Половину чечевицы и хлѣба возьми себѣ на дорогу, а другую оставь мнѣ на пропитаніе. Сколько бы ты ни проходилъ, мнѣ этого хватитъ. Если будетъ нужно, буду вкушать по зернышку чечевицы и по крошкѣ хлѣба и сытъ буду, ибо не единымъ хлѣбомъ питается человѣкъ, но и словомъ Божіимъ... Не тревожься обо мнѣ, чадо. Если бы нужда не стѣсняла насъ, не послалъ бы тебя въ городъ. Знаю, братъ мой, знаю, что удерживаетъ тебя отъ этого путешествія. Духовными очами моими вижу твой смятенный духъ... Колеблется душа твоя, какъ пламя факела, обдуваемаго вѣтромъ. Но уповаю на Бога отцовъ нашихъ, что онъ покроетъ тебя отъ всякаго искушенія. Помолимся вмѣстѣ

Они стали на молитву.

— Господи!—воздѣвъ глаза, прошепталъ Евагрій. — Господи! умилосердись надъ нимъ по великой милости Твоей. Ты сотворилъ небо и землю, море и все, что въ нихъ... Ты одинъ сотворилъ все чудное: умилосердись надъ юнымъ служителемъ Твоимъ, котораго посылаю въ городъ. Пусть уста иметъ и не глаголютъ уста его; пусть очи иметъ и не видятъ очи его; пусть уши иметъ и не слышатъ уши его!..

Затѣмъ онъ обратился къ ученику своему съ увѣщаніемъ:

— Удерживай уста отъ праздпословія. Кто удерживаетъ уста отъ празднословія, тотъ хранитъ сердце отъ страстей. Очищающій сердце отъ страстей ежечасно видитъ Господа. Кто сосредоточиваетъ зрѣніе ума своего внутрь себя, тотъ видитъ въ себѣ зарю Духа. Небо находится внутри тебя, ежели ты чистъ. Страсти искореняются и изгоняются непрестаннымъ помышленіемъ о Богѣ,— это тотъ мечъ, который убиваетъ ихъ. Что бы ни услышалъ ты во градѣ томъ, куда направятся стопы твои, не давай услышанному проникнуть черезъ уши твои въ сердце твое. Что бы ни узрѣли очи твои, не давай узрѣнному проникнуть черезъ очи въ умъ твой. Великая буря свирѣпствуетъ на морѣ житейскомъ. Свергни съ себя все принадлежащее суетному міру и возопій молитвою къ Богу, чтобы не потонуть въ яростныхъ волнахъ этой бури. Да будетъ тебѣ во все отсутствіе твое свѣтить черезъ пустыню столпъ, который нѣкогда свѣтилъ израильтянамъ и который они видѣли облачнымъ въ теченіе дня и огненнымъ въ теченіе ночи. И столпъ этотъ отдѣлитъ душу твою отъ вожделѣнныхъ похотѣній, какъ нѣкогда отдѣлилъ полкъ израильскій отъ полка египтянъ...

Старецъ перевелъ духъ. Длинная рѣчь утомила его слабое, истощенное тѣло, и онъ задремалъ.

Быстро побѣдивъ свою дрему, онъ благословилъ ученика своего и сказалъ:

— Ступай, братъ, съ миромъ и надеждою. Непрестанно буду молиться о тебѣ.

Уже смеркалось, когда Матой, взявъ посохъ и часть пищи, предназначенной ему старцемъ, вышелъ за порогъ пещеры. Другую, большую часть онъ потихоньку прикинулъ къ тому запасу, который остался для удовлетворенія нуждъ Евагрія.

Старецъ, стоя на порогѣ, проводилъ ученика своего долгимъ взглядомъ и потомъ скрылся, когда тьма заволокла отъ взора его одинокаго путника пустыни.

Тихая, теплая ночь окутала землю. Вверху, на огромномъ куполѣ неба, быстро потемнѣвшемъ, одна за другою зажигались звѣзды. Изъ расщелинъ каменистой почвы пустыни подымались волны горячаго пара, и, казалось, земля радостно вдыхала, освободившись отъ невыносимаго дневнаго жара.

Матою казалось, что пустыня, притаившись, зорко слѣдила за нимъ и подстерегала каждый его шагъ, насмѣшливо глядя на него тысячью своихъ зеленоватыхъ глазъ. Эти зеленые огоньки въ разныхъ разстояніяхъ отъ него то вспыхивали, то угасали. Страшное гробовое безмолвіе окружало его. Ему казалось, что онъ снизошелъ въ нѣкій подземный міръ, въ которомъ, подъ этими раскаленными камнями таятся грѣшныя души, покинувшія землю безъ покаянія. И когда онъ слышалъ протяжный вой шакаловъ, то душа его содрогалась отъ радости и отъ ужаса. Даже этотъ вой былъ пріятенъ ему, потому что нарушалъ тягостное безмолвіе ночи, пустыни и неба, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшилъ его, потому что ему чудилось, что онъ идетъ изъ глубинъ расщелинъ и что это—жалобный крикъ погибшихъ душъ, нераскаянныхъ и неоплаканныхъ грѣшниковъ.

И шаги его звонко отдавались на камнѣ пустыни. Иногда онъ натыкался на кустъ терновника, который кололъ ему лицо и руки, и въ глубокой тьмѣ ночи принималъ преувеличенные размѣры и казался ему привидѣніемъ, выходцемъ изъ другаго міра, протягивавшимъ къ нему цѣпкія, тонкія руки, чтобы увлечь его съ собою въ преисподнюю.

Тогда онъ творилъ молитву и шелъ дальше. Иногда ноги его запутывались въ порosляхъ цѣпкаго волчца. Ему казалось, что клубокъ малыхъ змѣй опутываетъ его ноги, чтобы ужалить его. Онъ зналъ, что пустыня населена аспидами и василисками и что во тьмѣ ночи онъ можетъ наступить на одного изъ этихъ гадовъ. Холодомъ обвѣвало душу его, и капли холоднаго пота выступали у него на лбу. Но по мѣрѣ того, какъ онъ шелъ и читалъ молитвы, страхъ оставлялъ его, и душа его укрѣплялась.

Но вотъ, наконецъ, онъ почувствовалъ тонкій хладъ, раскаленная пустыня испарила свой накопленный за день зной въ пространство вселенной, и прохладный вѣтерокъ освѣжилъ своимъ дуновеніемъ лицо спутника. Онъ возблагодарилъ Бога за оказанную ему милость и пошелъ бодрѣе впередъ. Онъ уже не боялся духа злобы и даже, если бы таковой вздумалъ пугать его, онъ нашелъ бы въ себѣ достаточно силъ противустоять ему.

И вотъ, какъ будто, чтобы испытать его, въ то время, когда онъ съ особой рѣшимостью подвигался впередъ, демоны окружили его и подняли густую пыль передъ лицомъ его.

Но Матой не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ сотворилъ молитву, и пыль мгновенно разсѣялась.

Потомъ вокругъ него сталъ кружиться вихорь и сбивать его съ пути. И въ этомъ вихрѣ онъ услышалъ звуки пѣсни, которую слышалъ уже во время своихъ ночныхъ грезъ и мечтаній. Потомъ шакалъ съ обнаженными и щелкающими зубами близко подошелъ къ нему и ухватилъ его за край одежды, смотря на него своими лучистыми зелеными глазами.

Но Матой, сотворивъ молитву, снялъ съ себя верхнюю одежду, и вѣтеръ стихъ; затѣмъ онъ вынулъ изъ сумы горсточку чечевицы и корочку хлѣба, и съ молитвою бросилъ все это шакалу. Шакалъ исчезъ.

Съ темнаго неба по разнымъ направленіямъ падали звѣзды, оставляя за собой длинный и медленно угасавшій огненный путь, и Матой мѣнялъ каждый разъ направленіе, согласно этимъ указаніямъ, когда думалъ, что духи злобы направляютъ его шаги на ложные пути.

Наконецъ, ночь прошла. Одна за другою блѣднѣли звѣзды и точно таяли въ начинавшемъ свѣтлѣть небѣ. На востокѣ загоралась заря. Небо точно было объято пламенемъ огромнаго пожара. Наступилъ тяжелый, знойный, удушливый день.

Теперь на душѣ путника стало легче и отраднѣе, хотя двигаться было труднѣе. Солнце жгло невыносимо. Камень пустыни раскалялся. Ноги Матоя были изранены, и ступни его оставляли за собою слѣды крови на камняхъ. Кожа трескалась отъ жара, и мелкія мошки, кружившіяся въ раскаленномъ воздухѣ, забирались въ раны его ногъ и точили ихъ, производя невыносимый зудъ и ужасную боль.

Страшная жажда начинала мучить Матоя. Онъ уже совсѣмъ изнемогъ и не могъ двигаться дальше. Онъ зналъ, что къ вечеру онъ долженъ будетъ уже достичь города, но ему казалось, что никогда у него не хватитъ силъ сдѣлать меньшую часть оставшагося ему пути.

Въ отчаяніи онъ упалъ на колѣни и, обливаясь горячими слезами, сталъ страстно молиться.

И вотъ онъ почувствовалъ въ себѣ силы; поднялся и пошелъ, ощутивъ облегченіе во всѣхъ своихъ уставшихъ членахъ.

Не прошелъ онъ и нѣсколькихъ поприщъ, какъ почувствовалъ подъ ногами сырость. Дѣйствительно, поднявъ голову, онъ увидѣлъ, что изъ-подъ почвы пробивается холодный ключъ, нѣсколько влѣво отъ себя онъ усмотрѣлъ кущи зеленыхъ кустовъ и нѣсколько финиковыхъ пальмъ, дававшихъ обширную тѣнь по землѣ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ уголковъ пустыни, которые въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи разсѣяны по ней рукою Всевышняго, для того, чтобы путники могли возносить хвалу его имени, найдя себѣ въ знойный тяжкій день живительную прохладу, отдохновеніе и пищу.

Матой, съ душой, наполненной славословіемъ, благодареніемъ и радостнымъ чувствомъ, направился къ оазису.

Здѣсь онъ улегся на мягкой, зеленой травѣ, омылъ свои из-

раненныя ноги въ свѣтлыхъ водахъ ручейка, снялъ свои тяжелыя одежды, нарвалъ финиковъ и утолилъ голодъ. Потомъ, прислонивъ голову къ стволу гостепріимной пальмы, уснулъ сладкимъ и безмятежнымъ сномъ.

Когда онъ проснулся, солнце уже заходило, и жаръ спалъ.

Путникъ быстро всталъ, освѣжилъ свое тѣло въ ручьѣ и пустился въ путь.

Къ вечеру, когда зайдетъ солнце, онъ долженъ будетъ достигнуть города. И, дѣйствительно, вскорѣ стали ему попадаться отдѣльные поселки, рощи оливковыхъ и пальмовыхъ деревьевъ, люди, везшіе на мулахъ плоды и овощи для базара къ утру слѣдующаго дня. Пустыня кончалась.

Уже вдали виднѣлись въ смутныхъ очертаніяхъ зданія города, ихъ высокія бѣлыя стѣны, алѣвшія золотымъ пурпуромъ подъ лучами заката.

Теперь Матой проходилъ мимо апельсинныхъ и лимонныхъ рощъ, и часто попадались ему загородные дома богатыхъ обитателей города, окруженные садами, въ которыхъ благоухали розы, фіалки, ирисы, жасмины и лиліи. Густой запахъ, сладкій, удушливый ароматъ туманилъ и кружилъ голову путнику. Онъ шелъ бодро, подкрѣпленный отдыхомъ и сномъ, и прежнихъ сомнѣній и думъ какъ не бывало въ немъ.

Пустыня ему казалась далекой, и онъ вспоминалъ о ней, какъ объ ужасномъ снѣ, если не навсегда, то надолго исчезнувшемъ изъ его жизни.

И вдругъ на поворотѣ дороги изъ-за невысокихъ холмовъ, покрытыхъ зеленью, ему блеснуло въ глаза море. Море! Та таинственная, волшебная стихія, живущая своей особенной жизнью, на берегахъ которой онъ родился и пѣсни прибоя которой онъ слышалъ съ ранняго дѣтства.

Радостное чувство взволновало его. Да, именно такимъ представлялъ онъ себѣ это голубое море—широкимъ, безпредѣльнымъ, живущимъ особенной, одному ему свойственной жизнью. Оно тоже было пустынно, но не походило на ту каменистую пустыню, которая въ силу невѣдомыхъ ему судебъ сдѣлалась его второй родиной.

Солнце садилось, разливая по темной лазури моря свой огненно-золотой металлъ. И оно казалось въ этотъ часъ заката расплавленнымъ озеромъ золота... Солнце вдругъ исчезло за линіей горизонта. Все вокругъ потемнѣло, и море покрылось точно траурнымъ флеромъ. Еще кровавая полоска заката алѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ море сходилось съ небомъ; но темнофіолетовыя сумерки уже быстро надвигались.

Матой входилъ въ городъ. Длинныя, узкія улицы тянулись безконечными линіями и исчезали въ туманной дали, теряясь въ общей тьмѣ. И огромныя зданія теряли свои очертанія, воздвигаясь передъ глазами путника въ видѣ темныхъ безформенныхъ массъ.

В. Свѣтловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Директоръ Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы.

Рѣчь Д. Ө. Кобеко на торжественномъ актѣ въ память А. С. Пушкина въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ 28 мая 1899 г.

I.

Въ бывшихъ зимою 1898—99 г. совѣщаніяхъ лицеистовъ выработано было предположеніе о составленіи жизнеописанія Пушкина, которое должно быть ведено совмѣстно и параллельно съ исторіею его воспитавшаго и имъ воспѣтаго Царскосельскаго Лицея. Мысль о такой біографіи Пушкина занимала меня давно. Исподволь собиралъ я данныя для подобнаго труда. Въ настоящую минуту рѣшаюсь занять ваше вниманіе нѣкоторыми фактами изъ жизни того товарищескаго лицейскаго кружка, среди котораго выросъ и вращался Пушкинъ. Матеріаломъ для этого очерка послужитъ *исключительно* собраніе бумагъ Егора Антоновича Энгельгардта, бывшаго съ 1816 по 1823 годъ директоромъ Лицея. Въ собраніи этомъ главное мѣсто занимаетъ переписка Энгельгардта съ лицеистомъ I курса Матюшкинымъ.

Өедоръ Өедоровичъ Матюшкинъ, по окончаніи курса въ Лицеѣ въ 1817 году, поступилъ на флотъ и въ томъ же году отправился въ кругосвѣтное плаваніе, затѣмъ, съ 1820 по 1824 г., былъ употребленъ для описанія сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири и изслѣдованія Ледовитаго моря. Послѣ этого совершилъ второе двухлѣтнее кругосвѣтное путешествіе, служилъ на военныхъ судахъ въ Архипелагѣ, Средиземномъ и Черномъ моряхъ, участвуя въ нѣкоторыхъ военныхъ дѣйствіяхъ и наконецъ, въ 1849 году, перешелъ въ Петербургъ, гдѣ занималъ разныя административныя должности по морскому вѣдомству. Умеръ онъ въ 1872 году въ званіи сенатора.

Переписка его съ Энгельгардтомъ, начавшаяся въ 1817 году, продолжалась почти непрерывно до переѣзда Матюшкина въ Петербургъ. Послѣднія письма Энгельгардта относятся къ 1845 году. Проникнута эта переписка самымъ отеческимъ чувствомъ. Ма-

тюшкинъ, рано потерявшій отца, считалъ Энгельгардта вторымъ себѣ отцомъ, а послѣдній относился къ нему съ любовью и нѣжною заботливостью.

Въ директорство Энгельгардта произведены были три первые выпуска лицеистовъ. Съ большинствомъ изъ своихъ питомцевъ Энгельгардтъ сохранялъ до конца жизни добрыя отношенія; со многими изъ нихъ былъ въ перепискѣ, и въ письмахъ его къ Матюшкину разсѣяно много свѣдѣній не только о служебной дѣятельности лицеистовъ I курса, но и о семейной ихъ жизни и объ отношеніяхъ другъ къ другу.

Назначенный директоромъ Лицея въ январѣ 1816 года изъ директоровъ педагогическаго института, по личному выбору императора Александра, Энгельгардтъ, однако недолго, менѣе 8 лѣтъ, оставался въ этой должности. Причиною оставленія имъ Лицея послужила перемѣна, явившаяся въ мысляхъ и воззрѣніяхъ императора и въ общемъ духѣ его правленія, вскорѣ послѣ эпохи вѣнскаго конгресса. Возможность этой перемѣны предвидѣлъ лучшій изъ сотрудниковъ императора въ первую половину его царствованія, Сперанскій. Въ извѣстномъ пермскомъ письмѣ своемъ, въ 1815 году онъ говорилъ: „не попустите, всемилостивѣйшій государь, чтобы система ложныхъ страховъ и подозрѣній, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе вашего величества, чтобы система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а народы—къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составляетъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ“. Къ сожалѣнію, случилось именно то, чего опасался Сперанскій. Система ложныхъ страховъ и подозрѣній превозмогла и примѣнена была, едва-ли не прежде всего, къ Лицею.

Какъ бы предвѣстникомъ преслѣдованій, которымъ подвергся Лицей, былъ пожаръ 5 мая 1820 г. Вотъ, что писалъ Энгельгардтъ 10 сентября 1820 г. „Сгорѣлъ, другъ мой, сгорѣлъ нашъ Лицей отъ крыши до погреба и кромѣ стѣнъ, черныхъ дымомъ, ничего не осталось. Нѣтъ 12 нумера [1]); нѣтъ залы; нѣтъ того окна, въ которомъ 1 марта 1816 г. я въ первый разъ съ вами говорилъ, гдѣ началась дружба между мною и многими изъ васъ; нѣтъ той комнаты, гдѣ ты мнѣ изъявилъ свое желаніе путешествовать; нѣтъ той арки, гдѣ я тебѣ объявилъ, что твое желаніе исполняется, нѣтъ... да всего нѣтъ, все исчезло, все пепелъ и Лицей живетъ только еще въ сердцахъ чугунниковъ [2]). Храните это воспоминаніе, друзья; священный союзъ юношества да проводитъ васъ до гроба. Аминь. По возвращеніи твоемъ ты, впрочемъ, найдешь все опять по-прежнему; будущею весною воспитанники въѣзжаютъ въ возобновленный Лицей, который, по волѣ государя, долженъ быть отдѣланъ совершенно на

[1]) Т. е. комнаты, которую занималъ Матюшкинъ въ Лицеѣ.
[2]) Энгельгардтъ раздавалъ чугунныя кольца выпущеннымъ воспитанникамъ, въ знакъ прочности лицейскаго союза.

подобіе прежняго. Это рѣдкій человѣкъ этотъ государь! На другой день пожара онъ разговаривалъ со мною о возстановленіи Лицея и съ чувствомъ, только ему свойственнымъ, подтверждалъ нѣсколько разъ, чтобы все, даже живопись, была точно такъ какъ прежде: „я увѣренъ, что много тутъ заключается воспоминаній, жаль бы ихъ уничтожить, жаль бы если прежніе воспитанники Лицея сдѣлались ему чужды". Это рѣдкій человѣкъ; жаль, что нельзя дать ему чугуннаго колечка; онъ, право, достоинъ быть нашимъ... два дня послѣ того пріѣхали Вальховскій, Пущинъ, Комовскій, Малиновскій, Саврасовъ. Мы обняли другъ друга и молча, со слезами, обѣщали другъ другу, что дружба наша и любовь къ старому Лицею не изчезнутъ, какъ онъ".

Въ томъ же маѣ 1820 года, великій лицеистъ, память котораго мы сегодня чествуемъ, высланъ былъ изъ Петербурга на службу въ Екатеринославъ. Съ этой минуты начался усиленный, со стороны министра народнаго просвѣщенія извѣстнаго мистика князя Голицына, надзоръ за Лицеемъ и за направленіемъ, которое давалось его воспитанникамъ. Это отозвалось и на положеніи Энгельгардта.

„О себѣ",—писалъ онъ Матюшкину, 9 февраля слѣдующаго 1821 г.,—„что я тебѣ скажу? Почти ничего; вообще очень мало, а хорошаго—совершенно ничего. Сижу у моря и жду погоды, т. е. возвращенія добраго царя батюшки, который такъ добръ, что, вѣрно, не откажетъ мнѣ единственной послѣдней милости, которой у него прошу—отпустить меня, ибо если мнѣ еще 6 мѣсяцевъ прожить, какъ прожилъ я послѣдніе 10 мѣсяцевъ, то уже меня не станетъ; мои волосы посѣдѣли и уже веселье мое все къ чорту. Иногда еще, какъ съ нашими сойдусь, проглядываетъ какъ солнышко въ пасмурный, осенній день. Твоя участь, правда, не завидна, но иногда право лучше бы въ юртѣ съ юкагиромъ струганину ѣсть, нежели съ Карцевымъ, Гауеншильдомъ и Калиничемъ въ золотыхъ чертогахъ фазановые паштеты".

Вслѣдъ за Пушкинымъ подвергся опалѣ профессоръ Лицея Куницынъ, которому Пушкинъ посвятилъ нѣсколько задушевныхъ словъ въ своемъ 19 октября 1825 года.

„Ты, вѣроятно, уже слышалъ",—пишетъ Энгельгардтъ 27 іюня 1821 г.—„если слышится что-нибудь въ вашемъ ледникѣ, что естественное право, Куницына, напечатанное по приказанію министра народнаго просвѣщенія и съ одобренія цензуры, конфисковано и запрещено, какъ книга пагубная, нарушающая вѣру христіанскую и расторгающая всѣ связи семейственныя и государственныя; что Куницынъ отъ всѣхъ должностей по министерству народнаго просвѣщенія отставленъ и запрещено ему что-либо и гдѣ-либо преподавать... Жаль, а Куницынъ умѣлъ учить и добру училъ! а люди презрительные во всякомъ отношеніи и ума и сердца, напр. Гауеншильды, Карцовы и имъ подобные, остаются и награждаются. Плохо, если это продолжится".

За тѣмъ на Лицей обращено было еще большее вниманіе вслѣдствіе случая съ бывшимъ воспитанникомъ I-го же курса Кюхельбекеромъ.

Первоначально, Энгельгардтъ радовался его дѣятельности по выходѣ изъ Лицея. „Кюхельбекеръ", сообщалъ онъ 20 декабря 1817 г., „живетъ, какъ сыръ въ маслѣ: онъ преподаетъ русскую словесность въ меньшихъ классахъ вновь учрежденнаго педагогическаго пансіона и читаетъ 8 и 9 лѣтнимъ дѣтямъ свои гекзаметры; при томъ исправляетъ онъ должность гувернера; при томъ воспитываетъ онъ двоихъ молодыхъ Тютчевыхъ; при томъ читаетъ онъ французскую газету „Le Conservateur"; при томъ присутствуетъ очень прилежно въ обществѣ любителей русскаго слова и при всемъ этомъ еще въ каждый почти номеръ „Сына Отечества" срабатываетъ цѣлую кучу гекзаметровъ... Кто бы подумалъ, когда онъ у насъ въ прудѣ тонулъ, что его на все это станетъ".

Черезъ три года Кюхельбекеръ вышелъ въ отставку и поѣхалъ съ оберкамергеромъ Нарышкинымъ путешествовать въ качествѣ секретаря и собесѣдника. „Мы знаемъ"—замѣтилъ Энгельгардтъ (21 іюня 1821 г.), „что онъ ни на то, ни на другое не годится".

Въ Парижѣ стряслась надъ нимъ бѣда.

„Кюхельбекеръ, пріѣхавъ въ Парижъ [1]), вздумалъ тамъ завести lectures semi-publiques sur la littérature russe. Не взирая на уродливость его фигуры и на отрицательный и отвратительный его органъ, слушали его съ должнымъ участіемъ, но чортъ его дернулъ забраться въ политику и либеральныя идеи, на коихъ онъ рехнулся. Запоролъ чепуху, такъ что Нарышкинъ его отъ себя прогналъ, а нашъ посланникъ запретилъ читать и наконецъ выслалъ его изъ Парижа. Что изъ него будетъ, Богъ знаетъ, но если съ нимъ что-нибудь сдѣлаютъ, то будетъ грѣхъ. Онъ свихнулся и болѣе ничего, но едва-ли это такъ принято будетъ. Жаль его, но болѣе жаль еще репутацію бѣднаго Лицея, на который уже и безъ того нынѣшніе святые жестоко нападаютъ и хотятъ доказывать, что плоды нашего заведенія и воспитанія суть наивреднѣйшіе для государства. Прицѣпились къ Пушкину, теперь прицѣпятся къ Кюхельбекеру, но о всѣхъ тѣхъ изъ воспитанниковъ (и число ихъ не малое), которые въ теченіе четырехъ лѣтъ отличились и отличены крестами и мѣстами, доказывающими высокую степень къ нимъ довѣренности, никто ни слова не говоритъ. Даже изъ втораго курса, менѣе года въ службѣ находящіеся воспитанники успѣли уже заслужить довѣренность и отличія отъ своихъ начальствъ, но это все не помогаетъ и не поможетъ, ибо — fable du loup et de l'agneau de La Fontaine — вѣрно помнишь".

„Къ нашему несчастію", писалъ Энгельгардтъ 10 сентября 1820 г.,—„Гауеншильдъ успѣлъ совершенно овладѣть княземъ нашимъ, и это имѣетъ много непріятныхъ для меня и для насъ послѣдствій. Князь мною весьма недоволенъ и находя, что я весьма дурно воспитываю ввѣренную мнѣ молодежь, предписалъ особымъ секретнымъ ордеромъ священнику Кочетову пещись о исправленіи воспитанниковъ, о искорененіи въ нихъ зла и пр.

[1]) Письмо Энгельгардта 27 іюня 1821 г.

Мнѣ объявлено, что тѣсная, дружеская связь между мною и воспитанниками моими никуда не годится; что открыть имъ домъ и кабинетъ мой, какъ дѣтямъ своимъ,—не хорошо; что я долженъ знать ихъ только въ массѣ и въ общей залѣ и пр. и пр. Словомъ, другъ мой, я оставляю Лицей и всѣ тѣ прекрасныя мечты, съ которыми переселился я сюда, всѣ мои предположенія о будущемъ, малочисленномъ, но надежномъ для отечества и царя-отца лицейскомъ поколѣніи—исчезли! Я оставляю Лицей! Ты знаешь меня и потому знаешь, что я не тужу о тѣхъ выгодахъ, которыя я здѣсь теряю, но о томъ добрѣ, которое могъ бы сдѣлать, и которое теперь не сдѣлаю. Лицей былъ предметомъ жизни моей; я, кромѣ его, никакихъ болѣе плановъ впереди не имѣлъ; — не стало его для меня и дѣятельности моей не нахожу болѣе предмета и доживая пятый десятокъ годовъ своихъ, поздно уже начать что-либо новое; я теперь буду спать и жить единственно въ кругу прежнихъ лицейскихъ; они знаютъ меня; они понимаютъ меня".

Наконецъ, въ январѣ 1822 года закрыто было, по распоряженію князя Голицына, учрежденное Энгельгардтомъ въ Лицеѣ «Общество лицейскихъ друзей полезнаго»; въ февралѣ того же года Лицей переданъ въ вѣдѣніе военно-учебныхъ заведеній, и въ октябрѣ 1823 года Энгельгардтъ оставилъ должность директора.

Переселившись изъ Царскаго Села въ Петербургъ, Энгельгардтъ, по его же выраженію,—отставной шульмейстеръ,—отдался всецѣло литературнымъ занятіямъ, не покидая заботъ о своихъ бывшихъ питомцахъ, за которыми постоянно слѣдилъ и которыхъ любилъ видѣть у себя, и всегда интересуясь судьбою любезнаго ему Лицея. Когда двое изъ бывшихъ воспитанниковъ I курса оказались прикосновенными къ дѣлу 14 декабря 1825 г., что навлекло новыя на Лицей нареканія, проникшія даже въ печать, Энгельгардтъ смѣло выступилъ въ его защиту и не покинулъ своихъ питомцевъ и въ ссылкѣ, продолжая свою съ ними переписку.

Сообщу, прежде всего, то, что онъ говорилъ о Лицеѣ 27 іюня 1821 г. „Наша бывшая, такъ называемая ограда, лицейскій садъ, очень разрослась и отдѣльные въ немъ садики воспитанниковъ одинъ другаго лучше. Кромѣ садиковъ для забавы, заведенъ у насъ и садикъ ботаническій по линнеевой системѣ; заведенъ и разсадникъ для кустарника и деревъ, которые мы на прогулкахъ нашихъ набираемъ, къ себѣ пересаживаемъ и потомъ украшаемъ свои садики. Будетъ ли это все продолжаемо послѣ или нѣтъ, я не знаю, но сомнѣваюсь. Я было хотѣлъ подобное ввести и въ пансіонѣ [1]), гдѣ болѣе еще удобности по пространству мѣста, но не пошло на ладъ. Никто не содѣйствовалъ, никто изъ начальствъ участія не принималъ и заготовленныя садовыя мѣстечки всѣ заросли крапивой и терніемъ. Жаль; занятіе природою смягчаетъ сердце, возбуждаетъ чувство, привязываетъ къ

---

[1]) Т. е. въ учрежденномъ при Лицеѣ приготовительномъ пансіонѣ.

природѣ; оно есть лучшее основаніе вѣры, ибо нѣтъ священнѣе, величественнѣе книги, какъ книга природы. Надобно только сердце, которое бы умѣло въ сей книгѣ читать. Но это вещи, которыхъ Гауеншильды и имъ подобные люди не понимаютъ; на это надобно сердце и чувство, а въ нихъ этого и въ заводѣ не бывало".

„Большая и важная лицейская новость (письмо 22 декабря 1822 г.): пресловутый Өотій[1]), наконецъ, рѣшилъ оставить Лицей, или, лучше сказать, избавить его отъ ига несносной своей персоны. Онъ переходитъ въ пансіонъ; туда дорога къ другу моему Гауеншильду, а дѣло ему тамъ будетъ, ибо это заведеніе, которое его сіятельство выставлялъ мнѣ неоднократно въ примѣръ, заключаетъ въ себѣ все, что можно назвать развратомъ: карты, въ которыя играютъ съ гувернерами; пьянство съ гувернерами".

„О перемѣнахъ въ нашемъ Лицеѣ",—писалъ Энгельгардтъ 5 февраля 1824 г., когда Матюшкинъ возвращался въ Петербургъ изъ сибирской экспедиціи,—„не говорю тебѣ ничего: проѣзжай мимо, братъ! Тебѣ уже тамъ дѣла нѣтъ. А здѣсь будешь, то на словахъ панихиду отпоемъ".

28 февраля 1824 г. „О нашихъ лицейскихъ тебѣ ничего не пишу; объ нихъ писать не весело, да и Фаминцынъ и прочіе лицейскіе тебѣ, что нужно, разскажутъ. Сегодня у меня на прощаньи обѣдаютъ Пущинъ и Данзасъ, которые дня въ два отправляются и съ которыми и письмо мое поѣдетъ. Будетъ лицейскій обѣдъ на Васильевскомъ островѣ, ибо настоящій Лицей теперь—внѣ Лицея; онъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и пр., гдѣ есть нѣсколько чугунниковъ".

„О Лицеѣ",—пишетъ онъ 25 февраля 1829 г.—„вообще имѣю донести, что царь[2]), наконецъ, удостоилъ оный своимъ посѣщеніемъ и былъ всѣмъ весьма доволенъ; выходилъ вездѣ, похвалилъ все, разговаривалъ со всѣми воспитанниками и каждому сказалъ доброе словцо. Между прочимъ два раза замѣтилъ, что напрасно выходятъ въ военную службу изъ заведенія, для гражданской учрежденнаго. Славу Богу, что онъ былъ и что Лицей ему нравится. Пансіонъ не такъ счастливъ; очень не показался, такъ что кажется онъ рушится; уже въ газетахъ публиковано, чтобы родители, записавшіе дѣтей въ число кандидатовъ, въ теченіе сего полугода изъявили желаніе, въ какое другое учебное заведеніе они желаютъ ихъ отдать. Хотя жаль пансіона, который былъ еще лучше многихъ другихъ, но—пусть такъ; лишь бы Лицей устоялъ и процвѣталъ, а если сдѣлаютъ его совсѣмъ гражданскимъ, то это славное, умное и полезное дѣло".

12 ноября 1829. „Ты знаешь уже изъ прежнихъ моихъ писемъ, что пансіонъ рушился и что въ его мѣсто учрежденъ александровскій кадетскій корпусъ; лучше ли онъ пансіона будетъ, не знаю, но знаю, что пансіонъ, не употребляя ни копѣйки отъ государственной казны, содержалъ себя и воспитывалъ довольно

---

[1]) Өотій Петровичъ Калининъ—воспитатель Лицея.
[2]) Императоръ Николай Павловичъ.

хорошо около 200 молодыхъ людей и доставлялъ *приготовленныхъ* кандидатовъ Лицею, который теперь будетъ принужденъ брать таковыхъ изъ университетскаго пансіона".

„Въ Лицеѣ отмѣненъ классъ пѣнія",—писалъ Энгельгардтъ 7 апрѣля 1830 г.—„и такъ послѣдній курсъ (5-ый) при мнѣ начавшійся, въ послѣдній разъ при выпускѣ пропѣлъ Шесть лѣтъ! Воля командирская, а жаль! Во всѣхъ благоустроенныхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ, нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо занимаются возбужденіямъ въ юношествѣ охоты къ пѣнію, считая оное хорошимъ способомъ возбуждать и облагораживать чувства".

„Въ нашемъ Лицеѣ",—письмо 28 мая 1832 г.—„большія перемѣны: шпаги, трехугольныя шляпы, домовые отпуски въ городъ, и вмѣсто 50 воспитанниковъ 100 человѣкъ, изъ коихъ 50 казенныхъ и 50 платящихъ по 2000 р. въ годъ. Спальни въ верхнемъ коридорѣ уничтожаются; тамъ будетъ большая общая казарма, въ коей кровати стоятъ открыто, одна возлѣ другой; наши древніе лакированные рукомойники—вонъ; вмѣсто ихъ два огромные мѣдные самовара съ кранами для общаго омовенія; комоды—прочь, а платье—въ общемъ арсеналѣ и пр. и пр. Можетъ быть это все гораздо лучше прежняго, но прежнее было право хорошо. Жаль, что бѣдный Лицей долженъ такъ измѣнить всю свою физіономію физическую; за оною неизбѣжно послѣдуетъ и перемѣна нравственной. Уже отъ домовыхъ отпусковъ уничтожится эта прекрасная связь нашихъ лицейскихъ, для коихъ въ продолженіе шести лѣтъ весь міръ заключался въ стѣнахъ Лицея и которые въ продолженіе шести лѣтъ бывали неразлучными товарищами; отъ того между ними неразрушимая связь дружбы; отъ того привязанность къ Лицею. Кадеты, оставя съ радостью корпусъ, не знаютъ уже болѣе ни его, ни тамошнихъ товарищей".

II.

Письма Энгельгардта показываютъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за дѣятельностью бывшихъ воспитанниковъ Лицея и какъ близко принималъ къ сердцу убыль въ ихъ рядахъ. „Военные наши",—писалъ онъ 20 декабря 1817 г.,—„послѣ пятимѣсячнаго фрунтоваго курса, наконецъ, попали въ офицеры, а бѣдной Ржевской и до того не дожилъ; онъ умеръ отъ гнилой нервической горячки, гробъ его понесли шесть изъ бывшихъ его товарищей".

„Старика Костенскаго мы нынѣшнею осенью (письмо 22 января 1831 г.) похоронили; это былъ человѣкъ не блистательный, но добрый и въ своемъ родѣ почтенный".

„Есаковъ застрѣлился. Жаль, что его не убило ядромъ непріятельскимъ (письмо 4 декабря 1831 г.). Я писалъ тебѣ о ужасной кончинѣ Есакова, который застрѣлилъ себя по какимъ-то непріятностямъ по службѣ. Жаль, и глупо" (письмо 28 мая 1832 г.).

„Въ нашемъ лицейскомъ мірѣ большая прорѣха",—писалъ Энгельгардтъ 14 апрѣля 1841 г.—„вчера я получилъ извѣстіе о смерти Вальховскаго, послѣ восьмидневной болѣзни. Послѣ вы-

хода въ отставку, онъ жилъ въ деревнѣ жены своей въ Харьковской губерніи: пытался заниматься хозяйствомъ, да не по сердцу занятіе это, мелочное, единообразное. Онъ скучалъ, и назадъ тому около мѣсяца еще писалъ мнѣ, что хочетъ пуститься служить по дворянскимъ выборамъ, а тамъ, Богъ если благословитъ, то и вступить опять въ государственную службу, подъ пару губернатору Корнилову, о коемъ слава отличная. Вмѣсто того—гробъ! Жаль Суворчика; онъ бы былъ полезный человѣкъ государству. Бѣдная жена съ двумя дѣтками".

Приведу еще письмо Энгельгардта о смерти барона Дельвига.

Первоначальные отзывы Энгельгардта о Дельвигѣ были не очень сочувственны.

20 декабря 1817. „Дельвигъ все еще ищетъ въ южной Россіи какихъ-то каменныхъ угольевъ и ни къ кому ни слова не пишетъ".

10 сентября 1820 г. „Дельвигъ пьетъ и спитъ и, кромѣ очень глупыхъ и опасныхъ для него разговоровъ, ничего не дѣлаетъ".

12 февраля 1821 г. „Былъ въ городѣ и провелъ лицейскій вечерокъ у Пущина. О бывшихъ тамъ узнаешь ты изъ прилагаемаго у сего сборнаго письма, въ коемъ Дельвигъ съ просонья сдѣлалъ начало".

25 февраля 1829 г. „Дельвигъ издаетъ нынѣ уже по два альманаха въ годъ, а между тѣмъ все толстѣетъ".

18 ноября 1829 г. „Я было хотѣлъ, при сходкѣ 19 октября, чтобы написали къ тебѣ всѣ собранные *скоты-братцы* [1]) посланіе, но эта сходка по какому-то недоразумѣнію не сошлась; у Тыркова было три человѣка и у Дельвига четыре, я же, не зная—куда? не былъ нигдѣ. Впрочемъ, число нашихъ здѣсь очень мало: Дельвигъ, Стевенъ, Корфъ, Яковлевъ, Тырковъ, Илличевскій и Комовскій, да заштатные Гревеницъ, Юдинъ, Мартыновъ и Костенскій; прочіе всѣ разсыпаны".

3 января 1830 г. „Дельвигъ, кромѣ сѣверныхъ цвѣтовъ, издаетъ литературную газету, которая, начиная съ 1 января, должна выходить каждые пять дней. Что будетъ, не знаю; а между тѣмъ самъ Антонъ Антоновичъ изволилъ на два мѣсяца уѣхать въ Москву".

7 апрѣля 1830 г. „Дельвигъ жирѣетъ и издаетъ литературную газету довольно хорошую".

22 января 1831 г. „Дельвигу наконецъ удалось нажить себѣ дочку; онъ въ восхищеніи и послѣ того сдѣлался еще лѣнивѣе прежняго. Дельвигу запретили издавать литературную газету за то, что онъ, съ позволенія цензуры, помѣстилъ въ ней какой-то глупый quatrain на погибшихъ въ послѣднемъ парижскомъ бунтѣ. Не понимаю, какъ могло ему прійти въ голову эти archi-французскія вирши напечатать, ни къ селу ни къ городу, въ русскую литературную газету. Кажется, это его Пушкинъ въ просакъ посадилъ. О его сѣверныхъ цвѣтахъ нынѣшняго года, которыхъ я еще не видѣлъ, „Сѣверная Пчела" говоритъ: цвѣли, цвѣли цвѣтики

---

1) Объясненіе этого прозвища см. въ книгѣ Я. К. Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники". Спб. 1899, стр. 82.

и поблекли. Впрочемъ, между Пчелою и Дельвигомъ уже давно guerre ouverte.

„Вчера мы схоронили бѣднаго пѣвца лицейскаго Дельвига. Онъ былъ боленъ только семь дней, желчною гнилою горячкою, наведенною ему разными непріятными происшествіями, слѣдствіями журнальной войны между нимъ и Булгаринымъ, коего Выжигина и Самозванца Дельвигъ весьма справедливо критиковалъ въ издаваемой имъ литературной газетѣ, которая осмѣлилась доказывать, что эти два сочиненія не такъ-то совершенны и превосходны, какъ завѣряетъ „Сѣверная Пчела". По разнымъ своимъ связямъ, Булгаринъ умѣлъ довести до того, что за небольшой довольно плохой, впрочемъ, французскій quatrain, въ литературной газетѣ (весьма не кстати правда) отпечатанный, Дельвигу запретили издавать сію газету. Это, и множество другихъ непріятностей, вѣрно, много содѣйствовали его болѣзни. Какъ бы то ни было, а нашего Дельвига не стало; не стало пѣвца „Шести лѣтъ" и русскихъ пѣсенъ. Бѣдная жена осталась съ восьми-мѣсячною маленькою дочкою, которую отецъ обожалъ. Жаль Дельвига! при всей своей лѣности, при всѣхъ своихъ странностяхъ, онъ былъ любезный, благородный человѣкъ. Жаль Дельвига! Между тѣмъ мой списокъ первыхъ трехъ курсовъ уже изрядно похожъ на могильное кладбище; уже 15 человѣкъ подъ крестомъ, а со включеніемъ двухъ, хотя не умершихъ, но тоже схороненныхъ, Пущина и Кюхельбекера, уже 17 нѣтъ изъ 78 лицейскихъ. Это много. И большею частію отличные парни: Корсаковъ, Загряжскій, Чарнышъ, Бѣлуха, Подлинневъ, Молчановъ, Дельвигъ и пр., а по свѣту бродятъ множество такихъ, изъ коихъ дюжину и двѣ можно отдать въ обмѣнъ за одного изъ нихъ. Видно, что уже такъ сужено и ряжено".

Возвращаясь къ этому событію въ письмѣ 28 мая 1832 г. Энгельгардтъ продолжаетъ: „Дельвига нашего мы опустили въ мать сыру землю; жаль! Онъ былъ человѣкъ благородный, съ умнымъ чувствомъ и любящимъ сердцемъ и, какъ нарочно, въ послѣдній годъ жизни его, мы очень съ нимъ сблизились. Замолкъ нашъ пѣвецъ".

III.

Перехожу къ отзывамъ Энгельгардта о князѣ Горчаковѣ и Ломоносовѣ, которые, поступивъ изъ Лицея въ министерство иностранныхъ дѣлъ, все время шли другъ съ другомъ рука объ руку [1]).

20 декабря 1817 г. „Горчаковъ и Ломоносовъ съ канцеляріею своею въ Москвѣ, гдѣ, какъ слышно, проживутъ до іюня или іюля мѣсяца".

9 марта 1818. „Вчера былъ день, праздникъ хоть куда. Прилетѣли вдругъ двое саней съ колокольчиками; остановились у дверей моихъ. Гляжу—выходятъ наши москвичи: Горчаковъ, Малиновскій, Ломоносовъ. И радоваться и спрашивать и отвѣ-

---

[1]) Ломоносовъ умеръ въ должности посланника въ Гагѣ.

чать и не слушать ни вопросовъ, ни отвѣтовъ; они здоровы и очень много тебѣ кланяются. День мы провели вмѣстѣ и очень весело; вечеромъ они поѣхали и я съ ними сѣлъ и поѣхалъ въ городъ къ Малиновскому и просидѣлъ до 2-хъ часовъ ночи; болтали да калякали, да толковали, и про старину, и про будущность. На утро я съ ними распростился. Жаль, что нельзя вѣкъ свой съ лицейскими своими провести; я съ ними только и живу. Ломоносовъ нашъ опредѣленъ къ посольству къ соединеннымъ штатамъ въ Вашингтонъ и отправляется съ нашимъ посланникомъ д. с. с. Полѣтика, черезъ три недѣли. Они поѣдутъ діагонально чрезъ Европу сухимъ путемъ, потомъ въ Англію, а оттуда въ Америку".

10 сентября 1820. „Ломоносовъ въ Филадельфіи; Есаковъ въ Варшавѣ; тутъ же временно и князь Горчаковъ".

10 февраля. „Ломоносовъ изъ Филадельфіи кланяется; онъ объѣхалъ съ посланникомъ всѣ соединенные штаты, видѣлъ ніагарскій славный водопадъ и пр. пр. Можетъ быть къ осени пріѣдетъ сюда на свиданіе, т. е. вѣроятно назадъ не поѣдетъ".

21 іюня 1821. „Ломоносова я ожидаю изъ Америки нынѣшнею осенью. Горчаковъ въ Лайбахѣ на конгрессѣ отличался; пожалованъ владимірскимъ кавалеромъ и отправленъ съ посольствомъ въ Англію къ коронаціи короля".

2 января 1822. „Ломоносовъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры— туда дорога. Онъ этому чрезвычайно радъ и отправляется въ Москву. Можетъ быть послѣдуетъ примѣру Бакунина. Чтожъ худова, какъ говаривалъ Фроловъ, переваливаясь съ одного боку на другой и повертывая рукою".

3 іюля 1827. „Ты безъ сомнѣнія увидишь Горчакова; изъ длиннаго моего къ нему письма ты узнаешь, что дѣлаю я, и что дѣлаютъ наши".

26 февраля 1829. „Горчаковъ въ твоемъ сосѣдствѣ, по крайней мѣрѣ ближе къ тебѣ, нежели къ намъ; онъ повѣренный въ дѣлахъ во Флоренціи".

6 февраля 1830. „Ломоносовъ здѣсь уже съ полгода; а все собирается ѣхать въ Америку къ посольству и на Васильевскій островъ въ домъ Флетчера [1]), но по нынѣ ни туда, ни сюда не попалъ".

7 апрѣля 1830. „Ломоносовъ живетъ здѣсь уже около года; все отправляется къ посольству въ Соединенные Штаты и все остается здѣсь".

22 января 1831. „Ломоносовъ повѣренный въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ".

4 декабря 1831. „Ломоносовъ въ Лондонѣ—premier sécrétaire de légation".

6 іюня 1838. „Горчаковъ, Богъ вѣсть какъ, но лишился своего мѣста при вѣнскомъ посольствѣ; вмѣсто его назначенъ другой, а онъ, говорятъ, ѣдетъ сюда. Что будетъ съ его женидьбой на Мусиной-Пушкиной, не вѣдаю".

---

1) Въ этомъ домѣ жилъ Е. А. Энгельгардтъ.

24 января 1839. „У меня былъ лицейскій обѣдикъ: Суворчикъ [1]), Корфъ, Стевенъ и Малиновскій съ женами; Комовскій одинъ безродный. Много толковали про старину, поминали и тебя и всѣ тебѣ шлютъ однокашнические поклоны. Малиновскій пожилъ здѣсь шесть недѣль и завтра отправляется во свояси. Онъ крѣпко постарѣлъ, а жена его помолодѣла. О прочихъ нашихъ почти нечего сказать, кромѣ развѣ о Горчаковѣ, который сдѣлалъ превеликую глупость подачею въ отставку и получилъ ее. Теперь онъ не знаю гдѣ, съ женою, у которой только имѣніе дѣтей, мало-по-малу въ совершеннолѣтіе вступающихъ; у нее останется — ничего, а у него и подавно. Не знаю, что съ нимъ будетъ, но Горчакова жаль; онъ былъ на хорошей стезѣ".

14 апрѣля 1841. „Ломоносовъ посланникъ envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire въ Бразиліи".

12 декабря 1841. „Изъ перваго курса у меня бываютъ только Комовскій и Горчаковъ изрѣдка, а прочіе здѣсь: Корфъ, Масловъ, Бакунинъ, Яковлевъ слишкомъ заняты; нѣкогда о старомъ директорѣ поминать. Отъ Корфа, какъ на смѣхъ, всегда къ новому году и пасхѣ замороженный курьеръ привозитъ два препарядные билета визитные. Малиновскій и Стевенъ иногда пишутъ. На прошедшей недѣлѣ меня очень обрадовало длинное посланіе посланника Ломоносова изъ Rio-Janeiro. Онъ здоровъ, доволенъ и имъ довольны тамъ и здѣсь. Дай Богъ всегда такъ быть".

7 января 1845. „Къ 19 октября я получилъ отклики изъ Бразиліи, изъ Стутгардта, изъ Иркутска, изъ Лондона, отовсюду, гдѣ есть наши лицейскіе. Къ сожалѣнію наличные здѣсь не такъ живо цѣнили этотъ сердечный день; несмотря на благовременное приглашеніе, изъ всѣхъ первокурсныхъ явились только Стевенъ, Комовскій и Данзасъ, а прочіе... жаль, очень жаль, что сердечное лицейское такъ остываетъ въ великосвѣтскомъ быту! Не давай ему въ себѣ остывать, Матюшко, хотя пока я еще не одѣлъ досчатаго халата; право оно хорошо и даже полезно въ жизни около чего иногда погрѣться... Изъ первокурсныхъ здѣсь живущихъ у меня бываютъ только двое: Стевенъ часто, Комовскій иногда. Прочіе $3^1/_2$ курса еще придерживаются стараго друга-директора. Письмо отъ отсутствующихъ также праздникъ; спасибо, отдаленные не забываютъ: Горчаковъ, Ломоносовъ, Малиновскій, Бакунинъ, кромѣ отзыва къ 19 октября, иногда радуютъ меня письмецомъ. Спасибо имъ за то".

IV.

Въ тѣхъ же письмахъ Энгельгардта содержится нѣсколько свѣдѣній о Пушкинѣ.

10 сентября 1820. „Пушкинъ живетъ и шалитъ въ Бессарабіи при тамошнемъ начальникѣ".

1824. Въ день Благовѣщенія. „Письмо твое и Бакунинское я получилъ вмѣстѣ съ письмомъ Данзаса, при коемъ посылаетъ

[1]) Лицейское прозвище Вальховскаго.

онъ мнѣ Бахчисарайскій фонтанъ. То-то былъ мнѣ праздникъ, сущее благовѣщеніе: три письма лицейскихъ и превосходная поэма лицейскаго. Я читалъ, читалъ и опять перечитывалъ и теперь сѣлъ отвѣчать: пусть будетъ денекъ лицейскій".

18 ноября 1829. „Стевенъ былъ у меня сейчасъ. Пушкинъ пріѣхалъ [1]); онъ его отыскивалъ, но еще не нашелъ; отъ него мы узнаемъ подробности о Вальховскомъ, у коего онъ жилъ въ Тифлисѣ. Посмотримъ, какіе піитическіе запасы Пушкинъ привезъ съ собой! Вѣроятно, дивные подвиги нашихъ вихорей молодцовъ".

7 апрѣля 1830. „Пушкинъ пишетъ не стихи, не стишки, а стишонки-вирши, за которые гг. Булгаринъ и Гречъ его очень справедливо, но безпощадно окритиковали, такъ что онъ съ досады поѣхалъ въ деревню съ намѣреніемъ доказать, что онъ еще въ состояніи писать какъ прежде писывалъ, Руслана и Людмилу, Плѣнника, Фонтанъ;—дай Богъ въ добрый часъ".

12 января 1831. „Пушкинъ собрался было жениться въ Москвѣ; къ счастію для невѣсты дѣло опять разошлось. Онъ все еще стихотворствуетъ, иногда очень удачно, но подъ часъ и весьма плохо".

18 марта 1831. „Знаешь ли, что Пушкинъ женился? Жена его москвичка, какъ говорятъ, очень любезная, образованная и съ деньгами. Жаль ее: она вѣрно будетъ несчастлива. Въ немъ только и было хорошаго, что его стихотворческій даръ, да и тотъ, кажется, исчезаетъ; новѣйшія его произведенія далеко отстали отъ прежнихъ, напр., Борисъ Годуновъ его очень слабъ. Онъ забавляется маленькими, эпиграмматическими стихами, въ которыхъ довольно пошлымъ образомъ ругаетъ всѣхъ и все. Плохое ремесло".

4 декабря 1831. „Пушкинъ, по порученію царскому, назначенъ исторіографомъ Петра"!

22 мая 1832. „Пушкинъ, говорятъ, занимается исторіею Петра Великаго. Сомнѣваюсь, это не по немъ".

12 іюня 1832. „Пушкинъ нажилъ себѣ дочь, но стихотворство его что-то идетъ на попятную".

23 октября 1832. „Кстати о 19 октябрѣ: была сходка годовая, нелюдная: Корфъ, Комовскій, Корниловъ, Стевенъ, Пушкинъ, Яковлевъ, Илличевскій, Данзасъ, итого 8 человѣкъ. Юдинъ, Гревеницъ, Мартыновъ не являются. Собраніе было у Илличевскаго, въ квартирѣ женатаго брата его. Пушкинъ говорилъ довольно милые стишки, которые надѣюсь получить и прислать тебѣ. Поминали старину, поминали отсутствующихъ, умершихъ; и тѣхъ и другихъ много. Спасибо остающимся, что держатся старины. Пушкинъ женатъ и прижилъ дочку; не знаю, остепенился ли, но по наружности гораздо сталъ скромнѣе и—скучнѣе; уже давно ничего не стихотворилъ; говорятъ, занимается исторіею Петра Великаго; не знаю, по немъ ли дѣло; жизнь Петра, величественна, удивительна—но жестокая проза".

[1]) По возвращеніи изъ поѣздки въ Эрзерумъ.

Отзывы эти строги, гораздо строже тѣхъ, которые Энгельгардтъ давалъ о товарищахъ Пушкина. Происходило ли это отъ того, что онъ примѣнялъ къ Пушкину правило, что кому много дано, отъ того много и требуется, или причиною ихъ было нерасположеніе къ личности великаго поэта, сказать я не въ состояніи. Еще въ лицейскіе годы, какъ свидѣтельствуетъ его товарищъ Пущинъ,—всѣ вниманія директора и жены его отвергались Пушкинымъ; онъ никакъ не хотѣлъ видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ, избѣгая всякаго съ нимъ сближенія. То же продолжалось и по выходѣ его изъ Лицея.

Между тѣмъ оба эти лица—и Энгельгардтъ и Пушкинъ—старались и заботились о поддержаніи доброй славы Лицея, о сохраненіи въ его питомцахъ того духа товарищества и тѣхъ преданій, которыя до послѣдняго времени составляютъ силу Лицея. Первый курсъ установилъ обычай ежегодно праздновать великій день 19 октября. Энгельгардтъ и Пушкинъ старались, чтобы день этотъ не забывался.

19 октября 1836 г. былъ днемъ 25-ти лѣтія Лицея. Энгельгардтъ такъ описываетъ этотъ день.

«Подробно донеси, гдѣ и какъ провелъ ты 19 октября? Здѣсь оно прошло очень плохо, несмотря на то, что нынѣшнее 19 октября составляетъ важную лицейскую эпоху, двадцатипятилѣтіе. Я было затѣвалъ сходку первыхъ трехъ курсовъ, думалъ хоть разъ опять полицействовать стариной. Заговаривалъ нѣкоторымъ ветеранамъ первокурснымъ. Они выслушали очень равнодушно; надо подумать, посовѣтоваться;—и да и нѣтъ: остылъ, обдержался первый курсъ питерской въ здѣшнемъ большомъ свѣтѣ. Лицей и лицейское стало имъ чуждо. Жаль, больно!.. лицейское начальство затѣяло было праздновать 25-лѣтіе въ самомъ Лицеѣ, приглашеніемъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ питомцевъ и наставниковъ на общую дружескую трапезу. Мысль прекрасная и очень была бы кстати; но тутъ пошла казенщина, рапорты, смѣты, суммы, спросы, доклады и кончилось тѣмъ, что не было ничего. Первый курсъ, какъ слышалъ я, собирался у Яковлева. Я провелъ этотъ день дома; бурею и высокою водою сломило нашъ мостъ, такъ что никто изъ 3-хъ курсныхъ ко мнѣ не попалъ. Я былъ одинъ, убрался въ свою келью, двери на замокъ; сѣлъ предъ залой лицейской, окруженный многими изъ тѣхъ, кто тамъ со мною жили, чувствовали, любили, и праздновалъ 25-лѣтіе одинъ. Предъ памятными глазами моими явились тысячи воспоминаній прекраснѣйшаго времени моей жизни. Назадъ тому 25 лѣтъ въ этотъ день я былъ при открытіи Лицея въ толпѣ постороннихъ зрителей; видѣлъ, какъ добрый нашъ Александръ самъ ввелъ васъ въ это *святое уединеніе*, гдѣ онъ васъ любилъ, лелѣялъ какъ дѣтей своихъ. По прошествіи шести лѣтъ онъ самъ опять благословилъ васъ также на вступленіе въ дѣйствительную жизнь. Тогда уже я былъ тамъ не чужой, не гость; Лицей былъ мой; вы были мои. Помнишь ли еще 17 іюня. *Онъ* составлялъ всю нашу публику; *онъ* былъ тамъ не царемъ, а добрымъ отцомъ посреди семейства

любимаго и любящаго. Тутъ не было ничего посторонняго, холоднаго, чужаго; ничего не развлекало, не стѣсняло ни его, ни насъ въ изліяніи чувствъ сердца. Онъ былъ тамъ только для насъ; мы видѣли только его, нашего отца—благодѣтеля; онъ видѣлъ только насъ, осчастливленныхъ его любовью; въ глазахъ его блистали слезы сердечнаго умиленія, радости при видѣ добраго дѣла своего; въ нашихъ—слезы сердечной благодарности. Это празднество было скромнѣе перваго, но оно было величественнѣе, сердечнѣе. Я никогда не забуду этотъ день, счастливѣйшій, прекраснѣйшій въ жизни моей! А тамъ пѣли *шесть лѣтъ*, голосомъ и сердцемъ, прощались, поплакали и обѣщались *разлуку провести какъ разлученья часъ* [1]). Все это и тысячу воспоминаній изъ счастливѣйшаго времени моей жизни проходили предъ глазами памяти моей. Рыцарства, вечеринки, маскарады, яйцо на твоемъ носу, похищеніе Ляминскихъ яблоковъ [2]), горы, прогулки, le juge bienfaisant,—все это погрузилось въ бездну невозвратной прошлости. Сколько изъ бывшихъ тогда съ нами, теперь уже въ могилѣ. Ржевской, Дельвигъ, Корсаковъ, Саврасовъ, Есаковъ, Костенской, Jeannot, Wilhelm [3]), Будри, Кошанскій, Карцовъ, Фроловъ и Genius loci, нашъ Александръ. Нѣтъ ихъ; только въ сердцѣ хранится священная память обо всемъ этомъ, о всѣхъ тѣхъ, кто тогда жилъ, чувствовалъ, благодѣтельствовалъ и благоденствовалъ. Да то бѣда, что въ свѣтѣ сердце спѣшитъ. Многіе изъ тѣхъ, кто тогда пѣли: и *поклянемся мы разлуку провесть какъ разлученья часъ*, все это забыли: Лицей и лицейство имъ опостыло, le souvenir leur en est génant. Еслибъ были здѣсь Матюшкинъ, Малиновскій, Вальховскій, Корниловъ, то они бы подмогли Стевену и Комовскому устроить сходку лицейскаго 25-ти-лѣтія. Прочіе разлицеились въ большомъ свѣтскомъ быту, остыли; въ старину чувствовали, а нынѣ разсчитываютъ; прежде было у нихъ сердце, а нынѣ голова. Кликнемъ прежнимъ кликомъ—не откликаются; чуждо, забыто. Жаль ихъ! Я живу весь въ прошломъ; нынѣшнее не по мнѣ, и меня съ моей стариной не понимаютъ; она, какъ фракъ и шляпа мои, вышли изъ моды и чувство—ребячество. Отъ того и холодно на свѣтѣ, что нѣтъ сердца. А все достоинство человѣка въ сердцѣ, въ этомъ святилищѣ добродѣтелей, о коихъ холодная голова и понятія не имѣетъ. Жаль, что не удалось собрать сходку; можетъ быть бы удалось у инаго еще отогрѣть сердце воспоминаніемъ, разжечь какую-нибудь остывшую прежнюю искру. Жаль! это испортило мнѣ совсѣмъ мое 19 октября. Посидѣлъ, погрустилъ—и легъ. Не спится; всталъ и написалъ длинное письмо къ Jeannot, стало легче, уснулъ; и во снѣ всю ночь былъ въ Лицеѣ“.

Не оскорблю я памяти Энгельгардта—этого старца-идеалиста, жившаго по его словамъ, въ прошломъ,—сказавъ, что въ при-

---

[1]) Напечатанныя курсивомъ слова заимствованы Энгельгардтомъ изъ прощальной лицейской пѣсни барона Дельвига: Шестолѣтъ.

[2]) Ляминъ—придворный садовникъ Царскаго Села.

[3]) Иванъ Ивановичъ Пущинъ и Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

веденномъ письмѣ онъ былъ несправедливъ къ своимъ питомцамъ. Первый курсъ Лицея пожелалъ лишь праздновать, по прежнимъ примѣрамъ, одному первому выпуску и не принялъ предложенія Энгельгардта соединиться съ двумя слѣдующими курсами. Этотъ отказъ обидѣлъ его; отсюда горькій тонъ его письма. Тѣмъ не менѣе въ этотъ день, какъ видно изъ протокола, писаннаго Пушкинымъ, собрались на товарищескую трапезу всѣ бывшіе въ Петербургѣ первокурсники, всего 11 человѣкъ.

По странной случайности, годовщина 25-лѣтія лицея была послѣднею годовщиною Пушкина. Какъ бы предчувствуя близкую свою кончину, Пушкинъ былъ грустенъ; началъ читать свое, всѣмъ здѣсь присутствующимъ, извѣстное стихотвореніе: «была пора, нашъ праздникъ молодой», но не могъ его окончить; слезы выступили на его глазахъ.

Много горя, много скорби, много тяжелыхъ дней испыталъ въ жизни нашъ великій поэтъ. Не увидѣлъ онъ дня, котораго жаждалъ, въ которомъ пало рабство, не дожилъ онъ и до того, чтобы русскіе люди наслаждались его произведеніями въ полномъ ихъ видѣ, безъ урѣзокъ и сокращеній, а въ этомъ только видѣ они могутъ подлежать изученію и оцѣнкѣ. Не мнѣ произносить эту оцѣнку; оставлю ее людямъ, болѣе меня свѣдущимъ, болѣе меня просвѣщеннымъ и талантливымъ. Въ настоящемъ собраніи, среди лицъ, большинство которыхъ имѣетъ честь носить званіе лицеиста, воздадимъ Пушкину справедливость въ томъ, что онъ сторицею возвратилъ Лицею то, что отъ него получилъ. Онъ покрылъ Лицей лучами своей вѣчной, неувядаемой славы.

Намъ завѣщалъ онъ свято чтить нашъ Лицей, благодарно помнить заботы тѣхъ, кто трудился надъ нашимъ воспитаніемъ. Исполняя этотъ завѣтъ и поднимая, въ день нашего праздника, чашу, мы всегда повторяемъ его слова:

„Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ“.

Д. Ѳ. Кобеко.

Знакомство и переписка Н. В. Гоголя съ А. С. Стурдзою.

Переписка Гоголя со Стурдзою была уже напечатана въ статьѣ „Воспоминаніе о Н. В. Гоголѣ"[1]). Къ сожалѣнію, въ письмахъ, тамъ помѣщенныхъ, оказались пропуски, которые, конечно, объясняются нежеланіемъ автора этой статьи, по близости времени, называть имена лицъ, о которыхъ упоминаетъ Гоголь. Въ настоящее время, когда приближается пятидесятилѣтіе со дня кончины этого величайшаго изъ нашихъ писателей, не лишнимъ считаемъ возстановить его переписку уже полностью по подлинникамъ. Къ тому же и журналъ, въ которомъ появились впервые эти письма, составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

Александръ Скарлатовичъ Стурдза, игравшій въ свое время значительную роль, какъ секретарь гр. Каподистрія въ царствованіе императора Александра I, оставившій послѣ себя много сочиненій духовныхъ и историческихъ, принадлежалъ къ числу весьма образованныхъ людей своего времени. Съ Н. В. Гоголемъ Стурдза познакомился въ 1836 г. [2]), въ Швейцаріи, у нашего посланника Д. П. Сѣверина. Знакомство это, хотя и кратковременное, возобновилось черезъ 10 лѣтъ. Стурдза встрѣтилъ теперь Гоголя въ Римѣ, въ

---

[1]) См. «Воспоминаніе о Н. В. Гоголѣ». Н. Н-въ. „Библіографическія Записки" 1859 г., ч. II, стр. 263—268. Авторъ этой статьи—Николай Васильевичъ Певодчиковъ (Касиличъ, Диктіадисъ), впослѣдствіи преосвященный Неофитъ, епископъ кишиневскій. Его перу принадлежитъ также нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ журналѣ „Звѣздочка" для дѣтей, который издавала въ 1842—1845 гг. А. Ишимова.

[2]) См. „Дань памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя" А. Стурдза. „Москвитянинъ", 1852 г. ч. V, № 20 кн. 2, стр. 213—228.

посольской церкви; здѣсь онъ разговорился съ нимъ послѣ окончанія службы, и съ этого времени они стали навѣщать одинъ другаго. Среди задушевныхъ бесѣдъ, Стурдза тогда уже сталъ понимать, что передъ нимъ въ лицѣ Гоголя стоитъ не только сатирикъ и „изобрѣтательный“ разсказчикъ, какимъ зналъ онъ его, какъ писателя, но человѣкъ, по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ стоящій весьма высоко. Разставшись въ Римѣ, Стурдза взялъ обѣщаніе съ Гоголя, что онъ пріѣдетъ въ Одессу на возвратномъ пути изъ Іерусалима, куда тотъ давно уже стремился. Дѣйствительно, въ началѣ 1848 г. Гоголь, посѣтивъ Святыя мѣста, черезъ Смирну и Константинополь прибылъ въ половинѣ апрѣля въ Одессу; здѣсь, какъ пассажиръ константинопольскаго парохода, онъ былъ задержанъ въ карантинѣ. Узнавъ о прибытіи Гоголя въ Одессу, Стурдза просилъ Н. В. Неводчикова, который былъ его домашнимъ секретаремъ и воспитателемъ его внука, навѣстить дорогаго гостя въ карантинѣ и пригласить его къ себѣ на дачу. Тронутый этимъ вниманіемъ, Гоголь при первомъ же знакомствѣ сталъ засыпать Неводчикова вопросами о Стурдзѣ, о городѣ; спрашивалъ, любятъ ли въ Одессѣ чтеніе, много ли здѣсь книжныхъ лавокъ, есть ли тамъ англійскія книги и т. д. Узнавъ, что его собесѣдникъ занимается воспитаніемъ внука Стурдзы, Гоголь сказалъ: „да, вся безалаберщина, какая набирается намъ въ голову, какъ-то сосредоточивается и изъясняется, когда готовимся передать ее другимъ“. Затѣмъ онъ просилъ Неводчикова принести ему въ карантинъ „Мертвыя души“ и нѣсколько книжекъ „Москвитянина“. По окончаніи испытанія въ карантинѣ, Гоголь навѣстилъ Стурдзу, на его приморской дачѣ „Пріютъ“ [1]) вмѣстѣ со своимъ спутникомъ К. М. Базили; на этотъ разъ пребываніе Гоголя въ Одессѣ было непродолжительно; онъ спѣшилъ въ Полтаву къ роднымъ, а затѣмъ въ Москву. Здѣсь, черезъ два года, Гоголь вспомнилъ своего одесскаго пріятеля, Стурдзу и написалъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

Москва 6 іюня 1850.

Уже прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлись мы въ Одессѣ. Мы видѣлись мало: часъ съ небольшимъ. Только

[1]) Дача на берегу моря близъ Малаго Фонтана, въ 7 верстахъ отъ г. Одессы.

прошлись по саду вашего пріютнаго обиталища, да едва тронулись въ разговорѣ такихъ вопросовъ, о которыхъ хотѣлось бы по душѣ поговорить подольше. Но несмотря на то, этотъ часъ и эта прогулка остались въ памяти моей, какъ что-то очень отрадное. Можетъ быть, Богъ приведетъ меня опять къ вамъ въ Одессу. Мои увеличивающіеся недуги заставляютъ меня выѣхать снова куда-нибудь на югъ. Нестолько побуждаетъ меня къ этому самое сохраненіе здоровья, сколько желаніе найти мѣсто, гдѣ бы можно мнѣ кончить свою работу. Головѣ потребно то благодатное освѣженіе, какое бываетъ у меня только подъ небомъ благорастворенннаго климата. Нынѣшнюю зиму я провелъ въ Москвѣ очень дурно и ничего не могъ работать. Благодаря милосердіе Божіе, конечно, и это дурное время было не безъ пользы, но какъ подумаю о томъ усыпленіи и бездѣйствіи силъ, въ какія повергаютъ меня холодъ и стужа зимы—заранѣе пробираетъ страхъ. Хочу провести три зимніе мѣсяца гдѣ-нибудь въ Греціи или на островахъ Средиземнаго моря. Гдѣ именно—на счетъ этотъ рѣшусь можетъ быть только въ Одессѣ. Очень меня обрадуете, если нѣсколькими строчками увѣдомите о себѣ, адресуя въ Полтаву, въ деревню моей матери Васильевку, гдѣ я пробуду можетъ іюль и весь августъ. Передайте душевный мой поклонъ Титовымъ [1]). Если Репнины тамъ, то очень меня обяжете, увѣдомивши словечкомъ о нихъ и передавши имъ также мой душевный поклонъ.

Весь вашъ искренно васъ уважающій и любящій много.

Н. В. Гоголь.

Стурдза отвѣтилъ сейчасъ же на это письмо; онъ выразилъ свое удовольствіе, что опять увидитъ его въ Одессѣ, и тутъ же высказалъ:... „Больно слышать, что вы опять замышляете долговременную отлучку изъ-подъ роднаго неба. Здоровью вашему едва-ли помогутъ эти частныя странствованія... Мы всѣ болѣе или менѣе въ этой юдоли хвораемъ тѣмъ же недугомъ: разладомъ, борьбой духа съ плотью. Московская зима напугала васъ; вамъ не даютъ работать, творить въ безмятежіи умственномъ. Такъ пожалуйте къ намъ, милости просимъ; отвѣдайте житья въ южной Россіи,

---

¹) Титовы: Владиміръ Павловичъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ; Петръ Павловичъ, декабристъ, обыкновенно жилъ въ деревнѣ.

проведите нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ на южномъ берегу Тавриды, остальные съ нами въ Одессѣ..."

Гоголь не замедлилъ отвѣтомъ и написалъ Стурдзѣ въ отвѣтъ на его посланіе:

(Д. Васильевка близъ Полтавы) 15 сентября (1850).

Послѣ разныхъ странствованій пріѣхавши въ Полтаву, нашелъ я тамъ безцѣннѣйшее письмо ваше, добрѣйшій и почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичъ. Не говорю вамъ о томъ, какъ получить его мнѣ было отрадно. Хотѣлъ было тотъ же часъ вамъ отвѣчать и благодарить за дружелюбное ваше расположеніе, но, перечтя въ другой разъ, увидѣлъ, что отвѣтъ пролежитъ въ Одессѣ даромъ по причинѣ отлучки вашей, какъ пишете, до самаго октября. Вслѣдствіе этого отложилъ и пишу теперь. Свиданье съ вами меня радуетъ много. Благословенны тѣ чистыя стремленья къ святому, вслѣдствіе которыхъ люди становятся родными и близкими другъ другу! какъ надежны, какъ неразрывны становятся тогда наши связи! Не нужно и стараться тогда быть милымъ другому; самъ собою становится милъ человѣкъ человѣку. Душевно бы хотѣлъ прожить сколько можно долѣ(е) въ Одессѣ и даже не выѣзжать за границу вовсе. Скажу вамъ откровенно, что мнѣ не хочется и на три мѣсяца оставлять Россію. Ни за чтобъ я не выѣхалъ изъ Москвы, которую такъ люблю. Да и вообще Россія все мнѣ становится ближе и ближе. Кромѣ свойства родины есть въ ней что-то еще выше родины, точно какъ бы это та земля, откуда ближе къ родинѣ небесной. Но на бѣду пребыванье въ ней зимою вредоносно для моего здоровья. Не столько я хлопочу и грущу о здоровьѣ, сколько о томъ, что въ это время бываю неспособенъ къ работѣ. Послѣдняя зима въ Москвѣ у меня почти пропала вся даромъ. Между тѣмъ вижу, что окончаніе сочиненія моего нужно и могло бы принести пользу [1]). Много, много, какъ сами знаете, есть того, что позабыто, но не должно позабываться, что нужно выставить въ живыхъ, говорящихъ примѣрахъ—словомъ, много того, о чемъ нужно напомнить нынѣшнему современному человѣку и что принимается ушами многихъ только тогда, когда скажется въ высокомъ настроеніи поэтической силы. А сила эта не

---

[1]) Въ подлинникѣ были дальше написаны слова: *можетъ быть многимъ* но потомъ зачеркуты.

подымается, когда болѣзненна голова. Обыкновенно работается у меня тамъ, гдѣ находится ненатопленное тепло, гдѣ я могу утреннее утружденье головы развѣять, и разсѣять послѣобѣднимъ пребываньемъ и прогулками на благорастворенномъ тепломъ воздухѣ; безъ того у меня голова на другой день не свѣжа и не годится къ дѣлу. Но вѣрю, что Богъ властенъ сдѣлать все, и его милосердію нѣтъ границъ: можетъ и подъ суровымъ воздухомъ Чернаго моря, въ самой Одессѣ, все еще холодной для меня, найти свѣжее расположеніе духа—и тогда разумѣется я ни за что не выѣду за границу, съ радостью проведу нѣсколько мѣсяцевъ съ вами, въ ожиданіи чего весь вашъ.

Н. Гоголь.

P. S. Благодарю много добрѣйшаго Неводчикова за его милую приписочку въ вашемъ письмѣ. Нѣтъ, я его не позабылъ и помню: такое радушное участіе и такое доброе расположеніе не позабываются. Прошу васъ также передать преосвященному Иннокентію мою чувствительную благодарность за его пастырское благословенье. Благословенье пастыря есть уже само по себѣ благодатный подарокъ, а соединенное съ тѣмъ любовнымъ чувствомъ сердечнаго участія, съ какимъ вѣрно оно соединено у него, вдвойнѣ благодатно. Не забудьте также передать поклонъ мой о. М. Павловскому [1]) и всѣмъ, кто меня помнитъ. Если поможетъ Богъ, то первыхъ чиселъ октября полагаю быть въ Одессѣ.

Дѣйствительно, Гоголь пріѣхалъ вскорѣ послѣ этого письма въ Одессу, но не въ началѣ, а въ концѣ октября. Здѣсь опять его встрѣтилъ Неводчиковъ по порученію Стурдзы; Гоголь узналъ его, заговорилъ, какъ со старымъ знакомымъ; онъ жаловался на очень плохую дорогу подъ Одессой, утверждалъ, что коляска его едва не утонула въ грязи и въ водѣ. На этотъ разъ Гоголь остановился въ Одессѣ на продолжительное время; кстати мягкая зима не гнала его дальше на югъ. Здѣсь во все свое пребываніе онъ избѣгалъ большаго свѣта, постоянно уклонялся отъ приглашеній; довольствовался только прогулками на воз-

---

[1]) Павловскій, Михаилъ Карповичъ, магистръ кіевской духовной академіи, протоіерей и настоятель церкви Ришельевскаго лицея; поступивъ сюда законоучителемъ въ 1833 г., онъ былъ потомъ здѣсь профессоромъ богословія; онъ же былъ духовнымъ отцомъ Стурдзы; скончался 16 марта 1898 года.

духѣ и частыми посѣщеніями знакомыхъ. Когда бесѣда истощалась, Гоголь принимался читать вслухъ. При свиданіяхъ со Студзою увѣрялъ его, что умственная работа его двигается. Въ домѣ кн. Репнина для Гоголя была отведена даже отдѣльная комната, гдѣ онъ писалъ; затѣмъ выходилъ въ гостиную и отдыхалъ тамъ отъ умственнаго напряженія. Въ праздничные и воскресные дни, Гоголь обязательно посѣщалъ церковь. Въ мартѣ слѣдующаго года Гоголь говѣлъ и причастился Св. Таинъ; въ началѣ мая онъ простился съ Одессой, затѣмъ выѣхалъ въ Полтаву, гдѣ провелъ послѣднюю прекрасную весну. Въ іюлѣ онъ уже былъ въ Москвѣ, куда спѣшилъ прибыть, чтобы увидѣться съ Жуковскимъ; къ сожалѣнію, возвращеніе послѣдняго изъ-за границы было отложено. Гоголь прохворалъ всю зиму въ Москвѣ; хотѣлъ было бѣжать на югъ, но доѣхалъ до Калуги, вернулся. 21 февраля 1852 г. его уже не стало.

А. Ѳ. Шидловскій.

ПОШЕХОНСКІЕ ДВУНОГІЕ ВОЛКИ.

(быль).

БЩЕИЗВѢСТЕНЪ разсказъ объ одномъ нѣмецкомъ рыцарѣ, который, выѣзжая на большую дорогу взимать дань съ проѣзжающихъ купцовъ, усвоилъ себѣ привычку привѣтствовать встрѣчавшихся ему волковъ словами: „Здорово, товарищъ!“ Фразу эту историки приводятъ обыкновенно какъ иллюстрацію того цинизма, которымъ проникнуты были въ концѣ среднихъ вѣковъ отношенія высшаго класса Германской имперіи къ низшимъ. Эта фраза въ устахъ рыцаря замѣняла неписанный кодексъ кулачнаго права.

Въ исторіи Русскаго государства, правда, не было такой опредѣленной исторической полосы, которая носила бы кличку „періодъ кулачнаго права“, — у насъ было право *крѣпостное*, но тѣмъ не менѣе водились и у насъ доморощенные „рыцари“-волки. Отъ своихъ западныхъ собратій они отличались лишь тѣмъ, что не умѣли говорить такихъ эффектныхъ, мѣткихъ фразъ, которыя переходили бы въ потомство, заносились бы въ учебники исторіи и дѣлались бы извѣстными еще на школьной скамьѣ. И, право, не существуй у насъ на Руси недоброй памяти приказы Преображенскій, да Сыскныхъ дѣлъ, гдѣ дьяки составляли „скаски“ лихихъ дѣлъ, мы такъ и не знали бы, пожалуй, что и у насъ, на Руси, водились „двуногіе“ волки.

Объ нихъ, именно, и трактуютъ два свитка, заключающіе въ себѣ *документы* подлиннаго производства приказовъ: Преображенскаго, Сыскныхъ дѣлъ и Московскаго Суднаго, по уголовному дѣлу стряпчаго Матвѣя Петровича Языкова, брата его Григорія Петровича, князей Михаила Никитича, Григорія Владиміровича и Осипа Андреевича Ухтомскихъ

и помѣщиковъ Ивана Алексѣевича Дедевшина и Толбузина. Документы эти, разсмотрѣнные однимъ изъ членовъ Костромской губернской ученой архивной коммиссіи, І. Д. Преображенскимъ, напечатаны съ сохраненіемъ транскрипціи въ послѣднемъ IV выпускѣ „Костромской Старины“ и занимаютъ въ немъ 70 страницъ убористаго шрифта. Зная, какъ незаслуженно малоизвѣстны „большой публикѣ“ изданія нашихъ губернскихъ архивныхъ коммиссій и какъ, дѣйствительно, тяжело одолѣть обыкновенному читателю семьдесятъ страницъ, написанныхъ „приказнымъ“ языкомъ оффиціальныхъ актовъ первыхъ дней XVIII вѣка, съ утомительными, но неизбѣжными подчасъ въ судныхъ дѣлахъ неоднократными повтореніями, ослабляющими впечатлѣніе, я, съ разрѣшенія моего уважаемаго товарища по коммиссіи, изложу здѣсь вкратцѣ обстоятельства этого дѣла, весьма характернаго по бытовымъ своимъ чертамъ, и сдѣлаю коекакіе выводы.

I.

18 іюля 1701 года въ Преображенскій приказъ (въ Москвѣ) къ стольнику князю-кесарю Өедору Юрьевичу Рамадановскому явился рейтарскаго строя поручикъ Аѳанасій Өедоровъ сынъ Винковъ и „словесно извѣстилъ“ его о слѣдующемъ.

Узналъ онъ, Винковъ, что въ Москву пріѣхалъ его знакомый, стряпчій Матвѣй Петровичъ Языковъ и остановился въ Бронной улицѣ въ домѣ Василья Сѣкерина. Этимъ случаемъ пребыванія Языкова въ „бѣлокаменной“ Винковъ рѣшилъ воспользоваться, чтобы получить съ него „заемныя свои деньги“. Бывъ у Языкова, Винковъ запоздалъ и остался ночевать. Вотъ въ это-то время и былъ онъ свидѣтелемъ сцены, побудившей его подать на своего знакомаго извѣтъ. Дѣло въ томъ, что при немъ, Аѳанасьѣ Винковѣ, явились къ Матвѣю Языкову люди: „ево, Матвѣевъ, человѣкъ Якушко Ивановъ, да князя Ивана Ухтомскаго человѣкъ какой-то Өедька“, чей онъ былъ сынъ и какъ его прозвище, Винковъ не упомнилъ, запомнилъ онъ только одно — „борода у него черна“. Люди эти передали Языкову деньги, вырученныя ими отъ продажи въ городѣ товара: ладона, бобровъ, купороса, сандала, мышьяка, воска и нашатыря. Изъ послѣдовавшаго затѣмъ разговора и пререканій между

собою языковской дворни, Семена и Бориса Матвѣевыхъ, Максима чьего-то сына да Ивашки Калмыка, Винковъ смутно понялъ, что проданные только-что товары добыты Языковымъ разбоемъ, что остальное награбленное добро скрыто частью въ Суздальской его вотчинѣ, въ с. Олферьевѣ, *въ церкви*, частью—въ другой Языковской вотчинѣ—въ Пошехоньѣ—въ с. Погорѣлово. „А гдѣ разбили и сколь давно и что разбоемъ взяли, того подлинно не выговорили", т.-е. не выболтали. Узналъ еще Винковъ, что на томъ же самомъ Сѣкеринскомъ дворѣ, на которомъ остановился въ этотъ разъ Языковъ, находится и взятая „съ того-жъ разбою" лошадь, свѣтло-сѣрая кобыла, которую языковскіе холопы, по приказу своего господина, „перепятнали уже своимъ пятномъ" (тавромъ).

Чѣмъ объяснялась такая болтливость Языкова и его холопей предъ постороннимъ человѣкомъ,—изъ дѣла не видно; можно думать, Языковъ полагалъ, что Винковъ не увидитъ въ этомъ его дѣяніи ничего предосудительнаго, какъ не усматривалъ онъ самъ, а, быть можетъ, даже похвалитъ его, Матвѣя Петровича, за то, что онъ твердо помнитъ „одиннадцатую заповѣдь—не зѣвай".

Но Винковъ отнесся къ слышанному иначе и, переночевавъ у Языкова, явился въ Преображенскій приказъ съ извѣтомъ. Послѣдній тутъ же облеченъ былъ въ письменную форму и „къ сему извѣту, потѣшной конюшни сторожъ Ивашка Захаровъ, вмѣсто Афанасія Винкова, по его велѣнью, руку приложилъ".

Получивъ извѣтъ, Рамадановскій въ тотъ же день отправилъ въ домъ Сѣкерина Преображенскаго приказа подъячаго Якова Былинскаго, да капитана Михайлу Аристова съ десятью солдатами и велѣлъ имъ по указаніямъ Винкова взять и привести въ Преображенскій приказъ и самого Матвѣя Языкова, и людей его, оговоренныхъ извѣтчикомъ. Въ приказъ же должны были быть доставлены „причинная къ воровству рухледь, что по обыску явится", а равно и лошадь, кобыла сѣрая.

Быстрота дѣйствій, проявленная Рамадановскимъ и подъячимъ Былинскимъ, увѣнчала успѣхомъ набѣгъ преображенцевъ на Сѣкеринъ дворъ. Прежде, чѣмъ кто-либо изъ доброжелателей Языкова успѣлъ предупредить послѣдняго о готовящейся грозѣ и тѣмъ дать ему время скрыться изъ Москвы, и такъ надежно, какъ это удалось его сообщни-

камъ, — Былинскій съ командой нагрянулъ къ нему на квартиру, арестовалъ всѣхъ, кто былъ тутъ налицо и на кого указалъ Винковъ, и перешарилъ весь домъ и дворъ. Задержать удалось, однако, только самого Языкова и его человѣка Якушку Иванова; остальныхъ, Семена и Бориса Матвѣевыхъ, Ивашки Калмыка, Максима и Ухтомскаго человѣка Ѳедьки, на дворѣ уже не застали. Отсутствіе ихъ, надо думать, было дѣломъ случайнымъ.

По осмотру и переписи въ Преображенскомъ приказѣ, въ числѣ взятой у Языкова „рухледи" оказалась: Часословъ московской печати въ переплетѣ, „выходу 208 года" [1]), три бобра, 10 дестей писчей бумаги, остатокъ въ $^1/_8$ аршина китайки свѣтло-лазоревой, 4 аршина сукна краснаго, гамбургскаго, 3 кисти хрусталя, полдюжины картовъ (?), новыхъ 8 спусковъ стеклянныхъ грановитыхъ пуговицъ разныхъ цвѣтовъ на мѣдныхъ снарядахъ, 50 наперстковъ желѣзныхъ, 2 зеркалишка небольшія, одно хрустальное старое, другое новое, простаго стекла; 16 бумажекъ иголъ желѣзныхъ; 9 бумажекъ булавокъ; 5 листовъ шумихи; 4 креста; серьги мѣдныя, переденка (?); 1 аршинъ ленты; 16 аршинъ прошвы нитяной; 3 пояска шелковые, красные; колодка пуговицъ, синихъ, шелковыхъ; 5 аршинъ шнурка гаруснаго, лазореваго; мышьяку одинъ кусокъ большой и 3 куска маленькіе, 3 полу-аршинныхъ конца золотной ленты, — одинъ конецъ по черной, другой по красной, а третій по зеленой землямъ (т. е. фону); 24 голицы (рукавицы) новыя, съ клеймами *иже* и *како* (*И* и *К*); простыня съ мохрами, „скатертишка ветхая", полотенце („по концамъ перетыкано красною бумагою"), платокъ головной; „два кафтанишка", сѣрые, суконные, полукафтанишко крашенинный, „всѣ ветхіе"; шапенка черная, съ лисьимъ околышемъ, ветхая; фляга, „да галеночикъ писаной"; сапоги изъ телячьей кожи, поношенные; сѣдло съ приборомъ и конскимъ снаряженіемъ [потники, подпруги съ желѣзными стременами и съ пахвями [2]) и съ стреногою, двѣ узды ременныя и плеть]; двѣ сабли, у одной изъ нихъ полоса польская, *крыжъ* (въ данномъ случаѣ рукоятка) желѣзный, съ серебряной насѣчкой, ножны увиты *покромью* вишневою; у другой сабли полоса *простая*, т.-е. отечественнаго производства; были тутъ и хомутишко, „у него

[1]) Т.-е. 7208 г. отъ сотворенія міра или 1700 отъ Р. Х.
[2]) Ремень съ пулей, въ которую при сѣдловкѣ продѣвается хвостъ лошади.

крышка, шлея, гужи ременные, все ветхо", былъ чемоданъ, кожа телѣжная, покрывальная, все ветхо; сумки переметныя, тоже ветхія и, наконецъ, топоръ небольшой.

Я нарочно привелъ здѣсь этотъ перечень *рухледи*, часть которой являлась *товаромъ*, т. е. предметами торговли, чтобы показать, съ одной стороны, чѣмъ торговали въ старину мелкіе торговые люди, а съ другой—чтобы установить ту цѣнность, изъ-за которой рисковали честнымъ именемъ эти „лучшіе люди".

Послѣ осмотра лошади и описи вещей приступлено было къ разспросу Языкова. Послѣдній далъ о себѣ слѣдующія свѣдѣнія. *Испомыщенъ* онъ (т. е. имѣетъ помѣстья) въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ селѣ Олферьевѣ и въ деревнѣ Смановѣ, и въ Пошехонскомъ—въ селѣ Погорѣломъ; служитъ стряпчимъ, но такъ какъ ему велѣно теперь быть на службѣ въ полку боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева, то и направляется онъ изъ с. Олферьева въ Псковъ, гдѣ квартируетъ полкъ; остановился же на недѣлю въ Москвѣ, во дворѣ своего тестя Василія Сѣкерина, „для всякихъ покупокъ". Знакомство свое съ Винковымъ онъ объяснилъ сосѣдствомъ по помѣстьямъ, но относительно послѣдняго своего свиданія показалъ, что Винковъ явился къ нему просить взаймы полтину денегъ. Въ просьбѣ этой онъ, однако, долженъ былъ отказать, „для того, что у него самого денегъ нѣтъ и дать было нечего".—„А ево Афанасьевыхъ заемныхъ денегъ на мнѣ, Матвѣѣ,—говорилъ Языковъ,—никакихъ нѣтъ". Такимъ образомъ, опровергая эту часть показанія Винкова, Языковъ косвеннымъ образомъ намекалъ на истинную причину извѣта, сдѣланнаго на него Винковымъ,—месть за отказъ въ займѣ.

Обвиненіе въ разбоѣ Языковъ отрицалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Ярославца, посадскаго человѣка, Ивана Кемскаго, я, Матвѣй,—говорилъ онъ,—съ людьми своими и съ крестьянами и съ иными ни съ кѣмъ нигдѣ не разбивалъ и иные кто того Ивана гдѣ разбивали ли, я, Матвѣй, не знаю и разбойныхъ никакихъ животовъ въ суздальскомъ и пошехонскомъ помѣстьяхъ моихъ нѣтъ и не бывало.....

Относительно отобранныхъ у него вещей (рухляди) Языковъ далъ слѣдующія, характерныя подчасъ, объясненія, въ которыхъ указывалъ, когда и гдѣ онъ ту или другую вещь пріобрѣлъ и сколько за нее заплатилъ. Такъ, Часословъ

купилъ онъ, по его словамъ, въ Москвѣ, въ книжной лавкѣ на Печатномъ дворѣ, за 10 алтынъ; три бобра — изъ „нажитковъ“ отца его на воеводствѣ въ Саратовѣ; писчую бумагу, три кисти хрусталю, карты, пуговицы, наперстки, иглы и булавки, шумиху, мышьякъ и голицы—все это взялъ онъ взамѣнъ трехъ рублей оброка съ крестьянина своего села Погорѣлова. Харлампія Леонтьева. „А тотъ крестьянинъ тѣ товары гдѣ взялъ и на голицахъ клеймо слово *Иже* и *Како*, кто и для чего клеймилъ, того онъ, Матвѣй, „не знаетъ“; остальное все частью „ево, Матвѣево, домашнее, частью пріобрѣтено имъ разновременно въ Ярославлѣ и въ Москвѣ „въ лавкахъ и на перекресткахъ, на скамьяхъ“ [1]).

Что касается, наконецъ, кобылы свѣтло-сѣрой, то таковая, по словамъ Языкова, была куплена имъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Хлѣбовѣ, у вологодскаго помѣщика Прокофья Алексѣевича Дедевшина за четыре рубля съ полтиною, при чемъ имѣетъ на нее отъ Дедевшина и *купчую*, „письма его, Прокофьевы руки“. Кобылу онъ запятналъ своимъ домашнимъ пятномъ по цѣлому мѣсту. Такимъ образомъ, по словамъ Языкова, онъ выполнилъ всѣ требованія закона, со временъ Ярославовой Правды боровшагося съ конокрадствомъ.

Затѣмъ приступили къ допросу Якушки Иванова. Онъ также опровергалъ извѣтъ Винкова, говоря, что онъ и не помнитъ вовсе, присутствовалъ ли даже при передачѣ имъ денегъ Языкову Аѳанасій Винковъ, а уже о томъ, что, будто бы, проданные имъ товары и взятая въ приказъ лошадь отняты у ярославца Ивана Кемскаго, онъ и подавно при немъ не говаривалъ. О такихъ вещахъ при постороннихъ людяхъ-де не говорятъ. Словомъ, объясненія, данныя, какъ Языковымъ, такъ и его холопомъ Якушкою, представлялись до сихъ поръ между собою вполнѣ согласными и правдоподобными и, быть можетъ, положили бы конецъ дѣлу, если бы самъ Якушко въ своемъ показаніи не далъ слѣдователямъ возможности зацѣпиться за одно его мѣсто, потребовавшее новыхъ разъясненій чего-то, загадочно въ немъ мелькнувшаго. Такъ Якушко показалъ, между прочимъ, что въ Великомъ посту Матвѣй Языковъ, пріѣхавъ изъ пошехонскаго своего по-

[1]) Такія скамьи были въ обиходѣ у мелкихъ торговцевъ и ставились ими на перекресткахъ улицъ. На лавкѣ былъ разложенъ товаръ, на ней же сидѣлъ торговецъ; съ скамьей, какъ съ нынѣшнимъ лоткомъ, удобно было и кочевать по городу.

мѣстья, села Погорѣлова, въ суздальское — село Олферьево, привезъ съ собой „невѣдомо что завязано въ небольшихъ двухъ узлахъ“. Узлы эти приняты были „человѣкомъ его Сенькой Матвѣевымъ, который въ томъ Олферьевѣ на приказѣ“ (т.-е. старостой, приказчикомъ), и отнесены въ барскія хоромы. Вмѣстѣ съ Языковымъ пріѣхали изъ села Погорѣлова и холопы его, Максимъ Назаровъ и Иванъ Матвѣевъ. И въ то же время, — продолжалъ далѣе Якушко, — въ томъ же селѣ Олферьевѣ появились у нихъ голицы бѣлыя, которыя они и распродавали окрестнымъ крестьянамъ. Якушко полюбопытствовалъ было у нихъ узнать, гдѣ они тѣ голицы взяли, но получилъ въ отвѣтъ, что, „будучи съ господиномъ своимъ въ Ярославлѣ, взяли ихъ за долгъ у торговаго гулящаго человѣка, прозвищемъ *Столѣтко*“... „А за какой долгъ, того не сказали, — добавилъ простодушный Якушко“. Не стерпѣлъ, должно быть, *пристрастья* Якушко, разсказалъ кое-что и о свѣтло-сѣрой кобылѣ; мало того, выложилъ онъ предъ слѣдователями и то, что господинъ его, Матвѣй Петровичъ Языковъ, привелъ съ собой въ Москву еще двухъ коней, которыхъ приказалъ ему, Якушкѣ, отвести въ село Покровское и отдать въ конское стадо пастухамъ въ понедѣльную пастьбу. И опять изъ рѣчей Якушки видно было, что съ конями этими связана была какая-то тайна, которую слѣдователямъ предстояло освѣтить. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ Языковъ былъ еще въ Погорѣломъ, въ Олферьево пріѣхали однажды невѣдомо какіе ярославцы, метнулись прямо въ конское стадо и стали въ немъ обыскивать свѣтло-сѣрую кобылу, но такой не нашли, такъ какъ приказчикъ Семенъ Матвѣевъ еще до пріѣзда ихъ велѣлъ эту лошадь изъ стада взять и отвести на крестьянскій дворъ. „Немного-де Богъ отъ бѣды помиловалъ“, — замѣтилъ тотъ же Матвѣевъ по отъѣздѣ ярославцевъ. О какой бѣдѣ и зачѣмъ ту лошадь приказчикъ изъ стада отводилъ, того Якушко не знаетъ и о томъ онъ Семена Матвѣева не спрашивалъ. Объявилась же эта лошадь у Матвѣя Языкова съ Великаго поста, и откуда взялась, не знаетъ.

Все это было 18 числа іюля мѣсяца, а на другой день въ Преображенскій приказъ уже были доставлены изъ села Покровскаго изъ конскаго табуна тѣ двѣ лошади, на которыя указалъ Якушко.

20-го іюля — Ильинъ день — великій праздникъ гроз-

наго пророка — былъ день неприсутственный даже и въ Преображенскомъ приказѣ, и потому только 21-го числа могъ быть произведенъ всѣмъ тремъ отобраннымъ у Языкова лошадямъ осмотръ и оцѣнка. Въ качествѣ „свѣдущаго человѣка" „приглашена была соотвѣтствующая московская знаменитость, барышникъ, — Конской площадки, Алексѣевской слободы, Андрюшка Ивановъ. Данное имъ заключеніе, облеченное въ форму протокола осмотра и оцѣнки, формулировано было такъ: 1) *„конь въ гнѣдь-пѣгъ*, грива налѣво, на лѣвомъ бедрѣ крыжъ (крестъ), и лѣты сросли (т.-е. слились и заросли), цѣна полтина"; 2) *„кобыла темно-сѣрая*, грива направо съ отметомъ, правое ухо пороно, ос(ь)ми лѣтъ, цѣна сорокъ алтынъ" и 3) *„кобыла сѣрая съ крапинами*, грива налѣво, лѣвая ноздря порота, правое ухо порото-жъ на правомъ бедрѣ пятно, знатно (т.-е. видимо) перепятнывано но старому пятну, потому, заключаетъ „свѣдущій человѣкъ", что новаго пятна не заволокло струпомъ, а старое пятно, какое было не знать и лѣты сросли; цѣна семь гривенъ".

„Къ сему осмотру и оцѣнкѣ села Преображенскаго подъячій Ивашко Екимовъ, вмѣсто цѣновщика Андронки Иванова, по его велѣнью, руку приложилъ".

Установленный путемъ этого осмотра фактъ, что „сѣрая съ крапинами" кобыла перепятнывалась по старому пятну, въ связи съ разсказаннымъ Якушкою обстоятельствомъ, что кобылу эту языковскіе люди прятали отъ какихъ-то ярославцевъ, и другіе мелкіе факты, сообщенные тѣмъ же Якушкою, послужили, вѣроятно, для Рамадановскаго основаніемъ продолжать „розыскъ" — слѣдствіе. Рѣшеніе это принято было, надо полагать, тотчасъ же, потому что въ тотъ же день, 21 іюля, Преображенскій приказъ запросилъ Разрядный приказъ, вѣдавшій личнымъ составомъ служилыхъ людей Московскаго государства „въ Пошехоньѣ, да въ Суздалѣ (уѣзды, гдѣ находились языковскія помѣстья), *кто именно воеводы и какъ къ нимъ пишутъ?*"

Отвѣтъ получился въ тотъ же день.

Въ Суздалѣ воеводою сидѣлъ стольникъ Василій Даниловичъ Исленьевъ; въ Пошехоньѣ — стольникъ Аѳанасій Ивановичъ Тихменевъ.

По собраніи этихъ несложныхъ справокъ и по докладу князя-кесаря, на другой же день, т.-е. 22-го іюля, на имя боярина Головина послѣдовалъ Высочайшій указъ, который

я выписываю здѣсь въ подлинникѣ: „Лѣта 1701-го іюля въ 22 день. По указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія, и малыя, и бѣлыя россіи самодержца, боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину съ товарыщи: великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всеа великія, и малыя, и бѣлыя россіи самодержецъ указалъ послать для сыскного дѣла изъ Преображенского приказу въ помѣстья Матвѣя Петрова сына Языкова капитановъ: въ Суздальскій уѣздъ, въ село Олферьево, Дмитрея Рагульского, въ Пошехонской уѣздъ, въ село Погорѣлое, Андрея Аносова, а съ ними по десяти человѣкъ солдатъ служивыхъ, а для тѣхъ посылокъ отъ Москвы до тѣхъ городовъ и до помѣстей и назадъ до Москвы дать имъ ямскіе подводы по указу".

Такимъ образомъ, слѣдствіе развѣтлялось и по числу лицъ, его ведшихъ, и по мѣсту разслѣдованія. О дѣйствіяхъ Языкова собирались свѣдѣнія уже въ трехъ пунктахъ: Москвѣ, Олферьевѣ и Погорѣломъ. Принятая московскимъ слѣдователемъ первыхъ дней XVIII вѣка мѣра отличалась полною цѣлесообразностью, такъ какъ вызовъ нужныхъ для допроса людей въ Москву грозилъ, во-первыхъ, потерею времени, во-вторыхъ, возможностью, что мѣстная власть помирволитъ виновнымъ, предупредитъ ихъ, дастъ возможность, какъ имъ, такъ и важнымъ свидѣтелямъ скрыться [1]), а если и вышлетъ ихъ въ Москву, то въ теченіе долгаго пути послѣдніе всегда улучатъ минуту бѣжать съ дороги и, наконецъ, въ-третьихъ, возможностью, что вещественныя по дѣлу доказательства, награбленное добро, — при благосклонномъ содѣйствіи тѣхъ же мѣстныхъ властей, исчезнетъ и не будетъ разыскано. Командировка въ Суздаль и Пошехонье свѣжихъ „московскихъ" людей, свободныхъ отъ мѣстныхъ вліяній, и падавшихъ къ тому же на обитателей Олферьева и Погорѣлова и окрестныхъ помѣщиковъ, какъ снѣгъ на голову, давала выигрышъ во времени и болѣе шансовъ на успѣхъ обыска. Мѣстные слухи и толки могли натолкнуть слѣдствіе на новые факты, указать новыхъ виновниковъ.

Слѣдствіе, какъ видимъ, велось энергично, на этотъ разъ безъ пресловутой „московской волокиты". До сихъ поръ не было потеряно ни одного дня. На сборы команды въ дальнюю дорогу и на изготовленіе нужныхъ бумагъ по-

[1]) Это предположеніе, какъ увидимъ позднѣе, и оправдалось отчасти.

трачено было два дня и 25-го іюля капитанамъ Рагульскому и Апосову вручены были инструкціи, „памяти“, слѣдующаго содержанія: „Лѣта 1701 г. іюля въ 25 день. По указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія, и малыя, и бѣлыя россіи самодержца, память капитану Дмитрею Рагульскому: ѣхать ему въ Пошехоньѣ, а съ нимъ десяти человѣкомъ солдатъ, а пріѣхавъ великого государя грамоту, какова съ нимъ, Дмитрѣемъ послана изъ Преображенскаго приказу подать ему, Дмитрею, стол(ь)нику и воеводѣ Аѳанас(ь)ю Тихменеву и взявъ у него къ выписаннымъ солдатомъ въ прибавку служилыхъ, людей, ѣхать съ ними въ Пошехонскій уѣздъ въ Вол(ь)скую волость, въ помѣстьѣ стряпчаго Матвѣя Петрова сына Языкова, въ село Погорѣлоѣ, а, не доѣзжая того села взять съ собою понятыхъ окольныхъ селъ и деревенъ приказчиковъ, и старостъ, и крестьянъ, скол(ь)ко человѣкъ пригожъ, и съ тѣми понятыми взять въ томъ селѣ ево-жъ Матвѣевѣ, Суздальскаго помѣстья, села Олѳер(ь)ева крестьянина Сен(ь)ку Матвѣева, Максимку Лазарева, да ево-жъ, Матвѣевыхъ, людей Бориску да Сен(ь)ку, Ивашка Калмыка, да того-жъ села брата ево Матвѣева роднаго Григорьева крестьянина Языкова, который прежъ сего былъ за нимъ, Матвѣемъ, во крестьянехъ Харламка Матвѣева и заковать ихъ всѣхъ въ кандалы, а на дворѣ Матвѣя Языкова, въ ево, Матвѣевыхъ, хоромахъ, и въ скотскихъ избахъ, и въ чуланахъ, и вездѣ, и во дворѣ крестьянина Харламка Леонтьева, и во всѣхъ крестьянскихъ дворѣхъ, во всякихъ мѣстѣхъ при понятыхъ осмотрѣть и обыскать накрѣпко всякихъ причинъ къ воровству, и, буде что явитца, и то записать, и къ той записѣ самому и понятымъ велѣть приложить руки. А взявъ тѣхъ людей и крестьянина и причинную рухледь весть къ Москвѣ на ихъ подводахъ бережно, чтобъ они съ дороги не ушли и не учинили-бъ надъ собою какова дурна, или-бъ кто ихъ причинной рухледи на дорогѣ не отбили. А что для той посылки ему, Дмитрею, и солдатомъ дано изъ Преображенскаго приказу на ямскіе подводы прогонныхъ и кормовыхъ денегъ, семь рублевъ, тридцать восемь алтынъ, четыре ден(ь)ги, и тѣ ден(ь)ги въ томъ селѣ доправить на ево Матвѣевыхъ людехъ и на крестьянехъ всѣ сполна и привесть съ собою; а буде окажется вскорѣ доправить будетъ нѣчего и за тѣ деньги продать изъ Матвѣевыхъ животовъ, что пристойно, съ записью и тѣ доплаты имъ же привесть

съ собою ихъ. А пріѣхавъ ему, Дмитрею, явитца и доѣздъ за своею и понятыхъ людей за руками подать и колодниковъ объявить въ Преображенскомъ приказѣ ближнему стол(ь)нику князю Өедору Юрьевичю Рамадановскому.

Такая же „память“ написана была и командированному въ Суздаль капитану Андрею Аносову“.

Изъ послѣднихъ строкъ „памятей“ видно, что расходы по командировкѣ возлагались на счетъ обвиняемыхъ, причемъ для покрытія таковыхъ предписывалось даже, въ случаѣ нужды, продать изъ ихъ имущества, „что пристойно“, однако, съ „записью“ того, что продано.

Одновременно съ явкой капитановъ-слѣдователей къ воеводамъ, послѣдніе должны были получить изъ Преображенскаго приказа оффиціальныя удостовѣренія истинности данныхъ капитанамъ-слѣдователямъ порученій „для нашего государева дѣла“, съ наказомъ, „чтобъ ему (капитану) въ той посылкѣ ни малые затѣмъ остановки не было“.

Впрочемъ, привожу здѣсь полностью текстъ одной изъ этихъ бумагъ: „Отъ великаго Государя, Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя, и бѣлыя россіи самодержца въ Пошехон(ь)ѣ стол(ь)нику нашему и воеводѣ Аөонась(ю) Ивановичю Тихменеву. По нашему великаго государя указу посланъ изъ Преображенскаго приказу для нашего государева дѣла въ Пошехонскій уѣздъ, въ помѣстьѣ Матвѣя Языкова въ село Погорѣлое капитанъ Дмитрей Рагульской и съ нимъ десять человѣкъ солдатъ. И какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ, а капитанъ Дмитрей Рагульской въ Пошехон(ь)ѣ пріѣдетъ и ты-бъ вышеписаннымъ солдатамъ въ прибавку въ то село послалъ съ нимъ изъ Пошехон(ь)я служилыхъ людей, или какіе люди въ Пошехон(ь)ѣ для такихъ посылокъ есть, сколько ему, Дмитрею, попадобитца безъ мотчанья, чтобъ ему въ той посылкѣ нималые затѣмъ остановки не не было и велѣлъ имъ быть ему послушнымъ. А буде тѣ служилые люди понадобятца ему изъ того села въ провожатыхъ до Москвы и имъ велѣлъ съ нимъ ѣхать потому-жъ безмешкоты, а котораго числа и скол(ь)ко человѣкъ и кто имяны служилые люди съ нимъ, Дмитрѣемъ посланы будутъ, о томъ къ намъ, великому государю писать съ нимъ же, Дмитреемъ, а отписку велѣлъ подать въ Преображенскомъ приказѣ ближнему нашему стол(ь)нику князю Өедору

Юрьевичю Рамадановскому. Писанъ въ Преображенскомъ лѣта 1701 іюля въ 25 день.

Точно такой же приказъ посланъ былъ и суздальскому воеводѣ.

Но не успѣли еще новые слѣдователи, вѣроятно, и до Троицы добраться, какъ Матвѣй Петровичъ Языковъ, сознавая неизбѣжность раскрытія ими на мѣстѣ преступленія во всей его наготѣ, счелъ за лучшее во всемъ повиниться и 26 іюля же въ Преображенскомъ приказѣ, предъ стольникомъ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Рамадановскимъ сказалъ, что виноватъ онъ предъ великимъ государемъ и предъ Богомъ.

Вотъ въ какомъ видѣ выяснились изъ этого его показанія обстоятельства совершеннаго имъ съ товарищами преступленія:

Въ 1701 году на первой недѣлѣ Великаго поста Михаилъ Петровичъ Языковъ вернулся изъ Суздальскаго своего помѣстья въ Пошехонское, въ село Погорѣлое, гдѣ жилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Григоріемъ Петровичемъ. На второй недѣлѣ поста пріѣхалъ какъ-то къ этому брату въ гости *жилецъ*, князь Михаилъ Петровичъ Ухтомскій. Бесѣда, сопровождавшаяся, какъ кажется, обильными возліяніями Ивашкѣ Хмѣльницкому, затянулась далеко за полночь. Былъ уже второй или третій часъ ночи, когда Григорія Петровича вызвали изъ горницы, сказавъ, что пріѣхалъ къ нему отъ пошехонскаго же помѣщика Ивана Алексѣевича Дедевшина человѣкъ. Надо думать, что пріѣздъ его не представлялъ для кой-кого неожиданности, такъ какъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Петровичемъ къ этому посланцу вышелъ и Ухтомскій. Таинственный разговоръ велся въ сѣняхъ и продолжался съ четверть часа. Вернувшись въ горницу, гдѣ оставался Матвѣй Языковъ, и братъ его Григорій и Михайло Ухтомскій, оба обратились къ Матвѣю съ слѣдующею рѣчью: „прислалъ къ намъ Иванъ Дедевшинъ человѣка; пріѣхали-де изъ Веси-егонской мужики даниловцы домой, а знатно-де есть у нихъ товары и деньги; поѣдемъ съ нами на Микольской лѣсъ, на большую дорогу и подождемъ тѣхъ мужиковъ на дорогѣ, а что у нихъ есть, то все оберемъ“.

Матвѣй Языковъ не заставилъ себя долго упрашивать.

— Для чего-де не ѣхать — сказалъ онъ искусителямъ,—я де теперь человѣкъ не богатой!.. Поѣдемъ..

„И говоря такъ, поѣхали всѣ въ саняхъ, на троемъ".

Здѣсь чрезвычайно характерной въ устахъ Матвѣя Языкова является мотивировка согласія его примкнуть къ шайкѣ разбойниковъ, въ числѣ коихъ онъ нашелъ и своего роднаго брата, да еще въ роли подстрекателя. Мотивъ этотъ —бѣдность; владѣлецъ двухъ помѣстій, владѣвшій десятками, а можетъ быть и сотнями человѣческихъ душъ въ расцвѣтъ крѣпостнаго права, не находитъ инаго способа поддерживать хозяйство и извлекать средства къ жизни, какъ грабить на большой дорогѣ торговыхъ людей. Та быстрота, съ которою согласился Матвѣй Языковъ на гнусное предложеніе своего брата, та легкость, съ которою слетѣло къ нему на языкъ и объясненіе даваемаго согласія, указываютъ во всякомъ случаѣ, что предложеніе Григорія Языкова и К° ничуть не изумило Матвѣя, какъ изумляетъ оно до сихъ поръ насъ, людей конца XIX вѣка, хотя очевидно, что соглашеніе состоялось безъ него, во время нахожденія его въ Суздальскомъ помѣстьѣ. Одно изъ двухъ: или соглашенія подобнаго рода не были тогда явленіями единичными, или почва была достаточно подготовлена предшествовавшею бесѣдою, мысль объ этомъ пути наживы гнѣздилась уже въ головахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ и ждала лишь случая вылиться въ слово, а изъ слова—въ дѣло.

И дѣйствительно, „говоря такъ, — показывалъ Матвѣй Языковъ — поѣхали всѣ въ саняхъ, на троемъ". Съ Матвѣемъ выѣхалъ на эту охоту человѣкъ его Ивашка Калмыкъ; братъ его, Григорій, взялъ съ собою трехъ человѣкъ, Ивашку Самонова, Ваську Григорьева и еще третьяго, имени и прозвища котораго Языковъ не помнилъ, не забывъ лишь той примѣты, что купленъ онъ былъ „послѣ князя Андрея Ухтомскаго"; наконецъ, съ княземъ Михайломъ Ухтомскимъ былъ человѣкъ его Алешка Кулпа.

Спокойно и безъ угрызеній совѣсти, рѣшаясь сами на душегубство, эти помѣщики не задумывались надъ тѣмъ, по сердцу ли этотъ промыселъ и ихъ холопамъ,—что, ведя ихъ за собою на разбой, они губятъ ихъ души, подводятъ ихъ подъ топоръ палача, что, наконецъ, на самихъ себя они воспитываютъ въ населеніи разбойниковъ, которые сегодня убиваютъ купца по приказанію своего господина, а завтра убьютъ и самого господина. Нѣтъ, они такъ же просто выбирали изъ своей дворни пособниковъ и сообщниковъ на любое задуманное ими преступленіе, какъ

выбираютъ изъ арсенала наиболѣе пригодное для даннаго случая оружіе.

Сборы были не долги. Размѣстившись въ трое саней, отправились они въ село Хлѣбово, въ усадьбу Дедевшина. Послѣдній уже ждалъ сообщниковъ на полѣ; съ нимъ въ саняхъ былъ человѣкъ его, прозвищемъ Крвушка, а въ другихъ саняхъ выѣхалъ еще одинъ помѣщикъ, Толбузинъ, отправленный позже на службу въ какой-то драгунскій полкъ; при немъ былъ въ саняхъ также дедевшинскій человѣкъ.

Такимъ образомъ, шайка эта достигла численности въ 11 человѣкъ; вооружены они были всѣ дубинами, да на каждыя сани взято было по рогатинѣ.

Съѣхавшись, поѣхали всѣ вмѣстѣ на Никольскій лѣсъ и здѣсь, на дорогѣ, часа три ждали обоза даниловцевъ-мужиковъ, однако не дождались и разъѣхались по домамъ.

Эта неудача, казалось бы, должна была и подорвать энергію и дать время одуматься. Но очевидно энергіи у этихъ людей было столько, хоть отбавляй — „богатыри, не мы".

На другой день „предъ еѳимонами"—не забудемъ, что дѣло было въ Великомъ посту — и это опредѣленіе времени, сдѣланное Языковымъ, здѣсь очень характерно—къ Григорію Языкову снова пріѣхалъ гость.—Это былъ князь Григорій Владиміровичъ Ухтомскій, про котораго мы можемъ сказать, что это была „того же поля ягода". Свиданье было дѣловое. Позванъ былъ на него и Матвѣй Языковъ. Цѣль посѣщенія Ухтомскаго заключалась въ приглашеніи братьевъ Языковыхъ на ту охоту, на которую звѣрь не вышелъ наканунѣ. Языковы согласились, однако Григорій Языковъ объявилъ, что прежде чѣмъ ѣхать въ Хлѣбово къ Дедевшину, ему надо съѣздить въ Романовъ по одному дѣлу, а потому пусть братъ его, Матвѣй, ѣдетъ съ Ухтомскимъ теперь же, а онъ, Григорій, въ свое время на мѣстѣ будетъ. На томъ порѣшили — и разъѣхались. Матвѣй Языковъ съ Ухтомскимъ часа два еще сидѣли у Дедевшина въ Хлѣбовѣ, поджидая Григорія Языкова, но такъ и не дождались.

Я думаю, что Григорій Языковъ съ умысломъ уклонился на этотъ разъ отъ участія въ разбоѣ, такъ какъ дѣло, на которое онъ сослался, вовсе не было неотложнымъ, да и прямо его не касалось. Заключалось оно въ

томъ, что по челобитью Романовскаго земскаго бурмистра взятъ былъ въ романовскій приказъ, чьимъ-то именемъ, т.-е. по заявленію какого-то лица, человѣкъ его, Григорія, брата, стало быть, того же Матвѣя Языкова, за неплатежъ заемныхъ денегъ. Освободить изъ приказа этого-то человѣка и заторопился теперь вдругъ Григорій Языковъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ не вѣрилъ въ успѣхъ задуманнаго предпріятія и на этотъ разъ.

У Дедевшина, у перваго истощилось терпѣніе ждать Григорія Языкова, и онъ заговорилъ:

— Вчерась ѣздили, да не удалось, а нынѣ прошолъ обозъ ярославцевъ, торговыхъ людей къ Миколѣ на тропу... Поѣдемъ на тотъ же Микольскій лѣсъ или по другую сторону Микольскаго монастыря и того обозу подождемъ... Авось либо удастся.

Съ нимъ согласились и разъѣхались по домамъ, чтобы взять съ собой людей; затѣмъ рѣшено было съѣхаться у князя Михайлы Ухтомскаго, въ его селѣ Семеновскомъ.

Здѣсь компанія собралась уже въ слѣдующемъ составѣ: Матвѣй Языковъ пріѣхалъ съ дворовыми своими людьми Ивашкой Калмыкомъ и Максимкой Лазаревымъ, вооруженными рогатинами, Дедевшинъ пріѣхалъ съ Толбузинымъ въ двухъ саняхъ, съ двумя дворовыми людьми; у „господъ" было по рогатинѣ, а у „людей" — по дубинѣ. Пріѣхали и еще два князя Ухтомскихъ, князья Григорій и Осипъ Андреевичи, также на двухъ саняхъ, и съ ними были князя Григорія люди, одинъ изъ нихъ, только что вернувшійся „изъ бѣговъ", искупалъ, вѣроятно, участіемъ въ этой экспедиціи свою вину. У этихъ было по рогатинѣ да по дубинѣ на сани. — „И съѣхався, сидѣли у князя Михайла Ухтомскаго часа съ два, пили вино..."—показывалъ потомъ Матвѣй Языковъ на допросѣ.

Только въ полночь вся эта пьяная ватага двинулась „къ Миколѣ на тропу". Не доѣзжая нѣсколько подмонастырской слободы, она выѣхала на большую дорогу, пролегавшую изъ Ярославля въ Весьегонскъ. Вотъ уже и Чернѣевскій лѣсъ зачернѣлъ, а обоза все еще и не видать и не слыхать... Проѣхали половину лѣса—все нѣтъ...

„Неужели и на этотъ разъ ускользнетъ добыча? — думали хмѣльные „двуногіе" волки. Посовѣтовались, покричали, поспорили и повернули обратно.

Съ версту не успѣли отъѣхать — анъ, навстрѣчу имъ,

словно, изъ земли, тотъ самый обозъ, что такъ долго не давался въ руки.

Усталыя лошаденки шагъ за шагомъ тащили по малоѣзженной занесенной снѣгомъ дорогѣ тяжелые возы, нагруженные всякимъ добромъ. Подводчики, убаюкиваемые музыкой скрипа полозьевъ пятнадцати саней и погромыхиваньемъ бубенчиковъ, завернувшись въ охабни, сладко подремывали на морозцѣ, сидя на облучкахъ саней.

Ихъ пробудилъ грозный окрикъ:

— Прочь съ дороги! Сворачивай, смерды!..

Ударъ чьего-то кнута по переднимъ лошадямъ — досталось тутъ и переднему возчику — подкрѣпилъ это приказаніе.

Обозъ сталъ забирать въ сторону, очищая дорогу и самъ увязая въ снѣгу.

„Оборони Богъ отъ лихаго человѣка!.. Пронеси Святая Троица лиходѣевъ...“ — думали возчики, видя какъ мимо нихъ мчались сани съ торчащими оттуда, поверхъ человѣческихъ головъ рогатинами да дубинами.

У переднихъ возчиковъ страхъ отъ этой нежданной встрѣчи началъ было уже отъ сердца отлегать; казалось, туча проносится мимо... Еще три повозки — и разъѣхались каждый своею дорогою встрѣтившіеся средь дремучаго лѣса и ночнаго мрака невѣдомые другъ другу люди... И долго еще будутъ прислушиваться потомъ встревоженные на минуту люди къ замирающимъ звукамъ двухъ поѣздовъ. И снова скрипъ полозьевъ и музыка бубенчиковъ захватятъ въ свою власть утомленныхъ подводчиковъ...

Нѣтъ... Поровнявшись съ тремя послѣдними повозками, часть „двуногихъ волковъ“ повыскакала изъ саней и повернула ихъ назадъ за собою. Захваченные врасплохъ подводчики, три человѣка, попробовали было сопротивляться, но кто-то изъ „волковъ“ ударилъ одного изъ подводчиковъ дубиною въ голову „и онъ дратца пересталъ“... Остальные два возчика бросились на утекъ и своимъ крикомъ всполошили весь обозъ...

Словно подхлестнутые ихъ крикомъ, рѣзко прозвучавшимъ въ ночной тишинѣ, какъ одинъ человѣкъ взмахнули подводчики кнутами надъ заиндѣвѣвшими спинами и боками своихъ лошадей, тѣ легли въ хомуты и, почуявъ недоброе, напрягши всѣ свои силы, пошли на утекъ...

Чрезъ нѣсколько мгновеній, окруженный облакомъ пара

и снѣжной пыли, обозъ скрылся изъ виду, словно вспугнутая стая птицъ. Долго мчались подводчики, не смѣя повернуть головы, чтобы не встрѣтиться взглядами съ погоней...

Но ея и не было. „Волки", вѣроятно, и не замѣтили переполоха, надѣланнаго ими среди остальнаго обоза... Они торжествовали побѣду надъ тремя повозками; съ нихъ, бѣдненькихъ и голодненькихъ, и этого было довольно. Помѣстивъ отбитыя повозки въ средину своего поѣзда, посадивъ на нихъ *своихъ* возчиковъ, они двинулись теперь „на дѣлежку".

Ближе всего лежало сельцо Покровское, принадлежавшее Осипу Ухтомскому, и вотъ, торопясь получить поскорѣй свою долю награбленнаго, рѣшили ѣхать туда.

Дѣлили на три пая: одинъ пай — Матвѣя Языкова съ Григоріемъ Ухтомскимъ; другой пай — Михайлы да Осипа Ухтомскихъ, а третій пай — Дедевшина съ Толбузинымъ. На каждый пай пришлось по 5 рублей деньгами, стало быть, по два съ полтиной на человѣка; по 22 бобра; по половинкѣ красныхъ, да зеленыхъ недорогихъ суконъ; по двѣ стопы писчей бумаги („Псалтирь переписывать"), по кульку ладану (пригодится — на церковь дать „отъ своего усердія"), два лукошка сандалу („Пасха близко — яйца красить") и т. д.

Подѣливъ по паямъ, лихіе сотоварищи разъѣхались мирно по домамъ, довольные другъ другомъ и чисто сдѣланнымъ дѣломъ. Дѣлежъ *по паямъ* являлся, въ данномъ случаѣ, весьма практической мѣрой, выработанной, если и несобственнымъ опытомъ Дедевшина, Языковыхъ и Ухтомскихъ, то тѣхъ добрыхъ молодцевъ, что, не нося дворянскихъ фамилій, также съ кистенемъ по лѣсамъ погуливали. Паи устраняли чрезмѣрную горячку дѣлежа добычи, сокращая въ три раза споры и раздоры шести голосовъ, двѣнадцати завистливыхъ глазъ да двѣнадцати загребистыхъ лапъ... Между двумя лицами подѣлить пай было легче.

Матвѣй Языковъ показалъ на допросѣ, что на его долю отъ дѣлежа пая, „досталось по 11 бобровъ, по полтретья рубля денегъ, по стопѣ бумаги, по два портища сукна краснаго, по 26 голицъ, по полупуду ладону, да сандалу по лукошечку въ четверикъ, да иголъ, да булавокъ, да наперстковъ, да картъ, да купоросу, нашатырю, мышьяку, а по скольку чего счетомъ и вѣсомъ, онъ того не упомнилъ".

Перечень этотъ, какъ видимъ, далеко не такъ полонъ,

какъ тотъ, что учиненъ былъ въ Преображенскомъ приказѣ при арестѣ Языкова. Отбитыя три лошади распредѣлены были между Матвѣемъ Языковымъ, Михайлой Ухтомскимъ и Дедевшинымъ.

А что же досталось на долю ихъ вѣрныхъ холоповъ? Матвѣй Языковъ говорилъ послѣ, что онъ одарилъ своихъ людей „не въ раздѣлъ“ ладаномъ да рукавицами.. И на томъ его холопы „спасибо“ ему сказали...

То же самое разсказалъ Матвѣй Языковъ и въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ, гдѣ его допрашивалъ 1-го августа стольникъ князь Иванъ Осиповичъ Щербатовъ съ товарищи. Допрашивали тамъ же 8-го августа Якушку Иванова и дворника Өедьку Антонова, но оба они ничего не могли прибавить новаго къ разсказу Языкова о томъ, какъ разбивалъ онъ обозъ ярославскихъ торговыхъ людей. Өедоръ Антоновъ—бывшій крѣпостной князя Михаила Ухтомскаго, послѣ смерти послѣдняго былъ отпущенъ на волю и во время разсказываемыхъ событій жилъ въ Москвѣ, на дворѣ стольника князя Ивана Владиміровича Ухтомскаго „на дворничествѣ“, съ поручною записью, и „кормился“ торговлей на Красной площади всякой ветошью. Какъ человѣка, прекрасно знающаго, по условіямъ своего „промысла“, гдѣ лучше что купить или продать“, Матвѣй Языковъ и выбралъ его въ ассистенты къ Якушкѣ Иванову, имѣвшему порученіе сбыть награбленное добро. О происхожденіи этого добра онъ, конечно, отзывался полнымъ невѣдѣніемъ.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, но до сихъ поръ фактъ учиненнаго въ Пошехонскомъ уѣздѣ разбоя не встрѣчалъ еще подтвержденія со стороны самихъ потерпѣвшихъ—тѣхъ ярославскихъ купцовъ, товары которыхъ были отбиты „двуногими волками“. Казалось бы, по нашимъ воззрѣніямъ конца XIX вѣка, что челобитная или явка объ учиненномъ надъ ними насильствѣ должна была поступить къ мѣстному воеводѣ или въ какой-либо приказъ вслѣдъ за совершеніемъ преступленія... Вѣдь по свѣжимъ слѣдамъ его такъ легко было бы мѣстной власти накрыть грабителей и вернуть отнятые товары. Но знали ли потерпѣвшіе торговые люди, съ кѣмъ свела ихъ темная ночь въ Чернѣевскомъ лѣсу, и потому опасались заводить дѣло съ именитыми мѣстными людьми, у которыхъ руки долги—до Москвы хватали, или плохо вѣрили они если не въ безпристрастіе, то вообще въ какую-либо помощь со сторонь мѣст-

ной администраціи, которая могла свести все дѣло лишь къ знаменитой „московской волокитѣ“, но они молчали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ...

Лишь 23 августа 1701 года, провѣдавъ, вѣроятно, отъ другихъ торговыхъ людей на Москвѣ, что противъ Языкова возбуждено дѣло о грабежѣ, ярославецъ, „посацкой человѣкъ Ивашка Кѣмской“ подалъ Царю челобитную, въ которой писалъ: „Въ нынѣшнемъ государь 1701 году, марта въ 13 день ѣхалъ изъ Егонской-Вѣси въ Ярославль прикащикъ мой Матюшка Аноѳрѣевъ съ прикащикомъ же ярославца Афонас(ь)я Сергѣева съ Ѳедоромъ Сергѣевымъ съ моими товары и съ ден(ь)гами и въ Пошехонскомъ уѣздѣ, проѣхавъ деревню Черніеву, въ лѣсу воровскіе люди смертнымъ боемъ ихъ били и грабили и тѣмъ разбоемъ и грабежемъ отняли у нихъ три воза съ нашими товары и съ ден(ь)гами и лошадей съ санми, а что моего сироты твоего товаровъ и денегъ взяли и то писано въ росписи подъ сею челобитною. И въ Преображенскій приказъ приведенъ Матвей Петровъ сынъ Языковъ и съ нимъ взято нашихъ остальныхъ грабленыхъ товаровъ по малой долѣ и въ томъ разбоѣ и грабежѣ онъ, Матвѣй, въ роспросѣ запирался, а послѣ того въ другомъ роспросѣ повинился и про товарищевъ своихъ сказалъ... Великій Государь смилуйся“.

Вслѣдъ за Кѣмскимъ тождественную челобитную подалъ и другой ярославскій торговый человѣкъ Аѳонька Сергѣевъ, сынъ Бобрищиковъ, приказчикъ котораго Ѳедька Сергѣевъ съ товарами и съ деньгами ѣхалъ вмѣстѣ съ приказчикомъ Кѣмскаго.

Оба они приложили къ своимъ челобитнымъ роспись товара, отнятаго грабителями.

Челобитныя эти вызвали новые допросы (27-го августа) Матвѣя Языкова, Якушки Иванова и Ѳедьки Антонова. На этотъ разъ велѣно было, „Матвѣя Языкова въ застѣнкѣ съ пристрастіемъ распросить и пытать“. „Было ему 12 ударовъ“... Но и на пыткѣ Языковъ говорилъ тѣ же рѣчи...

Что касается Якушки Иванова и Ѳедьки Антонова, то, за неустановленіемъ ихъ виновности въ разбоѣ и въ сбытѣ завѣдомо преступнымъ путемъ добытыхъ вещей, ихъ изъ приказа Сыскныхъ дѣлъ освободили за порукою и съ роспискою въ томъ, что „ставитца имъ, Якушкѣ и Ѳедькѣ, въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ по вся дни и безъ указу великаго государя съ Москвы никуда не съѣхать“...

Отобранную у Языкова „рухледь", оцѣня, велѣно было „отдать челобитчикамъ, съ роспискою, кто что свое опознаетъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Преображенскій приказъ изъ Сыскнаго послана была „память", въ которой указывалось: „...оговорныхъ людей: князь Михаила, князь Григорья, князь Осипа Ухтомскихъ, Ивана Дедевшина и Толбузина, Григорья Петрова сына Языкова и людей, которые на томъ разбоѣ съ ними были, сыскивать и для сыску ихъ и переписки помѣстей ихъ, и вотчинъ, и животовъ ихъ, и крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ послать изъ приказу сыскныхъ дѣлъ стараго подъячего, человѣка добра, велѣть ему съ понятыми люд(ь)ми помѣстья ихъ, и вотчины, и животы ихъ, и крестьянскіе и бобыльскіе дворы, и въ нихъ людей поимяномъ, и животы крестьянскіе, и четвертную пашню, и сѣнные покосы, и всякіе угодья, и скотъ, и хлѣбъ переписать имянно, а переписавъ, отписать на великаѓо государя и что животовъ ихъ по перепискѣ помѣщиковъ явитца и тѣ ихъ животы и переписную роспись за руками и помѣстьямъ ихъ и вотчинамъ описныя книги понятыхъ людей и за своею посыльщиковою руками-жъ привесть къ Москвѣ въ приказъ сыскныхъ дѣлъ и тѣ ихъ помѣстья и вотчины и крестьянскіе животы приказать беречь до указу великаго государя тутошнымъ и окол(ь)нымъ людемъ съ порукою и тое порушную запись привесть къ Москвѣ жъ въ приказъ сыскныхъ дѣлъ, а въ помѣстной приказъ о помѣстьяхъ ихъ и о вотчинахъ послать память, чтобъ тѣхъ ихъ помѣстей и вотчинъ ни по какимъ сдѣлкамъ и поступкамъ до указу великаго государя ни за кѣмъ не записывать и не справливать..."

Мѣра эта, какъ видимъ, принята была вовсе не въ цѣляхъ возмѣщенія убытковъ Кѣмскаго и Бобрищикова—они уже частью или полностью взяли, кто что свое опозналъ; она являлась штрафомъ, восполнявшимъ личное наказаніе, ожидавшее виновныхъ, и средствомъ возмѣщенія судебныхъ издержекъ.

Но оказалось, что осуществить эту мѣру было не такъ-то легко по тѣмъ временамъ.

II.

Какъ дѣйствовали посланные въ Пошехонье и въ Суздаль въ самомъ началѣ дѣла слѣдователи, капитаны Рогульскій и Аносовъ,—въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ со времени выѣзда ихъ изъ Москвы прошло уже почти два мѣсяца... За это время много воды утекло,—много концовъ могло быть схоронено въ воду. И вотъ, 23 сентября послѣдовалъ новый царскій указъ, которымъ подъячимъ приказа Сыскныхъ дѣлъ Василію Гаврилову да Ивану Шолохову приказывалось ѣхать въ Пошехонье, явиться тамошнему воеводѣ Аѳанасью Тихменеву, подать ему великаго государя грамоту и съ командой пошехонскихъ служилыхъ людей арестовать всѣхъ оговоренныхъ Матвѣемъ Языковымъ лицъ. По словамъ послѣдняго, всѣ они жили въ это время въ своихъ пошехонскихъ вотчинахъ: князь Михаилъ Ухтомскій—въ сельцѣ Семеновскомъ, князь Григорій—въ Демовскомъ, князь Осипъ—въ с. Огарковѣ, Иванъ Дедевшинъ и Толбузинъ—въ вотчинѣ перваго, въ с. Глѣбовѣ (Хлѣбовѣ), наконецъ, братъ Матвѣя Языкова, Григорій Петровичъ,—въ с. Погорѣломъ.

Гаврилову и Шолохову предстояло „вышеписанныхъ людей поимать и привесть съ собою къ Москвѣ въ приказъ сыскныхъ дѣлъ на ихъ подводехъ, а будетъ у коихъ подводъ не будетъ и имъ взять подводы у Пошехонскаго воеводы Аѳонасья Тихменева, а дворы ихъ, и животы, и помѣстья, и вотчины, и крестьянскіе и бобыльскіе дворы и животы, и въ нихъ людей поимяномъ и четвертную пашню, и сѣнные покосы, и всякія угодья, и скотину, и лошади, и коровы, и овцы, и свиньи, и хлѣбъ всякой переписать имянно порознь, а переписавъ тѣ помѣстья и вотчины, *отписать на великаго государя*, а что по перепискѣ животовъ помѣщиковыхъ явитца, и тѣ животы, и переписную роспись за руками, и помѣстьямъ ихъ, и вотчинамъ описныя книги понятыхъ людей и за своими руками привесть къ Москвѣ, въ приказъ сыскныхъ дѣлъ, а тѣ помѣстья, и вотчины, и крестьянскіе животы, и лошади, и всякую скотину приказать беречь тутошнимъ окол(ь)нымъ людемъ до указу великаго государя съ порукою, и тѣ поручные записи потому-жъ привесть въ приказъ сыскныхъ дѣлъ".

Предусматривая, однако, возможность того, что и Ухтом-

скіе, и Гр. Языковъ, и Дедевшинъ съ Толбузинымъ и люди ихъ „ухоронятца“, указъ повелѣвалъ „вмѣсто ихъ взять имъ (подъячимъ) *правыхъ* (т. е. не оговоренныхъ) ихъ людей или крестьянъ и распросить *съ пристрастіемъ*, гдѣ они (т. е. оговоренныя лица) нынѣ и у кого живутъ или пристаютъ, да тѣ ихъ распросныя рѣчи привесть съ собою къ Москвѣ“.

Кого изъ „правыхъ“ людей и сколько именно человѣкъ должны были разспрашивать Гавриловъ и Шолоховъ, да еще „съ пристрастіемъ“, чѣмъ должны были они руководствоваться при выборѣ „правыхъ“ людей для разспроса — все это предоставлялось усмотрѣнію—вѣрнѣе, произволу—подъячихъ-слѣдователей на мѣстѣ слѣдствія. Но этимъ тягота и маета, навлеченныя „двуногими волками“ на своихъ ни въ чемъ неповинныхъ—*правыхъ*—крестьянъ, не ограничивались; всѣ расходы казны, вызванные командировкой двухъ подъячихъ съ двумя приставами—прогонныя ямскія деньги, печатныя пошлины и даже обычное жалованье, платимое этимъ чиновникамъ,—все это Гавриловъ и Шолоховъ должны были „доправить въ тѣхъ селѣхъ на людехъ и на крестьянахъ *тотчасъ*...“, и лишь въ томъ случаѣ, если „за скудостью *вскоре* доправить будетъ не мочно“, разрѣшалось продать „изъ помѣщиковыхъ животовъ (не забудемъ, уже отписанныхъ на государя), что пристойно“...

Казалось, все предусмотрѣно было въ этомъ наказѣ командированнымъ подъячимъ, всякое имущество, долженствовавшее подвергнуться ихъ описи, было поименовано, перечислено; не предусмотрѣлъ наказъ лишь одного случая—*неповиновенія*. А оно-то, именно, и проявилось. Вотъ, какъ разсказывали подъячіе Гавриловъ и Шолоховъ о своихъ злоключеніяхъ въ Пошехоньѣ: „...и мы Вас(ь)ка и Ивашка, пріѣхавъ въ Пошехоньѣ и взявъ у пошехонскаго воеводы у Аѳонасья Тихменева посыльныхъ людей, да съ тѣми-жъ посыл(ь)ными не доѣзжая вышеписанныхъ селъ, взяли понятыхъ людей пошехонскаго уѣзду и съ тѣми посыл(ь)ными людми, пріѣхавъ въ помѣстья Ивана Алексѣева сына Дедевшина, въ сельцо Хлѣбово, и въ томъ сельцѣ Хлѣбовѣ на ево, Ивановѣ, дворѣ Дмитрей Романовъ сынъ, а какова чину человѣкъ и какъ ему прозвище, того мы не вѣдаемъ, собравъ многихъ людей и крестьянъ съ копьи и съ рогатины и съ кольемъ и съ дуб(ь)емъ, и на дворъ ево, Ивановъ, не пустили и насъ, и посыльныхъ, и поня-

тыхъ людей стали бить и копьи колоть до смерти и двора ево, Иванова, и животовъ, и крестьянскихъ дворовъ и животовъ переписать не дали и говорили намъ, и посыльнымъ и понятымъ людемъ: *если-де вы пойдете и мы-де всѣ помремъ и васъ всѣхъ побьемъ до смерти*, и мы, убоясь такова отъ нихъ страху, побѣжали въ помѣстья Григорья Петрова сына Языкова, въ село Погорѣлое, и въ томъ селѣ Погорѣломъ, такъ же и вышеписанные Ивановы люди и крестьяне Дедевшина съ кольемъ и дуб(ь)емъ и съ рогатины собрався, люди ево, Григорьевы, и крестьяне человѣкъ со сто и бол(ь)ши, такъ же хотѣли бить и ничего переписывать не дали и говорили, что-де имъ приказывалъ помѣщикъ ихъ, чтобъ двора ево и животовъ описывать не давать, и они-де по тѣмъ ево словамъ помѣщика своего описывать не даютъ и говорили *если-де вы пойдете и они-де помрутъ, хотя всѣхъ ихъ перевѣшаютъ*. А приказывалъ-де имъ обо всѣмъ помѣщикъ ихъ Григорій Языковъ и то они, Ивановы, люди и крестьяня и Григорьевы люди-жъ и крестьяня великаго государя указу учинились во всемъ противны и ослушны, а сказали про нихъ Ивана Дедевшина и про Григорья Языкова, что они поѣхали къ Москвѣ".

Потерпѣвъ неудачу въ двухъ мѣстахъ, избитые и униженные въ авторитетѣ своей власти, которую крестьяне отказывались признавать, ставя выше ея власть своихъ помѣщиковъ, перебрались подъячіе во владѣнія князей Ухтомскихъ — сперва въ сельцо Семеновское, потомъ въ сельцо Демовское и, наконецъ, въ село Огарково. Но и здѣсь выполнить порученнаго имъ не удалось. Правда, здѣсь ихъ никто смертнымъ боемъ не билъ уже, правда, они побывали и на усадебнымъ дворахъ и въ княжескихъ хоромахъ, — но и только. Ни задержать виновныхъ въ разбоѣ владѣльцевъ этихъ вотчинъ, ни описать и заарестовать имущества ихъ имъ не удалось. Хозяева невѣдомо куда исчезли, словно, сквозь землю провалились, „а скотины и всякаго пожитку никакова у нихъ не явилось, а что за ними пашни, и лѣсу, и сѣнныхъ покосовъ, и всякихъ угодій есть, того намъ не вѣдомо".

Хотя царскій указъ и повелѣвалъ подъячимъ-слѣдователямъ, въ случаяхъ подобныхъ настоящему, брать *правыхъ* людей и крестьянъ и разспрашивать ихъ „съ пристрастіемъ", но въ Хлѣбовѣ (Глѣбово-тожъ) и въ Погорѣломъ объ этомъ нечего было и думать, а во владѣніяхъ Ухтом-

скихъ Гавриловъ и Шолоховъ, боясь раздражить народъ, вѣроятно, и не пытались осуществить предоставленное имъ право хватать правыхъ людей. За то, чтобы скрасить по возможности, въ отпискѣ въ приказъ постигшія ихъ неудачи, подъячіе въ своемъ донесеніи особенно подробно останавливаются на описаніи того, что имъ удалось видѣть. Это позволяетъ намъ познакомиться съ усадьбами XVII—XVIII столѣтій. „А хоромнаго строенія у князя Михаила Ухтомскаго въ сел(ь)цѣ ево Семеновскомъ: горница съ комнаты на жилыхъ подклѣтахъ, да другая горница на жиломъ-же подклѣтѣ, промежъ ими двои сѣни, на нихъ чердакъ повалыша да на томъ же дворѣ два сушила съ исподними, замки у всѣхъ нутряные желѣзные. Поварня, конюшня, ворота створчатыя, другія однощитныя. Въ сельцѣ Огарковѣ князя Осипа Ухтомскаго на дворѣ ево горница съ комнатою на глухихъ подклѣтахъ, да горница-жъ на глухомъ подклетѣ, промежъ ими сѣни повалыша, амбаръ мшеной, конюшня, у воротъ изба, ворота створчатыя и всякое домашнее строеніе. А въ сел(ь)цѣ Демскомъ у князь Григор(ь)я Ухтомскаго хоромнаго строенія четыре горницы на жилыхъ подклѣтахъ, промежъ ими сѣни. Позади тѣхъ горницъ черная горница, баня, конюшня, на конюшнѣ сушило, два амбара солодовенные, сушило, три избы людскихъ, поварня, четыре житницы. садъ городба кругомъ. Того двора ворота створные большие“.

Единственнымъ трофеемъ, вывезеннымъ въ Москву подъячими-слѣдователями изъ своей командировки, были двѣ гнѣдыя лошади, надо полагать, принадлежавшія князю Григорію Ухтомскому, потому что взяты онѣ были на полѣ, близъ его двора. „То нашъ и доѣздъ“,—заключили подъячіе описаніе своихъ злоключеній.

Доставленныя въ приказъ Сыскныхъ дѣлъ, лошади эти оцѣнены были присяжнымъ оцѣнщикомъ Конской площадки Ганькой Ивановымъ обѣ въ двадцать алтынъ и проданы на удовлетвореніе фиска, „съ наддачею“, за двадцать одинъ алтынъ четыре деньги.

Такъ неудачно кончилась и вторая облава на двуногихъ пошехонскихъ волковъ. Они такъ надежно ухоронились въ глухихъ мѣстахъ тогдашней Руси, что „власть предержащая“ не въ силахъ была сыскать ихъ слѣдъ. Онъ затерялся, надо думать, для правосудія навсегда.

Оно покарало лишь одного Матвѣя Языкова. По имен-

ному указу царя Петра Алексѣевича, данному имъ 29 октября 1701 года, велѣно: „Матвѣю Петрову сыну Языкову учинить наказанье, *бить кнутомъ и сослать въ ссылку, въ Азовъ, съ женою и съ дѣт(ь)ми на вѣчное житье.* А Князь Михайла и Князь Григор(ь)я и Князь Осипа Ухтомскихъ, родственниковъ ихъ сыскать въ приказъ сыскныхъ дѣлъ и допросить: они, Князь Михайло и Князь Григорей и Князь Осипъ, гдѣ нынѣ живутъ, у нихъ ли или у кого у родственниковъ ихъ. А въ скаскѣ написать съ подкрѣпленіемъ, будетъ они ихъ, Князь Михайла и Князь Григор(ь)я и Князь Осипа, укроютъ и про нихъ не скажутъ, а послѣ того, кромѣ ихъ иные кто посторонніе люди на нихъ извѣстятъ и скажутъ, что они, Князь Михайло и Князь Григорій и Князь Осипъ, живутъ у нихъ или они про нихъ вѣдаютъ, гдѣ они живутъ, а они въ скаскѣ своей ихъ утаили, *и за ту ихъ ложную скаску быть имъ въ смертной казни,* а помѣстья ихъ и вотчины описаны будутъ на великаго государя и розданы будутъ въ роздачю безповоротно".

— „Битъ кнутомъ, было ему десять ударовъ"—гласитъ на указѣ чья-то помѣтка объ исполненіи его. По другимъ документамъ дѣла мы можемъ прослѣдить до нѣкоторой степени исполненіе и остальной части приговора, но только относительно Матвѣя Языкова. Такъ, изъ „отписки", поданной царю воронежскимъ воеводою „Петрушкою Игнатьевымъ" видно, что 24 ноября того же 1701 года колодникъ стряпчій Матвѣй Петровъ Языковъ отъ пристава Сеньки Попова принятъ и посаженъ въ тюрьму. Воронежъ былъ для Языкова лишь этапнымъ пунктомъ на пути въ Азовъ.

Царскій указъ каралъ также и ни въ чемъ неповинную, какъ можно думать, семью Матвѣя Языкова. Она также ссылалась въ Азовъ.

Мѣра эта, кажущаяся намъ нынѣ болѣе чѣмъ неправосудною, находилась, однако, въ тѣ времена въ полномъ соотвѣтствіи со взглядами на наказаніе и на преступника не только тогдашнихъ криминалистовъ и законодателей, но и общества. За преступленіе одного человѣка тяжесть позора и суровой уголовной отвѣтственности несли всѣ, кто имѣлъ несчастіе составлять съ преступникомъ одну семью. Уголовное наказаніе одного человѣка не только de facto, но

и de jure уничтожало, выбрасывало изъ общественнаго строя всю семью.

Насколько этотъ взглядъ тогдашняго уголовнаго права былъ общимъ правиломъ, обратившимся на практикѣ уже въ рутину, примѣнявшуюся механически, видно изъ слѣдующихъ характерныхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла. Послѣ того уже, какъ состоялся царскій указъ о ссылкѣ Языкова въ Азовъ съ *женою и дѣтьми*, осужденный былъ подвергнутъ княземъ Щербатовымъ допросу о женѣ его и дѣтяхъ. Языковъ отвѣчалъ, что „жена его, Матрена Васильева дочь, жила въ Пошехонской деревнѣ Погорѣлой, а нынѣ гдѣ она живетъ, того онъ не знаетъ, а дѣтей у него, Матвѣя, никого нѣтъ"...

Что касается остальныхъ „двуногихъ волковъ", то, какъ я сказалъ уже, слѣдъ ихъ для правосудія затерялся. Изъ документа 1713 года, которымъ и заканчивается настоящее дѣло, видно, что въ этомъ году, т. е. чрезъ 12 лѣтъ отъ разсказанныхъ выше событій, санктъ-петербургской канцеляріи понадобилась зачѣмъ-то справка: „Матвѣй Петровъ сынъ Языковъ за какую вину въ ссылку сосланъ и въ распросѣ и съ пытки на брата своего родного, на Григорья Языкова, что говорилъ и сысканъ онъ, Григорій, былъ-ли и что ему за то учинено или учинить велѣно"... Московскій Судный приказъ отвѣтилъ, что „о Григорьѣ Языковѣ въ томъ его великаго государя, имянномъ указѣ, чтобъ его сыскать не написано..."; что же касается остальныхъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ лицъ—Ухтомскихъ, Дедевшина и Толбузина—то не сысканы были не только они, но и ихъ родственники.

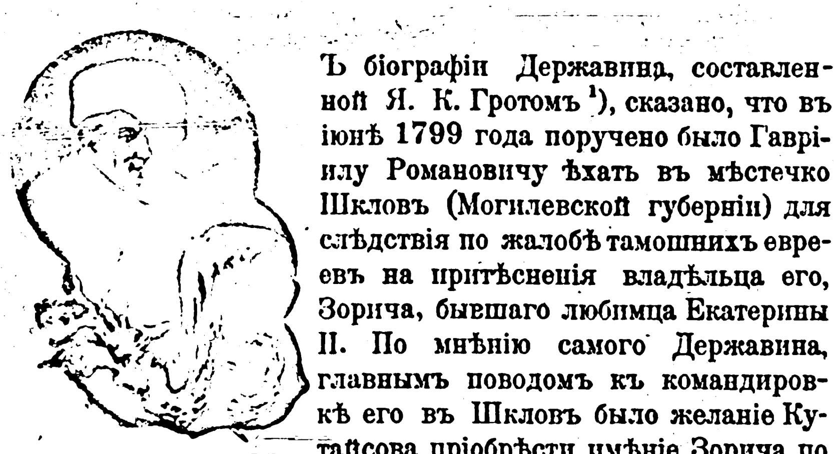
* * *

Русь „московская" отразилась въ разсказанномъ дѣлѣ „о двуногихъ пошехонскихъ волкахъ" типичнѣйшими своими чертами. Невѣжество, даровой трудъ, праздность развращали нравы высшаго сословія. Хищническая система хозяйничанья въ своихъ деревняхъ и „гульба" подрывали матеріальное благосостояніе тѣхъ, кому все было дано... Уже тогда слышались жалобы „на оскудѣніе"... Жалующимся доступны были только „легкія средства наживы"... Обрядовое благочестіе не могло сдерживать звѣриные инстинкты—грабили въ дни „Великаго поста", предъ „ѳимонами", награбленное хранили въ церквахъ... Отсутствіе имуществен-

ной и личной безопасности тормозило экономическую жизнь страны... Отсутствіе сознанія обязанностей высшаго сословія съ низшему порождало произволъ, право сильнаго надъ слабымъ. Предъ этимъ произволомъ была безсильна высшая правительственная власть, какъ только она изъ центра, въ лицѣ своихъ агентовъ, перемѣщалась на мѣста дѣйствія, и чѣмъ дальше отъ Москвы, тѣмъ безсильнѣе она становилась... *Мѣстная* власть, дѣйствовавшая „токмо за страхъ", но не „за совѣсть", была ей плохою помощницею... Населеніе считало не только излишнимъ, но и не безопаснымъ обращаться къ ней за содѣйствіемъ даже въ крайнихъ случаяхъ... Для него авторитетнѣе и той и другой была власть помѣщичья... А та непроѣзжая, непроходимая глушь и дремучина московской Руси, которая парализовала общественную жизнь страны, дробя ее на жизнь отдѣльныхъ „муравейниковъ", позволяла каждому владѣльцу нѣсколькихъ человѣческихъ живыхъ и „мертвыхъ" душъ совмѣщать въ своей личности фактически все: и законодателя, и судью, и администратора. И они, дѣйствительно, владѣли „душами", двигая ихъ по произволу то на геройство, то на преступленіе, то на защиту правительственной власти, то на сопротивленіе ей... Удальцы Стеньки Разина не были ли только учениками, воспитанниками пошехонскихъ и иныхъ земель двуногихъ волковъ?..

Вл. Апушкинъ.

Къ исторіи шкловской командировки Г. Р. Державина въ 1799 году.

Ъ біографіи Державина, составленной Я. К. Гротомъ [1]), сказано, что въ іюнѣ 1799 года поручено было Гаврiилу Романовичу ѣхать въ мѣстечко Шкловъ (Могилевской губерніи) для слѣдствія по жалобѣ тамошнихъ евреевъ на притѣсненія владѣльца его, Зорича, бывшаго любимца Екатерины II. По мнѣнію самого Державина, главнымъ поводомъ къ командировкѣ его въ Шкловъ было желаніе Кутайсова пріобрѣсти имѣніе Зорича по дешевой цѣнѣ. Въ этомъ дѣлѣ Кутайсову радъ былъ содѣйствовать и тесть сына его, тогдашній генералъ-прокуроръ князь П. В. Лопухинъ [2]). Державинъ отправился въ Шкловъ, но дѣло кончилось ничѣмъ, и Кутайсовъ имѣнія не добился. Между тѣмъ въ іюлѣ 1799 года князь Лопухинъ былъ замѣненъ Беклешевымъ, который сообщилъ Державину Высочайшее повелѣніе возвратиться въ Петербургъ.

Съ этою командировкою было связано еще другое порученіе — побывать въ деревнѣ Березятинѣ (Могилевской же губерніи) и произвести тамъ слѣдствіе объ оказанномъ крестьянами мѣстнымъ властямъ сопротивленіи.

Помѣщенныя ниже неизданныя доселѣ письма Державина къ князю Лопухину и Беклешеву дополняютъ собою свѣдѣнія, сообщенныя Я. К. Гротомъ относительно командировки поэта 1799 года.

Н. Шильдеръ.

---

[1]) Сочиненія Державина. Т. 8-й: Біографія поэта. С.-Петербургъ, 1880 г.

[2]) Сынъ Кутайсова, Павелъ Ивановичъ, впослѣдствіи оберъ-гофмейстеръ, былъ женатъ на княгинѣ Прасковьѣ Петровнѣ Лопухиной.

I.

Указъ Императора Павла I.

Указъ Нашему Сенату

По дошедшимъ до Насъ неоднократнымъ жалобамъ о самовольныхъ поступкахъ въ прекословіе законамъ Нашимъ, противъ евреи и прочихъ въ Бѣлорусской губерніи обитающихъ учиненныхъ, происходящихъ отъ отставнаго Генералъ-Лейтенанта Зорича, для прекращенія сихъ зловредныхъ безпорядковъ и для законной защиты всѣхъ тѣхъ, кои отъ него Зорича и въ дѣлахъ его отъ учавствующихъ притесненія потерпели повелѣваемъ въ оную Бѣлорусскую губернію отъ лица Сената Нашего послать Сенатора Державина который взявъ себѣ въ единый предметъ судъ безпристрастный, имѣетъ наиточнѣйшимъ образомъ войти на мѣстахъ тѣхъ, во всѣ обстоятельства, до цѣли его посылки относящіяся, и совершенно въ истинѣ удостовѣрясь, безъ всякаго лицепріятія предать законному сужденію, всѣхъ тѣхъ, кои въ вышесказанномъ виновными приличатся, и о всемъ что онъ найдетъ тамъ и учинитъ относится Сенату Нашему и Намъ Самимъ.

Іюня 15-го дня 1799 года въ Павловскѣ.

II.

Г. Р. Державинъ—князю П. В. Лопухину [1].

1.

Свѣтлѣйшій князь

Милостивый Государь

Имѣлъ честь получить при письмѣ вашей свѣтлости копію съ Высочайшаго Указа имяннаго указа объ отправленіи моемъ въ Белорусію а таковые же вчерась изъ Правительствующаго Сената; но не вижу упомянутыхъ тамъ жалобъ достигшихъ до высочайшаго Престола, а также не дано мнѣ ни одного канцелярскаго человѣка, на котораго бы я хотя при первомъ случаѣ положится могъ. Тогда же желалъ объяснится съ вами, но не получилъ васъ дома. Изпрашивая сего пособія, впрочемъ извѣстно вашей свѣтло-

[1] Первыя три письма—собственноручныя.

сти, что я три недели былъ крайне боленъ и съ нуждою еще выезжать могу однако ни что невоспрепятствуетъ съ крайнею поспѣшностію исполнить Высочайшую волю и отправится въ путь темъ паче, что вчерась же успѣлъ здѣлать, елико можно на письмѣ разпоряженіе и о дѣлахъ Графа Чернышева, но только знатныхъ суммъ вналичности у меня находящихся ни куды еще для храненія отдать не могъ. Прошу о семъ Государственнаго Казначея. — Пребываю впрочемъ съ глубокимъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію

вашей Свѣтлости
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.
17 іюня 1799 года.

Резолюція:

Выправясь по Статсъ-Секретарскимъ столамъ, какія есть на Зорича жалобы, къ Г. Державину препроводить копіи немедленно.

2.

Милостивый Государь
Князь Петръ Васильевичъ.

Сей часъ получилъ я Высочайшее дозволеніе, взять мнѣ съ собою, канцелярскаго служителя; въ слѣдствіе чего, покорнѣйше вашу свѣтлость прошу: отправить со мною бывшаго канцеляріи вашей и находящагося не у дѣлъ при Герольдіи, Ассесора Петра Нилова, яко мнѣ весьма извѣстнаго, на котораго въ отправленіи мнѣ порученнаго дѣла я весьма положиться могу. Относительно же просимыхъ мною бумагъ, приказано мнѣ по пріездѣ на мѣсто потребовать отъ тамошняго Губернатора, или обѣщено оныя, на сихъ дняхъ ко мнѣ доставить. О чемъ донеся, съ глубокимъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію честь пребыть имѣю

вашей Свѣтлости
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.
18 іюня въ 12 часовъ пополудни. Петербургъ.

Резолюція:

Объ отправленіи Нилова дано предложеніе Герольдіи сего жъ числа.

3.

Свѣтлѣйшій князь
Милостивый Государь.

За долгъ почитаю вашей Свѣтлости донести, что вчераш-

няго числа пріехалъ я въ Витепскъ и приступилъ къ исполненію Высочайше порученному мнѣ дѣлу. Требую нѣкоторыхъ бумагъ, изъ Губернскаго Правленія, по полученіи которыхъ немедленно отправлюсь по дѣлу Г. Зорича въ Шкловъ, а по дѣлу Беляцкаго въ Мстиславль для удостовѣренія на местѣ о истиннѣ. Пребываю съ глубокимъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію

вашей Свѣтлости
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ

28 Іюня 1799 года. Витепскъ.

Помѣта:

7 Іюля 1799 г.

4.

Свѣтлѣйшій князь

Милостивый Государь!

Отношеніемъ моимъ отъ 15-го нынѣшняго просилъ я вашу Свѣтлость, о истребованіи и присылкѣ ко мнѣ подлиннаго производства по жалобамъ Еврѣевъ на Господина Зорича Бѣлорусскаго Главнаго Суда 2-го депортамента Заседателемъ Голынскимъ учиненнаго и препровожденнагó къ Господину Генералъ-Рекстмейстеру; но какъ я оные 16-го числа сего мѣсяца, по приложенной притомъ описи отъ Генералъ-Рекстмейстера уже получилъ, то щитаю обязанностію о семъ вашу Свѣтлость увѣдомить, присовокупивъ, что по полученіи сихъ подлинныхъ бумагъ не имѣя надобности требовать съ обеихъ сторонъ подтверждения имѣвшимся у меня копіямъ, приступаю я теперь къ требованію отъ Еврейскаго общества, противу объясненій на ихъ отвѣты Господина Зорича, пополнительныхъ доказательствъ, что въ прежнемъ производствѣ дѣла сего упущено было, получа оныя потребую такъ же окончательнаго объясненія и отъ Г-на Зорича яко отвѣтчика; между же тѣмъ не теряя лишняго времяни отправлюсь на сихъ дняхъ въ сѣло Б-зетію, для удобнѣйшаго на мѣстѣ изысканія истинны по извѣстному вамъ Высочайшему препорученію; о чемъ из-

вѣстивъ пребываю съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію

Вашей Свѣтлости
Милостиваго Государя
Подписано: всепокорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

№ 38
Іюня 29 дня 1799 года.
Шкловъ.

Помѣта:

Докладывано 1-го августа.

III.

Г. Р. Державинъ—А. А. Беклешеву.

Милостивый Государь
Александръ Андреевичъ!

Извѣстясь чрезъ Газеты, что ваше высокопревосходительство получили постъ Генералъ-Прокурора, смѣю поздравить васъ отъ всего моего сердца съ сею высочайшею довѣренностью, хотя и былъ я надеженъ, что сіе случится съ вами, однако до вѣрнаго извѣстія не смѣлъ по коммиссіямъ моимъ отнестися къ вамъ.—Многія мои письмы, адрисованные къ предместнику вашему, князю Петру Васильевичу, я думаю уже дошли до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства. Смѣю безпокоить о возможномъ поспѣшеніи резолюціями—отъ нихъ зависитъ розвясь, успешное или медленное окончанія, шкловскаго дѣла, которое объясняясь чистосердечно, изъ дали мнѣ представилось гораздо большой важности, чемъ на местѣ въ самой вещи нахожу, но по запутонности и неполности бывшаго слѣдствія, по неясности и смѣси правъ, на которыхъ та и другая сторона утверждаются, много я долженъ буду употребить труда и времени, чтобы представить его въ совершенной ясности. Нѣкоторыя случаи я думаю, а паче касательно привильлегій, долженъ будетъ рѣшить Правительствующій Сенатъ или высочайшая власть. Но дѣло долженствуетъ итьти своимъ порядкомъ. Тогда изволитѣ увидѣть; а теперь донесу, что я мѣжду тѣмъ, какъ евреи дѣлаютъ возраженіи свои, па отвѣты Господина Зорича былъ на сихъ дняхъ въ Мстиславскомъ повѣтѣ, въ имѣніи Графа Полье въ фольваркѣ Березетнѣ и по волѣ Государя Императора о бывшемъ тамъ безпорядкѣ, что собранъ былъ народъ и прибитъ, нижній земскій Судъ изыскивалъ истинну, о которой по собраніи

нужныхъ справокъ не умедлю прислать мои рапорты Государю Императору и Правительствующему Сенату. Здѣсь прилагаю я на благоусмотреніе вашего высокопревосходительства копію съ письма отставнаго маіора Августа Лѣвковича каковую нынѣ же препроводилъ и Государю Императору. Оно совсемъ не принадлежитъ до высочайше порученныхъ мнѣ коммиссій, и я по содержанію онаго ничего не сдѣлалъ; но по долгу присяги и уваженію описанныхъ въ немъ предмѣтовъ, а особливо относящагося до общей пользы, немогъ я не довесть сего письма до высочайшаго свѣдѣнія,— подлинное дурно написано—хранится у меня, которое ежели приказано будетъ доставлю.

Пребываю съ особливымъ высокопочитаніемъ и истинною предапностію.

вашего высокопревосходительства
Милостиваго Государя!
всепокорнѣйшій слуга
Подписано: *Гавріилъ Державинъ.*

№ 55. Іюля 28 дня 1799 года. Шкловъ.

Собственноручная приписка:

Р. S. Я не разсудилъ формальнымъ рапортомъ донести Государю Императору о письмѣ Левковича, яко о побочномъ и до моихъ коммиссій не относящемся дѣлѣ; но обыкновеннымъ письмомъ. Въ случаѣ неблагопріятнаго принятія прошу защенія Вашего Высокопревосходительства.

Помѣта.

Августа 7 дня 1799 г.

Копія письма тайному совѣтнику сенатору и кавалеру Державину, писаннаго отставнымъ маіоромъ Августомъ Левковичемъ Невельскаго Повѣта изъ деревни Миленокъ отъ 18-го Іюля 1799 года.

Всякому не безъизвѣстно, что вашему высокопревосходительству препоручено отъ Его Императорскаго Величества по Бѣлорусской губерніи узнавъ истинну, нѣкоторые исправить непорядки. По поводу чего возимелъ я смѣлость прибегнуть съ моею просьбою къ вашему высокопревосходительству съ тѣмъ, дабы по важности оной и данной вамъ власти, или изслѣдовать или куда принадлежитъ представить по вашему разсужденію соизволили; не влечетъ меня къ сему ни подлая корысть, ни гнусная злоба и ненависть, но заставляетъ сіе чинить единственно ревность къ службѣ Его Императорскаго Величества и общая польза. Въ 1785-мъ или 6-мъ году покойный Графъ Гильзенъ воевода Мсти-

славскій такъ называемый, окончивъ жизнь въ чужихъ краяхъ, по духовной совершенной въ Римѣ, или въ Вѣнѣ, учинилъ по себѣ наслѣдниками имѣній своихъ Бѣлорусскихъ Господъ Шадурскихъ, съ тѣмъ, дабы Шадурскіе изъ доходовъ сихъ имѣніевъ, содержали на пособіе корпуса для воспитанія сто человѣкъ Благородныхъ дѣтей. По смерти старой Графини Гильзеновой матери помянутаго воеводы Гильзена, не извѣстно какимъ правомъ содѣлался опекуномъ нынѣшняго молодаго Графа Гильзена и его имѣніевъ до двадцати тысячь душъ, кромѣ большихъ капиталовъ Графъ Платеръ. Въ 1797 году будьто подъ видомъ проиграннаго процесу уступилъ изъ имѣніевъ Гильзеновыхъ семь тысячь душъ и мѣстечко Освеи, удобнѣйшее къ заведенію корпуса въ Себежскомъ Повѣтѣ Г-ну Шадурскому, а для исполненія по духовной вышеозначенной Шадурскій, чрезъ сіи три года, набралъ только до тридцати человѣкъ школьниковъ въ Полоцкѣ на его коштѣ содержащихся и обучающихся у езуитовъ Латинскаго языка и Богослуженія, и ни мало не помышляетъ Г-нъ Шадурскій какъ должны толь великодушныя покойнаго Гильзена намѣренія въ совершенство быть приведены. Что же Графа Платера то онъ по кончинѣ Графини Гильзеновой овладѣлъ ея внукомъ молодымъ Гильзеномъ, его волѣю и обширными его имѣніями подъ видомъ дальняго родства и подъ видомъ полуумія содержитъ у себя, 26-ти лѣтняго сего недоросля, женилъ на своей племянницѣ конечно не по воли молодаго Гильзена, никому не даетъ отчета и въ своей опекѣ и утверждаетъ, что самъ Гильзенъ избралъ его своимъ опекуномъ. Ни кто однакожъ обходясь съ полуумными а особливо богатыми лутше не исправляетъ своей должности какъ Графъ Платеръ: ибо онъ иногда документы самъ подписываетъ, а иногда заставляетъ полуумнаго своего недоросля— ваше высокопревосходительство проститѣ меня въ моихъ речахъ: Я не имѣю нужды яко партикулярная особа, ни плакать о богатыхъ сумашедшихъ, ни жаловаться на сіятельную бѣдность, публика симъ не теряетъ и мнѣ нѣтъ нужды кто ково обманываетъ, поздравить только желаю нынѣшнихъ Господъ съ ума сшедшихъ что онѣ уже имѣютъ право избирать себѣ опекуновъ, ибо людямъ здраваго разсудка и совершенныхъ лѣтъ по праву опекуны не нужны, желалъ бы я только чтобъ ихъ опекуны давали отчетъ изъ своей опеки. и чтобъ Правленіе само старалось за полуумными яко безмолвными. — Прибегаю къ вашему высокопре-

восходительству приметѣ на себя трудъ разрушить оковы Платера и Шадурскаго, возложенные на имѣніе Гильзена, заставтѣ Г-на Шадурскаго оказать публикѣ духовную Гильзена толь полезную Государству — дабы возблагодарили всего дашними похвалами, высокомѣрнымъ дѣяніямъ достойной памяти мужа. — Защититѣ благородныя намѣренія покойнаго Гильзена, въ учрежденіи Освейскаго кадетскаго корпуса. Ошибся Графъ Гильзенъ въ выборѣ на сіе дѣло Г-на Шадурскаго, но вы вы! дайтѣ оному корпусу истиннаго отца Милосерднаго Нашего Императора по вашему представленію, дабы изъ онаго Монарху знающіе и храбрые воины, а Государству защитники завсегда выходили. — Да пребудетъ Освей, и въ немъ домъ Гильзеновъ не мѣстомъ роскоши и баловъ для Шадурскаго но вѣчнымъ мѣстомъ Императорскаго Кадетскаго корпуса въ полномъ своемъ числѣ, въ которомъ не латинскаго языка и притворной набожности изучаться будутъ, но Математическимъ наукамъ и воинскому Уставу освященнымъ перомъ Благотворительнаго Императора къ добру чадъ своихъ изданному.

IV.

Г. Р. Державинъ—А. А. Беклешеву.

Милостивый Государь

Александръ Андреевичъ!

Въ слѣдствіе изображеннаго въ письмѣ вашего высокопревосходительства отъ 8-го числа сего мѣсяца Имяннаго высочайшаго повелѣнія, не оставлю я вступившимъ ко мнѣ бумагамъ (которыя остались у меня за отсылкою въ Губернское Правленіе) и производству оныхъ, здѣлавъ надлежащую опись, препроводить оныя чрезъ почту при моемъ рапортѣ въ Правительствующій Сенатъ, и самъ потомъ явлюся немедлѣнно въ Санктпетербургъ. — Пребываю въ прочемъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію

вашего высокопревосходительства
Милостиваго Государя
Подписано: всепокорнѣйшій слуга
Гавріилъ Державинъ.

№ 87. Августа 19 дня 1799 года. Шкловъ.

Помѣта:
29 августа 1799 г.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

Процессъ братьевъ Пушкиныхъ и вице-президента мануфактуръ-коллегіи Сукина о подделкѣ екатерининскихъ ассигнацій.

(Изъ старыхъ сенатскихъ дѣлъ [1])

I.

ИНАНСОВЫЯ затрудненія, вызванныя объявленіемъ первой турецкой войны, вынудили императрицу Екатерину II прибѣгнуть къ выпуску ассигнацій, назначеніе которыхъ заключалось въ замѣнѣ прямыхъ долговыхъ обязательствъ государства безпроцентными билетами бумажныхъ денегъ.

Впервые подобную финансовую мѣру у насъ рѣшено было осуществить въ цѣляхъ „скораго полученія денегъ" еще въ царствованіе Петра III, въ виду предполагавшейся войны съ Даніей. Указомъ Сенату 25 мая 1762 г. было повелѣно надѣлать какъ можно скорѣе банковыхъ билетовъ на 5 милл. рублей, 10, 50, 100, 500 и 1000-рублеваго достоинства. „По надѣланіи вдругъ сихъ 5 милліоновъ они должны были получить распредѣленіе по такимъ казеннымъ учрежденіямъ, откуда наибольшая выдача денегъ бываетъ съ тѣмъ, дабы оныя употребляли ихъ въ расходъ, какъ самыя наличныя деньги".

Эта чисто финансовая мѣра въ глазахъ народа была замаскирована выраженнымъ желаніемъ при помощи бумажныхъ билетовъ облегчить обращеніе стѣснительныхъ мѣдныхъ денегъ. Новое орудіе обмѣна въ этомъ отношеніи именовалось въ указѣ лучшимъ извѣданнымъ въ Европѣ средствомъ, при чемъ подчеркивалось, что „существенная онаго польза только тогда усмотрѣна и почувствована будетъ", когда войдетъ въ силу „знатный государственный банкъ" [2]).

Однако, вслѣдствіе политическихъ перемѣнъ, съ паденіемъ Петра III, предпріятіе не было приведено въ исполненіе, и только въ слѣдующее царствованіе правительство обнародовало мани-

---

[1]) По подлиннымъ документамъ Архива М. Ю. и др. источникамъ.
[2]) Полное Собраніе законовъ т. XV. № 11550.

фестъ 29 декабря 1768 г. объ учрежденіи въ Петербургѣ и Москвѣ государственныхъ банковъ для вымѣна ассигнацій. Истинное назначеніе бумажныхъ денегъ было замаскировано и въ данномъ случаѣ. Въ манифестѣ по этому поводу говорилось: „Удостовѣрились мы, что тягость мѣдной монеты, одобряющая ея собственную цѣну, отягощаетъ ея жъ и обращеніе, во-вторыхъ, что дальній перевозъ всякой монеты неудобствамъ подверженъ" [1]).

Бумажки предписано было изготовить 25, 50, 75 и 100 рублеваго достоинства.

Замѣна мѣдныхъ ходячихъ денегъ того времени вначалѣ была встрѣчена обществомъ сочувственно, но въ короткій срокъ обнаружились и разныя отрицательныя стороны бумажнаго обращенія. Между прочимъ дала себя знать и доступность легкой поддѣлки тогдашнихъ грубыхъ по исполненію ассигнацій. Ужѐ въ іюнѣ 1771 г. графъ Н. П. Панинъ получилъ отъ императрицы тревожную записку, которая гласила: „Графъ Никита Ивановичъ, извольте обще съ генералъ-прокуроромъ и графомъ Шуваловымъ (Андреемъ Петровичемъ, директоромъ ассигнаціоннаго банка) входить во всѣ подробности того приключенія, которое сегодня сдѣлалось въ банкѣ государственныхъ ассигнацій въ разсужденіи двадцатипятирублевыхъ бумагъ, кои передѣланы въ семидесятипятирублевыя, и что окажется, о томъ вы мнѣ дадите знать; также положите на мѣрѣ, какъ найскорѣе можно будетъ упредить, чтобы банковый кредитъ фальшивыми ассигнаціями не былъ поврежденъ" [2]). На слѣдующій день императрица писала тому же Панину: „Писалъ ко мнѣ графъ Шуваловъ, что воры его сысканы и признались; только не пишетъ, у нихъ сысканы ли готовые еще цедели, и только глухо пишетъ, что они до пяти тысячъ рублей выиграли, или 90 нумеровъ испакостили своимъ манеромъ" [3]).

Случай съ передѣлкой двадцати пяти рублевыхъ въ семи десяти пяти рублевыя ассигнаціи однако оказался только предвозвѣстникомъ болѣе серьезнаго по размѣрамъ замысла подрыва ассигнаціоннымъ операціямъ, при чемъ, на этотъ разъ, злоумышленниками явились трое русскихъ дворянъ, изъ которыхъ двое занимали видныя должности въ центральной администраціи; эти дворяне были: отставной капитанъ Сергѣй Алексѣевичъ и коллежскій совѣтникъ Михаилъ Алексѣевичъ Пушкины и вице-президентъ Мануфактуръ-Коллегіи Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ. Михаилъ Пушкинъ въ той же коллегіи служилъ совѣтникомъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ Сергѣемъ доводился предкомъ великому русскому поэту [4]).

Обстоятельства печальнаго происшествія съ Пушкиными заключались въ слѣдующемъ. Съ 1766 г. въ Москвѣ проживалъ нѣкій французъ Луя Барро Бротаръ. Это былъ типъ иноземца-авантюриста, которыми наводнялась тогдашняя Россія. У себя на ро-

---

[1]) Полн. Собр. т. XVIII № 13219.
[2]) Сборникъ Рус. Истор. Общества, т. 13, стр. 116.
[3]) Тамъ же, стр. 117.
[4]) Пушкинскій Сборникъ, стр. 662.

динѣ Бротаръ нѣкогда былъ священникомъ католической церкви, но, тяготясь рясой, сложилъ съ себя священство и поѣхалъ въ великую сѣверную державу поискать счастья. Въ эту эпоху иностранцамъ въ Россіи везло; вообще екатерининскій вѣкъ въ отношеніи внезапнаго возвышенія любимцевъ фортуны всякаго рода явился какъ бы продолженіемъ предшествовавшихъ царствованій. «Припадочные люди», по выраженію Н. Панина, иноземцы и русскіе внезапно поднимались изъ толпы и безвѣстности и часто также внезапно опять пропадали въ массѣ. Путемъ общественной неурядицы добывались крупныя состоянія, и обладатели ихъ спокойно занимали высокія служебныя положенія, заставляя менѣе счастливыхъ почтительно уступать имъ первенство и дорогу.

Бротару счастье почему-то не улыбнулось. Бывшій священникъ въ Россіи принужденъ былъ нести не очень почетныя, по понятіямъ того времени, обязанности домашняго учителя въ разныхъ дворянскихъ семьяхъ. Здѣсь-то случай его свелъ съ братьями Пушкиными, которые, по примѣру большинства дворянъ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, не страдая избыткомъ средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ жаждали возможности роскошной жизни, многимъ очень легко дававшейся. Французъ и русскіе оказались элементами подходящими другъ другу. Бротаръ далъ понять Пушкинымъ, что имѣются благопріятныя условія, которыми нужно умѣть только воспользоваться для того, чтобы въ оскудѣвшіе карманы предпріимчивыхъ людей полились золотыя рѣки. Братья заинтересовались. Планъ обогащенія въ настоящемъ требовалъ, правда, единовременныхъ предварительныхъ обширныхъ затратъ, но за то въ будущемъ обѣщалъ несомнѣнныя выгоды. Этотъ планъ заключался въ поддѣлкѣ и выпускѣ новыхъ банковыхъ ассигнацій на сумму въ триста тысячъ рублей.

Успѣхъ предпріятія долженъ былъ быть обезпеченъ изготовленіемъ всѣхъ необходимыхъ средствъ не въ Россіи, а за границей. Тамъ же предполагалось и напечатать ассигнаціи. Для отклоненія всякихъ подозрѣній Бротаръ предлагалъ научить Сергѣя Пушкина копировать черезъ стекло надписи сенаторовъ на банковыхъ билетахъ. Было такимъ образомъ проектировано привезти ассигнаціи въ Россію уже готовыми, помѣстивъ ихъ въ пространствѣ между деревяннымъ кузовомъ нарочно приспособленной къ тому дорожной коляски и ея обивкой, а кромѣ того часть ихъ выслать на имя Сукина въ музыкальномъ инструментѣ.

Пушкины приняли предложеніе Бротара,—но, видя значительное количество предстоявшихъ затратъ, склонили въ сообщество еще и четвертое лицо, сослуживца Михаила Пушкина, вице-предсѣдателя Мануфактуръ-Коллегіи, Ѳедора Сукина. Этотъ сообщникъ по своему служебному положенію могъ быть крайне полезенъ преступленію при вымѣнѣ поддѣльныхъ ассигнацій на настоящія. Подобную финансовую операцію предполагалось производить прежде всего въ Мануфактуръ-Коллегіи, затѣмъ при покупкѣ и отпускѣ товаровъ за границу и при переводѣ поддѣльныхъ денегъ въ чужія государства при помощи векселей. Сообщники разсчитывали, что имъ удастся впослѣдствіи найти спеціальныхъ агентовъ и для распространенія привезенныхъ ассигнацій въ народѣ.

Всѣ эти переговоры съ Бротаромъ и Сукинымъ происходили въ сентябрѣ 1770 года. Бротаръ, между тѣмъ, на дѣлѣ доказалъ, что онъ способенъ быть дѣятельнымъ помощникомъ въ задуманномъ дѣлѣ. Онъ въ видѣ опыта удачно скопировалъ подписи на одной изъ ассигнацій, а за границей обѣщалъ все исполненіе дѣла взять на себя. Какъ осторожный человѣкъ, и за чертой Россіи онъ проектировалъ приготовить бумагу, штемпели въ разныхъ городахъ во избѣжаніе лишнихъ толковъ и пересудовъ.

Пушкины съ Сукинымъ были увлечены. Они условились о дѣлежѣ барышей и уже мечтали о томъ употребленіи, какое они дадутъ легко пріобрѣтеннымъ богатствамъ. По разсчетамъ, за вычетомъ расходовъ,—«издержекъ производства», на каждаго участника приходилось болѣе, чѣмъ по пятидесяти тысячъ рублей—сумма значительная по тѣмъ временамъ, если принять при томъ въ разсчетъ, что у Сукина и Пушкиныхъ было кой-какое свое состояніе.

Сообщники-русскіе предполагали отпроситься для поправленія здоровья за границу, а затѣмъ перебраться въ Швейцарію, пріобрѣсти тамъ недвижимую собственность и зажить на привольи свободными рантьерами. На случай, если бы преступленіе не раскрылось по прошествіи многихъ лѣтъ, поддѣлыватели разсчитывали вернуться домой и тамъ продолжать наслаждаться обезпеченнымъ существованіемъ.

Окончательно сговорившись, сообщники условились, чтобы для исполненія задуманнаго плана за границу отправился Сергѣй Пушкинъ съ Бротаромъ. По разстроенному здоровью Пушкинъ долженъ былъ проситься на воды въ Спа, Бротаръ же прямо требовалъ свой паспортъ для возвращенія на родину. Рѣшено было также, что во избѣжаніе подозрѣній, въ случаѣ успѣшности хода дѣйствій по исполненію задуманнаго плана, Михаилъ Пушкинъ распространитъ дома слухи о томъ, что брату его за границей везетъ въ игрѣ, или что онъ женится на богатой вдовѣ. Такимъ образомъ все было предусмотрѣно, взвѣшено, обсуждено. Оставалось только ждать благопріятнаго окончанія предпріятія.

II.

Въ іюнѣ 1771 г. Бротаръ и Пушкинъ выѣхали изъ Москвы. Добравшись до Риги, они условились далѣе двигаться порознь. Сборнымъ пунктомъ встрѣчи назначена была Голландія, именно Амстердамъ. Но Пушкинъ долженъ былъ добраться туда сухимъ путемъ, а французъ водою. Пушкина въ Ригѣ опять задержали непредвидѣнныя обстоятельства. Лифляндскій генералъ-губернаторъ не пропускалъ Пушкина за границу безъ паспорта, и только черезъ нѣсколько недѣль послѣ полученія увѣдомленія, что Пушкину Высочайше разрѣшено ѣхать безъ паспорта, путешественника выпустили изъ Риги. Доставившись въ октябрѣ въ Амстердамъ, Пушкинъ нашелъ тамъ Бротара, который, не теряя времени, уже успѣлъ кое-что подготовить для осуществленія задуманнаго плана. Онъ вошелъ въ сношеніе съ нѣкимъ евреемъ, уроженцемъ

Меца, Іосифомъ Леви Больвейлерсомъ и его сыномъ, а тѣ указали ему на еврея же рѣзщика-гравера, обѣщавшаго изготовить необходимые штемпеля и для набора и виньетокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бротаръ въ деревнѣ Зандикъ около Саардама нашелъ голландца Генриха Кака, который взялся по доставленнымъ ему образцамъ приготовить формы для бумаги ассигнацій. Разыскалъ этого голландца Бротаръ вмѣстѣ съ Больвейлерсомъ. Вначалѣ съ заказомъ своимъ они ѣздили въ городокъ Віанъ, гдѣ было много бумажныхъ мельницъ, но віанскіе фабриканты уклонились отъ предложенія и указали на Зандикъ.

Генрихъ Какъ за десять червонцевъ обѣщалъ сдѣлать въ теченіе трехъ недѣль точныя двѣ формы для заказанной бумаги. Въ качествѣ образца ему дали двѣ привезенныя ассигнаціи, но съ вырѣзанной серединой. Это обстоятельство навело Кака на подозрѣнія. Нѣсколько дней спустя онъ пришелъ къ Бротару и заявилъ, что взялся за дѣло такъ охотно потому, что не придавалъ ему особеннаго значенія, но теперь, увидѣвъ на краяхъ данной бумаги какіе-то загадочные знаки, не похожіе на латинскія буквы, полагаетъ, что тутъ скрывается нѣчто достаточно серьезное, а потому просилъ о прибавкѣ платы за работу. На прибавку Пушкинъ и Бротаръ согласились, но хитрый голландецъ не унялся и выговорилъ себѣ еще дальнѣйшую доплату. Наконецъ, Какъ принесъ одну форму. Бротаръ замѣтилъ въ ней нѣкоторые недостатки и указалъ мастеру. Какъ обѣщалъ усовершенствовать приготовленную форму. Бротаръ попросилъ вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшить приготовленіемъ второй.

По уговору голландецъ обязанъ былъ только доставить формы, а бумагу по нимъ заказчики имѣли право пріобрѣсти, у кого имъ заблагоразсудится. Но Какъ, догадавшись о скрываемой тайнѣ, вопреки условію, заявилъ, что приготовленныхъ формъ онъ ни въ какомъ случаѣ не отдастъ, а если Бротаръ желаетъ, то можетъ поручить заказъ и на бумагу ему же, но съ новымъ условіемъ поставки ея не менѣе какъ въ количествѣ восьми тысячъ листовъ, каждый цѣною по два голландскихъ штивера, т. е. всего за восемьсотъ гульденовъ. Голландецъ прямо заявилъ, что по обстоятельствамъ дѣла онъ видитъ здѣсь какое-то предпріятіе, отъ котораго нужно дожидать большой барышъ. Поэтому со своей стороны онъ вовсе не хочетъ быть слѣпымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, а желаетъ получить свою долю въ прибыли. Голландецъ не преминулъ при томъ замѣтить, что въ случаѣ, если Бротаръ на его предложеніе не согласится, онъ снесетъ обѣ формы въ ратушу и отъ того не только можетъ рухнуть все предпріятіе, но и заказчикамъ послѣдуютъ разныя иныя непріятности.

Сообщники задумались. Между тѣмъ Больвейлерсъ пріискалъ еврея-рѣзчика, которому Бротаръ сообщилъ, что ему нужно отлить особыя буквы для печатанія. Рѣзчикъ замѣтилъ на это, что, въ виду особенности буквъ, врядъ-ли ихъ удастся отлить, какъ слѣдуетъ, но, кромѣ того, кропотливая отливка потребуетъ много времени; онъ же предлагалъ вырѣзать на мѣди слова, такъ, что ихъ можно будетъ отпечатывать дома безъ всякаго шума или стука,

Въ образецъ своей работы еврей вырѣзалъ одно слово очень удачно и тѣмъ вполнѣ убѣдилъ сообщниковъ въ преимуществахъ имъ предложеннаго способа.

Съ рѣзчикомъ дѣло, такимъ образомъ, сладилось, но съ бумажнымъ мастеромъ осложнялось. Послѣ долгихъ размышленій Пушкинъ и Бротаръ пришли къ убѣжденію въ необходимости согласиться на предложенныя условія, но средствъ удовлетворить голландца сразу у нихъ не хватало. Было рѣшено, что Пушкинъ съѣздитъ обратно въ Россію и изъ Москвы пришлетъ французу тысячу рублей. Бротаръ же, надѣлавъ ассигнацій, начинитъ ими коляску и въ свою очередь черезъ Либаву и Ригу доставится въ Москву. Мастеръ согласится ждать денегъ, но заявилъ, что до полученія половины выговоренной суммы за работу приниматься не станетъ. На томъ порѣшили.

Пушкинъ, захвативъ съ собой сдѣланные рѣзчикомъ штемпеля и печатныя доски, отправился обратно въ Россію. Онъ благополучно добрался до русской границы, пріѣхалъ въ Ригу и, оставивъ тамъ экипажъ, намѣревался налегкѣ ѣхать оттуда черезъ Псковъ въ Москву, но въ Нейгаузенѣ былъ арестованъ. Его остановили, подъ предлогомъ дезинфекціоннаго окуриванья, обыскали и нашли ассигнаціонные штемпеля и печатныя доски.

„О, другъ мой, по-французски писалъ Сергѣй Пушкинъ брату изъ-подъ ареста въ Нейгаузенѣ, какое несчастіе! Я взятъ по дорогѣ и задержанъ. Посланъ курьеръ въ Ригу за приказаніемъ, въ какую тюрьму перевести меня. Когда я пріѣхалъ, стали разбирать мои сани (письмо помѣчено февралемъ 1772 г.) и нашли штемпель и литеры, которые тотчасъ признали годными для дѣланія ассигнацій. И вотъ я арестованъ. Придумываю, какъ бы бѣжать, но мало похоже, чтобъ я нашелъ къ тому средство. Не знаю, какъ теперь быть. Спаси меня, если можешь. Ради Бога, будь отцомъ моихъ дѣтей и окажи покровительство Аграфенѣ,—теперь я признаюсь тебѣ, можетъ быть, насталъ мой послѣдній часъ, я люблю ее превыше всякаго выраженія. Подумайка-ка, мой другъ, откуда мнѣ это несчастье? Кабы можно было, по крайней мѣрѣ, добиться, чтобы меня судили въ Москвѣ и сослали въ мои вотчины. Но нѣтъ, я буду опозоренъ! Небо! Я умираю. Можетъ быть, въ другой разъ мнѣ нельзя будетъ и писать къ тебѣ. Разузнай о моей участи въ Ригѣ. Если, паче чаянья, убѣгу, напишу тебѣ и адресую письмо на имя г. Наумова, исковеркаю почеркъ, и ты смѣло распечатывай, если на немъ будетъ крестъ. Бумагъ у меня не нашли. Отчего было не прислать мнѣ слугу. Несчастія бы тогда не случилось“...

Сергѣй Пушкинъ надѣялся на свои связи въ Москвѣ, вѣрилъ въ возможность легко отдѣлаться въ данномъ случаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ объяснить себѣ своего ареста иначе, какъ случайностью, и посылалъ вѣсть брату въ полной увѣренности, что между ними нѣтъ третьяго лица. Но въ этомъ онъ глубоко ошибался. Еще во время пребыванія его за границей государынѣ стало извѣстно кое-что относительно преступныхъ намѣреній отсутствовавшаго, и еще 5 февраля 1772 г. она писала почтъ-дирек-

тору Эку: „прикажите раскрыть всѣ письмы, и найпаче тѣ, кои въ чужіе края пишетъ Михайло Пушкинъ и кои онъ получаетъ отъ своего безпутнаго брата Сергѣя Пушкина, который поѣхалъ лѣтось въ чужіе края. Есть подозрѣнія, можетъ быть неосновательныя, будто сіи оба молодца упражняются въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій: если чего ни на-есть найдете, сей слухъ подтверждающаго, пришлите ко мнѣ и держите все сіе въ молчаніи".

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ февраля генералъ-губернатору Брауну въ пограничныхъ губерніяхъ Высочайше секретно было повелѣно слѣдить за возвращеніемъ Сергѣя Пушкина изъ-за границы и подъ видомъ контрабанды тщательно осмотрѣть его экипажъ и всѣ вещи. Письмо, написанное Пушкинымъ изъ Нейгаузена къ брату, немедленно было доставлено императрицѣ, которая по этому поводу писала князю М. Н. Волконскому: „сіе письмо... Сергѣй Пушкинъ послалъ знатно изъ-подъ ареста изъ Нейгаузена въ Псковъ по нарочной штафетѣ, дабы оттудова оно найскорѣе отправлено было къ брату его на Москвѣ. Изъ онаго увидите, что у Сергѣя Пушкина дѣйствительно найдены ассигнаціонные штемпели и литеры, что онъ ищетъ уйти, чего однако съ невинностью никто не вздумаетъ, и что онъ къ брату пишетъ, что у него, Сергѣя, не найдены бумаги; что, кажется, довольно доказываетъ, что и Михайло Пушкинъ о семъ не безызвѣстенъ—братъ винный этакъ къ невинному писать не можетъ" [1]). Задержаннаго Пушкина взялъ полковникъ гвардіи Ушаковъ и доставилъ его въ Петропавловловскую крѣпость [2]).

Михаилъ Пушкинъ также былъ арестованъ, на свободѣ остались: въ Россіи Сукинъ и за границей Бротаръ.

Для слѣдствія надъ Пушкиными была назначена коммисcія изъ трехъ членовъ: вице-президента Главнаго Магистрата графа Толстаго, Совѣтника Канцеляріи Опекунства иностранныхъ Сухарева и Юстицъ конторы Надворнаго Совѣтника Пущина.

Такимъ образомъ планъ быстраго обогащенія рушился, увлекая за собою въ пропасть двухъ его составителей. Но возникаетъ вопросъ, какъ же могло это случиться? Какимъ путемъ императрица оказалась освѣдомленной о преступномъ замыслѣ, хотя со стороны злоумышленниковъ были приняты, повидимому, всѣ мѣры предосторожности, и тайна не должна была выходить за предѣлы тѣснаго круга четырехъ соучастниковъ? Недоумѣніе, однако, разрѣшалось очень легко. Тайну выдалъ одинъ изъ сообщниковъ—Сукинъ.

По отъѣздѣ Сергѣя Пушкина съ Бротаромъ въ Голландію, Сукинымъ овладилъ страхъ и опасеніе. Съ одной стороны наравнѣ съ прочими онъ жаждалъ легкаго обогащенія, а съ другой его начала мучить боязнь возможной отвѣтственности въ случаѣ раскрытія преступленія. Долгое время Сукинъ колебался въ нерѣшимости. Наконецъ, чтобы обезопасить себя отъ всякихъ случайностей, онъ рѣшилъ донести на Пушкина частнымъ образомъ А. П.

---

[1]) Бартеневъ, «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 95—96.
[2]) Ibid., стр. 456.

Мельгунову и Д. В. Волкову. Сукинъ разсчитывалъ, что такимъ путемъ онъ не только отвратитъ отъ себя возможное обвиненіе въ преступленіи, но и избѣгнетъ позорнаго имени доносчика. Передъ отъѣздомъ Мельгунова изъ Москвы, къ нему явился Сукинъ и въ темныхъ, сбивчивыхъ выраженіяхъ сталъ намекать на то, что у него имѣются основанія подозрѣвать Пушкиныхъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сукинъ просилъ не думать, что онъ утверждаетъ несомнѣнность факта. На всякій случай онъ старался обезопасить себя со стороны нареканій въ клеветничествѣ, если Пушкинымъ удастся вывернуться.

Не довольствуясь сообщеніемъ о своихъ якобы подозрѣніяхъ Мельгунову, Сукинъ то же самое повторилъ Волкову, которому кромѣ того предложилъ свои услуги по наблюденію за преступниками. Все это было доведено до свѣдѣнія императрицы, которая и приняла съ своей стороны всѣ мѣры предупрежденія. Но косвенный доносъ помогъ Сукину только отчасти. Императрица осудила его пріемы доносительства.

25 марта 1772 г. Екатерина Великая писала Волконскому: „что касается до Сукина, то если онъ не виноватъ, то надлежитъ признаться, что ничего глупѣе быть не можетъ, какъ онъ поступалъ въ семъ дѣлѣ: ибо я Мельгунова спрашивала, какимъ образомъ онъ съ нимъ говорилъ о подозрѣніи, кое онъ показывалъ на Пушкиныхъ, и Мельгуновъ ничего отъ него не слыхалъ, какъ только то, что онъ, Сукинъ, Пушкиныхъ подозрѣваетъ, а о томъ не упоминалъ ему никогда, что они отъ него ничего не скрывали и что онъ обо всемъ ихъ предпріятіи отъ нихъ самихъ зналъ“ [1]).

Сергѣй Пушкинъ на допросѣ, не долго упираясь, указалъ на Сукина, какъ на единомышленника. По этому поводу императрица приказала оказать содѣйствіе петербургскому Второму Департаменту Сената, потребовавшему у московскихъ департаментовъ арестованія Сукина. Вице-президентъ Мануфактуръ-Коллегіи былъ отданъ подъ слѣдствіе и судъ по обвиненію въ соучастіи въ поддѣлкѣ государственныхъ ассигнацій. Императрица по этому случаю писала Волконскому: „Еслибъ онъ и участникъ былъ да въ раскаяніе пришелъ, то все-таки онъ глупо затѣялъ доносить такимъ порядкомъ. Онъ бы кому ни на есть на-чисто безъ обиняковъ исповѣдался, и я бы, конечно, его имя скрыла, а теперь онъ до того допустилъ, что на него сказываютъ виноватые, и отъ правительства его имя скрыто—и такъ не понимаю, какъ онъ оправдится“.

Сожалѣя семью неудачнаго доносителя, Екатерина распорядилась выдать его женѣ тысячу рублей и сказать, чтобы она надѣялась на правосудіе и человѣколюбіе монархини.

III.

Дѣло, такимъ образомъ, близилось къ развязкѣ. Слѣдственная коммиссія закончила занятія и представила все дѣло въ Сенатъ

[1]) Бартеневъ, „Осьмнадцатый вѣкъ“. I, стр. 101.

вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ. По общему порядку Сенатъ сперва переслалъ слѣдственное производство въ Юстицъ-Коллегію на заключеніе, а затѣмъ уже производство обѣихъ инстанцій подвергъ личному разсмотрѣнію. На основаніи соотвѣтствовавшихъ статей Уложенія, Воинскаго и Морскаго уставовъ, высшее въ тогдашней Россіи судебное мѣсто приговорило братьевъ Пушкиныхъ и Сукина къ смертной казни, но въ виду елизаветинскаго указа 1754 г. и екатерининскаго 1769 г. замѣнилъ виновнымъ лишеніе жизни лишеніемъ дворянства, съ прибавкою наказанія кнутомъ, вырѣзанія ноздрей, клейменія и ссылки въ работу на Нерчинскіе заводы. Въ частности Сергѣя Пушкина Сенатъ приговорилъ къ 50 ударамъ кнута, Михаила къ 40, и Сукина, во вниманіе къ его хотя и уклончивому, но все-таки доносу, обнаружившему преступленіе, къ 20 ударамъ.

Этотъ приговоръ, какъ касавшійся дворянъ, былъ представленъ на благоусмотрѣніе императрицы, которая, смягчивъ суровость сенатскаго рѣшенія 25 октября 1772 г., повелѣла Сергѣя Пушкина, какъ наиболѣе дѣятельнаго участника преступнаго сообщества, лишить чиновъ, дворянства, возвести на эшафотъ, переломить надъ головой шпагу, и заклеймивъ буквой В (воръ), заключить навсегда въ крѣпость; Михаила Пушкина, какъ втораго виднаго сообщника, лишивъ чиновъ и дворянства—сослать въ дальнія сибирскія мѣста; Сукина же, душевныя колебанія котораго способствовали раскрытію преступнаго замысла, лишивъ только чиновъ, сослать въ Оренбургскую губернію.

Пока разыгрывался въ Россіи третій актъ разсказанной драмы и русскіе поддѣлыватели государственныхъ ассигнацій винились передъ слѣдственной коммиссіей въ своихъ винахъ, Бротаръ продолжалъ на свободѣ пребывать за границей. Постановляя свой приговоръ о Пушкиныхъ и Сукинѣ, Сенатъ не упустилъ случая представить императрицѣ о возможныхъ вредныхъ послѣдствіяхъ пребыванія француза, вооруженнаго всѣми орудіями для поддѣлки денегъ, на свободѣ да еще и въ чужихъ краяхъ.

Екатерина приняла свои мѣры. При помощи русскаго министра въ Голландіи Бротаръ въ іюнѣ мѣсяцѣ того же 1772 г. былъ задержанъ и доставленъ въ Россію, а Сенатъ получилъ предписаніе постановить приговоръ также и относительно этого четвертаго сообщника. На допросахъ Бротаръ не запирался. Наоборотъ, Пушкины почему-то выказывали склонность представить его участіе въ видѣ услугъ наемника. Можетъ быть, имъ было стыдно признаться, что во всемъ дѣлѣ они, почтенные заслуженные люди, были, какъ дѣти, руководимы волей и сообразительностью домашняго учителя-иностранца. Бротаръ же чистосердечно самъ выяснилъ свою роль зачинщика и главнаго интеллектуальнаго виновника во всемъ предпріятіи.

Не смотря на иностранное подданство француза, Сенатъ, руководствуясь Уложеніемъ, все-таки присудилъ Бротара, какъ и его товарищей, къ смертной казни, съ замѣною ея, въ виду указовъ 1754 и 1769 гг., наказаніемъ кнутомъ, клейменіемъ, вырѣзываніемъ ноздрей и ссылкой на Нерчинскіе заводы въ работу.

Напрасно Бротаръ ссылался на свое французское подданство; Сенатъ правильно разсудилъ, что, пріѣхавъ жить въ Россію по своему желанію, онъ тѣмъ самымъ принялъ на себя обязательство повиноваться всѣмъ русскимъ законамъ.

Сергѣй Пушкинъ умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ, Михаилъ—въ Тобольскѣ, гдѣ при жизни занимался, между прочимъ, литературою и сотрудничалъ въ „Иртышѣ, превращающомся въ Ипокрену". За Михаиломъ въ ссылку послѣдовала и его жена, рожденная княжна Наталія Абрамовна Волконская. Императрица не сочла возможнымъ препятствовать желанію жены преступника раздѣлить его участь. Въ октябрѣ 1772 г. она писала Волконскому: „если жена бывшаго Михаила Пушкина станетъ просить дозволенія ѣхать съ нимъ въ ссылку, то въ томъ не вижу препятствія, но многіе есть примѣры, что женамъ таковыхъ безсчастныхъ дозволено было съ ними ѣхать". Объ участи сердечной привязанности Сергѣя Пушкина—Аграфены, о которой онъ такъ кручинился въ письмѣ къ брату изъ Нейгаузена, извѣстій не сохранилось; нужно полагать, что, какъ крѣпостная, она поршла къ законнымъ наслѣдникамъ виновнаго вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ, освобожденнымъ императрицей отъ положенной Сенатомъ конфискаціи.

В. Грибовскій.

156

Какъ возникла газета „Новое Время“

(Страничка изъ исторіи публицистики).

ОВОЕ Время“—столь распространенная, среди публики, газета, что названіе ея постоянно на устахъ многочисленныхъ ея читателей. А читали сегодня „Новое Время“? Я вычиталъ въ „Новомъ Времени“. Ну, въ „Новомъ Времени“ это навѣрное подхватятъ. Любопытно, что объ этомъ появится въ „Новомъ Времени“, по „Новому Времени“ умеръ. Куда несешь объявленіе? Извѣстно, въ „Новое Время“! Такія и имъ подобныя выраженія ежедневно слышатся въ департаментахъ, ресторанахъ, частныхъ квартирахъ и даже на улицахъ, но никто почти не знаетъ, когда и почему возникло „Новое Время“, кѣмъ оно издавалось, кто были эти люди, и по какимъ причинамъ оно достигло настоящаго своего положенія. Отвѣтомъ на все это служитъ нижеслѣдующій поучительный историческій очеркъ.

I.

Литовско-польскій ученый и литераторъ Ад. Карл. Киркоръ[1]) послѣдовательно напечаталъ (съ 1840-хъ г.) множество монографій по Литовскимъ и Бѣлорусскимъ: археологіи, энтографіи, исторіи и статистикѣ, служилъ консерваторомъ Виленскаго музея древностей и съ 1860 по 1866 г. былъ редакторомъ „Виленскаго Вѣстника“. Вотъ онъ-то и былъ основателемъ „Новаго Времени“. Получивъ, 21 октября 1867 г., разрѣшеніе на изданіе, подъ этимъ названіемъ,

[1]) Родился въ Могилевской губерніи въ 1812 г., окончилъ курсъ въ Виленскомъ дворянскомъ институтѣ, а умеръ въ 1886 г.

въ Петербургѣ, газеты, — онъ началъ выпускать ее въ свѣтъ съ 1 января 1868 г., совмѣстно съ Н. Н. Юматовымъ (предъ тѣмъ разошелся съ В. Д. Скарятинымъ по издательству газеты „Вѣсть"). Формально „Новое Время" имѣло программу лишь политической и литературной газеты (выходила 5 разъ въ недѣлю), и въ первыхъ ея нумерахъ ровно ничего не говорилось о томъ, какихъ именно идей она будетъ держаться, но, въ дѣйствительности, живо распространилось, что Киркоръ предпринялъ газету для поддержки сородичей, подвергшихся, послѣ мятежа 1863—1864 г., различнымъ стѣсненіямъ, а равно для умаленія господствовавшаго, внутри Россіи, предубѣжденія противъ поляковъ, почему газету прозвали органомъ польскихъ помѣщиковъ.

Сначала Киркоръ и Юматовъ оба назвались редакторами-издателями, потомъ подписи ихъ подъ газетою многократно мѣнялись; напр. съ № 105 (31 мая) редакторомъ подписывался одинъ Киркоръ, а издателями — оба; съ № 144 (24 іюля) оба печатались издателями, а редакторомъ — одинъ Юматовъ; съ № 336 (2 декабря) остались: Киркоръ — издателемъ, а Юматовъ—редакторомъ и т. д. Для чего производились эти перестановки подписей—никто, разумѣется, не вникалъ и не разбиралъ, но что интересы поляковъ составляли первенствующую задачу газеты — это всѣ поняли по помѣщавшимся въ ней статьямъ; напр. „Обозрѣнію событій въ Царствѣ Польскомъ" (№ 19), „Письмамъ изъ Вильно" (№ 25) и т. п. Впрочемъ, въ редактированіи газеты г. Юматовъ, какъ многимъ было извѣстно, значенія не проявлялъ; всѣ, сотрудничавшіе въ газетѣ, постоянно обращались исключительно къ Киркору, а онъ распоряжался во всемъ совершенно самостоятельно. Онъ былъ уже очень пожилой человѣкъ, средняго роста, гладко выбритый, въ очкахъ, говорилъ сдержанно, плавно и съ достоинствомъ, но манерами и фигурою сильно походилъ на ксендза. Несмотря, однако, на его ученость и популярность среди поляковъ и опытность въ издательствѣ, — старанія его по газетѣ не увѣнчивались успѣхомъ: направленіе ея не привлекало значительнаго контингента подписчиковъ.

Тѣмъ не менѣе Киркоръ, будучи человѣкомъ твердыхъ убѣжденій, — смѣло продолжалъ свою дѣятельность въ предположенномъ направленіи, при чемъ почти годъ умудрялся вести газету такъ политично, что не подвергался никакимъ

нареканіямъ со стороны цензуры, благодаря, преимущественно, предшествовавшимъ своимъ занятіямъ по „Виленскому Вѣстнику", который составлялъ полуоффиціальный органъ, а потому отъ его редактора требовалось умѣніе ладить со всѣми властями, но къ концу года, именно 27 ноября 1868 г. — онъ получилъ уже, за рѣзкую передовую статью въ № 210,—*первое предостереженіе*. Предъ подпискою оно, казалось, должно было увеличить число приверженцевъ газеты въ средѣ тѣхъ, которыхъ она защищала, но далеко не то обнаружилось на самомъ дѣлѣ: обѣднѣніе ли поляковъ отъ возстанія и сопровождавшихъ его конфискаціи и секвестраціи имѣній — однихъ, обложеніе ли обременительнымъ % сборомъ—другихъ, или начинаніе Киркора не удовлетворяло ожиданіямъ — третьихъ, либо всѣ, въ совокупности, поляки, по свойственной имъ подозрительности, — считали Киркора отщепенцемъ отъ отчизны, но фактически они выказывали ему слабую поддержку. Обстоятельство это побудило его слегка умѣрить свои порывы по отношенію къ соплеменникамъ, а расширять предѣлы обще-русскихъ задачъ газеты, но за это онъ подвергался особеннымъ еще нападкамъ со стороны крайнихъ журнальныхъ, какъ русскихъ, такъ и польскихъ партій.

Все это, надо отдать справедливость Киркору, не смущало его, и онъ настойчиво выбивался, при чемъ иногда помѣщалъ непозволительныя статьи и за одну изъ нихъ (фельетонъ въ № 46 1869 г.) его покарали, а 14 марта 1869 г., *вторымъ предостереженіемъ*. Къ 1870 г. Юматовъ совсѣмъ отсталъ отъ Киркора, а онъ завелъ, для извлеченія выгоды, свою типографію, но она, по недостатку у него времени на тщательное наблюденіе за нею,—еще болѣе втягивала его въ долги, а въ дополненіе не благопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ, — 30 декабря 1870 г., запретили розничную продажу газеты.

Тогда Киркоръ сдѣлалъ послѣднюю попытку поправиться, — съ 1 января 1871 г. сталъ выпускать „Новое Время" вмѣсто 5 разъ въ недѣлю — ежедневно и въ увеличенномъ форматѣ листа, да ввелъ въ газету: библіографическій листокъ, недѣльное обозрѣніе газетъ и провинціальную жизнь, за прежнюю же цѣну: городскимъ — 10 р., а иногороднымъ подписчикамъ — 12 рублей въ годъ. Оповѣщая обо всемъ этомъ читателей и оговариваясь, что дѣлаетъ это „не взирая на матеріальныя затрудненія, какія

ему встрѣчались",—онъ предварялъ ихъ, что „по содержанію газеты не отступится отъ усвоенныхъ имъ взглядовъ", ибо „положивъ въ основу программы: полное сочувствіе ко всему, дѣйствительно прогрессивному, гуманному, толерацію религій, отстаиваніе равноправности всѣхъ гражданъ, независимо отъ происхожденія, признаніе за женщинами и низшими слоями всѣхъ правъ, соотвѣтственно духу времени, протестъ противъ невѣжества и произвола"—и дальше будетъ руководствоваться тѣми же принципами.

Затѣмъ, переходя къ обнародованному, 31 декабря 1870 г., Высочайшему указу объ уменьшеніи, на половину, процентнаго сбора съ поляковъ-землевладѣльцевъ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ губерній,—Киркоръ изложилъ, что „польское населеніе западнаго края, въ теченіе 3 лѣтъ ощущавшее лишь гнетъ карающей руки, встрѣтитъ указъ съ чувствомъ признательности", что „въ преданности поляковъ не можетъ быть сомнѣнія, но никто не можетъ отрицать, что въ виду политическихъ событій Европы, преданность эта должна быть основана на болѣе прочныхъ началахъ, въ которыхъ должно выразиться стремленіе правительства къ справедливости и правдѣ", да доказывалъ разорительность, для польскихъ помѣщиковъ, обязательной продажи своихъ имѣній и опасность въ созданіи этимъ способомъ политическаго пролетаріата (4 января 1871 г.).

Приведенная нами прочувствованная тирада Киркора была уже лебединою его пѣснею: 25 января того же года постигло его за передовыя статьи въ №№ 18, 22, 23 и 25 *третье предостереженіе*, съ остановкою газеты на *шесть* мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, убѣдившись въ невозможности далѣе издавать газету, вслѣдствіе строгости закона, равнодушія къ газетѣ той самой публики, ради которой онъ столь энергично и тщетно трудился, и въ конечномъ истощеніи всякихъ средствъ къ дальнѣйшему ея существованію,—онъ выпустилъ, 28 января 1871 г., послѣдній № 27, а, освободившись отъ тяжелой работы, принялся за ликвидацію своего дѣла, ликвидацію, повлекшую за собою объявленіе его несостоятельнымъ должникомъ...

Покончивъ печальное свое петербургское журнальное поприще, онъ, въ 1872 г., съ грустью удалился въ Галицію, а тамъ предался покинутому имъ тихому занятію археологіею и за нимъ скончался...

II.

Ѳедоръ Николаевичъ Устряловъ[1]), внѣ службы, постоянно занимался съ любовію литературою, хорошо зналъ иностранные языки, много переводилъ съ нихъ на русскій, написалъ нѣсколько пьесъ („Слово и дѣло“, „Чужая вина“, „Слабый человѣкъ“, „Скупой“ и др.,); въ 31 годъ былъ столичнымъ участковымъ мировымъ судьею, владѣлъ на Васильевскомъ островѣ прекраснымъ каменнымъ 3-хъ-этажнымъ наслѣдственнымъ домомъ съ флигелями и садомъ при немъ, собственными лошадьми, экипажами и весьма цѣнною отцовскою библіотекою; бывалъ нерѣдко и за границею, гдѣ еще при жизни отца обзавелся почтенными знакомствами.

И вотъ, стремясь, по примѣру своихъ сверстниковъ, принести пользу обществу,—Устряловъ, зная, что новыхъ изданій не допускалось,—пріобрѣлъ отъ конкурснаго управленія по дѣламъ А. К. Киркора (въ декабрѣ 1871 г.) „Новое Время“ и дозволеніе на расширеніе программы отдѣлами: внутреннимъ, хроники, юридическимъ, иностраннымъ, экономическимъ, учено-литературнымъ, фельетоннымъ и дневника, а равно на увеличеніе цѣны до 16 руб. въ годъ, заключилъ условія съ бумажною фабрикою, типографіею, домовладѣльцемъ на квартиры для конторы и редакціи, нанялъ служащихъ и окружилъ себя сотрудниками изъ извѣстныхъ молодыхъ тогда литераторовъ (въ числѣ ихъ были: П. Д. Боборыкинъ, Д. Г. Гирсъ, И. П. Закревскій, Н. Н. Полевой, А. П. Пятковскій, В. В. Чуйко и др.), но сдѣлать его, человѣка образованнаго, состоятельнаго, совершенно скромнаго и къ тому же судью редакторомъ его же газеты—почему-то, къ общему удивленію, не признали удобнымъ. Онъ нашелъ отставнаго статскаго совѣтника Сухомлина, и его утвердили редакторомъ „Новаго Времени“. Сухомлинъ, не имѣвшій прежде ни малѣйшаго касательства къ журналистикѣ, подходилъ къ ней собственно сходствомъ его фамиліи съ бывшимъ уже профессоромъ М. И. Сухомлиновымъ, за котораго

---

[1]) Сынъ профессора, академика, автора „Исторія Петра Великаго,“ кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; съ 1857 г. по 1867 г. служилъ въ казанской оцѣночной коммиссіи для уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, столоначальникомъ и редакторомъ статистики департамента сельскаго хозяйства, чиновникомъ особыхъ порученій главнаго интендантскаго управленія; съ 1869 г. по 1872 г. включительно петербургскимъ участковымъ мировымъ судьею; въ желѣзнодорожной извѣстной коммиссіи графа Э. Т. Баранова и въ Петербургской земской управѣ съ 1875 г. по 1879 г., а умеръ 22 января 1885 г.

неразборчивая публика и приняла его, по недоразумѣнію. Взялся онъ лишь носить званіе редактора и, въ нужныхъ случаяхъ, оффиціально представительствовать за вознагражденіе, составлявшее для него добавочную, къ казенной, пенсію. Оттого онъ, высокій, плотный, сѣдой старикъ, являлся въ редакцію иногда днемъ—только какъ гость, а въ типографію вечерами—обязательно читать, подписывать нумера и билеты въ цензуру. Газету составляли завѣдывавшіе отдѣлами, а Устряловъ просматривалъ наиболѣе серьезныя статьи, давалъ сотрудникамъ темы, да читалъ отвѣтственную редакторскую корректуру, т. е. фактически редактировалъ ее.

По нѣсколькимъ первымъ же нумерамъ почти всѣ существовавшія газеты, а за ними и публика обратили серьезное вниманіе на „Новое Время", хотя въ немъ и не было прямо высказано, какія именно задачи станетъ она преслѣдовать. Короче, недѣли въ двѣ газета заняла, въ журналистикѣ, мѣсто за самыми вліятельными тогда „Петербургскими Вѣдомостями" и „Голосомъ", но съ болѣе яркимъ, противъ нихъ, либеральнымъ оттѣнкомъ. Онъ не помѣшалъ, впрочемъ, разрѣшенію розничной продажи (24 января 1872 г. № 23), находившейся раньше еще, при Киркорѣ, подъ запрещеніемъ. Въ газетѣ появились смѣлыя, по временп, между прочимъ статьи, указывавшія на общія стѣсненія русской печати—сопоставленіемъ ея правъ съ иностранною печатью; напр., „О положеніи печати въ Парижѣ" (№ 40), „О провинціальной нашей печати" (№ 73); „Эскизы по статистикѣ книжнаго дѣла въ Россіи" и пр. Затѣмъ воспрещенная (22 февраля) розничная продажа газеты окончательно утвердила ея репутацію, и подписка пошла, по скромнымъ тогдашнимъ размѣрамъ и желаніямъ издателей, удовлетворительно, такъ что сотрудники, родные и знакомые Устрялова единогласно предсказывали ему полный успѣхъ.

Къ сожалѣнію, случилось какъ разъ наоборотъ: 25-го апрѣля (№ 110) дано было газетѣ *первое предостереженіе*, мотивированное тѣмъ, что въ № 106 въ передовой статьѣ „выражено явное сочувствіе къ вредному ученію соціалистовъ и рѣзкое порицаніе экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется жизнь благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, и что въ газетѣ и прежде проявлялось вредное направленіе, за что была воспрещена розничная продажа". Статья, вызвавшая кару, была написана Н. Н. Полевымъ по поводу изданной, въ переводѣ на русскій языкъ, книги Карла

Маркса „Капиталъ“,—книги, появившейся, по цензурнымъ условіямъ, въ весьма смягченномъ и даже искаженномъ видѣ противъ оригинала. Предостереженіе это, объявленное газетѣ, въ лицѣ издателя—Устрялова и редактора—Сухомлина, повергло: перваго—въ смущеніе, а послѣдняго—въ сильнѣйшій конфузъ и страхъ; но не успѣлъ онъ еще очнуться, какъ газету постигло *второе предостереженіе* (29 апрѣля № 112). Въ немъ уже излагалось, что въ № 110, въ статьѣ „Письма изъ Парижа“ (фельетонъ), „высказывается явное сочувствіе къ антирелигіозной пропагандѣ и къ революціонному движенію, на которое анархисты возлагаютъ надежду, для осуществленія своихъ преступныхъ замысловъ; что газета, по вредному направленію, подверглась уже запрещенію розничной продажи и первому предостереженію, но продолжаетъ упорно слѣдовать тому же направленію“. Указанный въ предостереженіи фельетонъ, озаглавленный „Два старика: Гюго и Мишле“, присланъ былъ, какъ потомъ обнаружилось, бывшимъ въ 1850-хъ—1860-хъ годахъ, популярнымъ профессоромъ артиллерійской академіи, извѣстнымъ въ то время философомъ, затѣмъ въ 1867 г. сосланнымъ административнымъ порядкомъ въ Вологодскую, изъ нея—въ Архангельскую губернію, оттуда бѣжавшимъ за границу и сдѣлавшимся эмигрантомъ П. Л. Лавровымъ. Помѣщеніе его фельетона, правда, и безъ подписи, Устряловъ объяснялъ тѣмъ, что въ его содержаніи не замѣтилъ ничего предосудительнаго, и о томъ, чтобы воспрещалось помѣщать сочиненія *собственно* Лаврова—ни отъ кого не слыхалъ, а, напротивъ, помнилъ, что ранѣе свободно печатались въ „Недѣлѣ“ его „Историческія письма“, изданныя еще въ 1870 г., въ Петербургѣ же, отдѣльною книгою, съ псевдонимомъ П. Л. Миртовъ.

Такъ или иначе, но, получивъ второе предостереженіе, Устряловъ рѣшилъ смириться и вести газету какъ можно осторожнѣе, а Сухомлинъ впалъ въ совершенное отчаяніе.

„Я провелъ всю жизнь человѣкомъ религіознымъ,—твердилъ онъ всѣмъ, съ чрезвычайнымъ волненіемъ.—Я прослужилъ 35 лѣтъ не только безпорочно и съ постояннымъ одобреніемъ начальства, но достигъ высокаго чина и знаковъ отличія, а теперь, на старости моихъ лѣтъ, правительство на всю Россію вдругъ обозвало меня какимъ-то соціалистомъ, порицателемъ основъ, безбожникомъ, пропагандистомъ революціи, анархистомъ... Нѣ-ѣтъ-съ, я, преданнѣйшій, благонамѣрен-

нѣйшій человѣкъ,—отъ этихъ прозвищъ днемъ—стыжусь по улицѣ ходить, ночами—не сплю и съ ума, кажется, сойду... Къ тому же меня звали въ III отдѣленіе, а тамъ мнѣ объявили, что я напечаталъ сочиненіе какого-то преступника Лаврова, который расхвалилъ какихъ-то тоже отъявленныхъ прохвостовъ. Наконецъ меня предупредили, что я рискую лишиться пенсіи за допущеніе въ газетѣ такихъ безобразныхъ статей, и совѣтовали мнѣ спасаться отъ угрожающей мнѣ опасности."

Какъ Устряловъ и сотрудники ни уговаривали, ни убѣждали Сухомлина перестать опасаться и успокоиться, ничто не помогло. Терзанія его, напротивъ, все усиливались, и онъ, совершенно неожиданно, втайнѣ отъ всѣхъ, въ типографіи, ночью, заставилъ набрать и вставить въ № 123 (10 мая), впереди всѣхъ статей, слѣдующее заявленіе на имя издателя Ѳ. Н. Устрялова: „Нѣкоторыя обстоятельства и болѣзненное состояніе нервовъ вынуждаютъ меня отказаться отъ дальнѣйшаго занятія по издаваемой вами газетѣ „Новое Время", почему и подано отъ меня въ главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе, чтобы съ 10 сего мая не считать меня отвѣтственнымъ редакторомъ означенной газеты. Редакторъ И. Сухомлинъ".

Прочитавъ, утромъ, заявленіе, всѣ ахнули отъ изумленія и небывалаго дотолѣ подобнаго скандальнаго примѣра. Устряловъ просилъ о предоставленіи ему хоть временно считаться редакторомъ, пока представитъ подходящаго, но получилъ рѣшительный отказъ, а такъ какъ безъ подписи редактора тоже не позволили выпускать газету, то она и стала. На слѣдующій день (11 мая) Устряловъ выпустилъ, вмѣсто газеты, вотъ какое объявленіе: „Издаваемая мною газета „Новое Время" пріостановилась выходомъ въ свѣтъ вслѣдствіе отказа отъ участія бывшаго редактора г. Сухомлина. Подписчики, которые пожелали бы получить обратно деньги,—могутъ обращаться въ редакцію за разсчетомъ и немедленно его получать, а нежелающіе — получать, за время пріостановки газеты, которая возобновится по утвержденіи редактора,—особое приложеніе, равное, по объему, недополученнымъ ими нумерамъ газеты".

Съ этого дня благосостояніе Устрялова пошло быстро къ разрушенію... Подписчики повалили въ контору, но очень немногіе изъ сочувствія, за разспросами о причинѣ отказа Сухомлина и остановки газеты, а большинство—за

пографій, коллежскаго ассесора М. П. Федорова, который раньше писалъ, переводилъ и передѣлывалъ водевили, да былъ лично знакомъ съ бывшимъ тогда начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, тайнымъ совѣтникомъ М. М. Лонгиновымъ. Устряловъ представилъ г. Федорова, который и былъ, наконецъ, утвержденъ редакторомъ.

Болѣе, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ спустя — 26 ноября 1872 г., вышелъ слѣдующій № 124 газеты, съ подписями: издатель Ѳ. Устряловъ и редакторъ М. Федоровъ. Въ этомъ нумерѣ появилось вотъ какое объясненіе издателя къ читателямъ: „различныя неблагопріятныя обстоятельства и возникшія, вслѣдствіе сего, недоразумѣнія, отчасти извѣстныя большинству публики, поставили насъ въ необходимость пріостановить газету на цѣлые полгода. Наше начинаніе, какъ и всякое новое дѣло,—встрѣтило непреодолимыя препятствія, отклонить которыя мы не могли, даже и въ экономическомъ смыслѣ. Приступая къ продолженію изданія, надѣемся, что общество поддержитъ, своимъ участіемъ, газету, которая имѣетъ право на извѣстную долю уваженія“.

Растерявъ, по разсказаннымъ причинамъ, состояніе и подписчиковъ, Устряловъ, по цензурнымъ стѣсненіямъ, вынужденъ былъ объясняться съ послѣдними совершенно темнымъ уже нарѣчіемъ, понятымъ лишь малочисленною частью, не разучившеюся еще читать между строкъ, но ея скромнымъ участіемъ положительно уже немыслимо было возстановить крупное дѣло. Затѣмъ тонъ и содержаніе самой газеты естественно также сильно понизились, сообразно истощеннымъ силамъ и средствамъ. Далѣе, большинство читателей всегда вѣдь были, есть и будутъ „постыдно равнодушны“ къ судьбѣ издателей. Отсюда газета, въ продолженіе шести мѣсяцевъ совершенно ослабѣвшая, изо-дня въ день утрачивала пріобрѣтенную ею репутацію и направлялась по наклонной плоскости. Издатель маленько, правда, повеселѣлъ отъ разрѣшенной розничной продажи (3 февраля 1873 г.), но эта льгота длилась лишь полтора мѣсяца, такъ какъ финаломъ послужило *запрещеніе* этой *розничной продажи* (22 марта 1873 г. № 77); а читатели, забывъ объ ожидавшемся отъ нихъ „участіи“, пренебрегая „уваженіемъ“, но помня объ остановкѣ газеты и измѣнчивости ея содержанія, да сдерживаемые скупостью—перестали являться новыми подписчиками, даже въ разсрочку. Въ

заключеніе Устряловъ, лишившись всего, что имѣлъ, ни на что уже разсчитывать не могъ, отчего „не вынесъ тяжести расходовъ", а 25 марта 1873 г. выпустилъ, какъ издатель, послѣдній № 80 и сошелъ съ журнальной арены, сопровождаемый платоническимъ соболѣзнованіемъ всѣхъ, знавшихъ его, какъ хорошаго человѣка. Да, судьба такъ жестоко на него обрушилась, что онъ изъ богатаго превратился въ бѣднаго, изъ хозяина—въ работника и скончался въ крайней бѣдности.

III.

Мнѣ остается прибавить еще послѣднее сказаніе, чтобы кончить печальную лѣтопись объ изданіи Устряловымъ „Новаго Времени". Какъ въ концѣ 1860-хъ годовъ бывшіе тогда книжный магазинъ М. П. Надѣина и библіотека А. А. Черкесова представляли собою особаго рода клубы, въ которые прогуливавшіеся по Невскому праздные интеллигентные люди запросто заходили узнавать и передавать новости дня, такъ въ 1872 г. эти же люди сновали въ редакцію „Новаго Времени", благо она помѣщалась по Невскому же, у Полицейскаго моста, надъ Елисѣевскимъ магазиномъ. Изъ этого контингента лишь нѣкоторые собирались о чемъ-то писать и потому безвозбранно располагались въ редакціи, присматривались и прислушивались къ тому, что происходило. Трое изъ нихъ, также молодые люди, твердо сохранились въ моей памяти своимъ исключительнымъ поведеніемъ, достойнымъ быть занесеннымъ въ эти воспоминанія.

Одинъ — кандидатъ правъ, послѣ многократныхъ посѣщеній, попросилъ и получилъ дозволеніе Устрялова поучиться читать корректуру въ типографіи. Туда была сдана, для набора, моя рукопись на 3—4 фельетона. Утромъ, въ день появленія ея начала — Устряловъ прислалъ за мною, и я явился къ нему. Онъ показалъ мнѣ „Петербургскую Газету", съ тѣмъ же самымъ началомъ моей работы и попенялъ мнѣ за помѣщеніе одного и того же сразу въ двухъ изданіяхъ, прибавивъ, что это не позволительно. Я возразилъ, что не только не давалъ рукописи въ „Петербургскую Газету", но не зналъ, гдѣ помѣщалась ея редакція. Мы согласились на необходимости разъясненія этого казуса. Я отправился въ редакцію „Петербургской Газеты" и предложилъ ея редактору С. Н. Худекову — объяснить мнѣ, какъ

деньгами, по разсчету за остальные 7 мѣсяцевъ. Между тѣмъ нѣсколько раньше еще въ конторскихъ денежныхъ дѣлахъ обнаружился такой хаосъ, что Устряловъ, при всей его снисходительности, публиковалъ объ уничтоженіи довѣренности, данной имъ на имя управлявшаго конторою, купца С. С. О—на (въ № 115), который не оправдалъ его довѣрія. Устрялову, какъ человѣку въ высшей степени честному, поневолѣ пришлось совершить разныя тяжелыя денежныя операціи для безпрерывнаго погашенія мелкихъ и крупныхъ срочныхъ платежей по контрактамъ изданія, неустойкамъ и т. д. Словомъ, совершился разгромъ!.. Мало того, вынужденный съ утра до вечера хлопотать и повѣрять, Устряловъ въ то же время долженъ былъ ежедневно аккуратно судействовать. Спасаясь отъ разоренія, онъ покинулъ должность судьи, дававшую ему жалованья 4.000 рублей въ годъ, и весь погрузился въ свое дѣло, главнымъ пунктомъ котораго были поиски редактора. Онъ представилъ одного—отказали, другаго—тоже и т. д. А безплодно тянувшееся время сопровождалось обременительными, значительными расходами на содержаніе конторы, служащихъ и нѣкоторыхъ нуждавшихся сотрудниковъ, со дня на день ожидавшихъ работы въ возобновленной газетѣ.

Между тѣмъ редактора все еще не утверждали ни изъ свободныхъ литераторовъ, ни даже изъ состоявшихъ на службѣ. Въ числѣ послѣднихъ подвергся остракизму и пишущій эти строки, хотя положительно ни въ чемъ никогда себя не скомпрометтировалъ. Наиболѣе приближенные къ Устрялову бывшіе его сотрудники часто навѣщали его, мужественно переносившаго свои невзгоды. Однажды, къ нему явился, при мнѣ, писавшій въ иностранномъ отдѣлѣ Г. Г. Перетцъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, представительный, и, по его словамъ, ранѣе сотрудничавшій въ „Голосѣ“. Выслушавъ о печальномъ положеніи дѣла, онъ пособолѣзновалъ и потомъ вдругъ заговорилъ:

— Знаете ли, Ѳедоръ Николаевичъ, что я вамъ предложу? Представьте меня въ редакторы.

— Тоже откажутъ,—съ грустью отвѣтилъ ему Устряловъ.—Каждый день обходится мнѣ дороже 1000 рублей, но я право ужъ не знаю, что и предпринять.

— А я васъ увѣряю, что меня утвердятъ: я учу дѣтей Министра Внутреннихъ Дѣлъ, А. Е. Тимашева, онъ меня лично хорошо знаетъ, благоволитъ ко мнѣ, да и я

считаюсь на службѣ въ его министерствѣ, значитъ, меня просто нельзя зачислить въ число неблагонадежныхъ.

— Эти ваши доводы, дѣйствительно, основательны,—отозвался Устряловъ.—Жаль, вы до сихъ поръ молчали. Такъ давайте, пожалуйста, договариваться толкомъ.

Не желая стѣснять ихъ своимъ присутствіемъ, я ушелъ; но потомъ слышалъ, что между ними состоялся, по настоянію Перетца, письменный договоръ, по которому Перетцъ брался быть редакторомъ на нѣсколько лѣтъ, за опредѣленное годовое жалованье, но съ оговоркою, что если Устряловъ раньше откажетъ ему, противъ его желанія, то платитъ ему значительную неустойку. Устряловъ захлопоталъ объ утвержденіи Перетца, заручился согласіемъ, и оно уже оформливалось. Вдругъ я, просматривая утромъ, помню, въ субботу, „Правительственный Вѣстникъ" (отъ 10 іюня 1872 г. за № 136), вычиталъ въ немъ приказъ о томъ, что „сверхштатный чиновникъ особыхъ порученій при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Перетцъ перемѣщенъ, съ перваго того же іюня, чиновникомъ особыхъ порученій въ III Отдѣленіе Его Императорскаго Величества Канцеляріи". Самыя слова „III Отдѣленіе" наводили на всѣхъ паническій страхъ, а такъ какъ я зналъ, что Перетцъ готовился быть редакторомъ „Новаго Времени", то я тотчасъ же поѣхалъ съ „Правительственнымъ Вѣстникомъ" къ Устрялову и показалъ ему въ немъ приказъ. Онъ, несмотря на свое, обыкновенно, невозмутимое хладнокровіе, поблѣднѣлъ, вскочилъ на ноги и крикнулъ:

— Только этого мнѣ еще недостаетъ! Перетцъ, въ его оффиціальномъ званіи, редакторъ моей газеты? Да, всѣ сотрудники мгновенно разбѣгутся, вся печать меня мерзавцемъ назоветъ, читатели отъ меня отвернутся, а я буду подъ его безпрерывнымъ не тайнымъ, а уже явнымъ надзоромъ. Нѣ-ѣтъ, хоть бы пришлось окончательно погубить газету, но Перетцу редакторомъ ея не бывать!..

Онъ поблагодарилъ меня за извѣщеніе, тотчасъ же отправился къ Перетцу объясняться и отдѣлался отъ него. Этимъ свиданіемъ Устрялова съ Перетцемъ прекратились посѣщенія послѣдняго редакціи, и больше я никогда нигдѣ его не видалъ.

Опять Устряловъ розыскивалъ, какъ Діогенъ съ фонаремъ, человѣка, который бы могъ облечься въ званіе редактора, покамѣстъ нашелъ служившаго инспекторомъ ти-

попала къ нему моя рукопись? Онъ сообщилъ мнѣ, что ее доставилъ ему кандидатъ, по моему порученію, говоря, что я, по его словамъ, отсутствовалъ изъ Петербурга и уполномочилъ его продать г. Худекову рукопись, хоть за 50 руб., если онъ впередъ заплатитъ ему деньги, которыя пошлетъ мнѣ на возвратъ изъ отлучки. Г. Худековъ и выдалъ ему деньги. Я заявилъ г. Худекову, что, напротивъ, положительно не знаю кандидата, никакого порученія ему не давалъ, а вся моя рукопись исчезла изъ типографіи „Общественной Пользы“, гдѣ печаталось „Новое Время“, потому требовалъ очной ставки съ кандидатомъ, на что и г. Худековъ согласился. На слѣдующій день кандидатъ при мнѣ повторилъ г. Худекову свою басню обо мнѣ. Тогда г. Худековъ назвалъ насъ другъ другу, а я протестовалъ противъ лживаго показанія кандидата. Онъ покраснѣлъ, растерялся и признался, что, прочитавъ въ типографіи рукопись — похитилъ оттуда ее и вслѣдствіе нужды въ деньгахъ продалъ Худекову, а для правдоподобности — выдумалъ обо мнѣ остальное со слуховъ, почерпнутыхъ въ редакціи „Новаго Времени“, и въ заключеніе просилъ меня простить его прегрѣшеніе, но по моему настоянію безотлагательно написалъ и вручилъ мнѣ полное признаніе своей виновности. Я предъявилъ его росписку, въ свое оправданіе, Устрялову, а онъ посовѣтовалъ мнѣ не губить виновнаго, ибо его, дворянина, кандидата правъ, лишатъ, по суду, всѣхъ правъ состоянія. Я послѣдовалъ его совѣту. Однако, чрезъ полгода узналъ я кандидата въ числѣ агентовъ сыскной полиціи, а въ послѣдующемъ году онъ попалъ-таки подъ судъ за мошенничества, былъ сосланъ, впослѣдствіи помилованъ, опять появился здѣсь, вновь на скамьѣ подсудимыхъ и въ ссылкѣ, наконецъ, подъ старость составлялъ и издавалъ сборники законовъ, доходами съ которыхъ скудно питался.

Другой — бывшій студентъ (изъ семинаристовъ) слылъ, не знаю, за что, настолько безпокойнымъ агитаторомъ, что при всякихъ проявлявшихся безпорядкахъ его непремѣнно арестовывали, продерживали двѣ — три недѣли и выпускали. Онъ, замѣчательно, такъ привыкъ къ своему, по меньшей мѣрѣ, странному положенію и былъ прозорливъ, что всегда раньше зналъ, когда именно его задержатъ, потому обыкновенно днемъ приходилъ прощаться, говоря, что слѣдующую ночь будетъ ночевать подъ стражею; и это, какъ многіе свѣдущіе люди утверждали, —

постоянно оправдывалось. Сидя последній разъ подъ стражею, онъ вздумалъ на собственной персонѣ испытать, сколько сможетъ онъ времени прожить, питаясь однимъ только чаемъ? Когда его освободили, онъ изъ коренастаго, здороваго, превратился въ скелетъ, при чемъ разсказывалъ, что выдержалъ искусъ, постепенно ослабѣвая, ровно 14 сутокъ, а на 15-я — потерялъ сознаніе. Въ теченіе 2хъ недѣльнаго говѣнія онъ, дескать, тщательно записывалъ свои ощущенія, но записи ему, по освобожденіи его, не отдали, о чемъ онъ очень тужилъ. Опытъ производилъ онъ надъ собою далеко раньше американскаго доктора Таннера. Совершенно истощенный, еле ноги волочившій, студентъ отправился куда-то въ провинцію, и какая тамъ постигла его участь, я потомъ уже не слыхалъ.

Третій — докторъ философіи Гейдельбергскаго университета, появился въ Петербургѣ изъ-за границы, повсюду безцеремонно втирался, между прочимъ, мѣстами, и въ редакціи газетъ. Онъ постоянно хвастался своими сильными связями за границею и здѣсь, да всѣмъ предлагалъ запрещенные листки, которые носилъ въ карманахъ пачками. Считали его просто сумасброднымъ вралемъ. Однажды, уходя изъ редакціи, онъ надѣлъ мое пальто, а свое оставилъ, съ своею карточкою; я и отправился, въ его пальто, къ нему — обмѣнить на свое. Жилъ онъ въ Толмазовомъ переулкѣ, въ меблированной комнатѣ. На высказанную ему мною претензію, зачѣмъ онъ взялъ мое пальто, — онъ со смѣхомъ отвѣтилъ мнѣ:

— Я даже этому радехонекъ; вѣдь не унеси я ваше пальто, — вы бы ко мнѣ, разумѣется, не пришли. Мнѣ скучно пить одному, — вотъ вы и кстати: у меня всякихъ водокъ и винъ полный шкафикъ.

Я отказывался, перемѣнилъ пальто и намѣревался уйти, но онъ мгновенно заперъ дверь, спряталъ ключъ въ карманъ и никакимъ моимъ ни резонамъ, ни угрозамъ закричать не уступалъ, а настаивалъ на своемъ. Не желая производить скандала, я покорился, просидѣлъ у него часа два, услышалъ отъ него, между прочимъ, что его, по его связямъ, никто не посмѣетъ притянуть къ отвѣту за листики и что онъ получаетъ 300 рублей въ мѣсяцъ отъ отца-архіерея и гуляетъ себѣ въ волю... Когда онъ охмѣлѣлъ, я выпросилъ у него ключъ отъ двери и ушелъ, чтобы больше съ нимъ не встрѣчаться.

Къ удивленію моему, я чрезъ мѣсяцъ наткнулся на него, среди гостей, у знакомаго мироваго судьи Ж. Послѣдній объяснилъ мнѣ, что докторъ пришелъ къ нему съ его зятемъ, художникомъ, завязавшимъ съ нимъ шапочное знакомство за границею. Докторъ цѣлый вечеръ остроумно разсказывалъ разныя небылицы, а пытавшимся опровергать его говорилъ дерзости и до неприличія упрямо настаивалъ на своемъ. Мужчины надъ нимъ подшучивали, а дамы охотно его слушали. Онъ и повадился къ судьѣ и художнику (жилъ послѣдній на Васильевскомъ островѣ, близъ Академіи Художествъ), который имѣлъ прехорошенькую 14-ти лѣтнюю, рослую и бойкую дочь. Докторъ пустился за нею ухаживать и сталъ писать ей страстныя письма. Однажды,—это было зимою,—мать случайно застала дочь за чтеніемъ только-что полученнаго ею отъ него письма, отобрала его, прочла и ужаснулась: онъ подговаривалъ дѣвочку бѣжать съ нимъ, а для этого просилъ ее, тайно отъ всѣхъ, выйти, къ 10 часамъ вечера на площадь (теперь Соловьевскій скверъ), гдѣ онъ будетъ ее ждать, и они умчатся на тройкѣ. Братъ жены художника и я въ этотъ день явились къ нимъ, по уговору, обѣдать, и супруги съ негодованіемъ показали намъ письмо доктора. Мы расхохотались отъ нелѣпости его затѣи, не довѣряли ей и рѣшились подтвердить наше мнѣніе — пойти на назначенное имъ мѣсто свиданія. Мать ни на минуту не спускала съ дочери глазъ, а отецъ, остерегаясь, какъ говорилъ, расколотить доктора и тѣмъ самымъ произвести на улицѣ скандалъ,—отпустилъ насъ двоихъ. Погода была прескверная: морозъ трещалъ, а снѣгъ валилъ хлопьями. Мы приблизились къ назначенному мѣсту и увидѣли запряженную въ широкія сани тройку, кучера, покрытаго попонами, а въ саняхъ завернутаго въ полость человѣка. Ж. сдернулъ съ него полость. Докторъ вскочилъ на ноги и растерялся, увидѣвъ насъ.

— Вотъ тебѣ, подлецъ, твое посланіе къ Катѣ,— энергично произнесъ Ж. — швырнувъ ему въ лицо письмо. Если ты, послѣ этого, осмѣлишься показаться къ сестрѣ или ко мнѣ, то всѣ твои ребра будутъ переломаны, а если дерзнешь еще смущать дѣвчонку письмами,—мы тебя упрячемъ туда, куда Макаръ телятъ не загонялъ. Вотъ о чемъ я тебя предваряю при свидѣтелѣ.

— Сорвалось, ну дѣлать нечего,—отвѣтилъ онъ дро-

жащимъ голосомъ.—Я, признаюсь, увлекся Катею, но теперь по неволѣ остыну. Извините и прощайте. Эй, пошелъ!

Кучеръ взмахнулъ возжами; застоявшіяся, озябшія лошади полетѣли, а мы вернулись назадъ.

Нѣкоторое время спустя огласилось, что какой-то человѣкъ застрѣлилъ женщину и самъ застрѣлился. Въ числѣ другихъ и я удостовѣрился, что это былъ тотъ самый докторъ философіи, котораго я описалъ.

IV.

Возродилось „Новое Время“ лишь 6 ноября 1873 г., почему-то съ № 1, свидѣтельствовавшаго какъ бы объ отрицаніи солидарности съ предшествовавшими, и съ подписями: издатель О. К. Нотовичъ [1]) и редакторъ М. П. Федоровъ, т.-е. послѣдній остался редакторомъ газеты, хотя прежніе сотрудники отъ нея почти всѣ отстали, вѣроятнѣе всего потому, что не были знакомы съ новымъ издателемъ, дотолѣ въ журналистикѣ неизвѣстнымъ. Въ помянутомъ первомъ нумерѣ никакихъ причинъ перехода газеты, какъ и при Устряловѣ, объяснено не было, а, напротивъ, излагалось, что „во время 6-ти мѣсячной остановки *нашей дѣятельности*, въ Европѣ совершилось много такихъ событій, на которыя считаемъ необходимымъ бросить бѣглый взглядъ, чтобы сохранить послѣдовательность въ дальнѣйшихъ политическихъ обозрѣніяхъ“. Изъ этой замѣтки получался выводъ, что прерывалась дѣятельность одного только г. Федорова, такъ какъ г. Нотовичъ впервые выступилъ издателемъ, а почему и какъ—это, конечно, никого не касалось. Тѣмъ не менѣе объ этомъ не мало говорили на различные лады: это составляло событіе въ журналистикѣ. Впрочемъ, г. Нотовичъ взялъ газету въ аренду отъ кредитора Устрялова, а потомъ пріобрѣлъ ее въ собственность.

Приступивъ къ изданію газеты, послѣ постигшихъ ее разнообразныхъ пертурбацій, г. Нотовичъ не могъ, естественно, разсчитывать на ея успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ матаріальномъ отношеніи. И, дѣйствительно, подписчиковъ набралось, на 1874 г., ограниченное число. Оттого ему, не обладавшему тогда ни извѣстностью, ни значительными средствами, ни связями, неизбѣжно было при-

[1]) Кандидатъ правъ.

бѣгнуть къ чрезвычайнымъ усиліямъ. для возвышенія значенія газеты. которая не имѣла, къ тому же, и розничной продажи, обыкновенно способствовавшей распространенію. Положеніе издателя было врядъ-ли на много лучше, нежели Устрялова, подъ конецъ его издательства. Люди всегда вѣдь питаются надеждами, а на нихъ и г. Нотовичъ, очевидно, полагался, но, чтобы онѣ сбылись — самой газетѣ предстояло зарекомендовать себя оживленнымъ, сильнымъ или оригинальнымъ содержаніемъ, а достигнуть этого немыслимо было, при господствовавшихъ цензурныхъ условіяхъ. Затѣмъ, пустившись на рискъ, г. Нотовичъ скоро дождался за статьи, помѣщенныя въ №№ 71, 73 и 75, о расширеніи правилъ о земскомъ самоуправленіи, о недостаткахъ женскаго образованія и о плохомъ состояніи институтовъ, — *третьяго предостереженія* и формальной остановки газеты на 6 мѣсяцевъ (20 марта 1874 г.).

Испытавъ, по неопытности, тщету своихъ ожиданій, г. Нотовичъ, не будучи въ силахъ удержать газету, — предпочелъ передать ее К. В. Трубникову.

Возобновилъ г. Трубниковъ „Новое Время" подъ редакторствомъ того же г. Федорова, въ увеличенномъ форматѣ, 1 декабря 1874 г., также съ № 1, тоже показывавшаго, что издатель игнорируетъ прежнюю газету, а 15 декабря заявилъ онъ читателямъ, что „17-ти лѣтнее существованіе прежней нашей газеты [1]) избавляетъ насъ отъ необходимости говорить о духѣ и направленіи, въ которыхъ будемъ вести обновленное „Новое Время", при этомъ переименовалъ будущихъ ближайшихъ, по газетѣ, сотрудниковъ-профессоровъ: И. Е. Андреевскаго, В. П. Безобразова, Н. Х. Бунге, П. С. Вредена, М. И. Горчакова, К. П. Малышева, И. Я. Фойницкаго, А. П. Чебышева-Дмитріева [2]) и нѣкоторыхъ писателей, въ числѣ коихъ назвалъ и О. К. Нотовича. И, дѣйствительно, самый умѣренный и спокойный тонъ газеты, почтенныя имена сотрудниковъ-профессоровъ, опытность и умѣніе г. Трубникова ладить со всѣми, вскорѣ же завоевали газетѣ симпатіи читателей, и она ходко пошла безъ всякихъ колебаній, благо издатель располагалъ, какъ уже помянуто, средствами и берегъ ее. 9 декабря 1874 г. была

---

[1]) Онъ продалъ, въ 1874 г., принадлежавшія ему „Биржевыя Вѣдомости" В. А. Полетикѣ за 200.000 рублей.

[2]) Раньше издавалъ „Судебный Вѣстникъ", который, по недостатку средствъ, сдалъ А. Б. Думашевскому.

разрѣшена розничная продажа газеты; въ 1875 г. 13 іюля—*запрещена*, 31 іюля—разрѣшена; 16 октября—*воспрещена*, а 27 ноября—опять разрѣшена розничная продажа.

Процвѣтанію газеты существенно, впрочемъ, помогло совершенно неожиданное лишеніе, въ концѣ 1874 г. В. Ф. Корша (умеръ 26 іюня 1883 г.) права издавать „Петербургскія Вѣдомости", считавшіяся, въ публикѣ, лучшею изъ всѣхъ столичныхъ газетъ. И многіе изъ подписчиковъ „Петербургскихъ Вѣдомостей" перешли, на 1875 г., въ „Новое Время", потому что самые любимые фельетонисты „Петербургскихъ Вѣдомостей" А. С. Суворинъ и В. П. Буренинъ переходили, какъ упорно разглашалось, въ „Новое Время", во 2-хъ, новый издатель „Петербургскихъ Вѣдомостей" Ф. П. Баймаковъ изобличилъ повліявшаго на отнятіе отъ Корша газеты-романиста В. М. Маркевича [1]) въ полученіи за это 5.000 руб., что еще болѣе отталкивало публику и отъ „Вѣдомостей" и въ 3-хъ, новый редакторъ „Петербургскихъ Вѣдомостей", графъ Е. А. Сальясъ, по непривычкѣ, дѣлалъ промахи, и его осмѣивали, а вмѣстѣ съ тѣмъ газету роняли въ глазахъ читателей.

V.

Обладавшій солиднымъ состояніемъ и прекрасною репутаціею въ судебныхъ, городскихъ, финансовыхъ и литературныхъ сферахъ В. И. Лихачевъ участвовалъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и, коротко знакомый въ особенности съ А. С. Суворинымъ (ихъ жены вмѣстѣ издавали книги), надумалъ пріобрѣсти для него совмѣстно съ нимъ собственную газету—то же „Новое Время" отъ г. Трубникова. Едва объ этомъ разнесся по городу слухъ, какъ публика искренно порадовалась, вслѣдствіе симпатіи къ г. Суворину какъ къ извѣстному блестящему фельетонисту.

Слухъ вскорѣ же оправдался: 17 февраля 1876 г. г. Трубниковъ объявилъ въ послѣднемъ своемъ № 43 „Новаго Времени" о переходѣ газеты къ г. Суворину, а 29 февраля, подъ № 1 вышло „Новое Время", съ подписями: издатель А. С. Суворинъ и редакторъ тотъ же М. П. Федоровъ. Въ этомъ нумерѣ г. Суворинъ впервые повѣдалъ о своемъ направленіи и о томъ, что начнетъ печатать

[1]) Онъ, камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, состоялъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія; за свой поступокъ былъ уволенъ, въ 24 часа, въ отставку, отчего лишился и камергерства.

„романъ-фельетонъ изъ современной жизни". Появленіе газеты представлялось, по городу, какъ бы праздникомъ, торжествомъ обиженныхъ надъ обидчиками. Первые нумера газеты покупались на расхватъ, а люди, раздѣлявшіе взгляды Коршевскихъ „Вѣдомостей", въ увѣренности, что „Новое Время" будетъ, по характеру, ихъ продолженіемъ,—спѣшили подписываться на него. Начался съ № 13 (17 марта) и обѣщанный сборный романъ, съ подписью „Незнакомецъ и К", но въ немъ такъ прозрачно описывались разныя лица, что онъ возбудилъ ропотъ и чрезъ 5—7 главъ печатаніе его прекратили, такъ что до той части, которую предложено было написать пишущему эти строки, далеко еще не дошла очередь, и работа его пропала.

Между тѣмъ турецкія звѣрства надъ христіанами все сильнѣе и сильнѣе возбуждали въ публикѣ стремленіе заступиться за нихъ. Начались сборы пожертвованій, призывъ въ Сербію добровольцевъ, и въ „Новомъ Времени", въ тонъ публикѣ, стали появляться горячія статьи, корреспонденціи самого г. Суворина и другихъ, тогда какъ „Голосъ" какъ бы поддерживалъ Турцію (говорили, что подкупленъ былъ Турецкимъ посольствомъ), а „Биржевыя Вѣдомости" В. А. Полетики категорически высказывались противъ вмѣшательства въ чужія дѣла, когда наши собственныя казались газетѣ настолько плохими, что средства требовались для себя.

„Новое Время" выступало ярою поборницею славянскаго движенія, и *запрещеніе* розничной продажи (24 марта 1876 г.) не только не охлаждало, а, напротивъ, разгорячало руководителей газеты: покупавшіе ее ежедневно — дѣлались ея подписчиками. Патріотизмъ съ каждымъ днемъ разростался, отзывчивые молодые люди направлялись въ Сербію, подъ начальство уже заслуженнаго воина, генерала М. Г. Черняева; всѣ военные жаждали войны, ради отличій, а корреспонденціи „Новаго Времени" поднимали духъ, увлекали, и газета забирала все большую и большую силу. Хотя 27 ноября того же года розничная продажа опять была *запрещена* на двѣ недѣли, но въ публикѣ, окупавшей убытокъ подпискою, признавали это взысканіе незаслуженнымъ газетою, несправедливымъ.

Возникла русско-турецкая война, и „Новое Время", затрачивая на корреспондентовъ и корреспонденціи большія деньги, шло впереди всѣхъ газетъ, ни чуть не затрудняясь

ни запрещеніемъ розничной продажи (22 марта 1877 г.), ни полученнымъ *первымъ предостереженіемъ* (9 августа 1877 г.), ни даже вторичнымъ *запрещеніемъ* розничной продажи (2 апрѣля 1878 г.). Оттого по окончаніи войны „Новое Время“ стояло уже на самой твердой почвѣ, благодаря, главнымъ образомъ, отличной распорядительности и затраченному В. И. Лихачевымъ огромному капиталу, который только онъ съумѣлъ добывать своимъ авторитетомъ: (за 1876—1878 гг. расходъ по газетѣ образовалъ 958.116 р., а такого капитала никто изъ издателей, кромѣ, развѣ, покойнаго А. А. Краевскаго, не могъ и *мечтать* добыть). Въ періодъ этого времени В. И. Лихачевъ перебывалъ и оффиціальнымъ издателемъ и редакторомъ, да совмѣстно съ А. С. Суворинымъ купилъ, для газеты, большую типографію (въ 1877 г.).

Въ свою очередь „Голосъ“, увидѣвъ въ „Новомъ Времени“ опаснаго конкуррента, создавшагося предпочтительно неимовѣрными матеріальными силами В. И. Лихачева, періодически указывалъ на несовмѣстимость его должности товарища предсѣдателя окружнаго суда съ фактическимъ издательствомъ „Новаго Времени“. Указанія эти способствовали сперва—переходу В. И. Лихачева въ члены судебной палаты, а потомъ—выходу его изъ палаты. Между тѣмъ развивавшіяся въ „Новомъ Времени“ направленіе и потребности породили разногласіе В. И. Лихачева съ А. С. Суворинымъ, завершившееся совершеннымъ удаленіемъ перваго, въ концѣ 1878 г., отъ дѣла, которое осталось въ рукахъ одного послѣдняго.

Въ теченіе послѣдующаго издательства одного А. С. Суворина газетѣ досталось, вмѣсто снятаго — вторично *первое предостереженіе* (10 января 1879 г.); *запрещеніе* розничной продажи (13 сентября 1879 г.) и *второе предостереженіе* (2 октября 1880 г.). Съ того же 1880 г. въ газетѣ появились картинки, а съ 1881 г. газета стала выходить въ двухъ изданіяхъ, при чемъ число подписчиковъ все сильнѣе прогрессировало [1]). Хотя г. Суворинъ и приступилъ къ издательству въ Касьяновъ день, по народному повѣрью, несчастливый, но онъ принесъ ему, напротивъ, счастье.

---

[1]) Напр., выпущено было экземпляровъ: въ 1876 г. 6.876.342; въ 1885 г. 9.083.601; въ 1891 г. 11.546.363 и т. д.

Такъ, прекращеніе „Молвы“—добровольно (въ 1881 г.), а „Голоса“—вынуждено (въ 1883 г.) равномѣрно пошло въ прокъ „Новому Времени“: огромное количество объявленій, печатавшихся въ „Голосѣ“, — съ закрытіемъ его конторы, по пути попали также въ „Новое Время“, ибо выходившія вмѣсто „Голоса“, „Новости“ [1]) помѣщались въ отдаленіи отъ Литейной (по Мойкѣ, противъ Большой Морской), куда кухарки и горничныя, а равно посланцы съ извѣщеніями о покойникахъ—не могли найти и дороги. Затѣмъ постановка еврейскаго вопроса сдѣлалась выгодною для „Новаго Времени“: значительное число евреевъ стало его усердными подписчиками единственно потому, что имъ казалось нужнымъ знать, что и какъ о нихъ говоритъ „Новое Время“.

Освободившись отъ многихъ прежнихъ идей, „Новое Время“ быстро утвердилось на газетной позиціи, такъ что дальнѣйшая его исторія настолько еще свѣжа въ памяти всѣхъ, что едва-ли даже можетъ быть отнесена къ области прошлаго.

Сводя итоги взысканій, которымъ „Новое Время“ подвергалось за первое 12-ти лѣтнее его существованіе (съ 1868 по 1880 г.), оказывается, что они пали на долю издателей:

	предостереженія	запрещенія розничной продажи
Киркора	3	1
Устрялова	2	2
г. Нотовича	1	—
г. Трубникова	—	2
г. Суворина	2	5
	8	10

Послѣднее второе предостереженіе газета получила, въ лицѣ г. Суворина, 2 октября 1880 г., болѣе 19 лѣтъ тому назадъ, а находиться подъ Дамокловымъ мечемъ—третьимъ предостереженіемъ—столько лѣтъ и удачно его избѣгать — такое исключительное счастье, какимъ чрезвычайно рѣдко судьба кого-нибудь награждаетъ...

[1]) Эту газету издаетъ съ 1877 г. О. К. Нотовичъ.

МАТРІАРХАТЪ.

Эдуарда Вестермарка [1]).

Переводъ съ французскаго **М. Суперанскаго.**

Подъ *матріархатомъ*, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, разумѣется система семьи, при которой мать является главою семьи, отецъ же не состоитъ членомъ семьи или занимаетъ въ ней лишь подчиненное мѣсто. Въ болѣе широкомъ смыслѣ, слово „матріархатъ" означаетъ систему, при которой дядя со стороны матери, — но не отецъ, — глава семьи. Въ самомъ обширномъ смыслѣ, это слово обозначаетъ то, что Бахофенъ назвалъ „Mutterrecht", а Макъ-Леннанъ „Kinship through females only", или „родство только по женской линіи". Естественно, что слово, употребляемое въ столь различныхъ значеніяхъ, было источникомъ путаницы и недоразумѣній, и, конечно, желательно ограничить его употребленіе надлежащими предѣлами. Но не въ этомъ моя настоящая цѣль; взявъ слово „матріархатъ" въ

---

[1]) *«Le. Matriarcat»*—рефератъ, прочитанный на второмъ парижскомъ соціологическомъ конгрессѣ профессоромъ гельсингфорскаго университета Э. Вестермаркомъ, авторомъ «History of Human Marriage»—«Исторія человѣческаго брака». Оригинальныя идеи, высказанныя въ этомъ сочиненіи неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ ученымъ, обратили на себя вниманіе европейскихъ соціологовъ и этнографовъ, тѣмъ болѣе, что онѣ, какъ замѣтилъ Уоллэсъ, суть результатъ добросовѣстнаго и трудолюбиваго изученія фактовъ. Предлагаемый очеркъ посвященъ одному изъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ «исторіи брака»—вопросу о матріархатѣ, и даетъ надлежащее понятіе о постановкѣ у Вестермарка соціологическихъ вопросовъ, о постановкѣ, при которой нѣсколько излишне выдвигается біологическій элементъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются значительныя поправки къ нѣкоторымъ построеніямъ соціологовъ, отправлявшихся не отъ реальныхъ данныхъ, а отъ произвольныхъ гипотезъ. *Перев.*

его наиболѣе общемъ значеніи, я попытаюсь, не исправляя терминологіи, исправить неудачныя объясненія этого слова.

Матріархатъ перваго типа имѣетъ мѣсто у всѣхъ животныхъ видовъ, которые, по крайней мѣрѣ, случайно живутъ семьями, состоящими изъ матери и ея дѣтенышей. Этотъ видъ семьи, чрезвычайно распространенный между низшими млекопитающими, не встрѣчается, какъ нормальная форма семьи, ни у одного изъ народовъ, извѣстныхъ намъ изъ исторіи и этнографіи. Даже извѣстія нѣкоторыхъ путешественниковъ и нѣкоторыхъ древнихъ писателей о народахъ, жившихъ въ такъ называемомъ безпорядочномъ половомъ общеніи, не говорятъ, что только мать и дѣти составляли семью, но скорѣе, что всѣ женщины и всѣ мужчины извѣстной группы жили въ состояніи половаго смѣшенія, и дѣти считались принадлежащими безразлично всей группѣ.

Вторую форму матріархальной семьи находимъ въ семьѣ малайской, въ собственномъ смыслѣ, са-мандеи. Она описана однимъ голландскимъ писателемъ. „Она состоитъ", — говоритъ онъ, — „изъ матери и ея дѣтей; отецъ въ ней не участвуетъ. Родственныя связи, соединяющія этого послѣдняго съ его братьями и сестрами, тѣснѣе, чѣмъ связи, которыя соединяютъ его съ его женою и собственными дѣтьми. Даже послѣ своего брака онъ продолжаетъ жить въ семьѣ своей матери; тамъ его настоящее жилище, а не въ домѣ его жены: онъ не перестаетъ обработывать поле своей собственной семьи, работать для нея и своей женѣ помогаетъ только случайно. Глава семьи — это обыкновенно старшій братъ матери („mamak" или avunculus). По своимъ правамъ и обязанностямъ, онъ — настоящій отецъ дѣтей своей сестры" [1]). Во всей совокупности этнографической литературы я не могъ найти другаго, столь подробно изложеннаго примѣра авторитета дяди. Тѣмъ не менѣе это описаніе малайской семьи часто приводилось съ тѣмъ, чтобы заставить вѣрить, будто это учрежденіе вообще свойственно низшимъ періодамъ человѣческой цивилизаціи.

Есть существенное различіе между положеніемъ, которое, — какъ сказано, — занимаетъ дядя со стороны матери у первобытныхъ малайцевъ, и положеніемъ, которое онъ за-

[1]) *Giraud-Teulon*, Les Origines du mariage et de la famille, p. 199 sqq.

нимаетъ у другихъ народовъ съ материнскимъ правомъ — „Mutterrecht". Отношенія между дядею и сыномъ его сестры часто очень близки. Г. Ковалевскій констатируетъ, что у горцевъ Грузіи, въ особенности у пшавовъ, „братъ матери занимаетъ мѣсто отца во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о мести за пролитую кровь, особенно въ случаѣ убійства его племянника" [1]). У индѣйцевъ гоаиро [2]) и у нѣкоторыхъ другихъ африканскихъ народовъ [3]) братъ матери имѣетъ право продать дѣвушку ея претенденту. Относительно индійскихъ койсовъ Джонъ Кэйнъ говоритъ: „Дядя каждой дѣвушки — со стороны матери — имѣетъ право отдать ея руку одному изъ своихъ сыновей или всякому другому претендующему кандидату, который имъ одобряется. Отецъ и мать не имѣютъ въ этомъ дѣлѣ никакого рѣшающаго голоса" [4]). Я увѣренъ, что къ этимъ фактамъ легко прибавить много другихъ подобнаго рода; но не подлежитъ сомнѣнію, что огромное число фактовъ, присоединенныхъ сюда въ качествѣ примѣровъ „материнскаго права" (Mutterrecht), главнымъ образомъ говоритъ о томъ, что дѣти называются по матери, а не по отцу, и что собственность и званіе (rang) наслѣдуются исключительно по женской линіи. Въ этомъ смыслѣ, матріархатъ весьма распространенъ у современныхъ дикарей и у варварскихъ народовъ [5]), и Бахофенъ уже давно обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что система родства только по матери господствовала также у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ. Система матріархата, кажется, господствовала или господствуетъ у большинства сѣверо-американскихъ и африканскихъ племенъ, хотя и патріархальная система также широко распро-

---

[1]) *Kovalewsky*, Tableau des origines de la famille, p. 21 sqq.

[2]) *Bastian*, Die Rechtsvechältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde, p. 181.

[3]) Negroes of Bondo (Das Ausland, 1881, p. 1026). Barea and Bazes (*Munzinger*, Ostafrikanische Studien, p. 528).

[4]) The Indian Antiquary, vol. VIII, p. 34.

[5]) *Mac Lennan*, Studies in ancient History, ch. VIII.—*Lubbock*, The origin of civilisation.—*Giraud-Teulon*, loc. cit., ch VII—X.—Idem, La Mère chez certains peuples de l'antiquité.—*Bastian*, loc. cit. pp. 183, sqq.—*Lippert*, Die Geschichte der Familie, sec. I.—Idem, Kulturgeschichte, v. II, ch. II.—*Dargun*, Mutterrecht und Baubehe, pp. 2—9.—*Post*, Geschlechtsgenossenschaft, pp. 93, sqq.—Idem, Bausteine, vol. I. pp. 77 sqq.—Idem, Der Ursprung des Rechts, pp. 37 sqq.—*Starcke*, La Famille primitive, s. I, ch. I—V.—*Wilken*, De indische Gids, 1881, vol. II, p. p. 244—254.—*Friedrichs*, Ueber den Ursprung des Matriarchats, въ «Zeitschr. f. vgl. Rechtswiss», v. VIII, pp. 332, sqq.—*Frazer*, Totemism, pp. 70—72.—Letourneau, L'évolution du mariage et de la famille, ch. XVI—XVIII.—*Wake*, The Development of marriage and kinship, ch. VIII, sqq.

странена между этими дикарями. Я былъ очень удивленъ тѣмъ, что мои африканскіе корреспонденты такъ мало могли сообщить мнѣ относительно матріархальной системы. А. Симсъ пишетъ мнѣ съ озера Стэнли, что у батековъ „дитя считается принадлежащимъ одинаково отцу и матери и принимаетъ имя дѣда или бабки“. Суэннъ сообщаетъ мнѣ съ острова Кавалы, съ озера Танганійки, что у вагуа дѣти обыкновенно называются по отцу. А. Эйль констатируетъ, что всѣ дѣти зулусовъ принадлежатъ къ племени отца и называютсяименемъ его или одного изъ его предковъ. По Кузену, обстоятельство это имѣетъ также мѣсто у различныхъ каффрскихъ племенъ, но у нихъ первый сынъ никогда не называется по дѣду, а всегда по отцу. Въ виду недостаточности свѣдѣній, которыми мы обладаемъ въ настоящее время относительно многихъ африканскихъ народовъ, я полагаю, что господство матріархальной системы на черномъ материкѣ было сильно преувеличено, хотя я не допускаю сомнѣнія, что это— правило для негритянской расы.

На островахъ Южнаго океана дѣти принадлежать обыкновенно къ клану и къ классу матери; но собственность наслѣдуется по мужской линіи. Изъ этого правила существуютъ исключенія; мнѣ кажется, что эти исключенія скорѣе слѣдуютъ въ направленіи патріархата, чѣмъ матріархата. На Малайскомъ архипелагѣ у нѣкоторыхъ племенъ мы находимъ „отцовское право“, у другихъ—„право материнское“. Дѣти австралійцевъ вообще получаютъ имена по клану своей матери; но это случается не у всѣхъ племенъ. По Фрацеру, въ Австраліи племена съ родствомъ по женской линіи, относятся къ племенамъ съ родствомъ по мужской линіи какъ 4:1 [1]). У цейлонскихъ сингалезовъ патріархальная система является на-ряду съ матріархальной, тогда какъ на азіатскомъ континентѣ матріархатъ, насколько я знаю, ограничивается весьма небольшимъ числомъ индѣйскихъ племенъ. Если мы прибавимъ къ этому, что патріархальная система составляетъ, кажется, общее правило у аборигеновъ Южной Америки, то мы должны будемъ согласиться, что общее признаніе господства матріархальнаго состоянія у большинства современныхъ дикихъ народовъ, во всякомъ случаѣ, сомнительно и, вѣроятно, ложно, если даже понимать его въ

[1]) *Frazer*, Totemism, p. 70.

самомъ широкомъ смыслѣ, какой только можно придать этому слову [1]).

Нѣкоторые писатели пытались доказать, что у первобытныхъ арійцевъ нисходящее потомство считалось только по женской линіи [2]). Изъ этого предположенія сдѣлали заключеніе, что матріархальная система всюду предшествовала патріархальной; подъ вліяніемъ же этого предположенія, старались найти матріархальныя переживанія въ обычаяхъ или въ историческихъ документахъ народовъ арійской расы. Я не могу здѣсь входить въ детальное разсмотрѣніе этихъ доводовъ; мнѣ достаточно сказать, что я совершенно согласенъ съ профессоромъ Лейстомъ: онъ замѣчаетъ, что всѣ факты, на которые ссылаются, какъ на переживанія древняго матріархальнаго строя, въ отдѣлѣ арійской этнологіи, или не доказаны или ложны [3]). Что касается древнихъ германцевъ, то придавали большое значеніе тѣсной связи, соединявшей, по Тациту [4]), дѣтей сестры и братьевъ ихъ матери; но Шредеръ замѣчаетъ, что, несмотря на высшее положеніе дяди по матери въ древней тевтонской семьѣ, въ наслѣдованіи по завѣщанію patruus (братъ отца) на самомъ дѣлѣ предшествовалъ avunculus'у (брату матери), agnati (родственники по отцу) — родственникамъ по матери (cognati). Онъ обращаетъ также вниманіе на то, что, когда глава семьи умиралъ, то женщины его семьи переходили подъ опеку старшаго сына, и, слѣдовательно, дѣти женщины вполнѣ естественнымъ образомъ находились въ особенно тѣсной связи съ дядею по матери [5]). Профессоръ Максъ Мюллеръ основательно замѣчаетъ, что мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать, что въ неизвѣстныя времена арійцы прошли матріархальное состояніе [6]), но съ тѣхъ поръ, какъ они намъ извѣстны, они представляются намъ, по замѣчанію Генри Мэна, на той (или почти на той) стадіи развитія, когда свойство и родство считаются только по муж-

---

[1]) См. мою «History of Human Marriage», p. 98—103.

[2]) *Bachofen*, Das Mutterrecht и Antiquarische Briefe.—*Mac Lennan*, loc. cit., pp. 118—120, 195—246.—Idem, The Patriarchal Theory—*Giraud-Teulon*, loc. cit., ch. XIV, XVI.—*Dargun*, loc. cit.

[3]) *Leist*, Alt-arisches jus gentium, p. 58.—*Idem*, Alt-arisches jus civile, p. 490.

[4]) *Tacitus*, Germania, ch. XIX. «Sororum filiis idem apud avunculum qui ad patrem honor».

[5]) *Schrader*, Prehistoric Antiquities of the Aryan Peoples, p. 395.

[6]) *Max Muller*, Biographies of Words, p. XVII.

ской линіи [1]). На идею Вилькена [2]) и профессора Робертсона Смита [3]), что матріархальная система господствовала у древнихъ арабовъ, также нужно смотрѣть только какъ на чистую гипотезу [4]).

Преувеличивать значеніе новаго отырытія — это весьма распространенное заблужденіе. Когда Бахофенъ и Макъ-Леннанъ открыли матріархальную систему у столь многихъ древнихъ и новыхъ народовъ, они вдругъ вывели заключеніе, что такая система господствовала вездѣ прежде, чѣмъ кровная связь между отцомъ и сыномъ нашла мѣсто въ системахъ родства. Многіе писатели считали это предположеніе не только вѣроятною гипотезой, но даже доказанною истиной, хотя, вполнѣ понятно, у нея были также и свои противники. Ея защитники разсуждали слѣдующимъ образомъ. Матріархальная система была найдена у многихъ не цивилизованныхъ народовъ; патріархальная же система вообще господствуетъ у всѣхъ народовъ, достигшихъ болѣе высокой степени культуры; слѣдовательно, первая представляетъ низшую ступень развитія; а такъ какъ исторія человѣчества прогрессировала отъ низшаго къ высшему, отъ варварства къ цивилизаціи, то въ извѣстный моментъ матріархатъ долженъ былъ имѣть всеобщее распространеніе въ человѣческой расѣ. При томъ матріархатъ, въ своемъ настоящемъ видѣ, не что иное, какъ переживаніе болѣе развитой системы матріархата, при которой отецъ не имѣлъ мѣста въ семьѣ, а дядя по матери былъ ея покровителемъ и главою.

Эти утвержденія произвели настоящую революцію въ исторической антропологіи. Новыя и фантастическія положенія часто представляютъ бóльшую привлекательность, чѣмъ старыя истины и общія мѣста; а потому мы не будемъ удивляться, видя армію восторженныхъ сторонниковъ, которыхъ выставила матріархальная теорія, и которые объявили, что это — одно изъ величайшихъ открытій современной науки и „новая точка отправленія для исторіи“.

Что касается меня, то я не могу присоединиться къ этимъ энтузіастамъ. Открытіе матріархата или системы „родства только по женской линіи“, какъ учрежденія, дѣйстви-

---

1) *H. S. Maine*, Dissertations on Early Law and Custom, p. 149.
2) *Wilken*, Das Matriarchat bei den alten Arabern.
3) *Robertson Smith*, Marriage and Kinship in Early Arabia, p. 151.
4) *Redhouse*, Notes on prof. E. B. Tylor's «Arabian Matriarchate».

тельно, существующаго у многихъ народовъ, безъ сомнѣнія, было интереснымъ и важнымъ открытіемъ; но заключенія, которыя отсюда вывели, не содѣйствуютъ, по моему мнѣнію, укрѣпленію общаго довѣрія къ новой наукѣ объ обществѣ, которая встрѣтила столько препятствій, чтобы проложить себѣ путь и быть признанной отраслью знанія.

Матріархальная теорія основана лишь на произвольныхъ предположеніяхъ. То обстоятельство, что такъ называемые цивилизованные народы, безъ исключенія, подчинены патріархальной системѣ, — это обстоятельство не доказываетъ, что матріархальная система была первоначальною системой родства въ человѣческой расѣ. Эволюція не всегда происходитъ по прямой линіи; она можетъ также идти кругомъ (en cercle), и самое новое можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ древнимъ. Я не утверждаю, что такъ случилось съ патріархатомъ; я отрицаю только увѣренность въ противоположномъ. Сторонники матріархальной теоріи не могутъ даже сказать въ свою защиту, что матріархатъ особенно имѣетъ мѣсто у самыхъ низшихъ дикихъ расъ. Индѣйцы Сѣверной Америки и африканскіе негры являются, напротивъ, сравнительно развитыми народами; а между самыми грубыми народами большинство представляется патріархальнымъ. У большинства горныхъ племенъ Индіи, насколько я знаю, нѣтъ никакого слѣда матріархальной системы. Вальянъ и Кольбенъ констатируютъ, что у готтентотовъ и у бушменовъ наслѣдство переходитъ отъ отца къ сыну [1]). По Марціусу и Уоллэсу, аборигены Бразиліи или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ придавали особенную важность родству по отцу [2]). Относительно ягановъ Огненной Земли Томасъ Бриджсъ, проживш ій тамъ болѣе тридцати лѣтъ, пишетъ мнѣ: „Дитя принадлежитъ одинаково къ кланамъ своего отца и своей матери въ томъ, что касается обязанности мести; но оно считается членомъ только отцовскаго клана. Дѣти вообще называются именами своихъ дѣдовъ — по отцу или по матери безразлично. Они находятся въ такой же связи съ родственниками своей матери — и эти послѣдніе съ ними, — какъ и съ своими родственниками по отцу; единственное различіе состоитъ въ томъ, что они являются составною частью отцовскаго, а не ма-

[1]) *Starcke*, La famille primitive, p. 75. *Spenser*, Descriptive Sociology.
[2]) *Martius*, Beiträge zur Ethnographie Amerika's, vol. I, p. 352, sqq. *Wallace*, Travels on the Amazon, p. 499.

теринскаго, клана". Говоря о наслѣдствѣ у того же народа, Hyades замѣчаетъ, что „наслѣдство переходитъ къ остающемуся въ живыхъ супругу или, за неимѣніемъ его, къ старшему сыну" [1]).

Утвержденіе, что на извѣстной ступени цивилизаціи матріархатъ былъ общимъ явленіемъ въ человѣчествѣ, также не имѣетъ никакого основанія. Соціологи, писавшіе о первобытной исторіи, весьма часто имѣли обыкновеніе заключать — безъ достаточныхъ основаній изъ господства какого-либо обычая или учрежденія у нѣсколькихъ дикихъ народовъ, — заключать, что этотъ обычай, это учрежденіе есть остатокъ ступени развитія, которую нѣкогда прошла вся человѣческая раса. Если даже предположить, что матріархальная система имѣла мѣсто у половины населенія земнаго шара, то, и въ такомъ случаѣ, какъ оправдать презумпцію, что она имѣла также мѣсто и у другой его половины? Изъ двухъ этихъ фактовъ одинъ не есть необходимое слѣдствіе другаго. Мы не должны признавать обычай необходимымъ вслѣдствіе того только обстоятельства, что онъ кажется такимъ съ перваго взгляда; и мы не должны строить исторію развитія человѣчества на непосредственныхъ основаніяхъ изолированныхъ фактовъ. Въ своей книгѣ „Исторія человѣческаго брака" [2]) я установилъ принципы, согласно которымъ думаю, что изслѣдователь долженъ строго относиться къ собираемымъ имъ даннымъ о первобытной исторіи человѣка. Макъ-Леннанъ замѣтилъ, что главные источники для изслѣдованія о первобытномъ обществѣ суть: 1) изученіе расъ въ ихъ первобытномъ состояніи и 2) изученіе символовъ, употребляемыхъ болѣе развитыми народами въ учрежденіи или въ практикѣ гражданскаго права [3]). Что касается этихъ символовъ или соціальныхъ переживаній, то они, безъ сомнѣнія, имѣютъ большое значеніе для соціологіи, но мы должны въ высшей степени заботиться о томъ, чтобы не признать таковыми обычаи, которые можно объяснить иначе болѣе удовлетворительнымъ образомъ. При томъ можетъ быть только одинъ правильный отвѣтъ на вопросъ: „какъ изъ изученія дикихъ обычаевъ мы можемъ извлечь данныя для первобытной исторіи человѣчества"? Сначала мы

---

1) *Hyades*, въ Bull. Soc. d'Anthropologie, serie III, vol. X, p.334.
2) Французскій переводъ *Varigny*, Paris, Guillaumin, 1895, I v. in-8°.
3) *Mac Lennan*, Studies in ancient history, p. 1.

должны изслѣдовать причины соціальныхъ явленій; затѣмъ отъ распространенности причинъ мы можемъ заключить о распространенности самыхъ явленій, если позволительно предполагать, что эти причины дѣйствовали, не встрѣчая препятствій со стороны другихъ причинъ.

Этотъ методъ, безъ сомнѣнія, представляетъ тысячу затрудненій и вообще приводитъ къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ гипотезамъ. Но что же дѣлать? Интересы науки будутъ лучше соблюдены, если мы безъ колебанія признаемся въ своемъ незнаніи, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы выдаемъ произвольныя догадки за установленныя истины. Во многихъ случаяхъ крайне трудно выяснить причины соціальныхъ явленій; у дикихъ народовъ существуетъ много обычаевъ, которыхъ, кажется, невозможно объяснить. Но существуютъ и другіе обычаи, природа и причины которыхъ не скрыты отъ насъ непроницаемою завѣсой. Я вполнѣ убѣжденъ, что „статистическій методъ изслѣдованія развитія учрежденій", превосходно изложенный въ трудѣ, прочтенномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Тэйлоромъ въ „Антропологическомъ Институтѣ Великобританіи и Ирландіи" [1]), прольетъ свѣтъ на многіе темные пункты. Тейлоръ показалъ, что причинныя отношенія въ соціальныхъ фактахъ могутъ быть открыты посредствомъ таблицъ и классификацій. Правила, составляющія особенность различныхъ народовъ, можно расположить въ таблицы такимъ образомъ, чтобы были видны совпаденія или отношенія сосуществованія каждаго обычая, такъ какъ при этомъ обнаруживается, какіе народы имѣютъ одни и тѣ же обычаи, какіе другіе обычаи сопровождаютъ ихъ или исключаются ими. Если, исходя изъ двухъ какихъ-либо обычаевъ, мы находимъ, что число ихъ „совпаденій" больше того числа разъ, когда они существовали бы по обыкновенному закону случайнаго распредѣленія (число это опредѣляется по отношенію ко всей совокупности классифицируемыхъ народовъ и къ числу разъ, когда встрѣчается каждый обычай), то мы можемъ сдѣлать выводъ, что между этими двумя обычаями существуетъ какая-нибудь причинная связь.

Посредствомъ этого метода Тэйлоръ установилъ, что матріархальная система находится въ связи съ господствующимъ у нѣкоторыхъ народовъ обычаемъ, по которому муж-

[1]) Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, vol. XVIII, pp. 245—269.

чина, вступая въ бракъ, долженъ оставить свой очагъ и идти жить съ своею женою въ домъ своего тестя, членомъ семьи котораго онъ дѣлается. Тэйлоръ нашелъ, что между тѣмъ какъ число совпаденій между народами, у которыхъ мужъ живетъ съ семьею своей жены, и народами, у которыхъ преобладаетъ матріархальная система, относительно велико, полный матріархатъ никогда не встрѣчается у народовъ, которые исключительно привыкли видѣть, что мужъ беретъ свою жену къ себѣ, къ своему собственному очагу. „Мы легко можемъ понять",—говоритъ Тэйлоръ,—„какъ авторитетъ мужа, живущаго въ семьѣ своей жены, будетъ ограниченъ соединеннымъ авторитетомъ дядей по матери и братьевъ его жены; когда, напротивъ, онъ беретъ жену къ себѣ, онъ дѣлается главою семьи; и мы должны ожидать, что правила происхожденія и наслѣдованія слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ". Другое весьма важное доказательство внутренней связи, существующей между системою родства и обычаями, о которыхъ идетъ рѣчь, представляетъ тотъ замѣчательный фактъ, что когда у разныхъ семей одного и того же народа встрѣчаются одновременно оба обычая,—когда жена принимаетъ мужа въ свою собственную хижину и мужъ беретъ жену въ свою,—то въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто происхожденіе по матери, во второмъ—по отцу [1]). Въ Японіи, когда въ семьѣ имѣются только дочери, находятъ мужа старшей изъ нихъ; мужъ этотъ входитъ въ семью своей жены и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ имя этой семьи [2]). Говоря о брачныхъ установленіяхъ Бабарскаго архипелага, Ридель замѣчаетъ, что „мужчины слѣдуютъ за женщинами и живутъ у нихъ. Дѣти принадлежатъ имъ такъ же, какъ и семьѣ жены. Похищеніе женщины, принадлежащей къ другому классу (negari), есть славное дѣло, и дѣти слѣдуютъ за отцомъ [3]).

Весьма вѣроятно, что матріархатъ обязанъ своимъ происхожденіемъ также и другимъ причинамъ. Я приведу то, что я говорилъ по этому поводу въ своей „Исторіи человѣческаго брака". Могло быть нѣсколько причинъ для того,

---

[1]) Древніе арабы (*Robertson Smith*., loc. cit. pp. 74 sqq.), Суматра (*Marsden*, History of Sumatra, p. 225), сингалезы (*Mac Lennan*, studies in ancient history. pp. 101 sqq.).

[2]) *Kuchler*, Marriage in Japan, въ Transaction of the Asiatic Society Japan. Vol. XIII, p. 115.

[3]) *Riedel*, De Sluik en Kroesharige Rassen tusschen Selebes en Papua' p. 351.

чтобы называть дѣтей скорѣе по матери, чѣмъ по отцу, оставляя въ сторонѣ всякое представленіе о родствѣ. Связь между матерью и дѣтьми, особенно у дикарей, гораздо тѣснѣе, чѣмъ связь, соединяющая сына съ отцомъ [1]). Женщина не только дала рожденіе ребенку, но еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ носила его на своей груди. Сверхъ того въ случаяхъ развода (частыхъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи), дитя слѣдуетъ за матерью; при томъ отецъ очень часто бываетъ слишкомъ старъ для дѣтей. Не естественно ли, въ такомъ случаѣ, что они скорѣе удерживаютъ материнское имя, чѣмъ принимаютъ имя отца, котораго едва знаютъ? Бельтъ говоритъ намъ, что мужчины и женщины принявшихъ христіанство классовъ Никарагуа часто мѣняютъ своихъ сожительницъ и сожителей, и дѣти, въ подобныхъ случаяхъ, оставаясь съ матерью, принимаютъ ея прозвище [2]). По Суэнну, крики отличали званіемъ начальника потомковъ по женской линіи, потому что не было возможности установить право по мужской линіи, когда женщины лишь въ исключительныхъ случаяхъ имѣли болѣе двухъ дѣтей отъ одного и того же отца [3]). Относительно казіа, одного изъ индійскихъ племенъ, у котораго господствуетъ родство по женской линіи, Гукеръ констатируетъ, что они имѣютъ весьма смутное представленіе о бракѣ, разводъ и мѣна женами составляютъ обычное явленіе и ни мало не сопровождаются стыдомъ. „Сынъ часто забываетъ имя и личность своего отца, прежде чѣмъ выростетъ, но онъ сильно привязывается къ матери“ [4]).

О нѣкоторыхъ негритянскихъ племенахъ Винтерботтомъ давно уже высказалъ мнѣніе, что господство женской линіи слѣдуетъ объяснять у нихъ практикой полигаміи [5]), а недавно на тотъ же самый пунктъ обратилъ вниманіе Старке [6]). Въ своемъ докладѣ объ эфатезахъ Новогебридскихъ ростововъ Макдональдъ также замѣчаетъ, что мысль, что дѣти тѣснѣе связаны съ матерью, чѣмъ съ отцомъ, вполнѣ естественна у полигамическаго народа [7]). Въ полигамиче-

[1]) *Lubbock*, loc. cit., p. 150 sqq.
[2]) *Belt*, The Naturalist in Nicaragua, p. 322.
[3]) *Schoolcraft*, Archives of Aboriginal Knowledge, vol. V, p. 273.
[4]) *Hooker*, Himalayan Journal, vol. II, p. 276.
[5]) Цитировано по Starcke, loc. cit. p. 69 п. 4.
[6]) Ibid., pp 27, 28, 35, 36, 40, 41, etc.
[7]) *Macdonald*, Oceania, pp. 184, 192 sqq.—Замѣчательно,—говоритъ онъ—(стр. 187),—что хотя у эфатезовъ всѣ дѣти принадлежатъ, по семейному имени, матери семейства, но каждый изъ нихъ имѣетъ и свое собственное имя, и каждый, услышавъ это имя, тотчасъ узнаетъ семью отца.

скихъ семьяхъ таковъ обыкновенный порядокъ, что каждая женщина имѣетъ для себя хижину: она живетъ тамъ со своими дѣтьми; но даже и тамъ, гдѣ этого нѣтъ, мать и дѣти живутъ вмѣстѣ, какъ особая семья. А потому что же страннаго въ томъ, что дитя получаетъ имя скорѣе по матери, нежели по отцу? Это наиболѣе простой способъ обозначить различіе между дѣтьми разныхъ женъ, — различіе, которое имѣетъ особенную важность въ томъ случаѣ, когда оно сопровождается извѣстными привилегіями въ отношеніи наслѣдованія. Замѣчательно, что у негровъ, — расы съ наибольшимъ господствомъ полигаміи въ мірѣ, — родство по женской линіи имѣетъ необыкновенное распространеніе; у горныхъ же индійскихъ племенъ — племенъ, напротивъ, моногамическихъ — дѣти, за нѣкоторыми исключеніями, принимаютъ имя отца. Относительно базуто, племени бечуановъ Казалисъ замѣчаетъ, что авторитетъ старшаго дяди по матери имѣетъ у нихъ чрезвычайную важность, особенно въ полигамическихъ семьяхъ, гдѣ дѣти не имѣютъ сильной привязанности къ своему отцу.

Кромѣ того, что касается правилъ наслѣдованія, то Старке высказалъ гипотезу, что они зависятъ отъ мѣстныхъ отношеній, потому что лица, живущія въ одномъ и томъ же мѣстѣ, дѣлаются наслѣдниками одни другихъ. У ирокезовъ, напримѣръ, по смерти мужчины, его имущество дѣлятъ между собой его братья и сестры, а также братья его матери; напротивъ, имущество женщины переходитъ къ ея дѣтямъ и сестрамъ, и ни въ какомъ случаѣ не къ братьямъ. „Съ дѣтства", — замѣчаетъ Старке, — „лишь только въ немъ пробуждается мысль, индивидъ заключенъ въ своемъ кланѣ, какъ въ тѣсной сѣти, такъ что и впослѣдствіи онъ не можетъ сбросить ее съ себя; вступивъ въ бракъ, онъ живетъ въ домѣ своей жены, какъ иностранецъ, не отказываясь отъ своего прежняго отечества, и его первые товарищи, съ которыми онъ провелъ свое дѣтство въ родномъ домѣ, дѣлаются его наслѣдниками. Напротивъ, братъ, оставившій свой домъ для брачной жизни на сторонѣ, дѣлается почти чужимъ для своей сестры; сестры этой послѣдней и ихъ дѣти, живущія вмѣстѣ съ нею въ материнскомъ домѣ, будутъ ея наслѣдниками, изъ числа которыхъ исключается ея братъ" [1]). Соглашаясь въ сущности со Старке, я не ду-

[1]) *Starcke*, loc. cit., p. 36.

маю, чтобы его гипотеза давала полное объясненіе того факта, что, при материнской системѣ родства, наслѣдниками мужчины бываютъ только ближайшіе родственники со стороны матери, другіе же члены клана исключаются. Но если бы наслѣдованіе дѣйствительно зависѣло единственно отъ мѣстныхъ отношеній или отъ воспоминаній о такихъ отношеніяхъ въ прошломъ, то наиболѣе естественнымъ порядкомъ былъ бы тотъ, при которомъ отецъ и дѣти живутъ вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока послѣднія достигнутъ зрѣлости, такъ что отецъ могъ бы видѣть наслѣдника въ своемъ сынѣ. Представляется вѣроятнымъ, что причины, заставляющія дѣтей принимать имя ихъ матери, также имѣютъ нѣкоторое непосредственное вліяніе на правила наслѣдованія; но я склоняюсь къ мысли, что наиболѣе важное значеніе имѣло, въ этомъ отношеніи, самое имя. Посредствомъ семейныхъ именъ поддерживаются прежнія связи и прошлое соединяется съ настоящимъ. Мы сами вообще болѣе расположены признавать родство, соединяющее насъ съ отдаленными родственниками, носящими наше имя, чѣмъ родство съ тѣми, которые носятъ другое имя. А на человѣка въ дикомъ состояніи языкъ оказываетъ въ этомъ отношеніи гораздо большее вліяніе, чѣмъ на насъ. Относительно аборигеновъ западной Австраліи Джоржъ Грей замѣчаетъ, что у нихъ обязанности семейныхъ именъ гораздо сильнѣе, чѣмъ обязанности крови, и что „Ящерица" или „Змѣй" востока считается родственникомъ „Ящерицы" или „Змѣя" запада, хотя бы между ними не существовало никакой семейной связи [1]). У осетинъ, по словамъ барона Гакстгаузена [2]), человѣкъ считается въ болѣе близкомъ родствѣ съ родственникомъ въ сотой степени, носящимъ его имя, чѣмъ съ братомъ своей матери; онъ обязанъ мстить за кровь этого, такъ называемаго брата (cousin), тогда какъ братъ матери не въ дѣйствительности не считается его родственникомъ. Говоря о нѣкоторыхъ племенахъ банту, Макъ-Коль-Тиль замѣчаетъ, что ихъ отвращеніе къ кровосмѣсительнымъ бракамъ столь сильно, что мужчина не женится на дѣвушкѣ другаго племени, если у нея одно съ нимъ имя, хотя бы между ними невозможно было отыскать родства [3]). Что же страннаго въ

---

[1]) *Grey*, Journal of Expeditions, vol. II, pp. 231, 296.—*Lubbock*, loc. cit., p. 136 sqq.

[2]) *Von Haxthausen*, Transcaucasia, p. 406.

[3]) *Mac Call Theal*, History of The Emigrant Baers, p. 16.

предположенія, что ассоціація подобныхъ идей оказала свое вліяніе на самыя правила наслѣдованія, особенно тамъ, гдѣ общность имени заключаетъ въ себѣ также и общность культа? Нужно замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ,— по крайней мѣрѣ, насколько я знаю,—когда званіе и собственность наслѣдуются только по женской линіи, дѣти называются по матери, но не наоборотъ, въ силу прямаго вліянія мѣстныхъ и другихъ отношеній. Въ Китаѣ строго запрещено завѣщателю назначать наслѣдникомъ лицо, носящее разное съ нимъ имя [1]).

Существуютъ также и другія объясненія происхожденія матріархальной системы. Макъ-Леннанъ, какъ извѣстно, выводитъ ее изъ неизвѣстности отца, какъ результата первобытнаго безпорядочнаго смѣшенія половъ. „Непонятно",— говоритъ онъ,—„что другое, кромѣ неизвѣстности въ этомъ отношеніи, могло долгое время препятствовать признанію родства по мужской линіи; и изъ такихъ фактовъ мы можемъ заключать, что такая извѣстность нѣкогда отсутствовала,—что болѣе или менѣе распространенное безпорядочное половое смѣшеніе нѣкогда преобладало. Связь между этими двумя фактами—неизвѣстностью отца и родствомъ только по женской линіи—представляется столь необходимой, что мы можемъ съ увѣренностью заключить объ одномъ, когда находимъ другой,—какъ отъ причины къ слѣдствію [2]).

Эта гипотеза, цѣль которой не только объяснить происхожденіе матріархата, но также—доказать гипотезу древняго безпорядочнаго смѣшенія половъ, была принята многими позднѣйшими писателями, на нее въ самомъ дѣлѣ смотрѣли, какъ на самое важное доказательство въ пользу этой теоріи. Она основывается на предположеніи, что система матріархата держится непосредственно на отношеніяхъ единства крови; но какъ оправдать такое предположеніе? Почему имя дѣтей и правила наслѣдованія необходимо зависятъ отъ связей крови? Древніе римляне не признавали никакого юридическаго родства между дѣтьми одной и той же матери и разныхъ отцовъ, и Спенсеръ основательно замѣчаетъ, что если нельзя предположить, что съ этой системой была связана неизвѣстность матери,

---

[1]) *Medhurst*, Marriage, Affinity, and Inheritance in China, въ Transactions of the China Branch of the Royal Asiatic Society, vol. IV, p. 29.
[2]) *Mac Lennan*, Studies in Ancient History, p. 88.

то нѣтъ достаточнаго основанія и для утвержденія, будто неизвѣстность отца была связана у дикарей съ системою родства только по женской линіи [1]). При томъ я не думаю, чтобы можно было показать общее совпаденіе того, что мы считаемъ нравственными или безнравственными обычаями, съ господствомъ женскаго или мужскаго потомства между современными дикарями. Существуютъ матріархальные народы, у которыхъ, какъ говорятъ, прелюбодѣяніе крайне рѣдко, между тѣмъ какъ у народовъ, наиболѣе извѣстныхъ своею распущенностью, каковы туземцы Таити, имущество переходитъ къ старшему „сыну". У тода и тибетцевъ, у которыхъ отецъ дѣйствительно неизвѣстенъ, вслѣдствіе обычая поліандріи, имѣетъ мѣсто только наслѣдованіе по мужской линіи. „Если одна или нѣсколько женщинъ",—говоритъ Маршалль о первыхъ,—„живутъ сообща съ нѣсколькими мужчинами, то каждый мужъ считаетъ всѣхъ дѣтей своими, хотя каждая женщина считается матерью лишь своихъ собственныхъ дѣтей; и каждое дитя мужскаго пола является наслѣдникомъ собственности всѣхъ отцовъ" [2]). У редди сынъ—хотя онъ часто не знаетъ своего настоящаго отца—дѣлается наслѣдникомъ мужа своей матери [3]). Въ Индіи и на Цейлонѣ родство по женской линіи соединяется съ поліандріей типа *beena*, когда мужья идутъ жить со своею женою въ домъ или вблизи дома, гдѣ она родилась, а родство по мужской линіи—съ бракомъ по типу *deega*, когда жена идетъ жить въ домъ и въ селеніе своего мужа [4]). Нужно, однако, замѣтить, что у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ господство женской линіи, по ихъ собственному увѣренію, основывается по неизвѣстности отцовъ. Такъ, Ингэмъ пишетъ мнѣ, изъ Банза Мантека, что баконго, которые ведутъ свое происхожденіе только по матери, указываютъ, какъ на причину этого обычая, на неизвѣстность отца. Такія утвержденія не имѣютъ рѣшающаго значенія. Нѣтъ ничего болѣе распространеннаго, какъ незнаніе народомъ происхожденія его собственнаго обычая. Тѣмъ не менѣе это можетъ быть; мы должны принять во вниманіе это объясненіе и допустить, что и незнаніе отца можетъ быть причиною матріархальной системы.

---

[1]) *Spenser*, The principles of Sociology, vol. I, p. 627.
[2]) *Marshall*, A. Phrenologist amongst the Todas, pp. 206 sqq.
[3]) *Kearns*, The Tribes of South India, p. 35.
[4]) *Wake*, loc. cit., p. 271.

Заключеніе, что родство лишь по женской линіи вездѣ предшествовало родству по мужской линіи, можно было бы обосновать при томъ только условіи, если бы было возможно доказать, что причина или причины, которымъ материнская система обязана своимъ происхожденіемъ, въ прошлой жизни человѣчества дѣйствовали универсально. Если же это тѣ причины, на которыя указывали до сихъ поръ, то это заключеніе не только гадательно, оно невѣроятно. Обычай, заставляющій мужа идти жить со своею женою въ домъ ея отца, не имѣетъ общаго характера; онъ почти неизвѣстенъ у наиболѣе грубыхъ изъ современныхъ дикарей. Что касается исторіи формъ человѣческаго брака, то я думаю, что можно съ полною увѣренностью принять заключеніе, что всегда господствующая форма брака—моногамія на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи имѣла даже большее распространеніе, чѣмъ на ступеняхъ нѣсколько высшихъ, хотя на еще высшей ступени полигамія на большомъ пространствѣ вновь уступила мѣсто моногаміи [1]). И для характеристики первобытныхъ расъ вообще мы не имѣемъ никакого основанія принимать неизвѣстность отца, какъ слѣдствіе распущенности нравовъ.

Дѣйствительно, таково общее мнѣніе антропологовъ, что люди вначалѣ жили въ состояніи безпорядочнаго смѣшенія половъ, и для многихъ это болѣе, чѣмъ мнѣніе,—это—доказанная истина. Доказательство, на которое опирается эта гипотеза, исходитъ изъ двухъ источниковъ. Вопервыхъ, въ книгахъ древнихъ писателей и новѣйшихъ путешественниковъ находятся данныя о дикихъ народахъ, которые,—говорятъ,—живутъ въ безпорядочномъ половомъ смѣшеніи; во-вторыхъ, есть нѣсколько замѣчательныхъ обычаевъ, которые,—какъ полагаютъ,—представляютъ собою соціальныя переживанія, указывающія на болѣе примитивное состояніе цивилизаціи, когда не существовало брака. Что касается перваго источника, то я показалъ, что многіе—или большинство—изъ свидѣтельствъ о безпорядочномъ смѣшенія половъ у первобытныхъ народовъ ложны; достовѣрность другихъ доказательствъ, особенно касающихся древнихъ народовъ и потому недоступныхъ никакому прямому опроверженію, по меньшей мѣрѣ, сомнительна. Но если даже предположить, что нѣкоторыя изъ этихъ утвер-

¹) См. мое сочиненіе «History of Human Marriage», гл. XXII.

жденій справедливы, то и въ такомъ случаѣ было бы ошибочно заключать, что эти, совершенно исключительные, случаи воспроизводятъ состояніе развитія, пройденное всѣмъ человѣчествомъ; невѣрно и то, что у низшихъ народовъ половыя отношенія наиболѣе приближаются къ безпорядочному общенію. Сомнительно также заключеніе о первобытномъ половомъ смѣшеніи, выводимое изъ того факта, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ земнаго шара тотъ и другой полъ до брака могутъ свободно жить вмѣстѣ. Существуетъ много дикихъ и варварскихъ народовъ, у которыхъ половое общеніе рѣдко имѣетъ мѣсто внѣ брака: распущенность женщины считается позоромъ или преступленіемъ. Соприкосновеніе съ „высшей цивилизаціей" было явно гибельно для нравственности дикихъ народовъ; и мы имѣемъ всѣ основанія полагать, что неправильныя половыя отношенія, въ общемъ, обнаруживаютъ тенденцію возрастать вмѣстѣ съ прогрессомъ цивилизаціи. Далеко не будучи остаткомъ первобытной жизни человѣка, неправильность этого рода есть, кажется, аномалія, особенно вытекающая изъ обстоятельствъ, соединенныхъ съ извѣстными стадіями человѣческаго развитія. Джонъ Леббокъ думаетъ, что его гипотеза „общиннаго брака" находитъ новое подтвержденіе въ нѣкоторыхъ любопытныхъ обычаяхъ, которые онъ объясняетъ, какъ искупительныя дѣйствія для индивидуальнаго брака. „Во многихъ случаяхъ", --говоритъ онъ,—„исключительное обладаніе женщиной могло быть законно пріобрѣтено лишь путемъ временнаго признанія существовавшихъ прежде общинныхъ правъ" [1]). Такія искупительныя дѣйствія для индивидуальнаго брака усматриваютъ въ религіозной проституціи, имѣвшей мѣсто на Востокѣ; въ jus primae noctis,—правѣ, предоставляемомъ друзьямъ жениха, всѣмъ приглашеннымъ на бракъ, частному лицу, начальнику или жрецу; въ обычаѣ предлагать женъ гостямъ, свойственномъ многимъ не цивилизованнымъ народамъ. Но я сдѣлалъ попытку показать, что всѣ эти обычаи можно объяснить иначе, болѣе удовлетворительнымъ образомъ, чѣмъ какъ остатки древняго безпорядочнаго половаго смѣшенія. Я пытался также выяснить неосновательность взгляда Моргана, будто древнее господство „групповаго брака" и смѣшенія половъ доказывается системою классификаціи родства, употребляемою

---

[1]) *Sir John Lubbock*. loc. cit., p. 536.

многими расами. Словомъ, я осмѣлился сказать, что многочисленные факты, выдвинутые для подкрѣпленія гипотезы безпорядочнаго половаго смѣшенія, не позволяютъ думать, что это смѣшеніе нѣкогда было господствующею формою половыхъ отношеній, хотя бы у одного народа, еще менѣе— что оно составляло общую ступень соціальнаго развитія человѣчества, и всего менѣе,—что оно было исходнымъ пунктомъ всей человѣческой исторіи.

Болѣе того, гипотеза первобытнаго безпорядочнаго половаго общенія не только не доказана, но даже противоположна всѣмъ правильнымъ идеямъ, какія мы можемъ имѣть о первобытномъ состояніи человѣка. Генри Мэнъ выставилъ такое возраженіе противъ этой гипотезы: повидимому, сильный доводъ говоритъ за то, что безпорядочное смѣшеніе половъ ведетъ къ патологическому состоянію, весьма неблагопріятному для размноженія; а „безплодіе среди дикарей, ведущихъ непрерывную войну, имѣетъ слѣдствіемъ слабѣть и, наконецъ, истребленіе“ [1]). И Дарвинъ замѣчаетъ, что, при извѣстной намъ ревности всѣхъ четверогихъ самцовъ, безпорядочное половое общеніе почти не имѣетъ возможности укрѣпиться въ какомъ-либо естественномъ состояніи; хотя, въ виду ряда свидѣтельствъ, приведенныхъ Морганомъ, Макъ-Леннаномъ и Джономъ Леббокомъ, ему кажется достовѣрнымъ, что въ позднѣйшую эпоху это смѣшеніе было крайне общимъ явленіемъ на всей земной поверхности [2]). Но если въ настоящее время ревность вездѣ господствуетъ въ человѣческой расѣ (что можно доказать), то невозможно повѣрить, будто было время, когда человѣкъ былъ лишенъ этого могущественнаго чувства. Жиро-Телонъ [3]) и Ле-Бонъ [4]) дѣйствительно утверждаютъ, что оно почти совершенно неизвѣстно нецивилизованнымъ народамъ; но это утвержденіе совершенно ошибочно [5]). Когда описываютъ самыя низшія человѣческія расы, то отмѣчаютъ, что у нихъ мужья крайне ревнивы къ своимъ женамъ; и читая то, что говорятъ намъ объ обычаѣ предлагать или проституировать женъ, мы должны помнить, что ревность, точно такъ же, какъ и любовь, представляетъ собою чувство далеко не одинаковаго характера въ головѣ

[1]) *Maine*, loc. cit., pp. 204 sqq.
[2]) *Darwin*, loc cit., vol. II, pp. 398 sqq.
[3]) *Giraud-Teulon*, Les origines de la famille, p. 79.
[4]) *Le Bon*, L'homme et les sociétés, t. II, p. 293.
[5]) См. мою «History of Human Marriage», pp. 117—130.

дикаря и въ головѣ цивилизованнаго. На жену часто смотрятъ, какъ на собственность, и то обстоятельство, что мужъ предлагаетъ свою жену гостю, не предполагаетъ еще отсутствія ревности, такъ же какъ другіе способы проявленія гостепріимства не говорятъ о томъ, что онъ не имѣетъ чувства собственности Молодой замужней женщинѣ никогда не позволяется сожительствовать съ кѣмъ-либо изъ мужчинъ, кромѣ мужа, если только она не получила позволенія послѣдняго; а это позволеніе дается только какъ актъ гостепріимства или дружбы, или какъ средство для полученія выгоды. Когда намъ разсказываютъ, что мужъ-негръ пользуется своею женою, чтобы обмануть другихъ мужчинъ или чтобы заставить ихъ уплатить большую сумму,—или что на Нукагивѣ мужья иногда предлагаютъ своихъ женъ иностранцамъ, къ чему ихъ побуждаетъ страстное желаніе получить мѣдь или другія европейскія вещи, то изъ этой испорченности мы не должны заключать, что ревность была неизвѣстна человѣку на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Напротивъ, такіе обычаи обязаны своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ соприкосновенію съ „болѣе высокой культурой“, которая часто приводитъ къ извращенію естественныхъ инстинктовъ. „Испорченные ложною цивилизаціею мужья“,—говоритъ Бонвикъ [1]), „обнаруживаютъ иногда готовность промѣнять добродѣтель жены на пачку табаку, кусокъ мяса или полъ-шиллинга денегъ“.

Можно, однако, предположить, что чувство ревности,—хотя оно свойственно человѣческой природѣ,—было ограничено нѣкоторыми условіями, которыя сдѣлали необходимымъ или нежелательнымъ для мужчины дѣлиться своею женою съ другими мужчинами. Этимъ объясняется то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земнаго шара господствуетъ поліандрія. Но я старался показать, что этотъ обычай обязанъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ недостатку женщинъ и обыкновенно представляетъ собою актъ братскаго расположенія: старшій братъ, первымъ вступающій въ бракъ, отчасти уступаетъ свою жену младшимъ братьямъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, они должны были бы жить въ состояніи безбрачія. А потому на поліандрію ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть (подобно Макъ-Леннану), какъ на видоизмѣненіе безпорядочнаго смѣшенія по-

[1]) *Bonwick*, The Last of the Tasmanians, p. 308.

ловъ и какъ на прогрессъ, сравнительно съ послѣднимъ. Она обязана своимъ происхожденіемъ причинѣ или причинамъ, которыя никогда не произвели бы общности женъ; при томъ можно доказать, что поліандрія противна самымъ грубымъ человѣческимъ расамъ.

Полагали также, что привычка людей жить обществами сдѣлала безпорядочное половое общеніе необходимымъ. Говорятъ, что люди одной группы должны были или вступить въ борьбу изъ-за своихъ женщинъ и разойтись, раздѣливъ орду на враждебныя части, или обратиться къ безпорядочному половому общенію. Но трудно понять, почему организація племени въ древности препятствовала мужчинѣ имѣть свою особую жену, тогда какъ она не препятствуетъ этому у современныхъ дикарей. Нельзя повѣрить, чтобы наиболѣе сильные мужчины, которымъ вообще удается завладѣть женщинами, наиболѣе отвѣчающими ихъ вкусу,—чтобы они добровольно уступили своимъ болѣе слабымъ соперникамъ часть своей драгоцѣнной добычи; и если—какъ это обыкновенно случается у дикарей,—почти всѣ, достигшіе зрѣлаго возраста, мужчины имѣютъ женъ для себя самихъ, то еще менѣе основаній предполагать общность женъ.

Итакъ, нѣтъ и тѣни истиннаго доказательства того, что безпорядочное половое общеніе было нѣкогда общею ступенью въ соціальной исторіи человѣчества. Я позволилъ себѣ сказать, что гипотеза безпорядочнаго общенія половъ не принадлежитъ—какъ то полагаетъ профессоръ Жиро-Тэлонъ,—къ классу гипотезъ, которыя могутъ быть допущены наукой; она не имѣетъ никакого реальнаго основанія и противонаучна по существу. Она не можетъ сообщить никакой силы доказательству предположенія, что родство только по женской линіи вездѣ предшествовало родству по мужской линіи.

До сихъ поръ мы нашли, что два первыхъ утвержденія сторонниковъ матріархата [именно, что матріархатъ представляетъ низшую ступень соціальнаго развитія, сравнительно съ патріархальной системой,—и что на извѣстной ступени цивилизаціи онъ былъ всеобщимъ явленіемъ въ человѣчествѣ] не имѣютъ никакого основанія. Переходимъ къ третьему утвержденію, что матріархатъ, въ своей современной формѣ, есть не что иное, какъ переживаніе болѣе развитой матріархальной системы, при которой отецъ не имѣлъ

мѣста въ семьѣ, въ которой дядя по матери былъ покровителемъ и главой.

Еще никто даже не пытался доказать достовѣрность этого предположенія, которое представляетъ собою не болѣе, какъ простую догадку. Весьма возможно, конечно, что въ древности племянники наслѣдовали своимъ дядямъ по матери, какъ въ отношеніи ихъ званія, такъ и въ отношеніи ихъ собственности, у народовъ, у которыхъ дѣти принимаютъ теперь имя своей матери и считаются принадлежащими къ ея клану, хотя наслѣдованіе происходитъ въ настоящее время по мужской линіи. Возможно также, что въ древности отношенія между племянникомъ и его дядей по матери во многихъ случаяхъ были гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь у большей части народовъ, знающихъ систему родства только по женской линіи. Но это утвержденіе ни на чемъ не основано; болѣе того, крайне невѣроятно, чтобы было когда-нибудь время, когда отецъ—какъ общее правило—не имѣлъ мѣста въ семьѣ и когда братъ матери былъ покровителемъ и главою семьи. Семья, конечно, нуждалась въ покровителѣ, но покровителемъ былъ не кто иной, какъ отецъ.

Доказательство, которое я привелъ въ своей „Исторіи человѣческаго брака", заимствовано изъ области біологіи. У всѣхъ видовъ млекопитающихъ мать предана горячимъ заботамъ о своихъ дѣтенышахъ. Не то отецъ; случается, что онъ бываетъ врагомъ своего потомства. Но нѣтъ недостатка и въ противоположныхъ примѣрахъ; отношенія между обоими полами—хотя вообще они ограничены порою спариванья—у нѣкоторыхъ видовъ имѣютъ болѣе продолжительный характеръ. Особенно это имѣетъ мѣсто у четвероруких, изъ которыхъ для насъ наиболѣе интересны, конечно, человѣкообразныя обезьяны. Горилла, шимпанзе и, какъ сообщаетъ лейтенантъ Креспиньи, орангъ-утангъ живутъ обыкновенно семьями, состоящими изъ самца и самки, достигшихъ полной зрѣлости, и изъ одного или двухъ дѣтенышей. Когда самка беременна, самецъ строитъ на деревѣ большое гнѣздо. Тамъ она рожаетъ; тамъ же она, вмѣстѣ съ дѣтенышемъ, проводитъ ночи, тогда какъ самецъ помѣщается ниже на деревѣ или у его корня, защищая семью противъ ночныхъ нападеній леопардовъ или

другихъ враговъ [1]. Переходя отъ высшихъ обезьянъ къ варварскимъ и дикимъ человѣческимъ расамъ, мы встрѣчаемъ то же самое явленіе. За исключеніемъ нѣсколькихъ, крайне сомнительныхъ, случаевъ, когда нѣкоторыя племена,—какъ увѣряютъ,—живутъ въ безпорядочномъ половомъ смѣшеніи, путешественники единогласно утверждаютъ, что въ человѣческой расѣ половыя отношенія, по общему правилу, имѣютъ болѣе или менѣе продолжительный характеръ. Семья, состоящая изъ отца, матери и дѣтей, является всеобщимъ учрежденіемъ, основана ли она на моногамическомъ, полигамическомъ или поліандрическомъ бракѣ. Здѣсь тѣ же нравы, что и у низшихъ животныхъ, т. е. матери главнымъ образомъ свойственна забота о дѣтяхъ, тогда какъ отецъ является покровителемъ и защитникомъ семьи. Человѣкъ въ дикомъ состояніи не столь равнодушенъ къ благосостоянію своей жены и своихъ дѣтей, какъ вообще думаютъ; во всякомъ случаѣ, простѣйшія обязанности отца извѣстны повсемѣстно. Если отецъ не дѣлаетъ ничего другаго, то онъ строитъ жилище и занимается охотою и войной. Даже несчастные рокъ-ведды на Цейлонѣ, по словамъ Эмерсона Тэнита, „признаютъ обязанностью и долгомъ мужчинъ поддерживать свои собственныя семьи".

Теперь спрашивается: какъ было въ древности? Всегда ли въ человѣческой семьѣ имѣлъ мѣсто отецъ? Вѣроятно ли, что было нѣкогда время, когда бракъ не имѣлъ въ человѣчествѣ мѣста, если подъ бракомъ разумѣть не что другое, какъ болѣе или менѣе прочную связь между самцомъ и самкой, продолжающуюся далѣе простаго акта воспроизведенія и даже рожденія потомства? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить прежде, чѣмъ мы найдемъ причины, которой бракъ обязанъ своимъ происхожденіемъ.

Ясно, что если производительная способность ограничена извѣстнымъ временемъ года, то невозможно, чтобы самку и самца соединялъ, въ продолженіе мѣсяцевъ и годовъ, половой инстинктъ. И никакой другой эгоистическій мотивъ не въ состояніи объяснить это обстоятельство. Такъ какъ связь продолжается и послѣ рожденія дѣтенышей и

[1] *Savage*, Description of Troglodytes Gorilla, p. 9 sqq.—*Du Chaillu*, Explorations and adventures in Equatorial Africa, pp. 214—218. *Von Koppenfels*, Meine Jagden auf Gorillas, въ «Die Gartenlaube» 1877, p. 419 sqq. *Savage*, On Traglodytes Niger, въ «Boston journal of National history», t. IV, p. 385. *C. De-Crespigny*, въ «Proceedings of the Roy. Geog. Society», v. XVI, p. 177.

такъ какъ отецъ заботится о своемъ потомствѣ, то мы можемъ предположить, что продолжительная связь половъ, тѣмъ или другимъ способомъ, связана съ родительскими обязанностями. Сказать правду, я твердо убѣжденъ, что связь, соединяющая самца и самку,—это инстинктъ, развившійся подъ могущественнымъ вліяніемъ естественнаго подбора. Очевидно, что когда отецъ помогаетъ матери защищать дѣтей, то видъ имѣетъ большую возможность устоять въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда эта обязанность исключительно на матери. Родительская привязанность и инстинктъ, побуждающіе самца и самку заключать довольно продолжительный союзъ, являются, такимъ образомъ, полезными способностями ума, которыя, по всей вѣроятности, были пріобрѣтены вслѣдствіе переживанія приспособленнѣйшихъ. Для человѣкообразныхъ обезьянъ бракъ есть, кажется, необходимость, главнымъ образомъ, вслѣдствіе малочисленности ихъ потомства (самка рожаетъ за одинъ разъ лишь по одному дѣтенышу), а также по причинѣ продолжительной безпомощности дѣтенышей. Если же такъ, то нужно вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что и у первобытныхъ людей,—вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя дѣйствуютъ у этихъ животныхъ,—оба пола оставались вмѣстѣ послѣ рожденія дѣтей. Позднѣе, когда человѣческая раса перешла на другую, высшую ступень развитія и распространилась по землѣ, живя главнымъ образомъ мясомъ животныхъ, помощь взрослаго мужчины сдѣлалась еще необходимѣе для жизни дѣтей. Охота вездѣ составляетъ обязанность мужчины, и занятіе ею женщины у дикихъ народовъ—не болѣе какъ рѣдкое исключеніе [1]). При такихъ условіяхъ, семья, состоящая изъ матери и ребенка (въ видѣ общаго правила), по всей вѣроятности, должна была погибнуть.

Итакъ, біологія приводитъ насъ къ признанію господства патріархальной семьи съ самаго отдаленнаго періода человѣческой исторіи. Признавая необходимымъ для семьи покровителя, сторонники матріархата ставятъ на мѣсто отца дядю по матери, не указывая для этого никакого основанія и вопреки всему тому, что говорятъ намъ зоологія и этнографія. Другіе полагали, что покровителями дѣтей были не только отцы, но и всѣ мужчины племени безразлично. По

1) *Peschel*, The Races of man, pp. 229 sqq.

мнѣнію защитниковъ гипотезы безпорядочнаго полового сожительства и даже другихъ соціологовъ, какъ, наприм., Каутскаго [1]), племя или орда есть первичная соціальная единица человѣческаго рода; семья же—лишь вторичная единица, развившаяся позднѣе. Но идея, что дѣти мужчины принадлежали племени, въ дѣйствительности ни на чемъ не основана. Вездѣ мы находимъ племена и кланы, состоящіе изъ нѣсколькихъ семей, при чемъ члены каждой семьи тѣснѣе связаны между собою, чѣмъ со всѣмъ остальнымъ племенемъ. Семья, состоящая изъ родителей и дѣтей, а часто заключающая въ себѣ и другихъ ближайшихъ потомковъ, есть всеобщее учрежденіе у всѣхъ народовъ міра. И весьма вѣроятно, что у нашихъ древнѣйшихъ предковъ семья составляла, если не общество, то, по крайней мѣрѣ, ядро общества.

Всѣ авторитеты согласны въ томъ, что человѣкообразныя обезьяны не изъ такихъ животныхъ, которыя живутъ стадами; онѣ живутъ парами или семьями. По Савэджу, шимпанзе встрѣчаются въ большомъ количествѣ только въ такое время года, когда созрѣваетъ наибольшее количество плодовъ [2]); отсюда мы съ вѣроятностью можемъ заключать, что одиночная жизнь, которую обыкновенно ведетъ эта обезьяна, обусловлена главнымъ образомъ трудностями, которыя она испытываетъ при отыскапіи себѣ пищи въ другія времена года. Не весьма ли поэтому вѣроятно, что наши предки, люди или полу-люди, питаясь плодами, живя тою же самою пищей и нуждаясь почти въ томъ же количествѣ этой пищи, что и обезьяны, не жили группами, какъ и эти послѣднія? Вѣроятно также, что впослѣдствіи, когда человѣкъ отчасти началъ питаться мясомъ, онъ вообще продолжалъ вести ту же уединенную жизнь, или жизнь въ обществѣ была для него лишь временною привычкой. Спенсеръ замѣтилъ, что животное хищной породы, которое можетъ схватывать и убивать добычу безъ посторонней помощи, имѣетъ выгоду въ уединенной жизни, особенно если добыча очень разбросана и берется при помощи хитрыхъ движеній или изъ засады; въ такомъ случаѣ, стадная жизнь представляла бы только неудобства. Въ самомъ дѣлѣ, весьма

---

[1]) *Kautsky*. Die Entstehung der Ehe und Familie, въ «Kosmos», vol. XII, p. 198.

[2]) *Savage*. Boston journal of Natural History, vol. IV, p. 383. *V. Koppenfels*, «Die Gartenlaube», p. 419.

замѣчательно, что даже въ настоящее время существуютъ дикіе народы, которые живутъ больше отдѣльными семьями, чѣмъ племенами, и большинство этихъ народовъ принадлежатъ къ самымъ дикимъ расамъ въ свѣтѣ, каковы: ведды на Цейлонѣ, огнеземельцы, западные австралійцы и нѣкоторыя племена Бразиліи. Сравнительно изолированная жизнь, которую ведутъ семьи этихъ народовъ, обусловлена недостаткомъ пищи, что доказывается нѣкоторыми фактами. Такъ, Лихтенштейнъ говоритъ намъ, что затрудненія, испытываемыя бушменами въ удовлетвореніи насущнѣйшихъ жизненныхъ потребностей исключаютъ для нихъ возможность образованія большихъ обществъ: „чѣмъ меньше ихъ число, тѣмъ легче имъ добыть необходимую пищу“ [1]). Подобныя утвержденія находимъ и у другихъ писателей относительно другихъ народовъ, живущихъ скорѣе семьями, чѣмъ племенами [2]).

Итакъ, родъ пищи, которою человѣкъ живетъ, и значительное ея количество, которое ему нужно, служили, вѣроятно, въ древности препятствіемъ къ общественной жизни, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣсколькихъ очень богатыхъ мѣстностей. Но, мало по малу, человѣкъ изобрѣлъ много различныхъ средствъ, чтобы обезпечить свою жизнь, и все болѣе и болѣе освобождался отъ непосредственной зависимости отъ окружающей природы. Благодаря этимъ средствамъ, главное препятствіе къ общественной жизни было отчасти устранено, и выгоды такой жизни заставили семьи или небольшія группы соединиться въ болѣе обширныя организаціи. Живя вмѣстѣ, семьи могли, конечно, гораздо легче бороться съ опасностями и защищаться отъ своихъ враговъ, чѣмъ въ одиночку. А потому можно думать, что жизнь группами и общественность человѣка были какъ-бы результатомъ интеллектуальныхъ и матеріальныхъ успѣховъ цивилизаціи, тогда какъ связь, соединявшая мужа и жену, родителей и дѣтей, была, если не единственнымъ, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ факторомъ въ первобытной жизни человѣка. Я рѣшительно не вижу основанія

[1]) *Lichtenstein*, Travels in Southern Africa, vol. II, p. 194, 49.

[2]) *King and Fitzroy*, Voyages of The Adventure and Beagle, vol. II, p. 177 sqq. *John Hunter*, Historical Journal of the Transactions ot Port Jackson and Norfolk Island, p. 62. *Brough Smyth*, The aborigines of Victoria, vol. I, pp. 146 sqq. *H. E. A. Meyer*, Aborigines of the Encounter Bay Tribe въ сочиненіи *Woods*'a, Native Tribes of South Australia, p. 191 *Schoolcraft*, Indian Tribes of the United Stades, v. I, pp. 270 sqq.

думать, что было нѣкогда время, когда племя поглощало семью. Дѣйствительно, нѣтъ ни одного твердо установленнаго примѣра, чтобы какой-либо народъ представлялъ такой случай.

Я не отрицаю, конечно, что связь, соединяющая дѣтей съ матерью, была сначала гораздо тѣснѣе и продолжительнѣе, чѣмъ связь, соединяющая дѣтей съ отцомъ. Но мнѣ кажется, что единственный результатъ, къ которому могло бы привести критическое изслѣдованіе фактовъ, тотъ, что, по всей вѣроятности, никогда не было такой эпохи въ развитіи человѣчества, когда бы не существовало брака, и, какъ общее правило, отецъ всегда былъ покровителемъ семьи. Слѣдовательно, патріархальная семья является наслѣдіемъ отъ какого-то обезьяноподобнаго предка.

Изъ области археологіи.

(Очеркъ дѣятельности археологическихъ учрежденій).

Дѣятельность с.-петербургскаго Археологическаго института.— Единственное пока въ Россіи высшее учебное заведеніе, посвященное археологіи и архивовѣдѣнію, с.-петербургскій Археологическій институтъ вступилъ въ истекающемъ году въ новый фазисъ своего существованія. 2 іюня Высочайше утверждено новое положеніе объ институтѣ и его штатѣ.

Положеніемъ этимъ институтъ признанъ правительственнымъ учрежденіемъ, а профессора и преподаватели его получили права государственной службы. Исторія возникновенія и первыхъ лѣтъ жизни института крайне интересна и поучительна, она ясно показываетъ, чего можетъ достичь человѣкъ, вложивъ всѣ силы своего ума, воли и энергіи въ излюбленное дѣло, въ пользу и важность котораго онъ глубоко вѣритъ. Немного было сотрудниковъ и помощниковъ у учредителя института и перваго его директора Николая Васильевича Калачова. Былъ моментъ въ жизни института, когда въ составъ профессоровъ входили лишь двое, и это были самъ учредитель института и его тезка, не только по имени, но и по духу—Н. В. Покровскій. Много испытаній вынесъ институтъ за свое 20 лѣтнее существованіе, прежде чѣмъ вышелъ на ту широкую ясную дорогу, которая открывается передъ нимъ въ настоящее время. Напомнимъ вкратцѣ исторію института. По ходатайству II археологическаго съѣзда Высочайше учреждена была въ 1873 году коммиссія объ устройствѣ архивовъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. В. Калачова. Коммиссія эта по инициативѣ своего предсѣдателя выработала проектъ положенія объ Археологическомъ институтѣ, какъ правительственномъ учрежденіи съ постояннымъ штатомъ въ 15.000 р. Долго не могъ осуществиться этотъ проектъ, и Н. В. Калачовъ, встрѣтивъ поддержку и сочувствіе у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, могъ исходатайствовать лишь разрѣшеніе открыть институтъ на частныя средства въ видѣ опыта на 4 года. 23 іюля 1873 года Государь Императоръ Высочайше утвердилъ положеніе объ Археологическомъ институтѣ. Цѣлью института было поставлено—приготовлять спеціалистовъ по русской ста-

ринѣ для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Открытіе института совершилось 15 января 1878 года. Опытъ удался. Институтъ, благодаря неутомимымъ трудамъ и неусыпной энергіи Н. В. Калачова и немногихъ преданныхъ дѣлу сотрудниковъ его, высоко державшихъ знамя науки, сдѣлался необходимымъ. Въ 1880 г. Высочайше утверждено было новое положеніе объ институтѣ, съ 1883 года назначена была ежегодная субсидія въ 6.000 руб., сначала на 3 года, а затѣмъ съ 1886 г. обращенная въ постоянную. Съ 10 января 1888 г. Археологическій институтъ былъ взятъ подъ высокое покровительство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича. Съ 1 января 1898 года упрочилось окончательно матеріальное положеніе института, съ этого года Высочайше повелѣно отпускать ежегодно на содержаніе института по 18.000 р. Съ нынѣшняго же года, какъ мы уже сказали, институтъ сталъ правительственнымъ учрежденіемъ. На 22 ой годъ существованія института осуществились, наконецъ, смѣлые замыслы его основателя. Въ первый годъ читались въ институтѣ всего три предмета: юридическія древности, историческая географія и церковная археологія; слушателей было 28. Въ настоящее время кромѣ 8 обязательныхъ предметовъ читаются еще пять предметовъ необязательныхъ. На обоихъ курсахъ числится уже около 200 слушателей. Съ прошлаго года институтъ предпринялъ устройство въ своихъ стѣнахъ ежегодныхъ выставокъ по различнымъ отраслямъ археологіи. Въ 1898 году первая такая выставка была посвящена памятникамъ христіанской археологіи и иконографіи. Продолжалась она въ теченіе Рождественскихъ праздниковъ и посѣщалась охотно публикой. Въ нынѣшнемъ году предположено устройство „Палеографической выставки". Первое общее собраніе членовъ и слушателей института было посвящено вопросамъ, касающимся выставки.—Устройство ея предполагается также въ теченіе Рождественскихъ праздниковъ; составъ ея: памятники палеографіи и археографіи, находящіеся въ частныхъ собраніяхъ; по недостатку помѣщенія едва-ли возможно было бы въ институтѣ помѣстить всѣ памятники, принадлежащіе правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ.

25-го октября, въ день кончины основателя института Н. В. Калачова, члены и слушатели собрались почтить его память. Была отслужена панихида по умершимъ директорамъ института: Н. В. Калачовѣ, Н. Е. Андреевскомъ и А. Н. Труворовѣ, а затѣмъ лекторомъ архивовѣдѣнія А. П. Вороновымъ было сдѣлано сообщеніе „Вопросъ объ архивахъ на XI Археологическомъ съѣздѣ". Прежде всего докладчикъ упомянулъ о заслугахъ Н. В. Калачова, который первый выдвинулъ на археологическихъ съѣздахъ вопросъ о важности архивовъ, какъ хранилищъ основныхъ историческихъ матеріаловъ и всю жизнь свою посвятилъ дорогому для него и любимому дѣлу реформы архивнаго дѣла въ Россіи. Послѣдній XI Археологическій съѣздъ, происходившій въ августѣ этого года въ Кіевѣ далъ мѣсто вопросамъ архивнаго

дѣла въ спеціальной XI Археографической секціи и по многочисленности рефератовъ, по тому оживленію и интересу, съ какимъ велись пренія, далеко оставилъ за собою предъидущіе съѣзды. Прочитано было 9 рефератовъ, относящихся до архивовъ: А. Н. Львовымъ „Русское законодательство объ архивахъ", проф. Цвѣтаевымъ „О варшавскихъ архивахъ", проф. Д. И. Багалѣй „О необходимости устройства центральнаго архива въ Харьковѣ", М. В. Довнаръ-Запольскимъ „Обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ коммиссій за послѣдніе 3 года", Т. Н. Шмелевымъ „Теорія и практика архивныхъ описей", И. М. Каманинымъ „Экспертиза древнихъ подложныхъ документовъ" и проф. Д. Я. Самоквасовымъ „Централизація государственныхъ архивовъ въ Западной Европѣ, въ связи съ архивной реформой въ Россіи". Докладчикъ обратилъ вниманіе на рефераты Львова и проф. Самоквасова. г. Львовъ указалъ, что у насъ до настоящаго времени нѣтъ еще полнаго архивнаго кодекса. Въ законоположеніяхъ, выработанныхъ различными вѣдомствами нѣтъ общаго принципа. Законодательство объ архивахъ отличается неполнотой, неясностью и неопредѣленностью. Архивы разсматриваются исключительно какъ мѣста храненія дѣлъ, необходимыхъ для канцелярскихъ справокъ, но совершенно отсутствуютъ указанія на ученую разработку архивныхъ матеріаловъ. Учрежденными въ различныхъ вѣдомствахъ правилами цѣлыя категоріи дѣлъ подвергаются уничтоженію, г. Львовымъ было предложено избрать коммиссію изъ членовъ секціи для выработки основныхъ принциповъ архивнаго законодательства.

Коммиссія была избрана въ особомъ административномъ засѣданіи XI секціи—съѣзда въ числѣ 9 членовъ подъ предсѣдательствомъ директора Археологическаго института Н. В. Покровскаго. Въ составъ ея вошли 4 члена губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній коммиссія приняла единогласно представленный Управляющимъ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи проф. Д. Я. Самоквасовымъ проектъ основанія архивной реформы въ Россіи. Сущность предлагаемой реформы централизація архивнаго управленія и архивныхъ матеріаловъ: Проектируется: 1. Учрежденіе центральнаго органа архивнаго управленія въ Россіи, подобнаго существующимъ въ Германіи, Скандинавіи, Англіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Италіи, который объединилъ бы управленіе государственными архивами разныхъ вѣдомствъ и подчинилъ бы ихъ общимъ правиламъ храненія и публичнаго пользованія. 2. Сосредоточеніе архивныхъ матеріаловъ высшихъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій по 1825 г. въ одномъ центральномъ публичномъ государственномъ архивѣ, а матеріалы мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій по 1775 годъ въ 12 центральныхъ публичныхъ областныхъ государственныхъ архивахъ древнихъ актовъ. Дѣлопроизводства губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учрежденій 25-лѣтней давности предполагается сосредоточить въ губернскихъ центральныхъ публичныхъ государственныхъ архивахъ. Проектируется также ходатайство-

вать передъ правительствомъ объ оказаніи существующимъ губернскимъ архивнымъ коммиссіямъ пособія въ размѣрѣ до 1500 р. ежегодно, въ виду того, что коммиссіи эти являются пока единственными учрежденіями, на которыя возложена правительствомъ обязанность охраны и собиранія древностей, какъ письменныхъ, такъ и предметныхъ, а въ будущемъ важная задача при организаціи архивнаго дѣла въ Россіи. Принятый коммиссіею проектъ былъ представленъ на обсужденіе секціи, которая послѣ долгихъ и жаркихъ преній и приняла его въ принципѣ большинствомъ голосовъ.

Результатомъ всѣхъ докладовъ и преній по разнымъ вопросамъ объ архивахъ явились слѣдующія постановленія совѣта XI Археологическаго съѣзда: ходатайствовать о реформѣ архивнаго дѣла въ Россіи въ ближайшемъ будущемъ и о дозволеніи, чтобы къ участію въ разработкѣ соотвѣтственнаго проекта были допущены тѣ лица, которымъ дѣло правильнаго устройства архивовъ наиболѣе знакомо и дорого; о преобразованіи Харьковскаго историческаго архива въ Центральный историческій архивъ; о немедленномъ изданіи циркулярнаго правительственнаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія дѣлъ до учрежденія центральнаго архивнаго управленія и объ оказаніи губернскимъ ученымъ архивнымъ коммисіямъ ежегоднаго пособія по 1.500 руб. каждой коммиссіи.

На общемъ собраніи членовъ и слушателей института 28 октября были прочитаны 2 реферата. Г. М. Болсуновымъ „Доисторическія древности на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ“ и Н. И. Крафтомъ „Уничтоженіе рабства въ киргизской степи“. Г. М. Болсуновъ коснулся лишь древностей палеолитическихъ. Прежде всего референтъ указалъ на важное значеніе науки „Доисторической археологіи“, изучающей древнюю культуру первобытнаго человѣка, отъ которой не осталось никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Затѣмъ лекторъ перешелъ къ вопросу о древности человѣка на русской территоріи. Находясь на пути изъ Азіи, колыбели человѣчества—въ Европу, русская равнина очевидно была заселена ранѣе, чѣмъ Западная Европа. Въ то время, какъ сѣверъ былъ покрытъ льдами, человѣкъ, обитавшій на югѣ Россіи, умѣлъ добывать огонь и употреблялъ каменныя неполированныя орудія. Время, когда первобытный человѣкъ употреблялъ орудія изъ камня, дерева, глины, рога и кости, носитъ въ археологіи названіе „каменнаго вѣка“. Принято его раздѣлять на два періода: палеолитическій, когда человѣкъ приготовлялъ каменныя орудія довольно грубой формы путемъ отбивки, и неолитическій, когда шлифовкой и сверленіемъ орудій человѣкъ сталъ придавать имъ болѣе изящную форму. 28 октября и затѣмъ въ засѣданіи 11 ноября Г. М. Болсуновъ описалъ послѣдовательно, что говорилось на съѣздѣ о слѣдахъ человѣка палеолитической и неолитической эпохи.

Доказательствомъ древности человѣка, жившаго на югѣ Россіи служитъ открытіе въ Кіевѣ по Кирилловской улицѣ палеолитической стоянки первобытнаго человѣка. На XI Археологи-

ческомъсъѣздѣ проф. П. Я. Армашевскимъ сдѣланъ былъ докладъ объ этомъ открытіи. Честь находки принадлежитъ мѣстному археологу-любителю В. В. Хвойко. На глубинѣ 7—8 саженъ открытъ былъ мощный культурный слой. Найдены кремневыя отбивныя орудія, ножи, скребки, кости мамонта. Послѣднія кости, въ видѣ челюстей, бивней, коренныхъ зубовъ и др., принадлежатъ по крайней мѣрѣ 50 индивидуумамъ весьма различнаго возраста. По мнѣнію проф. Армашевскаго, принимая во вниманіе необыкновенную глубину залеганія предметовъ стоянки, нужно думать, что она является самой древней въ Россіи изъ всѣхъ извѣстныхъ до сего времени и что по самымъ минимальнымъ исчисленіямъ, вѣроятно, прошло не менѣе 20.000 лѣтъ со времени существованія этой стоянки. На вершинѣ холма, подъ которымъ В. В. Хвойко открыта была указанная стоянка, имъ же обнаружены были слѣды человѣка неолитической эпохи.

Обнаружены ямы, діаметромъ около 5 аршинъ, въ которыхъ жилъ человѣкъ. Найдены на днѣ ямъ остатки росписной глиняной посуды. Въ м. Триполье, близъ Кіева, неутомимымъ изслѣдователемъ В. В. Хвойко открыта была совершенно новая для Россіи культура. Характерная особенность ея—горизонтальныя площадки изъ обожженной глины, находящіяся на глубинѣ 20—30 сантиметровъ отъ поверхности земли.

Труды орловской губернской архивной коммиссіи.—Созданныя въ 1884 году умомъ и энергіей сенатора Н. В. Калачова губернскія ученыя архивныя коммиссіи давно уже работаютъ въ разныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества, собирая важные историко-археологическіе матеріалы. Передъ нами плоды дѣятельности орловской архивной коммиссіи въ видѣ недавно изданныхъ „трудовъ ея“ выпускъ I 1899 года. Изъ „Трудовъ“ этихъ видно, что подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи А. Н. Трубникова состоялось нѣсколько засѣданіи коммиссіи. Наиболѣе серьезнымъ результатомъ дѣятельности коммиссіи явилось созданіе губернскаго музея. Музей состоитъ изъ: а) хранилища предметовъ, б) библіотеки и г) историческаго архива и имѣетъ цѣлью сосредоточить предметъ и научныя данныя, характеризующія минувшее и настоящее орловскаго края. Помѣщенный въ „Трудахъ“ каталогъ музея раздѣленъ на 2 большихъ отдѣла: геологическое и культурное прошедшее края. Каждому изъ этихъ отдѣловъ посвящается изложеніе началъ геологіи и археологіи, а также и научное изслѣдованіе геологическихъ и археологическихъ условій развитія орловскаго края.

Заканчиваются „Труды“ историко-статистическимъ очеркомъ с. Тальца Елецкаго уѣзда Орловской губерніи. Село Тальце, бывшій гор. Талецкій Острожокъ съ XIII по XVII столѣтія,испыталъ на себѣ многочисленныя нашествія выходцевъ Азіи. Елецъ и Талецъ какъ бы порогъ Украйны, и черезъ этотъ порогъ проносились дикія орды варваровъ. Недалеко отъ Тальца при впаденіи р. Быстрой Сосны въ Донъ раскинутъ былъ нѣкогда главный станъ ужаснаго бича человѣчества Тамерлана.

А. М.

208

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія русскаго искусства. Соч. *А. П. Новицкаго.* Москва 1899 г.

Первые опыты ваянія и копированія съ натуры: каменныя орудія, нагробные памятники, истуканы, глиняная утварь, грубыя украшенія изъ кости и камня, найденные археологами случайно или при раскопкахъ кургановъ, мало чѣмъ отличаютъ культуру первобытныхъ обитателей нашей равнины отъ культуры другихъ европейскихъ странъ доисторическаго періода. Архитектурныя сооруженія, искусственныя пещеры, замѣненныя впослѣдствіи деревянными постройками, возводились изъ такого непрочнаго матеріала, что не могли устоять подъ разрушительнымъ вліяніемъ времени и климата. Неудивительно, что среди ученыхъ до сихъ поръ разногласіе по вопросу: существовали ли на Руси языческіе храмы?

Въ древнихъ сочиненіяхъ, житіяхъ святыхъ и лѣтописяхъ, употребляются слова: *Капище* — отъ *капь*, что значитъ образъ, изображеніе, и *требище* — мѣсто, гдѣ совершались языческія *требы*, жертвоприношенія. „Уже не капищь сграждаемъ, но христовы церкви строемъ", — говоритъ въ „Словѣ о законѣ и благодати" первый русскій митрополитъ Иларіонъ, современникъ Ярослава Мудраго. Нѣкоторые историки народнаго быта утверждаютъ, что суффиксъ *ище* обозначаетъ простое увеличеніе, идолище вмѣсто идола, и въ этомъ именно значеніи употребляется слово капище, когда, напр., лѣтописецъ, говоритъ о перенесеніи Владиміромъ двухъ мѣдныхъ капищъ изъ Херсонеса. Какъ бы то ни было, но мы знаемъ, что у скандинавовъ и западныхъ славянъ существовали языческіе храмы. Путешественникъ Массуди и Саксонъ Грамматикъ даютъ подробныя ихъ описанія.

У восточныхъ славянъ деревянные и каменные идолы подвергались иногда роскошной отдѣлкѣ; такъ, у кіевскаго Перуна голова была изъ серебра, а усы изъ золота. Въ то время уже имѣли распространеніе ремесла: новгородцы славились плотничествомъ и гончарными издѣліями, псковичи были хорошіе ка-

менщики. Отъ жилищъ тѣхъ отдаленныхъ временъ не осталось никакого слѣда. Зато сохранились указанія о древнемъ зодчествѣ въ разныхъ мѣстахъ лѣтописей, въ былинахъ и народныхъ пѣсняхъ. Несомнѣнно, что перемѣны въ способахъ устройства жилья происходили постепенно и крайне медленно. Къ X и XI вв. можно отнести существовавшія еще многія столѣтія наименованія клѣти, хоромъ, сѣней, избы, горенки, терема и проч.; къ нимъ дѣлались прирубы, придѣльцы, присѣніи, задцы, вышки и т. под., а во дворѣ ставились хлѣвы, амбары, бани, сараи, погреба и пр. „Въ какомъ направленіи",—говоритъ И.Е. Забѣлинъ,— „распространялась жизнь, въ такомъ направленіи размножались и постройки, выроставшія одна подлѣ другой именно только по направленію развивавшихся настоящихъ потребностей, но отнюдь не по намѣренію заранѣе и однажды навсегда опредѣлить и, стало быть, безъ нужды стѣснить, или безъ нужды расширить объемъ и просторъ своей жизни". Основное свойство русскаго зодчества — полнѣйшая цѣлесообразность не только въ цѣломъ, но и въ частяхъ, даже и въ подробностяхъ украшенія строеній. Западная архитектура пріучила нашъ глазъ къ симметріи, въ русскомъ зодчествѣ мы находимъ, — говоритъ г. Новицкій, нѣчто гораздо высшее,—именно балансъ отдѣльныхъ частей, который проявляется и въ общихъ формахъ, сходныхъ между собой, и въ различіи частей: „всякій, конечно, согласится, что нужно имѣть гораздо болѣе художественнаго чутья, чтобы такъ твердо чувствовать законъ баланса, чѣмъ для того, чтобы удовлетворять грубой симметріи". Многое, конечно, зависѣло отъ свойствъ строительнаго матеріала, почвенныхъ и климатическихъ условій. Въ то время существовали, хотя и немногочисленныя, каменныя постройки: каменный Ольгинъ теремъ въ Кіевѣ, другой—въ Вышгородѣ, стѣны со стрѣльницами (бойницами) въ Новгородѣ, Псковѣ и Старой Ладогѣ. Первые каменные храмы на Руси стали строиться византійскими зодчими. Принявши крещеніе въ Херсонѣ, Владиміръ Св. увезъ оттуда священниковъ, иконы и всѣ принадлежности богослуженія; естественно, что оттуда же было заимствовано и первое русское храмоздательство. Наши древнія церкви представляли ближайшее сходство не съ храмами константинопольскими, а съ небольшими церквами византійскихъ провинцій: Греціи, острововъ Архипелага, Херсона Таврическаго и, въ особенности, съ кавказскими церквами по плану, формѣ и внутреннему устройству. Предки наши вскорѣ перестали рабски копировать со своихъ учителей и, съ одной стороны, пользовались тѣмъ, что приходилось имъ по вкусу у другихъ народовъ, съ другой, внесли въ зодчество и вполнѣ самостоятельныя черты, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, что и видно въ остаткахъ памятниковъ кіевской и новгородско-псковской церковной архитектуры. Прикладное искусство: фресковая живопись, мозаика, иконопись, литейное и чеканное искусство, въ своей совокупности, представляли своеобразную мѣстную переработку многихъ чужестранныхъ стилей. Наше отечество, по выраженію французскаго изслѣдователя Віолле-ле-Дюка, было лабораторіей, въ ко-

торой искусства разныхъ народовъ соединились вмѣстѣ для образованія чего-то средняго между міромъ западнымъ и восточнымъ. Свой трудъ: „Исторія русскаго искусства“ г. Новицкій подраздѣлилъ на три отдѣла: допетровскій періодъ, затѣмъ слѣдуетъ новый—„отъ Петра I до XIX вѣка“ и, наконецъ, новѣйшій — „до основанія академіи художествъ“ и отъ основанія академіи до нашихъ дней. Русское искусство допетровскаго періода составляетъ содержаніе вышедшихъ въ свѣтъ выпусковъ перваго тома. Изданіе богато иллюстрировано снимками съ выдающихся произведеній русской живописи, скульптуры, архитектуры, гравюры, иконописи и пр.; въ текстѣ дано довольно подробное и толковое описаніе важнѣйшихъ сохранившихся и реставрированныхъ памятниковъ русскаго искусства.

У синя моря.—Князь *Дм. Голицынъ* (*Муравлинъ*). Путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья. Съ 228 автотипіями по фотографическимъ снимкамъ Его Свѣтлости князя Мирко Черногорскаго, В. А. Хрщоновича, А. П. Матвѣевскаго и др. С.-Петербургъ.

Однажды, въ разговорѣ съ австрійскимъ императоромъ, черногорскій князь Николай такъ остроумно и мѣтко опредѣлилъ,—передаетъ устное преданіе,—положеніе своей прекрасной родины: „La Turquie m'a enlevé la terre, l' Autriche m'a enlevé la mer,—il ne me reste que le ciel“. Орлиное гнѣздо горсти независимыхъ горцевъ, вѣками служившихъ надежнымъ оплотомъ южному славянству, могло бы теперь привлекать къ себѣ толпы мирныхъ туристовъ своею чудною живописною природою и красивыми чертами сохранившагося патріархальнаго быта. Сойдя съ парохода въ Которѣ, кишащемъ австрійскими „соглядатаями“ и гарнизонными солдатами, тотчасъ же можно пересѣсть въ экипажъ и отправиться въ путь по удобному шоссе на Черную гору.

Съ каждымъ подъемомъ и поворотомъ прилѣпившейся къ склону горъ дороги открываются все новыя очаровательныя панорамы. На общемъ фонѣ пустынныхъ, исполинскою рукой нагроможденныхъ кряжей выдѣляются рѣзко дикія скалы; микроскопическія нивы, какъ ячейки великана-улья, испестрили сѣрыя крутизны; здѣсь и тамъ темнѣютъ рощи, зеленѣютъ пастбища; картина все развертывается, становится выпуклѣе и блестящѣе: открывается ближайшая бухта, ласкающая взоръ прелестью голубаго горнаго озера; виднѣется бѣлизна отдаленнаго городка, синѣетъ на горизонтѣ открытое море... Воздухъ на горахъ такъ чистъ, прозраченъ и упоителенъ, потоки свѣта и тепла льетъ солнце на обнаженныя вершины и скаты, южное синее небо безконечно глубоко: „тутъ красота сказочная, несравненная, опьяняющая, связующая земное съ неземнымъ, красота великая, красота — исполинъ, красота — слово Божіе!..“ Всѣмъ существомъ чувствуется обаятельно-прекрасная, дѣвственно-чистая, мощная горная природа... „Довелось мнѣ видѣть,—разсказываетъ князь

Голицынъ,—Кавказъ, Крымъ, Швейцарію, Ривьеру, Тироль, Сирію, горы Атласа, Босфоръ, Корфу и почти всю Италію, и я нахожу, что высокимъ проявленіемъ красоты въ природѣ любовался я на Черной горѣ". Къ тому же оказывается, что и доѣхать-то изъ С.-Петербурга въ Черногорію „легче, нежели въ Неаполь или Ницу, и что культурность края болѣе чѣмъ достаточна для того, чтобы дать туристу возможность обставить свое странствованіе надлежащими удобствами", при относительной дешевизнѣ путешествія по Черногоріи.

Живыми красками передаетъ авторъ пережитыя имъ впечатлѣнія, а многочисленныя роскошныя иллюстраціи—чего только здѣсь нѣтъ! — виды побережья и открытаго синя моря, города, публичныя зданія, древніе дворцы и храмы, красивыя руины, разнообразные горные пейзажи, портреты, православныя церкви и часовни, бытовыя картины, — наглядно знакомятъ съ природой, культурой, народнымъ бытомъ, съ условіями путешествія и со многими достопримѣчательностями Далмаціи и Черногоріи. Для насъ, русскихъ, ближайшее знакомство съ южно-славянскими странами имѣетъ особенное значеніе. Австрія фактически оставила за собой Боснію и Герцоговину, превратила оккупацію въ захватъ, построивъ свою мѣстную политику, съ помощью арміи чиновниковъ и гарнизонныхъ солдатъ, на слѣдующихъ, отмѣчаемыхъ кн. Голицынымъ, главныхъ основаніяхъ: 1) сербское населеніе обѣихъ провинцій должно быть, по возможности, разобщено съ прочими частями сербскаго народа; 2) православіе, какъ религія, связывающая духовно громадное большинство славянъ, должно быть угнетаемо въ лицѣ его послѣдователей; 3) Европу слѣдуетъ убѣдить въ томъ, что Боснія и Герцоговина процвѣтаютъ подъ австрійскимъ владычествомъ,—въ дѣйствительности же, приходятъ въ запустѣніе отъ систематично устраиваемыхъ препятствій общенію съ другими славянскими народностями, развитію мѣстной промышленности и международнаго товарообмѣна.

Стѣсненная врагами-сосѣдями, до сихъ поръ самобытная Черногорія, урѣзанная Берлинскимъ трактатомъ до 9.000 кв. верстъ съ населеніемъ 300.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 50.000 воиновъ, все еще принуждена сохранять, въ виду зависимости южныхъ славянъ отъ швабо-венгерской политики, характеръ военнаго лагеря, созданный вѣками тяжелой и кровавой борьбы за независимость православныхъ славянскихъ народностей: „Черногорская сѣча еще не сказала своего послѣдняго слова, не совершила полнаго историческаго оборота. Пока узелъ, завязанный австрійской хитростью и венгерскимъ лощенымъ варварствомъ, еще не распутанъ, залогомъ возрожденія южнаго славянства служитъ Черная гора, именно съ тѣмъ геройскимъ обликомъ, котораго вѣка еще не успѣли стереть. По пути въ будущность, по дорогѣ къ достиженію благъ цивилизаціи, Черногорія имѣетъ предъ собой задачи борьбы. Ея національность — въ ея оружіи, такъ же, какъ все ея прошлое. Она еще не отбыла вполнѣ своей воинской повинности на пользу славянства, не завершила своихъ дѣлъ. Послѣ, съ годами, когда задачи славянства будутъ

достигнуты, пусть книжка замѣнитъ ей ружье. Пусть тогда отдыхаетъ Черногорія и сливается съ Европой". Наиболѣе правильный исходъ изъ теперяшняго ненормальнаго состоянія кн. Голицынъ видитъ „въ предоставленіи сербамъ полной самостоятельности, въ созданіи настоящей Сербіи взамѣнъ нынѣшней, родившейся въ Берлинѣ и прошедшей курсъ ученія въ Вѣнѣ. Сердцемъ этого государства были бы Боснія и Герцоговина, окраинами его—Черногорія, Далмація, нынѣшнее королевство". Но это возсозданіе Великой Сербіи должно произойти не насильственнымъ путемъ: „трактаты играли важную роль въ судьбахъ Далмаціи. То обстоятельство, что эта роль была до сихъ поръ, по преимуществу, вредна, нисколько не устраняетъ возможности разсчитывать на появленіе трактатовъ полезныхъ и разумныхъ. Призваніе дипломатіи заключается въ достиженіи наибольшихъ благъ при ничтожныхъ пожертвованіяхъ". Прежде всего необходимо непосредственное и болѣе тѣсное общеніе между нами и сербами приадріатической полосы: „пусть русскіе начинаютъ навѣщать Далмацію и Черногорію ради красоты этихъ краевъ, а дальше сознаніе прочихъ задачъ образуется само собою"; когда русскіе люди „ознакомятся съ современнымъ состояніемъ Босніи и Герцоговины и съ нравственнымъ значеніемъ прекрасной Черногоріи,—поворотъ въ общественномъ мнѣніи создастся немедленно и вполнѣ". Посѣтивъ нѣсколько разъ „прелестное приадріатическое княжество", кн. Голицынъ удивляется тому, что „русскіе туристы, столь усердно провѣряющіе росписаніе поѣздовъ западно-европейскихъ желѣзныхъ дорогъ, считаютъ невѣроятно затруднительнымъ" отказаться отъ обычнаго маршрута и воображаютъ Черногорію „дикою" страною, принимая ея самобытность за полное отсутствіе культуры. „Однако, черногорецъ, даже если онъ получилъ блестящее воспитаніе и образованіе въ Парижѣ, дорожитъ своимъ національнымъ костюмомъ, относясь къ нему, словно какъ къ пластическому историческому документу, къ звену связи съ прошлымъ", какъ и къ другимъ нѣсколько архаическимъ условіямъ повседневной жизни своей родины, и, именно, только эта „здоровая самобытность можетъ съ пользой переработать и подчинить себѣ плоды чужой культуры". Путевые очерки кн. Голицына наглядно и убѣдительно доказываютъ, что путешествія въ славянскія приадріатическія страны не сопряжены ни съ какими особенными затрудненіями и, кромѣ возстановляющаго здоровья, отдыха подъ благодатнымъ небомъ юга, чарующихъ впечатлѣній отъ природы горнаго побережья, могутъ дать еще драгоцѣнныя свѣдѣнія, знакомство и непосредственныя связи для тѣхъ, кто любитъ славянство и вѣритъ въ возможность болѣе мирныхъ и справедливыхъ отношеній между представителями разныхъ народностей и національностей.

Исторія польскаго Народа.

Переводъ съ польскаго *Г. Ф. Львовича.*

I.

Славянство.

На обширныхъ пространствахъ восточной Европы—отъ Адріатическаго моря, Салы и Эльбы до Чернаго моря, Днѣпра, истоковъ Оки и Волги, отъ Балтійскаго моря къ югу за Саву и Дунай—поселилось племя, называемое славянскимъ. Сравнительная филологія доказываетъ, что языкъ этого племени принадлежитъ къ семейству языковъ, происшедшихъ отъ санскритскаго; исторія считаетъ несомнѣннымъ, что славяне представляютъ собою одну изъ вѣтвей группы арійскихъ народовъ, что они, подобно грекамъ, римлянамъ, кельтамъ и германцамъ, пришли въ Европу изъ Азіи, съ Иранскаго плоскогорья. У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о времени переселенія славянъ въ Европу; о жизни ихъ въ отдаленнѣйшій періодъ древніе писатели—Плиній (79 г. по Р. Х.), Тацитъ (100 г.) и Птоломей (175 г.)—сообщаютъ лишь скудныя извѣстія. Несомнѣнно, что славяне долго жили вмѣстѣ со скиѳами, сарматами, вандалами, готами, гунами и поочередно подпадали игу этихъ народовъ. Независимость они получили лишь въ VI столѣтіи, когда бродячіе народы перешли съ востока Европы на западъ.

Славянское племя распадалось на многочисленныя вѣтви, каждая изъ которыхъ носила особое названіе и составляла отдѣльное цѣлое.—Непосредственными сосѣдями славянъ были: на западѣ—германцы, на югѣ—византійская имперія, на востокѣ—финны, хазары, половцы и печенѣги, на сѣверѣ—литовскія племена: литва, жмудь, куры, семигалы, латыши, ятвяги и пруссы. Жили славяне большими группами, селами. Село получало названіе отъ имени своего основателя (отъ Далеха—Далеховичи, отъ Креслава—Креславичи, отъ Радвана—Ранвановичи); населеніе его происходило отъ общаго предка, составляло *родъ*, которымъ управлялъ стар-

шій въ родѣ (patia potestas,). Земли, пастбища, лѣса и воды принадлежали не отдѣльнымъ лицамъ, а всему роду (родовая, общая собственность). Сосѣдніе роды образовывали союзы, называвшіеся *опольями, общинами* (*гминами отъ Gemeinde, община,*) *околицами, жупами, верьвями.* Населеніе ихъ судило и наказывало преступниковъ на своей территоріи, собирало средства на общественныя надобности, а во время нашествія непріятеля вмѣстѣ ополчалось на защиту. Рядъ опольевъ составлялъ племенную группу, обыкновенно получавшую названіе отъ характера занимаемой ею мѣстности: поляне, лучане, а хорваты и т. п. (поля, луки рѣкъ, горы и т. п.). На территоріи такой племенной группы находился *городъ*, т. е., огороженное мѣсто, обнесенное частоколомъ и валомъ, служившее для укрыванія во время военныхъ нашествій; здѣсь же происходили совѣщанія старѣйшинъ, называвшіяся *вѣчами*. На вѣчахъ разбирались тяжбы, изыскивались средства для устраненія возникавшихъ столкновеній; во время войнъ на нихъ выбирали предводителей. Дѣла здѣсь рѣшались большинствомъ голосовъ, у нѣкоторыхъ же племенныхъ группъ, какъ, напр., у лютичей, рѣшенія принимались единогласно. Несогласныхъ съ принятымъ рѣшеніемъ заставляли подчиняться побоями и разграбленіемъ ихъ имущества. Связь между отдѣльными племенными группами поддерживалась лишь узами родства и сознаніемъ ихъ общаго происхожденія, родственностью языковъ, но главнымъ образомъ,— единствомъ религіи и культуры.

Религія славянъ состояла въ обоготвореніи явленій природы. Восточные славяне поклонялись солнцу подъ именемъ *Даждьбога*. владыкѣ морей и вѣтровъ—*Стрибогу*, божеству неба—*Сварогу*, грома и молніи—*Перуну*. Западные славяне чтили *Тригдава*, творца неба, земли и воды, въ лютическомъ городѣ Ретрѣ—*Радегаста*, бога огня, на о. Рюгенѣ въ Арконѣ—*Святовида* (Свантевита), всевидящаго, а потому изображавшагося съ четырьмя лицами, объѣзжавшаго верхомъ весь свѣтъ, считавшагося царемъ боговъ и сокрушителемъ непріятелей. Средніе славяне чтили *Лельполеля* и *Похвиста*, посылавшихъ дожди и вѣтры, а также богинь: весны—*Весну*, красоты—*Ладу*, плодородія—*Дѣвану* (Дзедзилія), смерти—Морану (Маржанна, Нія). Фантазія славянъ наполнила природу множествомъ духовъ, каковы: русалки, роженицы, дивожены, ночницы, топелицы, вили, бабы, ендзы, вильколаки и бѣсы. Славянскому политеизму не чужда была и вѣра въ два враждебныя другъ другу начала (Бѣлбогъ и Чернобогъ), которые, подобно Ормузду и Ариману, вели борьбу за обладаніе міромъ. У древнихъ славянъ не было особаго жреческаго сословія: религіозные обряды совершались старѣйшинами. Въ пещерахъ и лѣсахъ, подъ вѣтвями дубовъ или въ деревянныхъ святилищахъ (континахъ) ставили изображенія боговъ, приносили имъ въ жертву (обяту) плѣнниковъ, скотъ, хлѣбъ или устраивали въ честь ихъ игры. Въ Аркону и Ретру сосѣдніе славяне ходили на поклоненіе Святовиду и Радегасту. Славяне праздновали также начало весны, топя чучело, изображавшее Морану, чтили маёвки, коляды, суботки, дожинки сожиганіемъ огней, танцами и пѣснями.

Тѣло покойника погребали или сожигали вмѣстѣ съ любимымъ его скотомъ, птицами, а иногда и съ женою. Въ урну, въ которую ссыпали пепелъ сожженнаго покойника, клали различныя мелкіе предметы; трупъ украшали кольцами, серьгами, браслетами, бусами и брошками. Въ могилы ставили въ горшкахъ, мискахъ и кувшинахъ пищу и напитки, клали серпъ, топоръ, сѣкиру, ножъ, копье или стрѣлу. Во время похоронъ устраивали пиршество, называвшееся *стипой* или *тризной*.

Любимыми занятіями славянъ были земледѣліе, пастушество и пчеловодство. Имъ былъ извѣстенъ плугъ; они умѣли печь хлѣбъ, ткать холстъ и варить медъ. Любя спокойную жизнь, привязанные къ своимъ жилищамъ, они не имѣли склонности къ войнѣ. Развитіе религіозныхъ понятій, вѣра въ безсмертіе души, осѣдлость въ селахъ, любовь къ семейной жизни и мирнымъ занятіямъ, вѣроятное знаніе руническаго письма, занятіе домашней промышленностью и искусствами—все это свидѣтельствуетъ о значительной степени культурности древнихъ славянъ.

Общность культуры сближала славянскія племенныя группы, но не могла выработать изъ нихъ болѣе значительныя организаціи, государства. Этому препятствовали также нѣкоторыя черты славянскаго характера: несговорчивость, лѣность, легкомысліе и беззаботность относительно будущаго. Славянинъ неохотно подчинялся власти, легко вызывалъ ссоры и разстраивалъ единодушіе. Тяжелый на подъемъ по природѣ, онъ съ трудомъ могъ проявлять энергію въ своей дѣятельности и гораздо легче поддавался апатіи. Веселое настроеніе не оставляло его и въ несчастіи, вслѣдствіе чего нѣмцы называли его пляшущимъ рабомъ (sclavus saltans). Онъ жилъ изо дня въ день, не заботясь о будущемъ. Все это затрудняло объединеніе племенныхъ группъ, которыя порознь не имѣли достаточной силы для противодѣйствія непріятелямъ. Вслѣдствіе этого славянъ до VI вѣка порабощали скиѳы, сарматы, вандалы, готы и гунны, а позже они подпадали игу аваровъ, франковъ, германцевъ, болгаръ, венгровъ и норманновъ.

Во второй половинѣ VI вѣка новые выходцы изъ Азіи, уаркуны, извѣстные подъ именемъ аваровъ, прибыли въ наддунайскую равнину и остановились въ Паноніи. Въ своихъ набѣгахъ они прошли славянскія земли съ востока на западъ, повсюду разнося страхъ и опустошеніе. Въ битвахъ они ставили славянъ въ первые ряды, запрягали ихъ женщинъ въ плуги и телѣги. Славяне уходили отъ нихъ на Балканскій полуостровъ; лишь чехи и моравцы, по указаніямъ франконскаго купца, Самона, приняли дѣйствительныя мѣры противъ врага. Объединившись и образовавъ государство (*государство Самона, 623—658 г.*), они успѣшно боролись съ аварами и франконскимъ королемъ Дагобертомъ. По смерти Самона первое славянское государство распалось; народностямъ, снова разъединившимся, стали угрожать франки.

Въ концѣ VIII вѣка Карлъ Великій, разрушивъ царство аваровъ и покоривъ саксовъ, придвинулъ западную границу своихъ владѣній непосредственно къ землямъ славянъ, съ которыми и началъ систематическую борьбу. Славяне вмѣсто того, чтобы

объединиться для защиты отъ общаго врага, истощали свои силы въ междуусобныхъ раздорахъ. Бодричи сперва помогали Карлу Великому въ войнѣ съ саксами, а затѣмъ принимали участіе въ его походѣ противъ лютичей. Побѣдивъ въ нѣсколькихъ походахъ хорватовъ и полабскихъ славянъ, Карлъ строилъ въ завоеванныхъ земляхъ замки, оставлялъ въ нихъ военные гарнизоны и назначалъ своихъ намѣстниковъ. Лишь послѣ того, какъ франконская монархія была при наслѣдникахъ Карла Великаго раздѣлена, славяне пріобрѣли независимость и образовали второе государство, называемое *велико-моравскимъ* (836—907 г.). Основателемъ этого государства былъ Моймиръ, преемники котораго: Ростиславъ и Святополкъ успѣшно воевали съ непріятелями. По смерти Святополка три сына его были въ битвѣ подъ Прессбургомъ (907 г.) побѣждены венграми. Велико-моравское государство пало; разъединенныхъ Славянъ начало притѣснять нѣмецкое оружіе.

Германскіе короли и императоры саксонской династіи вели безпрестанныя войны съ западнымъ славянствомъ. Король Генрихъ Птицеловъ завоевалъ столицу гавланъ, Сгорѣлецъ (Бранниборъ), покорилъ бодричей, лютичей и чеховъ. Онъ грабилъ и разрушалъ славянскіе города и жителей ихъ истреблялъ или уводилъ въ рабство. На саксонскихъ рынкахъ славянскія женщины и дѣти продавались, какъ скотъ. Въ царствованіе императора Оттона Великаго правитель ново-учрежденной юго-западной провинціи (марки), Геронъ, напоилъ допьяна и перебилъ тридцать славянскихъ вождей; онъ ссорилъ между собой славянскіе народы и, когда они ослабляли другъ друга междуусобными войнами, покорялъ ихъ. Западные славяне, жившіе у границъ сильныхъ марокъ: франконской, а впослѣдствіи нѣмецкой, потерпѣли самые тяжелые удары; но ихъ понесли также южная и восточная группы: первая отъ болгаръ и венгровъ, вторая отъ норманскихъ дружинъ.

Болгары въ концѣ VII вѣка вторглись одной ордой въ Панонію и соединились съ аварами, другой же ордой перешли средній Дунай и покорили много славянскихъ родовъ, для которыхъ были страшнымъ бичемъ въ теченіе двухъ столѣтій. Они истребляли все ради одного лишь истребленія, убивали ради убійства; мѣстность, въ которой они останавливались, превращалась въ пустыню. Такъ свирѣпствовали они до IX вѣка, въ которомъ приняли славянскіе обычаи и славянскій языкъ.

Въ концѣ IX вѣка новые пришельцы съ береговъ Волги, венгры, бывшіе, подобно аварамъ и венграмъ, вѣтвью племени гунновъ, заняли южные склоны Карпатскихъ горъ и равнины по рѣкѣ Тиссѣ. Они подчинили себѣ славянъ, бывшихъ подвластными большею частью болгарамъ, и въ битвѣ подъ Прессбургомъ нанесли рѣшительный ударъ велико-моравскому государству.

Восточные славяне на югѣ платили дань хазарамъ, а на сѣверѣ страдали отъ нашествій норманововъ. Внутренніе раздоры славянъ поощряли этихъ иноплеменниковъ къ набѣгамъ и помогли имъ овладѣть землями въ бассейнахъ Волги и Днѣпра. Въ

862 г. призванные славянами норманскіе князья изъ рода Русь: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ приняли власть надъ сѣверными группами, а два другихъ воина: Аскольдъ и Диръ—надъ полянами на берегахъ Днѣпра. Преемникъ Рюрика, Олегъ, объединилъ всѣ восточныя группы и образовалъ государство, называвшееся Русью, простиравшееся на югъ до Буга и Карпатскихъ горъ.

Нашествія непріятелей совершенно истребили много славянскихъ родовъ. Не избѣгли гибели и сѣверо-западныя группы, дольше и энергичнѣе всѣхъ боровшіяся за свою независимость. Вскорѣ по прекращеніи саксонской династіи вождь бодричей, Гошталькъ (1031†1066 г.), для успѣшной борьбы съ нѣмцами объединилъ подъ своей властью бодричей, лютичей и сосѣднія, менѣе значительныя группы (*государство вендское*). Онъ распространялъ въ своихъ земляхъ христіанство, основывалъ епископства, сооружалъ монастыри. Но глубоко укоренившееся у славянъ язычество уничтожило плоды его двадцатилѣтней дѣятельности. По почину рановъ вспыхнуло возстаніе, во время котораго Готшальдъ былъ убитъ. Преемника его, язычника Крутаго (1066†1093 г.) постигла та же участь, послѣ чего полабскіе славяне подпали владычеству нѣмцевъ. Во время втораго крестоваго похода подъ вліяніемъ папы и Бернарда Клервонскаго до 200.000 датчанъ и нѣмцевъ вторглись въ полабскія земли. Князь саксонскій, Генрихъ Левъ, покорилъ бодричей; Альбрехтъ Медвѣдь завоевалъ остальныя земли вендскаго государства, изъ котораго возникло маркграфство бранденбургское. Мѣсто истребленнаго славянскаго населенія заняли нѣмецкіе колонисты.

Набѣги непріятелей вынуждали славянъ основывать государства, пять изъ которыхъ оказались болѣе долговѣчными: на югѣ болгарское и сербское, на востокѣ русское, на западѣ чешское, а по серединѣ, на берегахъ Варты и Вислы, возникшее позже всѣхъ—польское. Болгарское и русское государства возникли подъ иноземными вліяніями; сербское же, чешское и польское были самостоятельными созданіями.

Сербія образовалась на Адріатическомъ побережьи и сѣверныхъ склонахъ Балканскихъ горъ путемъ соединенія трехъ общинъ: Сербіи, Босны и Дубровника или Рагузы. Сербы, страдавшіе въ началѣ отъ нашествій болгаръ и грековъ, въ XI вѣкѣ стали освобождаться отъ иноземнаго вліянія и съ теченіемъ времени, въ царствованіе династіи Нѣманичей, организовали самостоятельное государство.

Въ составъ чешскаго государства вошли полабскіе славяне. По преданію, одинъ вождь, по имени Чехъ, вышелъ съ нѣсколькими родами изъ-подъ Карпатъ, перешелъ три рѣки и поселился въ полабской долинѣ. Послѣ паденія государства Самона на золотой престолъ надъ Влтавой вступилъ Кракъ, имѣвшій трехъ дочерей: Касю, Тецю и младшую Любушу. Любуша, по смерти Крака, избрала себѣ въ мужья земледѣльца Пржемысла, основателя династіи (Пржемыслиды), царствовавшей въ Чехіи до XIV вѣка.

Хорватія первоначально имѣла отдѣльную политическую ор-

ганизацію. Преданіе говоритъ, что одинъ умный, краснорѣчивый и дѣятельный человѣкъ, по имени Кракъ, вернувшись изъ военнаго похода, выяснилъ хорватамъ, что—„что тѣло безъ души, подсвѣчникъ безъ свѣчи, свѣтъ безъ солнца, то и государство безъ короля". Получивъ отъ старѣйшинъ княжескую власть, Кракъ правилъ мудро и справедливо; собственныхъ сыновей своихъ онъ послалъ убить чудовище, жившее въ пещерѣ горы Вавеля и пожиравшее скотъ и людей. Сыновья Крака умертвили чудовище посредствомъ воловой шкуры, начиненной сѣрой, но затѣяли между собой ссору, во время которой младшій изъ нихъ убилъ старшаго. Народъ изгналъ убійцу и по смерти стараго Крака поручилъ правленіе единственной дочери его, Вандѣ, женщинѣ разумной въ совѣтѣ и мужественной въ битвахъ. Она разбила нѣмецкаго князя, предпринявшаго нашествіе на Хорватію, и довела его до отчаянія и самоубійства. По смерти Ванды, хорваты обходились безъ князя. Во время новаго нашествія сосѣдей на Краковъ, одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ велѣлъ позатыкать на горѣ жерди съ навѣшенными на нихъ расписанными щитами и шлемами, а вооруженныхъ людей скрылъ въ засадѣ. Этимъ онъ такъ искусно обманулъ врага, что вторгся въ его лагерь и разбилъ его на голову. Благодарные хорваты избрали его своимъ княземъ.

О происхожденіи Польши говорятъ преданія о Лешкахъ, Попелѣ (династія Попелидовъ) и Пястѣ. Поляне рѣшили вручить власть надъ собою тому, кто во время бѣга вперегонку первымъ достигнетъ цѣли. Первымъ прибѣжалъ Лешекъ, который, ставъ княземъ, покорилъ сосѣднія племена и оставилъ своему сыну, тоже называвшемуся Лешкомъ, обширное государство. Лешекъ II завоевалъ такъ много земель, что надѣлилъ ими двадцать одного сына, которые имѣли княжить подъ верховною властью старшаго изъ нихъ Попеля. Сынъ Попеля, носившій то же имя, женатый на нѣмкѣ, отравилъ своихъ дядей и велѣлъ бросить ихъ тѣла въ Гоплу. По смерти Попеля II, котораго съѣли мыши, вышедшія изъ труповъ его дядей, старѣйшины избрали на престолъ Земовита, сына Пяста, колесника изъ Крушвицы. Послѣ Земовита княжили: сынъ его Лешекъ, внукъ Земомыслъ и правнукъ Мешко, до седьмаго года жизни страдавшій слѣпотою.

Въ преданіи о Чехѣ сохранилась память о переселеніяхъ славянъ съ юга на западъ; хорватскія сказанія свидѣтельствуютъ о существованіи подъ Карпатами особаго государства въ эпоху нашествій аваровъ и впослѣдствіи нѣмцевъ. Кракъ вѣроятно былъ современникомъ Самона; миѳъ о Вандѣ изображаетъ борьбу съ нѣмцами, которые называли славянъ вендами. Преданія о Попеляхъ и Пястѣ изображаютъ судьбы тѣхъ славянъ, которые, страдая отъ нашествій нѣмцевъ, начали объединяться на берегахъ Варты и Вислы въ болѣе значительныя группы подъ руководствомъ князей. Князь полянъ Земовитъ покорилъ и объединилъ сосѣднія группы и положилъ начало польскому государству, управлявшемуся до конца XIV вѣка династіей Пястовъ.

Образованіе государствъ въ IX и X вѣкахъ произвело огром

ную перемѣну во внутренней жизни славянъ.. Земли, объединенныя добровольно или путемъ завоеванія, утратили свою прежнюю обособленность; правленіе, принадлежавшее раньше вѣчамъ, перешло въ руки отдѣльныхъ лицъ (кнезь или князь, посадникъ, жупанъ, банъ, царь), пользовавшихся неограниченной властью. Народное, общинное управленіе замѣнилось монархической организаціей. Одновременно съ этимъ великій переворотъ во внутренней жизни славянъ произошелъ вслѣдствіе распространенія среди нихъ христіанства, главными апостолами котораго были два брата, греки: Меѳодій и Кириллъ. Уроженцы Ѳессалоники, съ дѣтства знакомые со славянскимъ языкомъ, они подготовлялись къ своей апостольской дѣятельности въ одномъ изъ монастырей на горѣ Аѳонѣ. Кириллъ составилъ подходящую азбуку и вмѣстѣ съ Меѳодіемъ перевелъ на славянскій языкъ библію (855 г.). Въ 863 г. они крестили въ Велеградѣ велико-моравскихъ князей: Ростислава и Святополка. Въ 864 г. подъ вліяніемъ Меѳодія принялъ христіанство царь болгарскій, Борисъ, а вскорѣ послѣ него и князь сербскій, Мунтиміръ. Около 880 г. Меѳодій крестилъ чешскаго князя, Боривоя съ женой его Людмилой. Для болѣе успѣшнаго распространенія христіанства проповѣдники употребляли въ церковномъ богослуженіи, вмѣсто латинскаго языка, славянскій. На это далъ свое согласіе папа Адріанъ, который и назначилъ Меѳодія архіепископомъ новообращенныхъ странъ (Панопіи и Моравіи).

Въ то же время христіанство распространяли съ запада нѣмцы, но—по латинскому обряду; они насаждали его съ цѣлью порабощенія и онѣмеченія славянъ. Уча о папѣ, какъ о намѣстникѣ Христа, они вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдывали подчиненіе римскому императору, какъ свѣтскому главѣ христіанскаго міра, на основаніи чего и захватывали крестившихся славянъ подъ нѣмецкое владычество. Въ сущности они подъ видомъ распространенія христіанства опустошали огнемъ и мечомъ славянскія земли, истребляли ихъ населеніе и на опустѣвшихъ мѣстахъ основывали свои колоніи. Въ виду такихъ стремленій нѣмцевъ, сѣверо-западные славяне упорно боролись съ цивилизаторами за своихъ боговъ и свою свободу; иные же славяне предпочитали греко-славянскій обрядъ съ независимостью обряду латинскому съ неволей. Основатель велико-моравскаго государства, Моймиръ, еще до Кирилла и Меѳодія, принялъ христіанство отъ архіепископа зальцбургскаго, но преемникъ его, Ростиславъ, понявъ стремленіе нѣмцевъ, оставилъ латинскій обрядъ и принялъ славянскій.

Въ славянствѣ соперничали два цивилизаціонныя вліянія: цареградское (византійское, греческое, восточное) и римское (латинское, западное). Завершенное Михаиломъ Керуларіемъ въ 1054 г. раздѣленіе церкви на восточную и западную разбило и славянъ на двѣ части, отличныя одна отъ другой по религіознымъ догматамъ, богослужебному языку и отношенію духовной власти къ свѣтской. Польша и Чехія, отрѣзанныя отъ Цареграда венграми, подпали вліянію Рима; Болгарія, Сербія, а также Русь, принявшая крещеніе при великомъ князѣ кіевскомъ Владимірѣ въ 988 г.,

удержали славянскій обрядъ и сохранали цивилизаціонную связь съ востокомъ. Между этими двумя частями славянства выработались важныя различія какъ политическія, такъ и цивилизаціонныя.

Восточная имперія, находясь въ состояніи упадка и ослабленія, не могла думать о покореніи сосѣднихъ славянскихъ народовъ, хотя и не переставала вліять на нихъ въ цивилизаціонномъ отношеніи. Абсолютизмъ восточныхъ императоровъ оказалъ вліяніе на развитіе монархической власти въ Болгаріи, Сербіи и на Руси. Кромѣ политическихъ учрежденій, славянскіе народы заимствовали изъ Византіи греческое просвѣщеніе, которое стояло тогда выше современнаго латинскаго просвѣщенія. Въ Болгаріи, Сербіи и на Руси греческіе монахи учреждали при монастыряхъ школы, составляли богословскія сочиненія и лѣтописи, привлекали своимъ вліяніемъ славянъ къ ученію и письменности.

Не таково было положеніе славянъ, находившихся подъ вліяніемъ Рима. Латинская церковная организація, составляя независимое учрежденіе, подрывала монархическую власть. Нѣмцы, стремясь лишить славянскіе народы самостоятельности, своими нашествіями и грабежами задерживали ихъ развитіе. Сверхъ того, римское просвѣщеніе, стоявшее ниже византійскаго, не могло вызвать въ Польшѣ и Чехіи умственнаго движенія — тѣмъ болѣе, что западные монахи не знали славянскаго языка.

Но если вначалѣ сосѣдство восточной имперіи оказывало въ политическомъ и цивилизаціонномъ отношеніяхъ болѣе благопріятное вліяніе на государства: болгарское, сербское и русское, чѣмъ Римъ—на Польшу и Чехію, то въ позднѣйшее время положеніе дѣлъ измѣнилось въ обратную сторону. Южные и восточные славяне, окруженные варварами, утратили независимость: одни изъ нихъ были покорены татарами, другіе — турками. Ихъ охватилъ мракъ—тѣмъ болѣе, что послѣ паденія византійской имперіи греческое просвѣщеніе перешло съ востока на западъ. Съ другой стороны,—вслѣдствіе ослабленія церковью власти нѣмецкихъ императоровъ, поляки и чехи пріобрѣли независимость; поддерживая связи съ единственнымъ уже очагомъ просвѣщенія, они при помощи латинскаго языка получили возможность усвоенія плодовъ умственнаго труда и формъ жизни, выработанныхъ прогрессомъ запада.

Двойственность цивилизаціонныхъ вліяній пагубно отразилась на будущемъ всего славянскаго племени. Славянство оказалось разбитымъ на два лагеря, отличные другъ отъ друга по своему нравственному воспитанію, вслѣдствіе различій въ цивилизаціи чуждые и даже враждебные другъ другу. Польша, какъ представительница западной культуры, долго должна была бороться съ славянскимъ востокомъ, воспитаннымъ подъ иными вліяніями; ходъ этой борьбы и составляетъ, главнымъ образомъ, содержаніе ея исторіи.

II.

Образованіе монархическаго польскаго государства.

Мешко I (960—992) унаслѣдовалъ послѣ отца своего, Земомысла, обширное государство. Оно охватывало земли: полянъ, серадзянъ, ленчанъ, куявовъ, мазуровъ, а также хорватовъ бѣлыхъ и червонныхъ (червенскіе города). На западѣ оно не доходило до Одера, на югѣ граничило съ Чехіей, на востокѣ съ Русью и ятвягами, на сѣверѣ—по правому берегу Вислы съ пруссами, по лѣвому съ поморянами. Молодое и неорганизованное, оно подвергалось большой опасности со стороны германскихъ императоровъ, имѣвшимъ притязаніе на верховное владычество надъ всѣмъ міромъ. Такъ, маркграфъ Геронъ, вторгшись въ Польшу, разбилъ Мешка и принудилъ его уплатить дань императору Оттону I. Потерпѣлъ пораженіе, онъ принялъ мѣры, имѣвшія обезопасить его государство отъ совершеннаго уничтоженія. Опасаясь, какъ бы нѣмцы не возобновили своихъ нашествій на Польшу подъ предлогомъ искорененія въ ней язычества, онъ, женившись на дочери чешскаго князя Болеслава, Дубравкѣ, принялъ христіанство по латинскому обряду (986 г.). Для распространенія христіанства въ народѣ онъ основалъ познанское епископство (968 г.), зависѣвшее отъ архіепископства магдебургскаго, которое было учреждено императоромъ Оттономъ I для покоренныхъ полабскихъ славянъ.

Признаніемъ верховной власти императора и принятіемъ христіанства по латинскому обряду Мѣшко обезопасилъ себя со стороны нѣмцевъ. Частныхъ же набѣговъ, предпринимавшихся пограничными графами ради грабежа, онъ не боялся, пока ихъ не поддерживалъ императоръ. Хотя Мѣшко разбилъ графа саксонскаго, Вихмана, а въ битвѣ подъ Цидиномъ убилъ маркграфа Одона, онъ на съѣздѣ въ Кведлинбургѣ встрѣтилъ у Оттона ласковый пріемъ. Въ качествѣ вассала, онъ поддерживалъ императора въ войнахъ, но и наоборотъ, въ случаѣ надобности, получалъ помощь отъ него. Вмѣстѣ съ нѣмцами онъ выступалъ противъ полабскихъ славянъ, поднимавшихъ оружіе для возстановленія своей независимости, но и самъ получилъ помощь отъ императрицы Ѳеофаніи, когда по смерти Дубравки на собственный рискъ началъ войну съ чехами. Однако, нѣмецкое покровительство было не достаточно сильно, если чехи могли отнять у Мѣшка Бѣлую Хорватію, а великій князь Кіевскій—червенскіе города.

Политикой Мѣшка руководили предусмотрительность и хитрость. Онъ по необходимости сталъ вассаломъ императора, оставилъ язычество съ цѣлью отнять у нѣмцевъ предлогъ для нашествій и грабежей. Онъ мало стѣснялся предписаніями церкви, если могъ по смерти Дубравки похитить изъ монастыря монахиню Оду, дочь маркграфа Дитрика, и жениться на ней; однако по политическимъ соображеніямъ онъ оставался христіаниномъ и вмѣстѣ съ нѣмцами воевалъ съ славянами-язычниками. Часто бывая при императорскомъ дворѣ, онъ внимательно присматривался къ нѣмецкимъ дѣламъ и примѣнялъ свой образъ дѣйствій къ обстоятельствамъ. Съ сосѣдними государями онъ укрѣплялъ добрыя

2*

отношенія узами родства. Сестру свою, Аделаиду, прозванную Бѣлой Княгиней, онъ выдалъ за Гейзу, короля венгерскаго; дочь, Сигриду,—сперва за шведскаго короля, Эрика, затѣмъ — за норвежскаго, Олафа, и наконецъ, за датскаго, Свена; старшаго сына своего, Болеслава, женилъ на дочери Гейзы венгерскаго.

Въ присутствіи маркграфа Одона онъ не смѣлъ явиться въ шубѣ или сѣсть, когда тотъ стоялъ; но въ дѣйствительности этими внѣшними проявленіями уваженія онъ прикрывалъ свою ненависть и жажду мести, которую и удовлетворилъ въ цидинской битвѣ. Стараясь извлечь пользу изъ всякаго замѣшательства въ Германіи, онъ въ случаѣ надобности оставлялъ своихъ друзей и соединялся съ ихъ врагами. Когда по смерти Оттона I вспыхнула война между претендентами на престолъ: сыномъ его, Оттономъ II и Генрихомъ баварскимъ, Мѣшко поддерживалъ втораго, но лишь до тѣхъ поръ, пока первый не получилъ преобладанія. Затѣмъ, хотя онъ и подчинился Оттону II, но не соблюлъ вѣрности его сыну. Лишь только по смерти императора между малолѣтнимъ сыномъ его, Оттономъ III и Генрихомъ баварскимъ началась новая война за престолъ, Мѣшко вторично измѣнилъ саксонской династіи. Лишь когда Оттонъ III вышелъ изъ этой войны побѣдителемъ, онъ призналъ себя его вассаломъ, обѣщалъ ему свою дружбу и подарилъ верблюда. Своей находчивостью и хитростью онъ спасъ Польшу отъ поглощенія ее нѣмцами. Умирая въ обозѣ подъ Бранибиромъ во время похода противъ полабскихъ славянъ, онъ раздѣлилъ государство между своими сыновьями отъ Дубравки и Оды.

Старшій изъ сыновей Мѣшко I, *Болеславъ Храбрый* (992—1025), родившійся отъ Дубравки, изгналъ своихъ младшихъ братьевъ съ мачихой, снова объединилъ государство и приступилъ къ осуществленію своихъ обширныхъ плановъ. Онъ задумалъ расширить Польшу, дать ей естественныя границы и обезпечить независимую будущность. Для осуществленія этихъ плановъ, онъ обезопасилъ себя съ востока, вступивъ въ дружескія отношенія съ великимъ княземъ кіевскимъ, Владиміромъ; признавъ себя вассаломъ императора и помогая ему въ войнахъ съ славянами, онъ обезопасилъ себя съ запада. Обезпечивъ, такимъ образомъ себя съ востока и запада, онъ двинулся на сѣверъ и покорилъ поморянъ, жившихъ между Нотецомъ и Балтійскимъ моремъ, Вислой и Одеромъ; затѣмъ, онъ направилъ свою дѣятельность на сосѣднихъ пруссовъ, стараясь посредствомъ обращенія въ христіанство сблизить ихъ съ Польшей. Для распространенія христіанства между пруссами онъ воспользовался чешскимъ изгнанникомъ, архіепископомъ Войцѣхомъ, который во время своей апостольской дѣятельности умеръ мученической смертью.

Расширивъ сѣверную границу до Балтійскаго моря, Болеславъ обратилъ свое оружіе на югъ. Пользуясь смутами, возникшими въ Чехіи вслѣдствіе раздоровъ между сыновьями Болеслава II: Болеславомъ Рыжимъ, Яроміромъ и Ульдарикомъ, онъ занялъ Бѣлую Хорватію съ Краковомъ, Силезію съ Вроцлавомъ и землю закарпатскихъ словаковъ.

Дѣятельность Болеслава обратила на себя вниманіе императора Оттона III и папы Сильвестра II, которые хотя и преслѣдовали различныя цѣли, готовы были признать завоеванія польскаго князя. Императоръ, мечтая о созданіи всемірной монархіи, долженъ былъ ласково обращаться съ Болеславомъ, чтобы склонить его въ пользу своихъ плановъ; папа, относившійся враждебно къ стремленіямъ Оттона III, желалъ создать изъ Польши опасную для него силу. При такихъ обстоятельствахъ Оттонъ III подъ предлогомъ поклоненія гробу св. Войцѣха, тѣло котораго Болеславъ выкупилъ у пруссовъ и похоронилъ въ Гнѣзнѣ, прибылъ ко двору польскаго князя (1000 г.). Пораженный пышностью пріема въ Гнѣзнѣ, свидѣтельствовавшей о могуществѣ польскаго государства, плѣненный предупредительностью Болеслава и готовностью, съ которой тотъ обѣщалъ ему помощь,—онъ подарилъ ему копье св. Маврикія съ гвоздемъ изъ святаго креста, возложилъ на его голову собственную корону, назвалъ его другомъ, союзникомъ и патриціемъ народа римскаго. Сверхъ того, онъ далъ свое согласіе на учрежденіе архіепископства въ Гнѣзнѣ и епископствъ въ завоеванныхъ земляхъ: въ Поморьи—колобрегскаго, въ Хорватіи—краковскаго, въ Силезіи—вроцлавскаго. Хотя въ политическомъ отношеніи Польша оставалась императорскимъ леномъ, но въ церковномъ отношеніи она вслѣдствіе учрежденія гнѣзненскаго архіепископства стала независимой отъ нѣмцевъ.

Дружественныя отношенія съ германской имперіей продолжались до смерти Оттона III († 1002). Во время междуцарствія Болеславъ перешелъ Одеръ, завладѣлъ лужичанами и занялъ Мисню, марку, образованную нѣмцами между Лабой и Салой изъ завоеванныхъ сербскихъ земель. Когда новый императоръ, Генрихъ II, на съѣздѣ въ Магдебургѣ прислалъ за нимъ лишь лужичанъ и милечанъ, а Мисню отдалъ въ другія руки, Болеславъ сталъ готовиться къ войнѣ, начало которой было ускорено чешскими событіями. Въ Польшѣ искалъ помощи изгнанный чехами князь Болеславъ Рыжій, мѣсто котораго занялъ покровительствуемый нѣмцами Яромиръ. Болеславъ Храбрый изгналъ Яромира, а впослѣдствіи, воспользовавшись смутами, присоединилъ къ Польшѣ всю Чехію. Это послужило причиной войны съ императоромъ, который не хотѣлъ допустить такого расширенія Польши и устраненія нѣмецкаго вліянія въ Чехіи.

Въ четырнадцатилѣтней войнѣ съ Генрихомъ II Болеславъ проявилъ много искусства, хитрости и мужества. Защищая переправы черезъ рѣки, укрываясь въ лѣсахъ, онъ обыкновенно затягивалъ походъ нѣмцевъ до зимы, зимою же, когда они страдали отъ холода и голода, изнурялъ ихъ стычками и принуждалъ къ отступленію. Менѣе значительные отряды онъ завлекалъ въ засады и бралъ въ плѣнъ или истреблялъ. Пока императоръ склонялъ вассаловъ къ новому походу, Болеславъ, удерживая въ своемъ владѣніи спорныя земли, начиналъ наступательныя дѣйствія, опустошалъ пограничныя нѣмецкія провинціи и наводилъ страхъ на ихъ населеніе. Для борьбы съ императоромъ Болеславъ умѣлъ пользоваться и самими нѣмцами, подстрекая его вассаловъ къ

бунту, подкупая лицъ, имѣвшихъ вліяніе при императорскомъ дворѣ. Такъ какъ Генрихъ II призывалъ къ нашествіямъ на Польшу славянъ-язычниковъ, то Болеславъ, напоминая о своихъ заслугахъ въ дѣлѣ распространенія христіанства, вызывалъ у ревностнаго къ вѣрѣ духовенства отвращеніе къ императору, какъ къ врагу христіанства. Выгоды, мечемъ и интригами пріобрѣтенныя Болеславомъ въ борьбѣ съ императоромъ, вызывали у нѣмецкихъ патріотовъ гнѣвъ и ненависть къ нему. Современный лѣтописецъ, епископъ мерзебургскій Дитмаръ, называетъ его львомъ рыкающимъ, лисицей хитрой и коварной, ядовитой змѣей, жестокимъ негодяемъ, издѣвается надъ любовью Болеслава къ пиршествамъ, надъ его исполинскимъ ростомъ и дородствомъ. Однако, Болеславу не удалось вполнѣ осуществить свои стремленія на западѣ: онъ не освободилъ всѣхъ полабскихъ славянъ отъ владычества нѣмцевъ. По мирному договору, заключенному въ Будишинѣ (1018 г.), онъ удержалъ за собою только Лужицы, землю милечанъ и Моравію. Онъ обязался оказывать императору помощь войскомъ, взамѣнъ чего ему была обѣщана помощь нѣмецкихъ отрядовъ. Къ принятію этихъ условій побудили Болеслава событія на Руси, представившія возможность утвердить вліяніе Польши на востокѣ.

Сынъ великаго князя Владиміра и зять Болеслава Храбраго Святополкъ, умертвивъ младшихъ братьевъ своихъ, Бориса и Глѣба, занялъ княжескій престолъ въ Кіевѣ. Изгнанный изъ Кіева третьимъ братомъ своимъ, княземъ новгородскимъ Ярославомъ, онъ обратился къ тестю съ просьбой о помощи. Ради этого новаго похода Болеславъ закончилъ войну съ императоромъ и въ томъ же году двинулся съ нѣмецкими вспомогательными отрядами на востокъ. Взявъ Кіевъ и посадивъ на велико-княжескій престолъ своего зятя, онъ послѣ одиннадцатимѣсячнаго пребыванія на берегахъ Днѣпра вторгся въ Червонную Хорватію, завоевалъ ее и съ большою добычею вернулся въ Польшу. Онъ закончилъ свою дѣятельность актомъ коронаціи, совершенной въ Гнѣзнѣ (1025 г.) безъ согласія папы и императора гнѣзненскимъ архіепископомъ въ присутствіи церковныхъ и свѣтскихъ сановниковъ.

Изъ государства, въ политическомъ и церковномъ отношеніи зависѣвшаго отъ нѣмцевъ, Болеславъ въ теченіе тридцати лѣтъ создалъ самостоятельную монархію, простиравшуюся на сѣверѣ до Балтійскаго моря, на югѣ до Тиссы и Дуная, на западѣ до Эльбы, на востокѣ до Буга и Днѣстра и распространившую свое вліяніе до Днѣпра. Онъ достигъ этого своей воинственностью и искусствомъ, съ какимъ онъ пользовался внѣшними условіями. Однако, кромѣ личныхъ достоинствъ Болеслава и благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ созданіи обширной и могущественной монархіи помогла ему также сила, выработанная въ польскомъ государствѣ внутренней организаціей.

Глава государства, король, пользовался неограниченной властью. Онъ издавалъ приказы, бывшіе закономъ для всѣхъ, былъ высшей судебной властью и начальствовалъ надъ войскомъ. Онъ былъ

обладателемъ всей территоріи государства, которую и дѣлилъ между своими сыновьями по собственному усмотрѣнію; ему принадлежали доходы съ повинностей, какія несло населеніе и даней.

Постоянной резиденціи у него не было. По требованію политическихъ обстоятельствъ онъ переѣзжалъ съ одной границы государства на другую, а вмѣстѣ съ нимъ передвигался и главный очагъ государственнаго управленія. Чтобы обезопасить западную границу отъ нѣмцевъ, Болеславъ чаще всего оставался въ Гнѣзнѣ, изъ преемниковъ его одни жили въ Краковѣ, откуда наблюдали за Венгріей и Чехіей, другіе же—ближе къ Поморью, въ Плоцкѣ. Для облегченія защиты страны и управленія государство было раздѣлено на кастеллятуры (повѣты,—уѣзды), каждая изъ которыхъ состояла изъ извѣстнаго числа опольевъ и имѣла городъ (castellum).

Благодаря раздѣленію труда народъ распался на сословія: служилые люди, рыцарство, невольниковъ, кметовъ и духовенство.

Важнѣйшіе изъ служилыхъ, должностныхъ лицъ были преимущественно потомками мѣстныхъ князей, покоренныхъ полянскимъ княземъ; они составляли свиту короля и помогали ему въ управленіи государствомъ. Первымъ сановникомъ былъ единственный на всю Польшу воевода, предводительствовавшій рыцарствомъ въ качествѣ замѣстителя короля. Канцлеръ велъ королевскую корреспонденцію; чесники, стольники, конюшіе, ловчіе, скарбники, коморники завѣдывали дворцовымъ хозяйствомъ. Во главѣ города и кастеллятуры стоялъ каштелянъ, обладавшій неограниченной властью въ дѣлахъ военныхъ, судебныхъ и финансовыхъ; помощниками его были: судья, скарбникъ и коморники, чрезъ которыхъ онъ разсылалъ свои приказанія. Во главѣ ополья стоялъ жупанъ.

Кромѣ служилыхъ людей, при особѣ короля состояла его личная стража. У Мешка I было 3.000 рыцарей, которыхъ онъ снабжалъ конями, оружіемъ и всѣмъ необходимымъ; онъ содержалъ и снаряжалъ ихъ дѣтей. Остальное рыцарство стояло въ городахъ и укрѣпленныхъ лагеряхъ (obozowiska), устраивавшихся близъ непріятельскихъ границъ. Войско Болеслава сконцентрировано главнымъ образомъ въ Познани, Гнѣзнѣ, Гечѣ и Владиславѣ; преемники его примѣнительно къ обстоятельствамъ устраивали укрѣпленные лагери въ Плоцкѣ, Краковѣ, Сандомірѣ, Лэнчицѣ, Вислицѣ и т. д. По вооруженію рыцари раздѣлялись на панцырныхъ и щитовниковъ. Первые носили шишаки и кирасы (рубаху изъ проволоки или кожи, обитую чешуей изъ жести или рога), сражались верхомъ на коняхъ копьями и мечами. Щитовники были вооружены деревянными щитами и пиками. Рыцарство дѣлилось на полки по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ, сотни и десятки. Каждый отдѣлъ имѣлъ свое знамя съ особымъ знакомъ и „окрикъ“ отъ имени предводителя (Драгославъ, Радванъ), или прозвища (Сорвикаптуръ, Посвистъ), или же отъ названія мѣстности (Бзура, Рава). Знамя (хоругвь) и окрикъ позволяли воинамъ узнать своихъ во время битвы, въ лѣсной чащѣ или ночью. За рыцарствомъ шли въ походъ обозные возчики, повара и слуги, поджигатели и сборщики добычи.

бунту, подкупая лицъ, имѣвшихъ вліяніе при императорскомъ дворѣ. Такъ какъ Генрихъ II призывалъ къ нашествіямъ на Польшу славянъ-язычниковъ, то Болеславъ, напоминая о своихъ заслугахъ въ дѣлѣ распространенія христіанства, вызывалъ у ревностнаго къ вѣрѣ духовенства отвращеніе къ императору, какъ къ врагу христіанства. Выгоды, мечемъ и интригами пріобрѣтенныя Болеславомъ въ борьбѣ съ императоромъ, вызывали у нѣмецкихъ патріотовъ гнѣвъ и ненависть къ нему. Современный лѣтописецъ, епископъ мерзебургскій Дитмаръ, называетъ его львомъ рыкающимъ, лисицей хитрой и коварной, ядовитой змѣей, жестокимъ негодяемъ, издѣвается надъ любовью Болеслава къ пиршествамъ, надъ его исполинскимъ ростомъ и дородствомъ. Однако, Болеславу не удалось вполнѣ осуществить свои стремленія на западѣ: онъ не освободилъ всѣхъ полабскихъ славянъ отъ владычества нѣмцевъ. По мирному договору, заключенному въ Будишинѣ (1018 г.), онъ удержалъ за собою только Лужицы, землю милечанъ и Моравію. Онъ обязался оказывать императору помощь войскомъ, взамѣнъ чего ему была обѣщана помощь нѣмецкихъ отрядовъ. Къ принятію этихъ условій побудили Болеслава событія на Руси, представившія возможность утвердить вліяніе Польши на востокѣ.

Сынъ великаго князя Владиміра и зять Болеслава Храбраго Святополкъ, умертвивъ младшихъ братьевъ своихъ, Бориса и Глѣба, занялъ княжескій престолъ въ Кіевѣ. Изгнанный изъ Кіева третьимъ братомъ своимъ, княземъ новгородскимъ Ярославомъ, онъ обратился къ тестю съ просьбой о помощи. Ради этого новаго похода Болеславъ закончилъ войну съ императоромъ и въ томъ же году двинулся съ нѣмецкими вспомогательными отрядами на востокъ. Взявъ Кіевъ и посадивъ на великокняжескій престолъ своего зятя, онъ послѣ одиннадцатимѣсячнаго пребыванія на берегахъ Днѣпра вторгся въ Червонную Хорватію, завоевалъ ее и съ большою добычею вернулся въ Польшу. Онъ закончилъ свою дѣятельность актомъ коронаціи, совершенной въ Гнѣзнѣ (1025 г.) безъ согласія папы и императора гнѣзненскимъ архіепископомъ въ присутствіи церковныхъ и свѣтскихъ сановниковъ.

Изъ государства, въ политическомъ и церковномъ отношеніи зависѣвшаго отъ нѣмцевъ, Болеславъ въ теченіе тридцати лѣтъ создалъ самостоятельную монархію, простиравшуюся на сѣверѣ до Балтійскаго моря, на югѣ до Тиссы и Дуная, на западѣ до Эльбы, на востокѣ до Буга и Днѣстра и распространившую свое вліяніе до Днѣпра. Онъ достигъ этого своей воинственностью и искусствомъ, съ какимъ онъ пользовался внѣшними условіями. Однако, кромѣ личныхъ достоинствъ Болеслава и благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ созданіи обширной и могущественной монархіи помогла ему также сила, выработанная въ польскомъ государствѣ внутренней организаціей.

Глава государства, король, пользовался неограниченной властью. Онъ издавалъ приказы, бывшіе закономъ для всѣхъ, былъ высшей судебной властью и начальствовалъ надъ войскомъ. Онъ былъ

обладателемъ всей территоріи государства, которую и дѣлилъ между своими сыновьями по собственному усмотрѣнію; ему принадлежали доходы съ повинностей, какія несло населеніе и даней.

Постоянной резиденціи у него не было. По требованію политическихъ обстоятельствъ онъ переѣзжалъ съ одной границы государства на другую, а вмѣстѣ съ нимъ передвигался и главный очагъ государственнаго управленія. Чтобы обезопасить западную границу отъ нѣмцевъ, Болеславъ чаще всего оставался въ Гнѣзнѣ, изъ преемниковъ его одни жили въ Краковѣ, откуда наблюдали за Венгріей и Чехіей, другіе же—ближе къ Поморью, въ Плоцкѣ. Для облегченія защиты страны и управленія государство было раздѣлено на кастеллятуры (повѣты,—уѣзды), каждая изъ которыхъ состояла изъ извѣстнаго числа опольевъ и имѣла городъ (castellum).

Благодаря раздѣленію труда народъ распался на сословія: служилые люди, рыцарство, невольниковъ, кметовъ и духовенство.

Важнѣйшіе изъ служилыхъ, должностныхъ лицъ были преимущественно потомками мѣстныхъ князей, покоренныхъ полянскимъ княземъ; они составляли свиту короля и помогали ему въ управленіи государствомъ. Первымъ сановникомъ былъ единственный на всю Польшу воевода, предводительствовавшій рыцарствомъ въ качествѣ замѣстителя короля. Канцлеръ велъ королевскую корреспонденцію; чесники, стольники, конюшіе, ловчіе, скарбники, коморники завѣдывали дворцовымъ хозяйствомъ. Во главѣ города и кастеллятуры стоялъ каштелянъ, обладавшій неограниченной властью въ дѣлахъ военныхъ, судебныхъ и финансовыхъ; помощниками его были: судья, скарбникъ и коморники, чрезъ которыхъ онъ разсылалъ свои приказанія. Во главѣ ополья стоялъ жупанъ.

Кромѣ служилыхъ людей, при особѣ короля состояла его личная стража. У Мешка I было 3.000 рыцарей, которыхъ онъ снабжалъ конями, оружіемъ и всѣмъ необходимымъ; онъ содержалъ и снаряжалъ ихъ дѣтей. Остальное рыцарство стояло въ городахъ и укрѣпленныхъ лагеряхъ (obozowiska), устраивавшихся близъ непріятельскихъ границъ. Войско Болеслава сконцентрировано главнымъ образомъ въ Познани, Гнѣзнѣ, Гечѣ и Влодиславѣ; преемники его примѣнительно къ обстоятельствамъ устраивали укрѣпленные лагери въ Плоцкѣ, Краковѣ, Сандомірѣ, Лэнчицѣ, Вислицѣ и т. д. По вооруженію рыцари раздѣлялись на панцырныхъ и щитовниковъ. Первые носили шишаки и кирасы (рубаху изъ проволоки или кожи, обитую чешуей изъ жести или рога), сражались верхомъ на коняхъ копьями и мечами. Щитовники были вооружены деревянными щитами и пиками. Рыцарство дѣлилось на полки по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ, сотни и десятки. Каждый отдѣлъ имѣлъ свое знамя съ особымъ знакомъ и „окрикъ“ отъ имени предводителя (Драгославъ, Радванъ), или прозвища (Сорвикутуръ, Посвистъ), или же отъ названія мѣстности (Бзура, Рава). Знамя (хоругвь) и окрикъ позволяли воинамъ узнать своихъ во время битвы, въ лѣсной чащѣ или ночью. За рыцарствомъ шли въ походъ обозные возчики, повара и слуги, поджигатели и сборщики добычи.

Для содержанія королевскаго двора, должностныхъ лицъ и рыцарства исполняли натуральныя повинности и платили дань невольники и кметы.

Невольники набирались, главнымъ образомъ, изъ военно-плѣнныхъ; они принадлежали монарху, должностнымъ лицамъ и знатнымъ рыцарямъ. Какъ составная часть имѣнія, они подлежали куплѣ и продажѣ. Частные люди пользовались невольниками для личныхъ услугъ, монархъ же селилъ ихъ близъ городовъ и укрѣпленныхъ лагерей. Они пекли хлѣбъ (пекари), готовили кушанья для рыцарскаго гарнизона (поваря), добывали дичь (ловцы, стрѣльцы, сокольники, псари), ловили рыбу (рыбаки), пасли лошадей (кобыльники, коняры) и скотъ (скотники, оборники), изготовляли посуду („лачевники"), щиты (щитники), древка для пикъ (жердники) и острія для пикъ („гротники"). Они не могли безъ разрѣшенія собственника переходить изъ одного мѣста въ другое.

Кметы были лично свободны и могли переходить съ мѣста на мѣсто по собственному усмотрѣнію. Съ земель, обрабатывавшихся ими, пастбищъ и т. п. они давали въ королевскую казну дани и исполняли различныя натуральныя повинности. Названія этихъ даней происходили или отъ ихъ назначенія, или отъ взимавшихся предметовъ. Соотвѣтственно ихъ характеру они взимались съ отдѣльныхъ хозяйствъ, селъ или опольевъ. На содержаніе рыцарскаго гарнизона кметы давали зерномъ *„стружу"*, сторожевое, къ королевскому столу поставляли *нáржазъ* (на рѣзь, на убой) кабана или свинью, вола, корову, овцу, кадушку меду или иные продукты подъ названіями: *ссыпь* (*sep*), *посошное* (*poradlne*), *подворное* (*podworowe*), *подымное*. Во время пріѣзда государя окрестныя села обязаны были доставлять провизію для него, его придворныхъ и обоза (*станъ*, *настава*, *стація*, *становиско*). При взиманіи даней сообразовались съ занятіями населенія: съ пастушескихъ мѣстностей брали скотъ, съ пчеловодныхъ—медъ, съ другихъ же куньи или бѣличьи шкурки. Къ общественнымъ повинностямъ принадлежали: поставленіе лошадей (*подводы*), возовъ (*пóвузъ*), перевозка грузовъ, принадлежавшихъ королю или должностнымъ лицамъ (*пржéвудъ*), сооруженіе или починка городовъ (укрѣпленій) и мостовъ. За пользованіе государственными рынками, дорогами, мостами и паромами кметы платили сборы: торговый, дорожный, мостовой и перевозный; за перечеканку монеты стараго образца на новый—*образъ* или *помѣтъ*. Въ качествѣ прислужниковъ и слугъ, они употреблялись для работъ въ обозахъ, для прорубанія въ лѣсахъ просѣкъ и изготовленія насѣкъ (родъ оружія). Въ общемъ дани, взимавшіяся съ кметовъ, были разнородны и чувствительно отзывались на нихъ: даже женщины, выходившія замужъ, должны были давать на королевскій дворъ *дѣвичье* и *вдовье*.

Работы невольниковъ и дани кметовъ служили также средствами для обезпеченія духовнаго сословія, образовавшагося изъ иноземцевъ: нѣмцевъ (Іорданъ, первый епископъ познанскій) и чеховъ (Гаудентій, братъ св. Войцѣха, первый архіепископъ гнѣзненскій), а впослѣдствіи пополнявшагося сыновьями должностныхъ

лицъ, рыцарей, духовенства и кметовъ. Духовенство получало свои мѣста отъ короля, было лишь одной изъ вѣтвей административной іерархіи; церковь представляла собою государственное учрежденіе, подчиненное монарху. Задачей ея была выработка съ помощью христіанства и западнаго просвѣщенія нравственнаго единенія между племенными группами, вошедшими въ составъ государства. Для достиженія этой цѣли Болеславъ Храбрый призвалъ монаховъ бенедектинцевъ, монастыри которыхъ возникли въ Межерѣчьи, на Лысой Горѣ и въ Тынцѣ. Обезпеченіе духовенство получало отъ короля. Онъ назначалъ ему десятину съ селъ, опольевъ или кастеллятуръ, жаловалъ земли съ невольниками и кметами съ ихъ повинностями и данями.

Въ государствѣ Болеслава Храбраго было около 200.000 жителей, изъ которыхъ 20.000 принадлежали къ рыцарскому сословію. Въ тѣ времена это составляло значительную силу—тѣмъ болѣе, что она, сконцентрированная въ городахъ и укрѣпленныхъ лагеряхъ, была постоянно готова къ войнѣ. Располагая также вооруженною силою, пользуясь службою всѣхъ общественныхъ классовъ и получая огромные доходы съ даней, Болеславъ могъ побѣждать менѣе сильныхъ сосѣдей и даже тягаться съ самымъ могущественнымъ государствомъ, съ нѣмецкой имперіей.

Сынъ и преемникъ Болеслава Храбраго, *Мешко II* (1025—1034), прозванный лѣтописцами *Лѣнивымъ* (Gnusny), не могъ удержать пріобрѣтеній своего отца не столько вслѣдствіе отсутствія дальновидности и мужества, какъ вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Новый германскій императоръ, Конрадъ II, превосходилъ своего предшественника силою воли, умомъ и искусствомъ правленія; въ Венгріи царствовалъ геніальный король Стефанъ, въ Чехіи ловкій Ульдарикъ, въ великомъ княжествѣ кіевскомъ мѣсто снова изгнаннаго Святополка занялъ Ярославъ Мудрый, на сѣверѣ датско-норманскимъ государствомъ правилъ Кнутъ Великій. Сильные и предпріимчивые сосѣди старались возвратить провинціи, отнятыя у нихъ Болеславомъ Храбрымъ; Данія, стремившаяся завладѣть всѣми морскими берегами, угрожала Поморью. Въ довершеніе всего, Мѣшко нашелъ враговъ въ своихъ братьяхъ: старшемъ Безпримѣ и младшемъ Оттонѣ, добивавшихся удѣловъ и искавшихъ поддержки на Руси, въ Чехіи и при императорскомъ дворѣ. Въ неравной борьбѣ со столь многими врагами Мѣшко утратилъ большую часть отцовскихъ пріобрѣтеній. Венгры завладѣли закарпатскимъ славянствомъ, датчане захватили Поморье, сынъ Ульдарика чешскаго, Бретиславъ, занялъ Моравію, великій князь кіевскій—Червонную Хорватію, императоръ при помощи Кнута Великаго—Лужицы и землю милечанъ. Мѣшко даже долженъ былъ уступить престолъ старшему брату и бѣжать за границу. Хотя послѣ смерти Безприма и изъявленія покорности императору онъ снова занялъ престолъ, но не возвратилъ государству его прежняго величія. Онъ умеръ въ припадкѣ помѣшательства.

Если при Мѣшкѣ II Польша утратила всѣ пріобрѣтенія Болеслава, кромѣ Бѣлой Хорватіи и Силезіи, то послѣ его смерти,

во время междуцарствія (1034—1040), была потрясена также ея внутренняя организація и подверглась опасности ея независимость.

Мешко оставилъ малолѣтняго сына Казиміра, подъ опекой матери его Рихезы (Ригсы), племянницы императора Оттона III. Невольники и кметы, принуждаемые къ повиновенію королями, воспользовались слабостью правленія женщины и подняли бунтъ противъ сословій, жившихъ насчетъ ихъ повинностей и даней: должностныхъ лицъ, рыцарства и духовенства. Когда Рихеза съ сыномъ бѣжала изъ страны, они стали избивать должностныхъ лицъ, рыцарей и священниковъ, и разрушать города, грабить церкви. Уничтожая все, заведенное Болеславомъ Храбрымъ, они объявили войну и христіанству, возвращались къ язычеству. Среди внутреннихъ смутъ племенныя группы, удерживаемыя вмѣстѣ лишь единствомъ королевской власти, начали возвращаться къ прежней обособленности. Чесникъ двора Мешка II, Мечславъ (Маславъ), объявилъ себя княземъ Мазовіи. Бретиславъ чешскій, мечтавшій, подобно Болеславу Храброму, объ объединеніи подъ своею властью всѣхъ славянскихъ народностей, нашелъ въ анархіи междуцарствія удобный случай для завладѣнія польскими землями. Предпринявъ нашествіе, онъ взялъ Краковъ, Гечъ, Гнѣзно, грабилъ церковныя сокровища и реликвіи; онъ завоевалъ бы Польшу, если бы этому не воспрепятствовалъ нѣмецкій императоръ Генрихъ III, у котораго жила Рихеза съ сыномъ. Какъ Генрихъ II старался противодѣйствовать завоеваніямъ Болеслава Храбраго, такъ Генрихъ III рѣшилъ не допустить возрастанія чешскаго государства. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ походъ на Прагу, а Казиміра отправилъ съ нѣмецкими вспомогательными отрядами въ Польшу. При помощи императора Казиміръ подавилъ бунтъ невольниковъ и кметовъ и взялъ правленіе въ свои руки.

Обезпеченный со стороны Чехіи покровительствомъ императора, войдя въ дружественныя отношенія съ Русью путемъ женитьбы на сестрѣ Ярослава Мудраго, Маріи-Добронѣгѣ, *Казиміръ* (1040—1058) отдался мирной дѣятельности. Избѣгая столкновеній съ сосѣдями, онъ всѣ свои силы направилъ на объединеніе племенъ, входившихъ въ составъ Польши, и возстановленіе внутренней организаціи, поколебленной во время междуцарствія. Онъ побѣдилъ Мечслава, поддерживаемаго пруссами и ятвягами, и возвратилъ Мазовію; онъ ввелъ административную и духовную іерархію, возстановилъ города и церкви, устраивалъ укрѣпленные лагери, невольниковъ и кметовъ принудилъ къ несенію прежнихъ повинностей и даней. Казиміръ-Возстановитель Польши оставилъ плоды своего восемнадцатилѣтняго труда по устроенію государства сыну своему, Болеславу.

Со средствами, унаслѣдованными отъ отца, *Болеславъ*, прозванный *Смѣлымъ* или *Щедрымъ* (1058—1080), могъ начать завоевательную дѣятельность, такъ какъ онъ отличался воинственностью и нашелъ благопріятныя внѣшнія обстоятельства. Въ Германіи между папою Григоріемъ VII и императоромъ Генри-

хомъ IV шла борьба за преобладаніе духовной власти надъ свѣтской, церкви надъ государствомъ; въ Чехіи, Венгріи и на Руси князья вели междуусобныя войны. Не опасаясь никакихъ нападеній съ запада, Болеславъ нашелъ благопріятный случай замѣнить нѣмецкое вліяніе въ Венгріи и Чехіи своимъ и возстановить польское преобладаніе на Руси.

Ко двору Болеслава прибылъ князь венгерскій Бела, поссорившійся съ братомъ своимъ, королемъ Андреемъ. Болеславъ послалъ его въ Венгрію съ польскими полками, помогъ ему одолѣть Андрея, который при этомъ палъ въ битвѣ, и овладѣть престоломъ. Впослѣдствіи онъ поддерживалъ потомковъ Белы: сперва Гейзу, а затѣмъ Владислава, которые и удержали престолъ, оспаривавшійся у нихъ шуриномъ императора, сыномъ Андрея, Саломономъ. Болеславъ вытѣснилъ нѣмецкое вліяніе также изъ Чехіи, поддерживая оружіемъ Яроміра, которому братъ его, Владиславъ, не хотѣлъ дать удѣла. Когда вслѣдствіе вторженія его съ Яроміромъ въ Чехію Генрихъ IV вызвалъ обѣ воюющія стороны на свой судъ, онъ не только не исполнилъ этого требованія, но и соединился съ врагами императора, саксами. На приговоръ императора, объявлявшій его лишеннымъ престола мятежникомъ, онъ отвѣтилъ торжественной коронаціей (1076 г.). Онъ возстановилъ также польское вліяніе на Руси, поддерживая великаго князя Изяслава, изгнаннаго своими родственниками изъ Кіева. Взявъ Кіевъ (1069 г.) онъ возвратилъ изгнаннику великокняжескій престолъ.

Болеславъ сажалъ на престолы королей и князей, издѣвался надъ императоромъ. Онъ былъ не далекъ отъ того, чтобы доставить Польшѣ то положеніе, какое она занимала при Болеславѣ Храбромъ, но внутренняя смута погубила его.

Потомки мѣстно-племенныхъ князей, служилые люди, во главѣ съ воеводою Сѣцѣхомъ, тяготясь деспотизмомъ и воинственностью короля, составили заговоръ. Они хотѣли низложить Болеслава и вручить правленіе брату его, неспособному Владиславу-Герману, при которомъ разсчитывали получить больше вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Достаточно сильные сами по себѣ, какъ начальники городовъ и предводители рыцарства, они, сверхъ того, имѣли на своей сторонѣ духовенство, стремившееся подъ вліяніемъ идей Григорія VII къ независимости отъ свѣтской власти. Король раскрылъ эти козни и съ помощью невольниковъ и кметовъ безпощадно мстилъ заговорщикамъ. Краковскаго епископа, Станислава, предавшаго его проклятію, онъ изрубилъ въ церкви на Скалкѣ, близъ Кракова. Однако, онъ не могъ одолѣть всю партію. Уступивъ преобладающей силѣ, онъ съ сыномъ своимъ, Мешкомъ, бѣжалъ изъ Польши. Послѣ долгихъ скитаній онъ умеръ бенедиктинскимъ монахомъ въ Оссіакѣ, въ Каринтіи.

Возведенный на престолъ служилой аристократіей, *Владиславъ I Германъ* (1080—1102) старался обезпечить внѣшнюю безопасность и миръ посредствомъ своихъ браковъ: сперва съ дочерью Владислава чешскаго Юдиѳью, а впослѣдствіи съ вдовой Саломона венгерскаго, сестрой Генриха IV, Ютой; во внутреннихъ дѣлахъ

онъ во всемъ полагался на воеводу Сѣцѣха. Пользуясь неспособностью короля, Сѣцѣхъ намѣревался истребить династію Пястовъ и основать свою собственную. Подъ его вліяніемъ Владиславъ-Германъ изгналъ своего сына, Сбигнѣва. Мешко, сынъ Болеслава Смѣлаго, вернувшійся въ страну, благодаря протекціи венгерскаго короля, Владислава, умеръ отъ отравы. Сѣцѣхъ посягалъ и на жизнь брата Сбигнѣва, родившагося отъ Юдиои Болеслава, прозваннаго Кривоустымъ. Однако, гордому воеводѣ не удалось осуществить свои планы: онъ встрѣтилъ отпоръ въ сыновьяхъ Владислава-Германа и призязанныхъ къ династіи Пястовъ сановникахъ, во главѣ которыхъ стоялъ Магнусъ, каштелянъ вроцлавскій. Эти сановники содѣйствовали возвращенію Сбигнѣва въ страну, сдали ему вроцлавскій городъ и вошли также въ сношенія съ Болеславомъ Кривоустымъ. Братья подняли оружіе противъ Сѣцѣха и своего отца, котораго осадили въ Плоцкѣ. Потерпѣвъ пораженіе, Владиславъ-Германъ изгналъ Сѣцѣха, а государство раздѣлилъ между своими сыновьями, оставивъ за собою верхную власть. Сбигнѣвъ получилъ полянскія земли (старую или Великую Польшу), а Болеславъ земли хорватскія (новую или Малую Польшу).

По смерти отца Сбигнѣвъ и *Болеславъ Кривоустый* (1102—1138), оба самолюбивые и дѣятельные, не довольствуясь своими удѣлами, вступили въ борьбу за обладаніе всѣмъ государствомъ. Оба они искали поддержки у сосѣдей: Сбигнѣвъ—въ Чехіи, Поморьи и Германіи, Болеславъ же—въ Венгріи и на Руси, гдѣ у него были дружескія связи, благодаря его женитьбѣ на Сбиславѣ, дочери великаго князя кіевскаго, Святополка II.

Сбигнѣвъ вызвалъ нашествія на Болеславовъ удѣлъ: Боривоя, князя чешскаго и брата его, Святополка моравскаго, съ которыми осаждалъ города въ Силезіи. Болеславъ при содѣйствіи воеводы Скарбоміра заставилъ чеховъ уйти, а противъ Святополка послалъ военачальника Желислава, который въ отплату за его нашествіе опустошилъ Моравію. Когда Святополкъ моравскій изгналъ братьевъ своихъ: Борислава и Собеслава и завладѣлъ Чехіей, Болеславъ пріютилъ у себя бѣглецовъ. Во время новаго нашествія чеховъ, въ которомъ принималъ участіе и Сбигнѣвъ, Болеславъ обѣщаніемъ впредь не поддерживать Борислава и Собеслава склонилъ Святополка вернуться въ Чехію, а у брата отнялъ Великую Польшу. Когда же Сбигнѣвъ для возвращенія своего достоянія привелъ на Польшу поморянъ, Болеславъ отнялъ у него и оставшуюся еще за нимъ землю и выгналъ его изъ страны. Тогда Сбигнѣвъ обратился къ императору, Генриху V, который въ поддержкѣ изгнанника нашелъ удобный случай возстановить въ Польшѣ прежнее нѣмецкое вліяніе и отомстить за пораженіе, понесенное имъ въ борьбѣ съ Болеславомъ въ Венгріи.

Въ Венгріи царствовалъ Коломанъ, братъ и соперникъ котораго, Альмусъ, жилъ при императорскомъ дворѣ. Когда Генрихъ V, соединившись съ Святополкомъ чешскимъ, провожали Альмуса въ Венгрію, Болеславъ выступилъ на защиту Коломана. Императоръ и Святополкъ осаждали Прессбургъ, Болеславъ повелъ гостившихъ

у него Борпвоя и Собеслава въ Чехію и подступилъ подъ Прагу. Святополкъ для защиты собственнаго государства оставилъ Венгрію; императоръ, предоставленный собственнымъ силамъ, вынужденъ былъ отступить отъ Прессбурга. Такимъ образомъ Болеславъ не допустилъ нѣмецкаго вліянія въ Венгріи и упрочилъ польское. И впослѣдствіи онъ поддерживалъ сына Коломана, Бориса, противъ императора, поддерживавшаго сына Альмуса, Белу Слѣпаго.

Императоръ потребовалъ у Болеслава для себя дани, а для Сбигнѣва половины государства. Получивъ отказъ, онъ снова со Святополкомъ вступилъ въ Силезію и осадилъ глоговскій городъ. Когда вслѣдствіе смерти Святополка, убитаго въ лагерѣ подъ Глоговомъ чехи ушли изъ Силезіи, императоръ, лишенный ихъ поддержки и изнуряемый польскими разъѣздами, вынужденъ былъ съ большими потерями прекратить свое нашествіе. Неудача императора была вмѣстѣ съ тѣмъ и пораженіемъ Сбигнѣва, который также ошибся въ разсчетахъ возвратить свои земли во время борьбы за чешскій престолъ. Императоръ желалъ посадить на чешскій престолъ брата Святополка, Владислава, Болеславъ же поддерживалъ Собеслава. Болеславъ достигъ своей цѣли такимъ образомъ, что завоевалъ для Собеслава удѣлъ, а для установленія болѣе тѣсныхъ отношеній съ Владиславомъ женился, по смерти Сбигнѣвы, на сестрѣ его, Саломеѣ, графинѣ Бергской. Сбигнѣвъ, бывшій во время войны въ лагерѣ Владислава и по окончаніи ея утратившій надежду на возвращеніе своихъ земель, покорился брату и поселился въ Польшѣ. Заподозрѣнный впослѣдствіи въ новыхъ происках, онъ былъ ослѣпленъ Болеславомъ и изгнанъ изъ страны.

Одновременно съ борьбою за сохраненіе государственнаго единства и вліянія въ Чехіи и Венгріи Болеславъ старался включить въ составъ Польши Поморье, западной частью котораго, между Вислой и Одеромъ, правилъ князь Святополкъ, а восточной—за Одеромъ—Варциславъ. Онъ стремился получить доступъ къ морю, овладѣть важными въ торговомъ отношеніи устьями Вислы и Одера и, наконецъ, обезопасить сѣверную границу отъ набѣговъ языческихъ племенъ. Сперва присоединялъ онъ земли до рѣки Нотеца съ поморскими городами: Накломъ, Чарнковомъ, Дрезденкомъ, Сантокомъ и Устьемъ,—затѣмъ, вторгся въ глубь непріятельской страны—до Балтійскаго моря. Послѣ многихъ походовъ онъ принудилъ Святополка къ покорности, перешелъ Одеръ, взялъ лютичскіе города: Юлинъ и Щетинъ и даже овладѣлъ Рюгеномъ. Побѣжденныхъ князей онъ заставилъ признать себя его данниками и принять христіанство. Для искорененія язычества въ завоеванныхъ земляхъ онъ послалъ въ Юлинъ сперва Бернарда, испанца по происхожденію, а впослѣдствіи Оттона, епископа бомбергскаго, который съ большимъ успѣхомъ распространялъ евангеліе въ восточномъ Поморьи. О распространеніи христіанства въ восточномъ Поморьи заботилось учрежденное еще при Мешкѣ II епископство куявское; для искорененія же язычества въ западномъ Поморьи Болеславъ учредилъ епископство юлинское.

Кривоустый продолжалъ дѣло Болеслава Храбраго, хотя и безъ той систематичности, съ какой осуществлялъ свои планы великій

основатель монархіи. Происходило это отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и отъ неустойчиваго темперамента Болеслава Кривоустаго. Юношеская порывистость его проявлялась какъ въ бурныхъ военныхъ предпріятіяхъ, такъ и въ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ людямъ. Она послужила причиною ослѣпленія Сбигнѣва и заподозрѣннаго въ мятежныхъ проискахъ воеводы Скарбоміра, а также самоубійства воеводы Вшебора, получившаго отъ Болеслава кудель въ подарокъ за бѣгство съ поля битвы во время венгерскаго похода. Совершивъ жестокость, Болеславъ испытывалъ угрызенія совѣсти, которыя заглушалъ религіозными подвигами. Онъ совершалъ путешествія на поклоненіе гробамъ святыхъ: Эгидія во Франціи, Стефана въ Венгріи, Войцѣха въ Гнѣзнѣ, дѣлалъ пожертвованія въ пользу церквей и духовенства. Передъ смертью онъ раздѣлилъ государство между своими сыновьями: старшему, родившемуся отъ Сбиславы, далъ Силезію, Болеславу Кудрявому—Мазовію и Куявію съ землями добржинской и хелминской, Мешку Старому—Великую Польшу, Генриху—землю сандомірскую. Младшаго, Казиміра, которому былъ едва одинъ годъ, онъ оставилъ безъ удѣла. Чтобы предупредить гибельныя послѣдствія раздѣла и сохранить единство государства по обычаю, примѣнявшемуся на Руси отъ смерти Ярослава Мудраго (1054 г.) и въ Чехіи отъ смерти Бретислава (1055 г.), установилъ верховенство надъ младшими князьями и ленниками поморскими старѣйшаго князя въ родѣ (сеніоратъ). Старѣйшему князю (сеніору) онъ назначилъ краковскій удѣлъ съ землями: сѣрадской и лэнчицской.

III.

Упадокъ монархической власти.

Первый князь краковскій, *Владиславъ II* (1138—1146), хотѣлъ, по примѣру Болеслава Храбраго и своего отца, отнять у младшихъ братьевъ ихъ удѣлы и возстановить государственное единство. Противъ этого стремленія выступили какъ младшіе князья, такъ и сановники духовные и свѣтскіе, видѣвшіе въ раздѣленіи государства благопріятное для себя ослабленіе монархической власти. Противодѣйствіемъ руководили: архіепископъ гнѣзненскій Іаковъ изъ Жнина, воевода сандомірскій Вшеборъ и состоявшій по женѣ въ родствѣ съ Владиславомъ Петръ Влостовичъ. Потерпѣвъ пораженіе подъ Пилицей, Владиславъ привелъ наемные русскіе полки и осадилъ братьевъ въ Познани. Не имѣя возможности взять этотъ укрѣпленный городъ, онъ, отлученный архіепископомъ отъ церкви, бѣжалъ ко двору императора Конрада II, съ которымъ онъ состоялъ въ родствѣ по женѣ, Агнесѣ.

Когда побѣдившіе сановники, вопреки завѣщанію Болеслава Кривоустаго, призвали въ краковскій удѣлъ *Болеслава Кудряваго* (1146—1173), Владиславъ, жившій за границей, для возстановленія своихъ правъ обратился съ просьбою о помощи къ императору и папѣ. Желая возстановить въ Польшѣ нѣмецкое вліяніе,

Конрадъ III предпринялъ походъ, который Болеславъ остановилъ обѣщаніемъ возвратить императору военные расходы и отдать свой споръ съ Владиславомъ на рѣшеніе. Однако, воспользовавшись участіемъ Конрада III въ крестовомъ походѣ и затѣмъ смертью его, онъ не исполнилъ своего обѣщанія, чѣмъ вызвалъ нашествіе на Польшу новаго императора, Фридриха Барбароссы, который перешелъ Одеръ и подступилъ къ Познани. Болеславъ покорно явился въ его лагерь въ Кришковѣ на Вислѣ, по обычаю того времени, босой и съ мечомъ у шеи; онъ повторилъ обѣщаніе, данное имъ Конраду, а для рѣшенія своего спора съ Владиславомъ согласился явиться въ Магдебургъ. Императоръ, тронутый покорностью князя и, сверхъ того, встревоженный возстаніемъ италіанскихъ городовъ, прекратилъ свой походъ, взявъ въ качествѣ заложника младшаго сына Болеслава Кривоустаго, Казиміра. Болеславъ Кудрявый, воспользовавшись затрудненіями императора, снова не исполнилъ своего обѣщанія и не возвратилъ Владиславу краковскаго удѣла.

Въ борьбѣ съ Владиславомъ союзниками Болеслава были братья его и сановники, не желавшіе подчиниться даже высшей церковной власти. Они не оставили своего противодѣйствія и тогда, когда прибывшій въ Польшу папскій легатъ, кардиналъ Гвидонъ, не добившись добровольнаго возвращенія Владиславу краковскаго удѣла, отлучилъ ихъ отъ церкви и наложилъ на страну интердиктъ. Владиславъ умеръ въ изгнаніи (1159 г.); три сына его раздѣлили между собою перешедшій къ нимъ по наслѣдству силезскій удѣлъ; Болеславъ Высокій получилъ среднюю Силезію съ Вроцлавомъ, Конрадъ — нижнюю Силезію съ Глоговомъ, Мѣшко (Plątonogi) — верхнюю Силезію съ Ратиборомъ.

Сановники поддерживали Болеслава Кудряваго до тѣхъ поръ, пока онъ подчинялся имъ. Когда по смерти Владислава онъ для для сохраненія независимости княжеской власти сталъ пренебрегать ихъ совѣтами, они составили противъ него заговоръ, руководителями котораго были: сынъ Петра Влостовича, Святославъ, и зять его же, Якша изъ Мѣхова. Заговорщики хотѣли отдать Краковъ Казиміру, правившему по смерти бездѣтнаго Генриха сандомірскимъ удѣломъ. Казиміръ не принялъ ихъ предложенія, благодаря чему Болеславъ Кудрявый и умеръ княземъ краковскимъ. Его собственный удѣлъ, — Мазовія и Куявія, — перешелъ къ его малолѣтнему сыну, Лѣшку, опекуномъ котораго былъ Казиміръ. Краковскій же удѣлъ, въ силу завѣщанія Болеслава Кривоустаго, получилъ пятидесятилѣтній Мѣшко Старый.

Изъ сыновей Болеслава Кривоустаго *Мѣшко Старый* (1173—1177) былъ самымъ дальновиднымъ и энергичнымъ. Онъ завязалъ обширныя родственныя связи въ Европѣ посредствомъ браковъ своихъ дѣтей, которыхъ у него было одиннадцать: шесть сыновей и пять дочерей. Браки сыновей породнили его съ венгерскимъ дворомъ и Рюриковичами, браки дочерей — съ князьями: саксонскимъ, чешскимъ, поморскимъ, съ маркграфомъ мейссенскимъ (Мисня), замужество же одной его дочери, выданной за племянника импера-

тора, сына князя лотарингскаго, породнило его съ Фридрихомъ Барбароссою. Не смущаясь ни судьбою Владислава, ни заговоромъ противъ Болеслава Кудряваго, онъ задумалъ обуздать знать и возстановить независимость княжеской власти. Союзниковъ для борьбы съ сановниками онъ искалъ въ младшихъ удѣльныхъ князьяхъ, своихъ племянникахъ, которыхъ привлекалъ себѣ своей родственной сердечностью и уваженіемъ ихъ правъ на унаслѣдованныя владѣнія. Заботясь о расположеніи къ себѣ родныхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ поручалъ важнѣйшія должности такимъ лицамъ, на которыхъ могъ вполнѣ разсчитывать. Онъ удалялъ съ высшихъ должностей потомковъ тѣхъ сановниковъ, которые составляли комплоты противъ князей, и возвышалъ людей низшаго происхожденія, но вѣрныхъ и покорныхъ. Зная, что власть черпаетъ силу въ матеріальномъ богатствѣ, онъ старался разорять знатныхъ господъ и увеличивалъ доходы княжеской казны. Съ этой цѣлью онъ налагалъ высокіе денежные штрафы за обращеніе кметовъ въ невольниковъ, за преслѣдованіе евреевъ, за самовольную охоту въ государственныхъ лѣсахъ, — словомъ за всякія нарушенія княжескихъ распоряженій. Значительные доходы онъ получалъ также съ монетнаго двора путемъ ухудшенія достоинства монеты. Не прекращая взиманія *„сбраза“* [1]), онъ велѣлъ изъ поступающихъ для перечеканки монетъ съ двухстороннимъ штемпелемъ чеканить тонкія выпукло-вогнутыя монеты (brakteaty), остававшійся же металлъ забиралъ въ княжескую казну. Подъ предлогомъ борьбы съ поддѣлкою монеты онъ повторялъ такую процедуру нѣсколько разъ въ годъ, чѣмъ причинялъ матеріальный ущербъ свѣтскимъ и духовнымъ господамъ, имѣвшимъ наличныя деньги. Сверхъ того, правительственные сборщики при взиманіи казенныхъ платежей требовали полновѣсную монету изъ подлежащаго металла, ухудшенной же не принимали.

Фискальный гнетъ Мѣшка вызвалъ среди сановниковъ недовольство. Главою недовольныхъ былъ епископъ краковскій, Гедко, выступившій теперь въ такой же роли, какую при Болеславѣ игралъ Станиславъ, а при Владиславѣ II Іаковъ изъ Жнина. Недовольствуясь частными увѣщаніями, онъ обличалъ Мѣшка въ краковскомъ замкѣ въ присутствіи служилыхъ людей и народа. Въ публичной рѣчи онъ выражалъ скорбь объ участи подданныхъ, а княжескихъ служилыхъ людей называлъ бѣшеными псами. Когда Мѣшко, не обращая на это вниманія, не измѣнилъ своего образа дѣйствій, сановники обратились къ Казиміру, приглашая его занять краковскій удѣлъ. Казиміръ на этотъ разъ принялъ предложеніе и занялъ Краковъ; въ то же время вспыхнуло возстаніе въ Великой Польшѣ подъ предводительствомъ сына Мѣшка, Одона. Застигнутый неожиданно всеобщимъ движеніемъ, Мѣшко не могъ воспользоваться своими связями, вѣрными слугами и деньгами. Онъ не пытался возвратить себѣ Краковъ и безъ противодѣйствія уступилъ сыну великопольскія владѣнія.

---

[1]) См. стр. 14.

Излюбленный сановниками *Казимиръ Справедливый* (1177—1194) былъ далекъ отъ стремленій Владислава II, Болеслава Кудряваго и Мѣшка Стараго. Свою уступчивость знатнымъ господамъ, въ особенности духовнымъ, онъ проявилъ на лэнчицкомъ съѣздѣ (1180 г.), въ которомъ, кромѣ свѣтскихъ сановниковъ принялъ участіе архіепископъ и епископы: краковскій, вроцлавскій и любушскій. На этомъ съѣздѣ Казиміръ отказался отъ нѣкоторыхъ доходовъ казны: права на движимое имущество, оставшееся послѣ умершаго епископа (jus spolii) и „подводы“ [1]), которыя кметы обязаны были давать княжескимъ служащимъ и посыльнымъ. Взиманіе въ княжескую казну епископскаго имущества и вынужденіе „подводъ“ во время, свободное отъ нашествія непріятелей, были воспрещены подъ угрозой церковнаго проклятія. За эти уступки лэнчицкій съѣздъ постановилъ уничтожить достоинство старѣйшаго князя (сеніоратъ) и перенести право на краковскій удѣлъ на старшаго сына въ линіи Казиміра. Лэнчицскія постановленія утвердилъ папа Александръ III; новый порядокъ наслѣдованія краковскаго удѣла призналъ и германскій императоръ.

Ни одинъ изъ сыновей Болеслава Кривоустаго не объединилъ въ своихъ рукахъ столько удѣловъ, какъ Казиміръ. Кромѣ сандомірскаго и краковскаго удѣла, онъ послѣ ухода Мѣшка Стараго занялъ великопольскій, оставивъ Одону только Познань съ ея округомъ. По смерти бездѣтнаго Лѣшка (1186 г.), онъ получилъ Мазовію и Куявію; ему подчинились размножившіеся князья силезскіе и поморскіе. Располагая значительными средствами, Казиміръ могъ проявить свою дѣятельность на востокѣ. Раздоры между Рюриковичами давали ему благопріятный случай для расширенія польскаго вліянія на ближайшія ихъ земли, именно: на Волынь и Галичъ (Хорватія, Червонная Русь).

Сестра Казиміра по отцу (родная сестра Владислава II), Юдиѳь, выданная сперва за претендента на венгерскій престолъ, Бориса, а затѣмъ за князя волынскаго, Мстислава Изяславича, имѣла отъ перваго брака сына Коломана, а отъ втораго — Всеволода и Романа. Мстиславъ Изяславичъ далъ въ удѣлъ Коломану Брестъ, Всеволоду — Белзъ, Роману — Владиміръ. Когда Всеволодъ и Романъ изгнали Коломана, Казиміръ, защищая его, побѣдилъ Мстиславичей и возвратилъ племяннику Брестъ. По смерти Коломана Казиміръ посадилъ въ прибужскомъ удѣлѣ Романа и утвердилъ свое верховенство какъ надъ Брестомъ, такъ и надъ Владиміромъ.

Затѣмъ, изъ Галича народъ изгналъ князя Владиміра Ярославича и призвалъ на его мѣсто племянника Казиміра, Романа владимірско-брестскаго. Вскорѣ Галичъ занялъ венгерскій королевичъ Андрей, и Владиміръ обратился съ просьбой о помощи противъ него сперва къ Фридриху Барбароссѣ, а затѣмъ къ Казиміру. Польшѣ выгоднѣе было, чтобы Галичемъ владѣлъ ея ставленикъ,

---

[1]) См. стр. 14.

чѣмъ венгры, и поэтому Казиміръ предпринялъ походъ въ защиту Владиміра. Андрей вынужденъ былъ уступить галичскій престолъ Владиміру, который призналъ себя польскимъ ленникомъ.

Одерживая побѣды на востокѣ, Польша, не сохранила своего преобладанія въ Поморьѣ: Рюгенъ заняли датчане, князья штетинскіе подчинились императору. Трудно было Казиміру думать объ удержаніи устьевъ Одера, когда его тревожилъ Мѣшко Старый, добившійся возвращенія себѣ великой Польши и краковскаго удѣла.

Мѣшко сперва пытался войти въ соглашеніе съ Казиміромъ; отложивъ вопросъ о краковскомъ удѣлѣ на будущее время, онъ старался возвратить себѣ великую Польшу. Когда вслѣдствіе противодѣйствія знати эти переговоры не достигли цѣли, онъ прибѣгъ къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ. Онъ привлекъ деньгами на свою сторону поморскихъ пановъ, при помощи которыхъ взялъ гнѣзненскій городъ и возвратилъ себѣ Великую Польшу, кромѣ Познани, гдѣ удержался Одонъ. Вскорѣ послѣ этого онъ сталъ домогаться возвращенія краковскаго удѣла. Благодаря своимъ родственнымъ связямъ онъ достигъ того, что Фридрихъ Барбаросса отправилъ въ Польшу своего сына, Генриха. Когда Казиміръ путемъ переговоровъ и обѣщанія подчиниться власти императора склонилъ Генриха вернуться, Мѣшко прибѣгъ къ тайнымъ проискамъ. Правой рукой, вѣрнѣйшимъ совѣтникомъ Казиміра былъ краковскій воевода Николай, разбившій венгерскаго королевича, Андрея, и взявшій Галичъ. Осыпанный милостями Казиміра, онъ вызвалъ недовольство завистниковъ, которое обратилось и противъ самого князя. Мѣшко воспользовался этими обстоятельствами; при посредствѣ издавна расположеннаго къ нему краковскаго каштеляна, Генриха Кетлича онъ привлекъ на свою сторону семьдесятъ пановъ и съ ихъ помощью занялъ, въ отсутствіе Казиміра, Краковъ. Однако онъ не долго удержался въ немъ. Когда онъ поспѣшилъ въ великую Польшу, чтобы собрать войско, Казиміръ при помощи своихъ племянниковъ: Романа владимірскаго и Всеволода белзскаго, снова взялъ столицу и умеръ краковскимъ княземъ.

Борьба за краковскій удѣлъ (1194—1202) не прекратилась со смертью Казиміра. Паны съ воеводой Николаемъ и Пэлкой, епископомъ краковскимъ, согласно постановленію лэнчицкаго съѣзда, признали княземъ малолѣтняго сына Казиміра, Лѣшка Бѣлаго, противъ чего запротестовалъ Мѣшко Старый, ссылаясь на свое право старшинства. Когда Мѣшко двинулся съ войскомъ, Лѣшекъ, поддерживаемый своимъ двоюроднымъ братомъ, Романомъ владимірскимъ, преградилъ ему путь подъ Енджеевомъ. Въ битвѣ на берегу Мозгавы обѣ стороны понесли тяжелыя потери: Романъ былъ раненъ, одинъ изъ его сыновей Мѣшка палъ, пронзенный копьемъ, самъ князь велико-польскій едва избѣжалъ плѣна. Мѣшко, несмотря на потерю, понесенную имъ, не отказался отъ своихъ притязаній на краковскій удѣлъ. Именемъ Лѣшка правило регентство,

въ составъ котораго входила и вдова Казиміра Справедливаго, княгиня Елена. Между членами регентства, воеводами: Николаемъ краковскимъ и Говиркомъ сандомірскимъ, возникло соперничество за вліяніе на князя и начались споры по дѣламъ управленія, чѣмъ воспользовался Мѣшко. Обѣщаніями и угрозами онъ привлекъ на свою сторону княгиню Елену и, наконецъ, въ третій разъ занялъ краковскій удѣлъ (1120 г.), на основаніи договора, которымъ онъ назначалъ своимъ наслѣдникомъ Лѣшка. Неутомимый въ своихъ стараніяхъ возвратить княжеской власти ея прежній блескъ и силу, онъ снова возбудилъ противъ себя пановъ и черезъ годъ долженъ былъ оставить Краковъ. Краковскій удѣлъ опять занялъ Лѣшекъ, на котораго самое большое вліяніе имѣлъ Говорекъ. Задѣтый побѣдою соперника, Николай предложилъ свои услуги Мѣшку, который въ четвертый разъ занялъ Краковъ и умеръ краковскимъ княземъ (1202 г.) Смерть Мѣшка не избавила Лѣшка отъ препятствій, не позволявшихъ ему утвердиться въ краковскомъ удѣлѣ, пока жили оба соперничавшіе между собою воеводы. Николай готовъ былъ признать Лѣшка краковскимъ княземъ, однако подъ условіемъ, чтобы тотъ удалилъ отъ себя Говорка. Молодой князь не принялъ этого оскорбительнаго условія, но у него не было достаточной силы, чтобы оружіемъ добиваться признанія своихъ правъ. Пользуясь этимъ, Николай привелъ въ Краковъ сына Мѣшка, Владислава, плѣнявшаго всѣхъ своей любезностью и ласковостью.

Владиславъ Тонконогій (1202—1206) предусмотрительно считался съ знатью,—„можновладствомъ“,—которому онъ былъ обязанъ краковскимъ удѣломъ. Онъ уже не стремился къ увеличенію княжеской власти, заботясь лишь о томъ, чтобы предотвратить ея дальнѣйшее паденіе. Однако въ его время произошли событія, которые грозили княжеской власти новымъ ослабленіемъ.

Реформы папы Григорія VII не привились въ польской церкви. Между тѣмъ, какъ на западѣ давно установились выборы капитуловъ, въ Польшѣ епископовъ назначалъ князь, который и требовалъ съ церковныхъ владѣній несенія повинностей и уплаты даней. Не привилось также и безженство священниковъ (целибатъ). Женились не только простые священники, но также каноники и епископы, добивавшіеся затѣмъ для своихъ сыновей болѣе выгодныхъ церковныхъ должностей: каѳедральнаго пробста, декана, архидіакона, кустоса, кантора и т. д. Неосуществленіе григоріанскихъ реформъ держало польскій клиръ въ большей зависимости отъ князя, чѣмъ отъ римской куріи. Правда, епископы выступали противъ краковскихъ князей, но они также не подчинялись безусловно и Риму, если могли, напр., во время Болеслава Кудряваго, пренебречь проклятіемъ, наложеннымъ папскимъ легатомъ. Вопросъ объ освобожденіи польскаго духовенства отъ свѣтской власти поднялъ лишь папа Иннокентій III, нашедшій ревностнаго сотрудника въ Генрихѣ Котличѣ, архіепископѣ гнѣзненскомъ. Владиславъ въ интересахъ своей власти не хотѣлъ допустить григоріанскихъ реформъ. Вопреки запрещеніямъ папы

онъ самъ замѣщалъ церковныя должности, взималъ поборы съ церковныхъ имуществъ, преслѣдовалъ сторонниковъ реформы. Его не устрашило даже проклятіе, наложенное архіепископомъ Генрихомъ, который, опасаясь мести, бѣжалъ въ Силезію. Найдя противниковъ григоріанскихъ реформъ во многихъ духовныхъ сановникахъ, онъ уже не далекъ былъ отъ торжества, какъ смерть воеводы Николая привела его къ утратѣ краковскаго удѣла. Враждебная ему партія, во главѣ съ епископомъ Пэлкою, вызвала и посадила на краковскій престолъ Лёшка Бѣлаго, правившаго до тѣхъ поръ сандомірскимъ удѣломъ.

Лёшекъ Бѣлый (1206—1227), пережившій столько превратностей, благодаря краковскимъ панамъ, рѣшилъ обосновать свою власть на союзѣ съ церковью. Немедленно же по занятіи Кракова онъ отдалъ себя самого и свои владѣнія подъ покровительство св. Петра, вошелъ въ дружескія отношенія съ архіепископомъ Генрихомъ и призналъ григоріанскія реформы. По смерти Пэлки (1206 г.) состоялись первые выборы краковскаго капитула и избраніе имъ на епископство магистра Винцентія Кадлубка. Лёшекъ не съумѣлъ сохранить принадлежавшихъ краковскому князю верховныхъ правъ надъ князьями другихъ удѣловъ. Въ документахъ онъ титуловалъ себя княземъ краковскимъ, рѣдко употребляя титулъ государя всей Польши (dux Poloniae). Вслѣдствіе ослабленія тѣхъ узъ, которыя верховенство краковскаго князя устанавливало между удѣлами: мазовецко-куявскимъ, велико-польскимъ, силезскимъ и поморскимъ, безсиліе охватило Польшу.

Со смертью Владиміра Ярославича (1198 г.) угасъ родъ Ростиславичей, полтора вѣка княжившій въ Червонной Руси. Краковское регентство призвало въ Галичъ Романа владимірскаго, который, однако, не только не подчинялся Польшѣ, но и нападалъ на сандомірскій удѣлъ и домогался у Лёшка уступки Люблина. Въ битвѣ подъ Завихостомъ Романъ палъ (1205 г.), разбитый Лёшкомъ при помощи его младшаго брата, князя мазовецкаго, Конрада. Вслѣдствіе малолѣтства сыновей Романа: Даніила и Василька, на Червонную Русь предъявили свои притязанія различные русскіе князья. Не имѣя возможности утвердить тамъ польское вліяніе собственными силами, Лёшекъ вошелъ въ соглашеніе съ венгерскимъ королемъ Андреемъ. По этому соглашенію Перемышль былъ присоединенъ къ краковскому удѣлу, въ Галичѣ же польско-венгерское рыцарство посадило малолѣтняго сына Андрея, Коломана, обрученнаго съ трехлѣтней дочерью Лёшка, Саломеей. Дружба между союзными князьями была непродолжительна: Андрей захватилъ Перемышль, Лёшекъ же обратился къ новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу съ просьбой о помощи для изгнанія Коломана изъ Галича. Мстиславъ Мстиславичъ изгналъ Коломана, но и вытѣснилъ также вліяніе Польши. Онъ посадилъ въ Галичѣ другаго венгерскаго королевича, Андрея, за котораго выдалъ свою дочь, а впослѣдствіи Червонною Русью завладѣлъ второй зять Мстислава, Даніилъ Романовичъ, между тѣмъ какъ братъ его, Василько, занялъ Владиміръ.

Одновременно съ утратою Лешкомъ вліянія на Руси, политическая ошибка князя мазовецко-куявскаго, Конрада, привела къ возникновенію грозной силы на востокѣ.

Язычники-пруссы были вслѣдствіе своихъ хищническихъ набѣговъ бичомъ для мазовецкаго удѣла. Безуспѣшно преслѣдовалъ ихъ Болеславъ Кудрявый съ братомъ своимъ, Генрихомъ сандомірскимъ, который и палъ въ битвѣ; Казиміръ Справедливый принудилъ ихъ освободить польскихъ плѣнниковъ и уплатить дань, но не могъ установить своей власти въ Пруссіи. Во время малолѣтства Конрада этимъ грабителямъ внушалъ страхъ воевода Христинъ Гоздава, котораго пруссы считали какимъ-то высшимъ существомъ и называли мазовецкимъ богомъ. Когда князь велѣлъ умертвить воеводу, заподозривъ его въ заговорахъ, пруссы возобновили свои набѣги. Конрадъ уходилъ отъ нихъ съ женою и дѣтьми, искалъ убѣжища на другомъ берегу Вислы, въ Вискиткахъ или въ Варшавѣ. Для предотвращенія ихъ нашествій онъ посылалъ имъ подарки, обирая съ этой цѣлью подданныхъ. Не достигли цѣли и крестовые походы, предпринимавшіеся благодаря стараніямъ цистеріанца изъ Оливы, Христіана, котораго папа Иннокентій III назначилъ епископомъ прусскимъ. При наступленіи крестоносцевъ пруссы уходили въ лѣса, а послѣ ихъ возвращенія снова нападали съ удвоенной силой. Основанный Конрадомъ, по совѣту епископа Христіана, рыцарскій орденъ добржинскихъ братьевъ (названный такъ отъ Добржина на Вислѣ, гдѣ они имѣли мѣсто жительства), тоже не выполнилъ своей задачи. Наконецъ, Конрадъ вызвалъ изъ Палестины тевтонскій рыцарскій орденъ Пресвятой Дѣвы Маріи, извѣстный подъ именемъ крестоносцевъ (krzezacy). Онъ подарилъ этому ордену хелминскую землю и поручилъ ему завоеваніе прусскихъ областей, оставивъ за собою верховное владычество надъ его землями. Первые тевтонскіе рыцари прибыли въ Мазовію въ 1225 г. и спустя нѣсколько лѣтъ начали подъ начальствомъ Германа Бальке систематическую войну съ язычниками. Въ завоеванныхъ земляхъ они основывали нѣмецкія колоніи и сооружали крѣпости, какъ Хелмно, Эльблонгъ, Броница, Гейльсбергъ и др. Закончивъ завоеваніе пруссовъ, увѣренные въ покровительствѣ папъ, которые владѣнія ордена считали собственностью св. Петра, крестоносцы съ теченіемъ времени обратили оружіе противъ Польши.

Однако, Польша не только лишилась доступа къ морю на пространствѣ между Вислой и Нѣманомъ, но и совершенно утратила побережье Балтійскаго моря, вслѣдствіе того, что изъ-подъ ея власти ускользнуло Поморье. Поводомъ къ этому послужили распри велико-польскихъ князей Владислава Тонконогаго и племянника его, Владислава Одонича, прозваннаго Плевателемъ. Удаленный изъ Кракова, Владиславъ Тонконогій получилъ приходившуюся на его долю часть великой Польши на правомъ берегу Вислы, т. е. гнѣзненскую землю, сынъ же его старшаго брата, Одона, получилъ Калишъ. Каждый изъ нихъ хотѣлъ властвовать нераздѣльно надъ всей великой Польшей, вслѣдствіе

чего и возникла борьба между ними. Противъ Владислава Тонконогаго былъ архіепископъ и весь клиръ, Одоничъ же, подобно Лешку, былъ въ союзѣ съ церковью. Благодаря поддержкѣ духовенства и помощи силезскаго князя, Генриха Бородатаго, Одоничъ выгналъ дядю изъ великой Польши и отдалъ себя самого и свои владѣнія подъ покровительство св. Петра. Когда затѣмъ перевѣсъ получилъ дядя, Одоничъ вызвалъ поморскаго князя, Святополка, состоявшаго въ свойствѣ съ нимъ, и при его помощи взялъ важнѣйшіе города надъ Нотецомъ и Вартою, какъ Познань, Устье. Тогда Владиславъ Тонконогій склонилъ къ совмѣстному походу противъ Одонича Лешка Бѣлаго, Конрада Мазовецкаго и Генриха Бородатаго. На этихъ князей, собравшихся въ Гонсавѣ, измѣннически напалъ Святополкъ поморскій. Они спаслись бѣгствомъ,—кромѣ Лешка, который былъ убитъ. Одоничъ, избѣжавъ рискованной войны, снова выгналъ Владислава Тонконогаго изъ великой Польши, который умеръ бездѣтнымъ въ изгнаніи (1231 г.); Святополкъ послѣ убійства Лешка сталъ независимымъ княземъ. Сверхъ того, Святополкъ сталъ въ враждебныя отношенія къ польскимъ землямъ, стремясь завладѣть лѣвымъ берегомъ Нотеца. Съ другой стороны, увидѣвъ опасность въ усиленіи крестоносцевъ, онъ пошелъ на нихъ войною. Онъ обвинялъ ихъ передъ папою въ угнетеніи и грабежѣ пруссовъ и впослѣдствіи взялся за оружіе. Хотя у него былъ союзникъ среди пруссовъ, которыхъ онъ побудилъ къ возстанію противъ ордена, но ему не удалось одолѣть враговъ. Онъ воевалъ съ ними одинъ, такъ какъ польскіе князья изъ ненависти къ убійцѣ ихъ родственника, Лешка Бѣлаго, стали на сторону крестоносцевъ.

При Лешкѣ Бѣломъ, а еще больше послѣ его смерти верховныя права краковскихъ князей пали. Краковъ утратилъ значеніе главнаго центра Польши, удѣльные князья стали самостоятельными. Болѣе тщеславные и сильные князья, не имѣя надъ собою сдерживающей высшей власти, стремились расширить свои владѣнія на счетъ слабыхъ князей, что вызвало борьбу между пястовичами. Малолѣтство сына Лешка, Болеслава, прозваннаго Стыдливымъ, дало поводъ князьямъ: силезскому, Генриху Бородатому, и мазовецкому, Конраду, стремиться къ овладѣнію краковскимъ удѣломъ.

Княжившіе въ Силезіи сыновья Владислава II находились въ постоянныхъ и близкихъ отношеніяхъ съ нѣмцами. Ихъ связывало съ императорскимъ дворомъ происхожденіе отъ Агнессы и благодарность за помощь, оказанную императоромъ ихъ отцу. Они женились на нѣмкахъ и подражали нѣмецкимъ образцамъ. Женатый на сестрѣ императрицы (жены Конрада III), Болеславъ Высокій, получившій по смерти бездѣтнаго брата своего, Конрада, нижнюю Силезію, для увеличенія благосостоянія въ своихъ владѣніяхъ поселялъ нѣмецкихъ колонистовъ. Сынъ его, Генрихъ Бородатый, женившійся на дочери князя меранскаго, Ядвигѣ, шелъ по стопамъ своего отца. Онъ приглашалъ нѣмец-

кихъ мѣщанъ и крестьянъ, отводя имъ земли въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ, увеличилъ благосостояніе страны и обогатилъ княжескую казну. По экономическимъ соображеніямъ онъ противился введенію григоріанскихъ реформъ. Между тѣмъ какъ Лешекъ Бѣлый и Владиславъ Одоничъ отдали свои владѣнія подъ покровительство св. Петра и освобождали подданныхъ церковныхъ земель отъ повинностей и даней, Генрихъ подобно Владиславу Тонконогому не допускалъ освобожденія церкви отъ свѣтской власти. Этимъ онъ накликалъ на себя немилость папы Григорія IX и церковное проклятіе, но не измѣнилъ своего образа дѣйствій. Не таковъ былъ Конрадъ. За отсутствіемъ въ Мазовіи магнатовъ онъ обладалъ болѣе широкой властью, чѣмъ другіе удѣльные князья, но не умѣлъ пользоваться этимъ. Подозрительный и жестокій, онъ велѣлъ умертвить славнаго воеводу Кристина, но безъ него не могъ успѣшно бороться съ пруссами. Одновременно съ Лешкомъ Бѣлымъ и Владиславомъ Одоничемъ онъ далъ присягу гнѣзненскому архіепископу оставаться покорнымъ церкви, но неоднократно нарушалъ ее. Не смягчала необузданность Конрада и жена его, русская княжна Агаѳія. Когда онъ велѣлъ умертвить заподозрѣннаго въ измѣнѣ плоцкаго схоластика, Яна Чаплю, Агаѳія издѣвалась еще надъ трупомъ убитаго. Суевѣрно-набожный, Конрадъ смирялся передъ духовенствомъ лишь тогда, когда его предавали проклятію. Преданный церковному проклятію за убійство Чапли, онъ откупился, подаривъ гнѣзненскому архіепископу Ловичъ съ его округомъ. Между этими князьями, одинъ изъ которыхъ былъ хозяйствененъ и послѣдователенъ, а другой жестокъ и легкомысленъ, возгорѣлся споръ за право опеки надъ семнадцатимѣсячнымъ сыномъ Лешка Бѣлаго, т. е., въ сущности началась борьба за краковскій удѣлъ (1227—1233). Ближайшее право опеки принадлежало дядѣ Болеслава, Конраду, но вдова Лешка, Гремислава, недовѣрявшая этому князю, прославившемуся своей жестокостью и вѣроломствами, поручила опеку надъ сыномъ Генриху Бородатому, которому и уступила правленіе Краковомъ, а сама поселилась въ Сандомірѣ. Однако хотя Генрихъ, разбивъ Конрада подъ Скалой, и выполнилъ уговоръ съ Гремиславой, но онъ не долго могъ править Краковомъ. Когда онъ присутствовалъ на съѣздѣ пановъ подъ Опатовицами, Конрадъ неожиданно напалъ на него и увезъ его раненымъ въ Плоцкъ. Въ защиту плѣнника хотѣлъ было поднять оружіе сынъ его, Генрихъ Благочестивый, но княгиня Ядвига предотвратила кровопролитіе. Отправившись лично въ Плоцкъ, она добилась заключенія мира. Генрихъ Бородатый отказался отъ опеки надъ Болеславомъ въ пользу мазовецкаго князя и, чтобы упрочить соглашеніе, обязался выдать за его сыновей своихъ внучекъ, дочерей Генриха Благочестиваго. Восторжествовавшій Конрадъ, намѣреваясь завладѣть краковскимъ и сандомірскимъ удѣлами, измѣннически похитилъ Гремиславу съ ея сыномъ и заключилъ ихъ въ сѣцѣховскій замокъ. Гремислава, бѣжавъ изъ заключенія при содѣйствіи аббата сѣцѣхов-

скихъ бенедиктинцевъ и преданнаго ея семьѣ Клеменса изъ Рущи, призвала на помощь Генриха Бородатаго. Генрихъ, несмотря на плоцкій миръ, началъ войну, которая окончилась договоромъ 1233 г. Конрадъ взамѣнъ за уступку ему земель: сѣрадской и лэнчицской отказался отъ остальныхъ своихъ притязаній; краковскимъ княземъ сталъ Генрихъ Бородатый (1233—1238). Въ то же время Владиславъ Тонконогій, умершій въ изгнаніи (1231 г.), завѣщалъ Генриху свои права на великую Польшу. Владиславъ Одонинъ не хотѣлъ признать завѣщанія своего дяди, однако послѣ непродолжительной борьбы уступилъ Генриху южную часть Великой Польши до Варты (1234 г.). Такимъ образомъ, Генрихъ Бородатый сталъ самымъ сильнымъ изъ современныхъ князей; онъ титуловалъ себя государемъ Силезіи, Кракова и Польши (Великой). Передъ смертью онъ завѣщалъ свои владѣнія сыну своему, Генриху Благочестивому.

Не успѣлъ еще Генрихъ Благочестивый (1238—1241) опредѣлить свою политическую программу, какъ Польшу постигло татарское нашествіе.

Среди жившихъ въ Азіи татаръ началось въ XIII вѣкѣ движеніе, клонившееся къ завоеванію міра. Предводитель объединенныхъ ордъ, Чингизъ-ханъ, вторгся въ Европу, разгромилъ половцевъ и пошелъ на русскихъ князей. Рюриковичи выступили противъ него подъ предводительствомъ князя новгородскаго, Мстислава Мстиславича, но были разбиты на берегахъ Калки (1224 г.). Внукъ Чингизъ-хана, Батый-ханъ, покоривъ остальныя русскія княжества, предпринялъ походъ въ Венгрію и отправилъ свои орды на западъ тремя дорогами. Одна орда двинулась на юго-западъ черезъ Семиградію, другая, подъ предводительствомъ самаго Батыя, пошла черезъ Малую Польшу на сандецкую дорогу, третья же имѣла вторгнуться въ Венгрію съ запада черезъ великую Польшу и Силезію. Въ 1241 г. татары напали на сандомірскій удѣлъ, въ которомъ княжилъ Болеславъ Стыдливый. Князь выступилъ противъ нихъ при помощи своего двоюроднаго брата, Болеслава Конрадовича, и сына Мѣшка, Владислава опольскаго, но вынужденъ былъ уступить преобладающей силѣ непріятеля. Разграбивъ Сандоміръ, татары подъ предводительствомъ брата Батыя, Петы, вторглись въ краковскій удѣлъ. Польское рыцарство, выступившее противъ нихъ подъ предводительствомъ воеводъ: краковскаго Владиміра и сандомірскаго Пакослава, въ битвѣ подъ Хмѣльникомъ было совершенно уничтожено. Слѣдствіемъ этого пораженія было сожженіе Кракова, вторженіе татаръ въ Силезію и разграбленіе Вроцлава. Имъ преградилъ было путь Генрихъ Благочестивый при содѣйствіи крестоносцевъ, сына князя моравскаго, Болеслава Шепётки и своихъ родственниковъ, княжившихъ въ верхней Силезіи, но въ битвѣ подъ Лигницей палъ почти со всѣмъ рыцарствомъ (1241 г.). Опустошивъ Силезію, Моравію до Ольмюнца, татары направились въ Венгрію, откуда съ богатою добычею вернулись на востокъ, узнавъ о смерти великаго хана.

Торжество силы.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ПОЛЯ АДАМЪ

Изъ временъ консульства и имперіи.

Переводъ *графини А. З. Муравьевой.*

ГЛАВА I.

По дорогамъ, по тропинкамъ, по звѣринымъ тропамъ угрюмыхъ Баденскихъ лѣсовъ продолжала отступать армія Директоріи. Шестьдесятъ тысячъ австрійцевъ тѣснили къ рейнскому берегу дивизію Журдана; кавалерійская бригада съ лѣваго фланга прикрывала отступленіе. Вахмистръ Герикуръ съ десятью гусарами составлялъ послѣдній эшелонъ арьергарда. Гусары выѣхали изъ лощины и остановились на пригоркѣ, слѣдуя полученному приказу.

За елями почти нельзя было различить форму полка, только блеснули мѣдныя украшенія сѣделъ и сабельныхъ ноженъ. Широкіе крупы сѣрыхъ лошадей бодро вынесли на себѣ усталыхъ солдатъ. На перекресткѣ дороги теперь видно было только туманное очертаніе неподвижно застывшаго на мѣстѣ маленькаго сторожеваго отряда.

Гусары ожидали врага. Даже въ воздухѣ чуялась опасность. Впереди темнѣла только-что оставленная ими лощина. По другую сторону ската стояла хижина, и четыре дровосѣка обтесывали вязъ.

Сперва сквозь тонкую сѣтку дождя видны были только пролетавшія ласточки, потомъ немного прояснилось, и вдали налѣво закраснѣлись плюмажи пѣхотинцевъ: цѣлая рота ихъ засѣла въ хмѣлю.

Герикуръ сосчиталъ покрытые шерстью ранцы на спинахъ засѣвшихъ въ ямахъ солдатъ. Присутствіе непріятеля обо-

дрило его. Уже съ меньшими предосторожностями онъ вывелъ лошадь свою изъ-за деревьевъ и выпрямился на стременахъ.

Снова онъ почувствовалъ голодъ.

Со вчерашняго дня это было его преобладающимъ ощущеніемъ: отвратительный, кислый вкусъ на сухихъ губахъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ во рту какъ-бы вкусъ сладкаго пирога, который ѣли на свадьбѣ его молодой сестры, и это обманчивое вкусовое ощущеніе было такъ сильно, что языкъ невольно искалъ между зубами остатковъ хрустѣвшаго пирожнаго, но нашелъ только горькія волокна пережеваннаго листа; потомъ услужливая память подказала ему о винѣ, о горячей говядинѣ, хлѣбѣ. Но тыквенная бутылка была пуста. Переносныя лавочки слѣдовали по большимъ дорогамъ за артиллеріей, и никто изъ бригады не могъ получить ѣды до слѣдующаго полудня, когда фургоны раскроются въ безопасномъ мѣстѣ на западномъ склонѣ Чернаго Лѣса.

Герикуръ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на свой убогій видъ: на ботфорты, плотно прилегающія панталоны, ноги и животъ лошади и даже мѣдные иниціалы на шашкѣ, густо забрызганные грязью. На доломанѣ не доставало восьми пуговицъ; рукавъ былъ разорванъ во всю длину, и безобразно выставлялась наружу подкладка. Ему были также отвратительны и руки его, почернѣвшія отъ уздечки, и запахъ кожи и пота. Лошади дымились отъ пота, и шерсть издавала отвратительный запахъ. Бернардъ позавидовалъ своимъ братьямъ морякамъ, ушедшимъ изъ Дюнкирхена на трехмачтовомъ парусномъ суднѣ къ Берберійскимъ берегамъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ большой круглый хлѣбъ въ рукахъ одного дровосѣка, рѣзавшаго ломти своимъ товарищамъ, и задрожалъ отъ алчнаго желанія. Его ноздри жадно втянули воздухъ, инстинктивно онъ потянулъ поводъ, словно чувствуя, что его конь, какъ-бы повинуясь тайному желанію всадника, готовъ броситься на добычу.

Дровосѣки ѣли. У Герикура между тѣмъ сохло во рту; Онъ взглянулъ на своихъ гусаръ, на ихъ усатыя потемнѣвшія лица, на ихъ хищные профили съ косами, лишенными пудры и составлявшими какъ бы одно цѣлое съ ихъ мохнатыми шапками, что ихъ дѣлало похожими на коршуновъ.

Ноздри гусаровъ тоже втягивали въ себя воздухъ. Вотъ Гермепталь, ѣвшій сырьемъ украденныхъ птицъ; Ошеръ,

вышибавшій ударомъ кулака дно бочки; Меркеръ, убившій на дуэли четырнадцать человѣкъ, имѣвшихъ несчастіе съ нимъ поспорить. Изнуренные, грязные, сидѣли они на лошадяхъ, подъ сбруей и подпругой которыхъ стерлась кожа, на волосахъ запеклась кровь, и на обнажившемся мясѣ копошились рои мухъ, хотя кони и морщили кожу, чтобы прогнать насѣкомыхъ.

— Герикуръ,—просилъ Меркеръ,—пусти насъ за провіантомъ.

— Пойдемъ дозоромъ къ этимъ обжорамъ,—предложилъ Гермеиталь.—Непріятель можетъ быть собираетъ орѣхи по другую сторону лощины. Надо бы посмотрѣть!

Они смѣялись, поднимаясь на сѣдлахъ. Какъ всегда, Герикуръ отдалъ приказъ, котораго они требовали отъ его безбородой юности; но онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части. Пятеро должны были оставаться на своемъ посту. Съ голодной радостью онъ помчался за другими въ надеждѣ на хорошій результатъ и совсѣмъ развеселился при видѣ удивленныхъ дровосѣковъ, съ полными ртами смотрѣвшихъ на быстро скачущихъ всадниковъ. Эльзасецъ Герменталь, опередивъ другихъ, подскакалъ къ дровосѣкамъ и закричалъ по-нѣмецки, что покупаетъ хлѣбъ у стараго дровосѣка, прижимавшаго его къ своей рубашкѣ, что онъ дезертиръ и хочетъ, чтобы его отвели къ австрійцамъ, потомъ подъ предлогомъ, что отдаетъ имъ свою саблю, онъ быстро ее обнажилъ и, проткнувъ хлѣбъ, выхватилъ его изъ рукъ глупаго мужика.

Съ громкимъ смѣхомъ, не торопясь, онъ поѣхалъ обратно къ своимъ товарищамъ, держа на концѣ сабли свой трофей. Пустивъ лошадь шагомъ, онъ принялся ѣсть, но другіе гусары бросились къ нему навстрѣчу. Ошеръ схватилъ за хвостъ лошадь Германталя и сталъ душить похитителя, который въ свою очередь заставилъ лягаться свою лошадь. Однако, несмотря на ушибленное колѣно, Ошеръ все-таки не отпускалъ свою жертву. Хлѣбъ упалъ. Герменталь попалъ своей саблей по загривку чьей-то лошади. Всѣ смѣшались въ общей свалкѣ, нѣкоторые шутя, нѣкоторые съ голоднаго отчаянія.

Герикуръ кричалъ слова команды, но никто не хотѣлъ ихъ слушать; онъ грозилъ наказаніемъ, но никто на него не обращалъ вниманія, хотя отъ гнѣва у него даже покраснѣли уши. Хлѣбъ исчезъ подъ копытами лошадей.

Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ ударами и проклятіями, Герменталь махалъ саблей направо и налѣво, не разбирая, и наконецъ пробилъ шапку Меркера, который, будучи оглушенъ ударомъ, упалъ на крупъ лошади. Увлекая своего всадника, выпустившаго повода, животное помчалось въ сторону, гдѣ по всему вѣроятію былъ австрійскій разъѣздъ.

Бѣшенство Герикура не знало предѣла. Онъ боялся привлечь вниманіе непріятеля и потерять лошадь. Какое можно представить извиненіе? Его разжалуютъ, посадятъ въ тюрьму. Чтобы разнять обезумѣвшихъ людей, онъ поскакалъ къ дерущимся, но его лошадь поскользнулась и упала. Унтеръ-офицеръ проползъ нѣсколько саженъ по травѣ, чтобы не попасть подъ копыта лошадей. Ставъ на колѣни, онъ оцарапалъ руку о что-то твердое. Наклонившись, онъ увидѣлъ отброшенный копытами лошадей тотъ самый хлѣбъ, изъ за котораго люди грозили другъ другу смертью. Страхъ его исчезъ, и чтобы скрыть хлѣбъ отъ борющихся, онъ спряталъ свою голову въ скрещенныхъ надъ хлѣбомъ рукахъ, и началъ ѣсть.

Зубы его вонзались, отрывали и жевали. Исчезъ кислый вкусъ во рту, и онъ съ жадностью вдыхалъ запахъ хлѣба. Теплота разлилась по всему организму, и внутренняя жизнь пошла прежнимъ порядкомъ.

Онъ не выпускалъ повода лежавшей на боку и силившейся подняться лошади, потому что боялся, чтобы не пришли къ нему на помощь, но когда онъ насытился, ему стало стыдно, вѣдь солдаты были голодны. Можетъ быть, капитанъ осматривалъ смѣны постовъ? Куда же дѣвался Меркеръ? Не было слышно ни криковъ гусаръ, ни топота коней. Встревоженный этимъ внезапнымъ молчаніемъ, вахмистръ поднялъ голову.

Собравшіеся вмѣстѣ люди молча, пристально смотрѣли въ одну точку; очевидно, они замѣтили непріятеля.

Герикуръ всталъ на ноги. Ошеръ рукой указалъ на лѣсъ; случайно деревья какъ бы стояли въ одну шеренгу, и возлѣ каждаго дерева показался солдатъ. Можно было различить мѣдныя бляхи на мѣховыхъ шапкахъ австрійцевъ, ихъ ненапудренные волосы, бѣлыя полукафтанья. Герменталь снялъ съ перевязи свой штуцеръ и осмотрѣлъ курокъ.

Не переставая ѣсть, Герикуръ ударомъ сапога заставилъ подняться на ноги свою лошадь и вскочилъ на сѣдло.

Взбѣшенный неповиновеніемъ солдатъ, онъ больше не сдерживалъ своей ярости и привсталъ на стременахъ, желая скорѣе встрѣтиться съ опасностью. Предстоящая возможность прославиться возбуждала его еще болѣе... Онъ бормоталъ: „Сципіонъ, Цинцинатъ, Цезарь". Онъ видѣлъ уже себя въ лавровомъ вѣнкѣ и поздравлялъ себя за эту стычку, которая должна была оправдать въ глазахъ начальства самовольное оставленіе поста, исчезновеніе Меркера и рану лошади.

Махнувъ саблей въ воздухѣ, Герикуръ позвалъ остальныхъ пятерыхъ гусаръ, оставшихся на возвышенности. Они прискакали, и каждый сталъ указывать на большіе хлѣбы, привязанные ремнями къ ранцамъ австрійцевъ. Каждый отвелъ свою лошадь подъ дерево и постарался скрыть свой штуцеръ, приставивъ его къ стволу ели.

Бернардъ мысленно сосчиталъ непріятеля. Долженъ ли онъ отступить? Но гусары непремѣнно хотѣли завладѣть хлѣбомъ гренадеръ и, смѣясь, объявили, что скорѣй согласны съѣсть его на плечахъ бѣглецовъ.

Тайно насытившись, Герикуръ не считалъ себя въ правѣ ихъ удерживать. Прошла цѣлая минута тоски ожиданія. Кровь кипѣла въ артеріяхъ, внутренности сжимались отъ голода.

Австрійцы медленно приближались. Они знали, что находились далеко отъ своихъ батальоновъ; можетъ быть, они тоже боялись наткнуться на французскую пѣхоту, засѣвшую въ хмѣлю. Они остановились; ихъ офицеръ вышелъ изъ рядовъ и всталъ на свое мѣсто съ тросточкой въ рукѣ. Подъ Герменталемъ кобыла парыла копытомъ цѣлую лужу грязи.

Совѣсть Герикура шептала ему, что онъ не имѣетъ права рисковать десятью жизнями противъ отряда, который каждую минуту можетъ получить подкрѣпленіе; но какъ тогда объяснить драку изъ-за хлѣба?

Мысли его кружились въ головѣ съ лихорадочной быстротой. Онъ судорожно сжималъ руками саблю и поводъ... „Что бы сдѣлалъ на его мѣстѣ Юлій Цезарь?"... И не могъ рѣшить. При томъ, онъ боялся показаться трусомъ въ глазахъ своихъ солдатъ. Лучше ужъ столкновеніе, тѣмъ болѣе, что австрійцы уже прицѣлились. Душа Герикура смутилась... Десять курковъ спустились, но раздался только одинъ выстрѣлъ... Такъ какъ съ самаго утра шелъ дождь, то порохъ въ картушницахъ подмокъ, и ружья дали осѣчку. Радость несо-

мнѣннаго торжества положила конецъ колебаніямъ Бернарда; онъ указалъ на стоявшихъ полукругомъ пѣхотинцевъ и крикнулъ: „впередъ!..“

Съ саблями наголо гусары помчались впередъ, но почва была скользкая, и натискъ не удался; пришлось объѣзжать кусты, вахмистръ удержалъ свою споткнувшуюся лошадь и долженъ былъ остановиться на сажень разстоянія отъ штыковъ.

Герикуръ былъ весь въ поту, задыхался и былъ страшно взволнованъ. Лошадь, несмотря на понужденіе, могла идти только шагомъ по скользкой грязной землѣ. Люди тоже остановились передъ неподвижно стоявшими гренадерами за терновыми кустами. Гусары гарцовали передъ австрійцами, махали своими саблями по выставленнымъ имъ навстрѣчу штыкамъ, потому что ружья были такъ длинны, что не возможно было достать не только до гладко выбритыхъ лицъ непріятеля или ихъ бѣлыхъ кафтатовъ, но даже до ихъ мѣховыхъ шапокъ, украшенныхъ большими полированными мѣдными бляхами. Они съ удивленіемъ смотрѣли на гусаръ, и глаза ихъ загорались.

Эльзасецъ Герменталь заговорилъ съ ними по-нѣмецки: „отдай мнѣ твой хлѣбъ, и я тебя не трону“, и онъ протянулъ руку съ саблей, какъ бы приготовляясь проткнуть пѣхотинца. „Смирно!“ — закричалъ офицеръ съ красивой тростью. Сабля Герменталя только царапнула стволъ не погнувшагося ружья.

— Ты хочешь хлѣба, любезный,—сказалъ офицеръ—красивый юнкеръ съ розовымъ лицомъ;—видишь наши штыки это тебѣ хорошая скребница, твой скакунъ въ ней очень нуждается.

Дружные раскаты громкаго германскаго хохота, открывшаго черные зубы, испорченные постояннымъ употребленіемъ трубки, послѣдовали за этими словами.

Бернарда Герикуръ привело въ восхищеніе это остроуміе въ минуту опасности, и опять такъ же, какъ и въ предшествующія встрѣчи съ врагомъ, ему надо было сурово настроить и насильно разжигать себя. „Марій, Цезарь, Цинцинатъ!“ —бормоталъ онъ для приданія себѣ храбрости; чтобы не бояться, ему необходимо было мысленно взглянуть на себя, какъ на идеальнаго героя исторіи. Тогда все росло въ немъ; опьяненный, онъ выпрямлялся въ стременахъ и, сжимая ногами бока лошади, крича дикимъ голосомъ, зажмуривалъ глаза

и махалъ саблей. Но на этотъ разъ нельзя было увлечься ни галопомъ, ни стремительнымъ натискомъ: дѣло принимало почти смѣшной оборотъ уличной драки.

Ошеръ схватилъ за стволъ свой карабинъ и ударилъ прикладомъ по выставленнымъ штыкамъ. Двое другихъ гусаръ послѣдовали его примѣру. Герикуръ замѣтилъ, что пѣхотинцы поколебались и поддерживали плечомъ другъ друга. Ихъ большіе кулаки, сжимавшіе ружья, налились кровью. При столкновеніи ружья опускались, но потомъ опять поднимались. Наконецъ, одинъ штыкъ коснулся земли, и въ тотъ же моментъ сабля Герменталя снесла киверъ съ одной мохнатой шапки. Пѣхотинцы поблѣднѣли. Глаза ихъ расширились. Ноздри сжались, скулы выдались, они заскрежетали зубами. Юнкеръ позади ихъ придерживалъ приклады ружей.

Бернардъ удивлялся, что онъ внутренно на сторонѣ австрійцевъ. Онъ боялся за нихъ: кулаки ихъ могли ослабѣть, ружья выпасть, и тогда гусары, разорвавъ линію, проткнутъ имъ животы, разрубятъ лица, проломятъ головы. Онъ приходилъ заранѣе въ ужасъ отъ первой капли крови на этихъ бѣлыхъ кафтанахъ. Предчувствіе смерти уже состарило ихъ угрюмыя лица, они не смѣли шевельнуться изъ страха, что въ открытый рядъ штыковъ сейчасъ же ворвется сабля, а гусары, хорошо управляя своими лошадьми, ловко избѣгали рѣдкихъ ударовъ, направленныхъ на нихъ болѣе нетерпѣливыми гренадерами.

Вахмистръ смотрѣлъ на эту сцену съ страннымъ чувствомъ. Онъ не находилъ въ себѣ мужества убить прикладомъ ружья человѣка, чтобы отнять у него хлѣбъ, это не давало ему опьяненія ни атаки, ни славы.

Но Ошеръ, подобно каменщику, весело проламывалъ прикладомъ своего карабина стѣну штыковъ. Красный отъ усилія, возбужденный балагуръ, онъ громко смѣялся, когда гнулось какое-нибудь ружье.

Съ саблей наголо Герменталь выжидалъ удобнаго случая пронзить кому-нибудь сердце. Оба эти огромные эльзасца производили страшное впечатлѣніе.

Герикуръ упрекалъ себя за малодушіе, за слабость; онъ потрясалъ саблей и внутренно смѣялся надъ своимъ недавнимъ страхомъ.

„Что бы сдѣлалъ Цезарь на моемъ мѣстѣ?"—спрашивалъ онъ себя и не находилъ отвѣта. Ни одинъ изъ этихъ

австрійцевъ со стеклянными глазами не казался ему страшнымъ. Гусары продолжали гарцовать и безуспѣшно махать саблями.

По нѣкоторымъ боязливымъ взглядамъ пѣхотинцевъ, Бернардъ догадался, что къ нему идетъ подкрѣпленіе...

Повернувшись въ сѣдлѣ, онъ замѣтилъ шапки своего эскадрона, пьяныя лица съ косами, отмѣтины на лбу сѣрыхъ лошадей, блескъ сабель. Гусары искусно, молчаливо пробирались между деревьями; слышался звукъ копытъ, шлепающихъ по лужамъ.

Герикуръ направилъ всѣ силы своего взвода противъ австрійцевъ, уже поколебленныхъ ударами приклада Ошера. Ему хотѣлось заставить ихъ сдаться раньше, чѣмъ подойдетъ остатокъ, и за взятіе въ плѣнъ получить чинъ. Страхъ его исчезъ безслѣдно. Онъ торопился покончить съ непріятелемъ и сразу хватилъ саблей по четыремъ штыкамъ самыхъ сильныхъ гренадеръ.

— Сдавайтесь, господинъ офицеръ! — крикнулъ онъ юнкеру, прелестному юношѣ съ напудренными собранными въ пучекъ волосами. Тотъ бѣсновался, со слезами на глазахъ умолялъ солдатъ на нѣмецкомъ языкѣ, кричалъ, бранился. Своею тростью съ фарфоровымъ набалдашникомъ, въ которомъ была вдѣлана миніатюра дамы, онъ билъ по ранцамъ солдатъ, напиравшихъ на него, потому что одинъ изъ гренадеръ упалъ съ разрубленнымъ горломъ, проколовъ въ свою очередь грудь лошади Ошера. Стальная щетина штыковъ подалась.

Въ изступленіи юнкеръ колотилъ палкой по мохнатымъ шапкамъ пѣхотинцевъ, тѣснимыхъ лошадьми и саблями. „Schweine.. (свиньи) Schweine!.. Füchse!.. (лисицы!)“ —кричалъ онъ и топалъ ногами.

— Сдавайтесь, господинъ офицеръ!— крикнулъ Бернардъ, наѣзжая на него и касаясь его своей саблей. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ какой-то холодъ въ ногѣ... Угрюмый гренадеръ вытаскивалъ свой штыкъ, грани котораго были покрыты красной жидкостью... „Моя кровь“ —подумалъ молодой человѣкъ, но не ощущалъ особенной боли; гораздо больше страдалъ онъ отъ сильнаго удара по рукѣ тростью юнкера, который какъ въ бреду вращалъ своей тростью и даже забылъ вынуть изъ ноженъ свою тонкую саблю.

— „Ну, сдавайся же, дуракъ!—крикнулъ взбѣшенный Герикуръ, поднявъ саблю. Одинъ австріецъ съ раскроеннымъ

черепомъ упалъ между ними и увлекъ въ своемъ паденіи тросточку вѣнскаго щеголя; Ошеръ своимъ прикладомъ проломилъ ему шляпу, въ которой исчезли лицо, розовыя губы и напудренныя косы... Ослѣпленный, кричащій, какъ изступленный, юнкеръ былъ взятъ... Тогда гренадеры побросали ружья и подняли кверху руки, прося пощады.

— Brod!.. Brod!.. (хлѣбъ)—кричали гусары.

Каждый схватилъ за плечи по австрійцу и, оставивъ сабли висѣть на темлякѣ, вырвалъ хлѣбъ, привязанный ремнями къ ранцамъ.

Не сходя съ лошади, изъ груди которой текла кровь, Ошеръ схватилъ хлѣбъ. Всѣ гусары послѣдовали его примѣру и стали ѣсть передъ ошеломленными австрійцами, усѣвшимися въ грязь, гдѣ лежало безжизненное тѣло одного француза.

Шелъ сильный дождь. Только-что видѣнные образы безпорядочной толпой носились въ головѣ Герикура. Онъ осторожно потиралъ рукой свое раненое бедро. Сильная боль, начинаясь отъ поясницы, поднималась все выше, охвативъ уже лопатки и затылокъ...

Весь эскадронъ вытянулся на лужайкѣ, и плѣнники подъ предводительствомъ французскаго адъютанта раздавали солдатамъ порціи хлѣба. Гусары молча ѣли.

Маленькій приземистый съ рыжими косами и синими бритыми щеками капитанъ съ беззубымъ ртомъ, подражая героическому тону древнихъ, поздравилъ Герикура и громко возблагодарилъ судьбу, „давшую возможность молодому воину покрыть весь полкъ лучами своей славы“.

Унтеръ-офицеръ надѣялся получить чинъ поручика. Сердце его сильно билось, и внутренняя междуусобица все еще продолжалась. Онъ видѣлъ себя героемъ, забрызганнымъ грязью, пахнущимъ кожей и мокрой шерстью. Юнкеръ остатками своего жабо вытиралъ шишки на лбу и лицѣ, омоченномъ дѣтскими слезами. Между верескомъ и смятымъ папоротникомъ умиралъ австрійскій сержантъ; онъ корчился, хрипѣлъ, плевалъ кровью, а возлѣ него Ошеръ спокойно отстегивалъ подпругу со своей, наконецъ, издохнувшей лошади.

Колонна выстроилась, и первый взводъ поѣхалъ между елями къ хижинѣ дровосѣка. Грязь брызнула изъ-подъ копытъ лошадей, привязанное къ лукѣ, звякало оружіе побѣжденныхъ. Плѣнники шли пѣшкомъ.

Не спрашивая позволенія, вѣнскій франтъ ухватился за стремянный ремень Бернарда; онъ хромалъ и послѣ большихъ усилій, наконецъ, подладился подъ ходъ лошади.

— Чортъ возьми!—думалъ Герикуръ,—я дѣйствительно на дорогѣ къ славѣ. Какъ все это просто произошло! Откуда мои страхи?.. Я чувствую себя сильнымъ, спокойнымъ... Этотъ хромающій юноша очень смѣшонъ со своей растрепанной косой и безъ оружія... Съ какимъ отвращеніемъ онъ смотритъ на то мѣсто... Бернарду захотѣлось смѣяться, но онъ сдержался:

-- Вы потеряли вашу красивую трость!

— Да, она сломана... да... сломана... была подарена на память... Вамъ не мѣшаетъ моя рука?..—заговорилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ юнкеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ... пожалуйста...

— Вы мой ангелъ хранитель... я не забуду вашей любезности... Я сынъ барона Гана.

— Во-первыхъ... вы храбрый солдатъ...

— Ахъ! Нѣтъ... нѣтъ... если я допустилъ взять десяти гусарамъ двадцать семь гренадеровъ... Нѣтъ, нѣтъ, я не храбрый солдатъ...

И онъ принялся горько рыдать.

Когда эскадронъ достигъ опушки лѣса и постовъ французской пѣхоты, засѣвшей въ хмѣлю, тяжелый громовой ударъ прокатился въ воздухѣ. Австрійская пушка провожала арьергардъ Журдана.

— Правда,—удивился Бернардъ.—вѣдь мы побѣжденные!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько недѣль; труба кондуктора разбудила на зарѣ, заснувшаго на имперіалѣ дилижанса, Герикура. Густой туманъ лежалъ на берегахъ Мозеля, въ долинахъ Лошарикли. Надѣясь опять заснуть, путешественникъ закрылъ глаза, засунулъ подальше руки въ широкіе рукава кавалерійской шинели и не шевелился.

Воротникъ шинели и овечья шкура, покрывавшая его ноги, пріятно согрѣвали его. Во снѣ ему казалось, что онъ ѣдетъ на артиллерійской фурѣ по полю сраженія, только не было слышно ни шума колесъ, ни звука отдаленной канонады. Или гусары все еще продолжали бѣжать отъ австрійскихъ гренадеръ черезъ Шварцвальдъ? Герикуръ открылъ

глаза: яркіе горячіе лучи солнца жгли и били прямо въ лицо.

Везомый шестью сильными животными, дилижансъ давилъ своей тяжестью каменистую дорогу. Подъѣзжали къ мосту. Герикуръ лѣниво любовался ловкостью почтальона, сидящаго верхомъ,—весельчакъ въ огромной шляпѣ, украшенной серебрянымъ галуномъ, велъ двухъ переднихъ лошадей. Кучеръ, держа восемь возжей, менѣе ловко управлялъ своей четверкой, и несмотря на удары бича и брань, огромное колесо задѣло тумбу, и всѣ желѣзныя части экипажа страшно завизжали. Тогда Бернардъ Герикуръ совсѣмъ проснулся.

Темно-зеленые холмы окружали молочно тихое теченіе рѣки. Пѣшеходы прислонились къ periламъ моста и сняли свои мѣшки съ рабочими инструментами. Телѣги, животныя, люди собрались въ одну кучу, дожидаясь открытія городскихъ воротъ.

Старыя стѣны и пожелтѣвшіе склоны холмовъ предмѣстья еще освѣщались большими фонарями, висѣвшими на столбахъ.

Потянувшись на скамьѣ омнибуса, защищенной кожанымъ верхомъ, Герикуръ отвѣтилъ на поклонъ двухъ рядомъ съ нимъ сидѣвшихъ мужчинъ. Онъ зналъ уже, что это братья: младшій торжественный, напудренный, какъ бывшій дворянинъ, затянутый въ синій фракъ, везъ въ лоно безпокоившейся семьи неисправимаго старшаго брата.

— Жестокій человѣкъ,—кричалъ послѣдній въ уши своему ментору,—ты называешь любовь лихорадкой, а для меня первый лучъ свѣта это моя дорогая Элоиза въ утреннемъ платьѣ. Я вижу ее, думающую обо мнѣ, улыбающуюся мнѣ. Вчера вечеромъ она положила мою руку на свое сердце... Смотри, мои глаза горятъ, грудь высоко поднимается...

Защитникъ любви носилъ букли вокругъ выхоленнаго, выбритаго лица, подбородокъ его уходилъ въ большой кисейный галстухъ. Театральными жестами онъ раздвинулъ коричневую бархатную поношеную шинель, и простая мѣдная пряжка на его шляпѣ, очевидно, замѣняла болѣе драгоцѣнную, заложенную у ростовщика. И всѣмъ пассажирамъ въ дилижансѣ уже было извѣстно, благодаря его стараніямъ, что Ліонская академія увѣнчаетъ скоро его сочиненіе „Essai sur le sentiment“.

Чтобы обратить на себя всеобщее вниманіе, онъ громко говорилъ о своемъ горѣ.

При каждой остановкѣ онъ выражалъ намѣреніе вернуться обратно къ Элоизѣ. Два раза приставлялъ къ своимъ буклямъ крошечный пистолетъ, который былъ вырываемъ его братомъ къ очевидному удовольствію отчаявшагося самоубійцы.

Терпѣливый и мрачный, младшій братъ отъ времени до времени изрекалъ афоризмы:

— Страсть похожа на Дунай! У истока его можетъ отвести ребенокъ, а нѣсколько верстъ ниже онъ заливаетъ цѣлыя провинціи и ниспровергаетъ города.

— Какое дѣло до того, что будетъ завтра!—возражалъ старшій братъ. — Въ хижинѣ и во дворцѣ, въ бѣдной одеждѣ и въ ліонскомъ бархатѣ, за скромнымъ столомъ Цинцината и за столомъ Вителлія бываетъ всегда счастливъ тотъ, кто любитъ. Холодный человѣкъ, твое сердце никогда не трепетало отъ любви... Я тебя жалѣю и презираю.

Послѣ этого наступило короткое молчаніе, потомъ академическій лауреатъ сталъ выхвалять добродѣтель, цитировалъ „l'Homme sensible“ Макензія, отрывки изъ Жанъ-Жака, „Вертера“ Гёте, лучшихъ произведеній литературы.

— Меланхолія! Меланхолія! Очаровательная меланхолія, теперь ты мое единственное утѣшеніе Ахъ! молодой воинъ, научитесь любить меланхолію... Это утѣшеніе въ несчастіяхъ, поражающихъ чувствительныя сердца.

Герикуръ застѣнчиво благодарилъ. Онъ тоже желалъ бы съ такимъ краснорѣчіемъ излить свою душу. Въ кофейняхъ, гостиницахъ, почтовыхъ станціяхъ, даже на полѣ битвы онъ слышалъ молодыхъ людей, восхваляющихъ такимъ же напыщеннымъ слогомъ Жанъ-Жака, Макензія, Гёте, когда они не оплакивали пораженія арміи въ Германіи и Италіи, неизбѣжность унизительнаго мира и банкротства, называемаго „le tiers consolidé“...

Чтобы скрыть общую опасность, газеты печатались въ такомъ же греко-римскомъ стилѣ. Съ подобными же фразами коммиссаръ при арміи отпустилъ въ шестимѣсячный отпускъ Герикура и нѣсколькихъ военныхъ изъ того же корпуса, сыновей зажиточныхъ семействъ. Нація оказалась несостоятельной...

Возвышаясь надъ людьми и телѣгами съ овощами, на другомъ концѣ моста стояло дерево Свободы, такое же жал-

кое, какъ и его гирлянды изъ высохшихъ листьевъ. Два меча скрещенные надъ буколическимъ символомъ—сошникомъ плуга—были заржавлены. Красный деревяный колпакъ, жалкій и полинявшій, висѣлъ на шестѣ, поставленномъ передъ навѣсомъ кузнеца-якобинца.

Теперь уже не обращали никакого вниманія на эти эмблемы въ маленькихъ домикахъ предмѣстья, въ кабачкахъ съ полинялыми вывѣсками и въ хижинахъ посреди огородовъ, побѣлѣвшихъ отъ утренней росы.

Крестьяне больше не употребляли грубыхъ выраженій санкюлотовъ. Рабочіе также перестали перебрасываться шутками, эхомъ парижскихъ клубовъ. Всѣ эти пріемы перестали соблазнять.

Герикуръ убѣдился въ этомъ самъ. Покинулъ онъ страну въ волненіи, а вернувшись черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, нашелъ всѣхъ равнодушными. Крики заглохли вмѣстѣ съ негодованіемъ, вѣроятно, въ силу привычки.

Одинъ изъ его спутниковъ по омнибусу, худощавый подмастерье очень походилъ на патріота, который когда-то производилъ сильное впечатлѣніе на четырнадцатилѣтняго Бернарда. То же бородатое лицо, тѣ же сѣдые волосы, подстриженные въ видѣ „собачьихъ ушей“. Онъ видѣлъ всегда этого господина во главѣ бунтующей толпы съ вилами въ рукахъ, на остріѣ которыхъ были проткнутыя рукописи. Толпа привѣтствовала избраніе членомъ конвента Жозефа Лебона передъ термидоромъ, послѣ она же оскорбляла его; въ половинѣ вандемьера она восхваляла избіеніе роялистовъ на ступеняхъ церкви Св. Рока, а въ преріалѣ сверженіе конвента голоднымъ народомъ. И всюду и всегда физіономія этого „патріота“ являлась между фигурами черни... Юноша Бернардъ завидовалъ этому, какъ казалось ему, „властелину“ толпы.

Увлеченный всей этой трагедіей смерти, гусаръ ринулся на поле битвы съ гордымъ желаніемъ побѣждать, быть частью стихіи, которая громитъ, атакуетъ, рубитъ, разрушаетъ. Онъ имѣлъ представленіе о славѣ со словъ газетъ и прокламацій: въ его воображеніи рисовалась груда схваченныхъ знаменъ, возвращеніе среди восторженной толпы и объятія гражданина-директора, напоминающія времена Деція, Сципіона, римскаго величія.

Въ своей палаткѣ онъ читалъ Цезаря, Монлюка, трактаты артиллеріи и фортификаціи. Онъ завидовалъ удачѣ

генерала Буонопарте, славѣ Моро, мудрости Массены, смерти Жубера въ Новійскихъ поляхъ.

Сдѣлаться такимъ храбрымъ, какъ Леонидъ при Өермопилахъ, добродѣтельнымъ, какъ Цинцинатъ, не поступаться никогда своей совѣстью, вотъ что было его постояннымъ желаніемъ; кромѣ того, онъ хотѣлъ говорить также поэтически, какъ этотъ меланхолическій человѣкъ съ буклями, который замечтался теперь, судорожно сжавъ рукою полу своего плаща.

Шумъ и движеніе поселянъ вывели его изъ задумчивости. Медленно опускался подъемный мостъ, кондукторъ дилижанса заигралъ на трубѣ, телѣги выстроились въ рядъ по бокамъ дороги, пѣшеходы сошли въ ровъ, и огромная карета покатилась за шестью сѣрыми лошадьми съ бубенчиками. Почтальонъ велъ своихъ животныхъ по темнымъ извилинамъ подъ звенѣвшими сводами... На другомъ концѣ въ отверстіяхъ дверей виднѣлась полоса неба съ вырѣзывавшимися на немъ трубами и часть улицы съ еще закрытыми магазинами. Проѣхали мимо кордегардіи.

Одѣтые въ высокія черныя штиблеты на пуговкахъ, бумажныя панталоны и синіе кафтаны, доходившіе сзади до икръ, солдаты встряхивали своими колпаками съ желтыми кистями, играя въ „мельницу".

Часовой отдалъ честь ружьемъ, узнавъ на имперіалѣ кареты адъютанта. Геркуръ отдалъ честь, раскачиваемый толчками кареты.

Въ полотняныхъ головныхъ уборахъ, въ зеленыхъ шарфахъ женщины стояли на порогахъ своихъ домовъ, опираясь на метлы. Ярко-красный большой сапогъ—вывѣска мѣстнаго сапожника, загораживалъ извилистую перспективу улицы.

Одѣтыя въ короткія саржевыя юбки, съ шарфами на плечахъ, работницы шли на фабрику. На ихъ голубыхъ чулкахъ были слѣды засохшей грязи, но онѣ граціозно улыбались.

Видя всюду такую тишину и спокойствіе, Геркуръ радовался солнцу, освѣщавшему дымъ, шедшій изъ трубъ кухни. Скворецъ въ клѣткѣ за зеленоватыми маленькими стеклами окна привелъ его въ умиленіе.

Потомъ проѣхали площадь съ тріумфальной аркой изъ розоваго мрамора и струей воды, извергаемой бронзовымъ дельфиномъ въ бассейнъ. Мальчишки со спущенными чул-

ками тащили другъ друга за фуфайки и, чтобы перегнать почтальона, бросались между колесами дилижанса и лавочками, рискуя опрокинуть боченки носильщицъ воды. Растерянныя куры разбѣжались по двору гостиницы, куда въѣхалъ экипажъ.

Два старца въ треуголкахъ и плащахъ и молодая дѣвушка, въ ватномъ шелковомъ платьѣ пюсоваго цвѣта, встрѣчали пѣхотнаго капитана, тоже возвращавшагося съ Рейна.

— Привѣтъ несчастному герою!—сказали они;—приди, сядь къ нашему очагу, гдѣ царитъ всегда добродѣтель.

Изъ желтаго кузова омнибуса вылѣзла длинная женщина въ греческомъ платьѣ, складки котораго спускались къ ея ногамъ. Она закутала подбородокъ въ лисье боа; на головѣ ея качалась зеленая шелковая шляпа съ золотымъ галуномъ.

Герикуру она приглянулась, она къ несчастію исчезла въ сопровожденіи служанки. Адъютантъ взялъ свой чемоданъ и послѣдовалъ за конюхомъ въ комнату, нанятую имъ за два ливра шесть су въ день.

Въ трюмо отразилась его запыленная физіономія. Запахъ пыли носился въ складкахъ широкаго занавѣса кровати. Быстро раздѣвшись, Герикуръ вытянулся на постели, и сѣно захрустѣло въ матрацѣ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ путешественникъ машинально считалъ красныя плиты паркета, перечислялъ себѣ свои качества и подыскивалъ извиненіе своимъ недостаткамъ. Теперь въ немъ не было мѣста ни страху, ни сомнѣнію. Отчего ему тоже не прославиться, какъ Ожеро и Буонопарте? Онъ сожалѣлъ, что для генераловъ-побѣдителей не возстановленъ древній римскій тріумфъ. Онъ видѣлъ себя въ лавровомъ вѣнкѣ и съ жезломъ *Императора* въ рукахъ передъ поднятыми орлами легіонеровъ... потомъ все смѣшалось. Герикуръ захрапѣлъ.

Проснувшись при яркихъ лучахъ осенняго южнаго солнца, онъ вспомнилъ о своемъ родительскомъ домѣ, куда за неимѣніемъ денегъ долженъ былъ вернуться. О своемъ зятѣ, Пракси-Блассанѣ...—Поздравитъ-ли онъ его за то, что онъ такъ скоро заслужилъ адъютантскіе галуны? Мысленно онъ опять пережилъ тотъ тяжелый день въ Германіи, когда заслужилъ этотъ чинъ. И такъ какъ онъ ничего не ѣлъ со вчерашняго дня, онъ опять ощутилъ тотъ же кислый вкусъ во рту, который чувствовалъ тогда.

Герикуру живо представился запахъ мягкаго горячаго хлѣба, раздаваемаго его покойной матерью, австріячкой, нищимъ у воротъ мельницы Герикуръ.

Теперь Каролина, старшая сестра отъ втораго брака, въ платьѣ изъ жаконета и оранжевомъ шарфѣ, раздавала этотъ хлѣбъ бѣднымъ. Младшая ея сестра Аврелія вышла замужъ за Пракси-Блассана, дипломата стараго режима который, хотѣлъ, по примѣру г-на Талейрана, служить порядку новому. Уже своимъ вліяніемъ онъ доставилъ слѣпому отцу, развлекающемуся взвѣшиваніемъ на вѣсахъ золотыхъ монетъ, поставку муки войскамъ.

Бернарду пріятно было съ закрытыми глазами представлять себѣ фигуры: старшихъ братьевъ, моряковъ, покойную мачиху, Констанцію Грелу, считающую сквозь очки богатства сливовыхъ деревьевъ, въ то время какъ въ глубинѣ бесѣдки маленькій Августинъ въ воротничкахъ и зеленомъ фракѣ изучаетъ руководства инженернаго искусства. Могли ли они всѣ представить себѣ, что Бернардъ Герикуръ, лежа на животѣ въ лужѣ, пожиралъ хлѣбъ, какъ звѣрь, тотъ хлѣбъ, который его семья такъ старательно производила на жирной Фландрской землѣ?

Онъ всталъ, пообѣдалъ и вышелъ на улицу.

Со своими нашивками и гремящей по мостовой саблей Герикуръ гордо шелъ впередъ, возбуждая восторгъ въ прачкахъ, сидѣвшихъ въ своихъ лавочкахъ. Золотая вывѣска на лазоревомъ полѣ „Café de la Comèdie“ привлекла его вниманіе.

Мимо проходили городскія модницы въ шелковыхъ платьяхъ. За ихъ шлейфами бѣжали болонки.

Молодой человѣкъ внутренно посмѣялся надъ своимъ невольнымъ цѣломудріемъ въ лагерѣ, причиной котораго было страшное утомленіе, скудость средствъ и отвращеніе къ грязнымъ женщинамъ, слѣдовавшимъ за войсками въ подозрительныхъ повозкахъ-погребкахъ на ободранныхъ клячахъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ знакомый запахъ духовъ „роза султанши“, которыми душилась его сестра Аврелія, и въ то же время его ожогъ взглядъ женщины. Быстро осушивъ рюмку водки, гусаръ расплатился и пошелъ вслѣдъ за дамой.

Въ платьѣ орѣховаго цвѣта, прямыми складками падавшемъ къ ея ногамъ, шла, рисуясь, полная женщина, которую сопровождала подруга. Обѣ смѣялись, оборачиваясь на гусара.

Гремя саблей. Бернардъ шелъ вслѣдъ за ними, тоже гордясь своей стройной ногой въ низенькомъ сапогѣ, своей таліей и косами, ласкавшими его щеки.

Женщины повели его за собой вдоль канала. Его забавляли ихъ сѣтчатые мѣшочки, которые онѣ держали въ рукахъ за черныя, зеленыя и желтыя ленты.

Въ тѣни палатокъ и кабачковъ подъ безлистными деревьями сидѣли съ трубками буржуа въ синихъ чулкахъ и оканчивали свои кружки. Продавцы кокосовыхъ орѣховъ и вафлей зазывали покупателей.

Женщины сѣли на соломенные стулья въ аллеѣ подъ вязами, сплетшимися своими вѣтвями и образовавшими какъ бы куполъ. Герикуръ сѣлъ невдалекѣ отъ нихъ. Солнце ярко сіяло, и сознаніе, что не надо по сигналу садиться на коня, что ему не предстоитъ отвѣчать за глупости старыхъ гусаръ передъ начальствомъ, дѣлало его счастливымъ....

ГЛАВА III.

— Надѣюсь имѣть честь быть у васъ въ Парижѣ передъ возвращеніемъ въ войско.

— Господинъ адъютантъ, этимъ вы доставите большое удовольствіе Каролинѣ и мнѣ. Ваше посѣщеніе почту за честь.

Передъ церемоннымъ обращеніемъ Кавруа, утромъ этого дня сдѣлавшагося мужемъ сестры Каролины, Бернардъ терялся. Несмотря на атласныя панталоны, бѣлые чулки, флеръ-доранжъ въ петлицѣ синяго фрака, новый зять не покидалъ своей дипломатической сдержанности, которой гораздо меньше выказывалъ Пракси-Блассанъ, другой зять, табачнаго цвѣта фракъ котораго вертѣлся между обнаженными плечами женщинъ, привѣтливо относившихся къ нему за его надломленный крикливый голосъ.

Между благоухающими букетами розъ, лилій, маргаритокъ, лютиковъ и фіалокъ скромная Каролина, казавшаяся блѣднѣе отъ своей подвѣнечной туники, улыбалась со слезами на глазахъ, потому что у подъѣзда уже стояла коляска съ нетерпѣливо роющими землю лошадьми.

Земля, просвѣтлѣвшее небо, колеса мельницы Герикуровъ, шумно затопляемыя водой, сочувствовали грусти Каролины.

— Счастливая сестра,—утѣшалъ ее Бернардъ, — ты будешь жить въ Парижѣ. Карета Авреліи часто будетъ возить тебя въ театръ... Не правда ли?

Шелестъ шелка и голосъ Аврелія послышались одновременно. Быстро, со смѣхомъ на узкомъ овальномъ лицѣ и съ буклями на щекахъ, молодая женщина вмѣстѣ со своимъ шлейфомъ скользнула передъ гусаромъ.

— Честное слово: моя к-асавица, мы поѣдемъ и въ теат-ъ, и на скачки съ условіемъ, что ты не будешь гово-ить со мной по-латыни...

Она говорила языкомъ тогдашнихъ щеголей „incroyables", не выговаривала Р, дѣлала ударенія на О и на А.

— Dulcissima linquimus arva...—сказала Каролина, подразнивая сестру, ненавидѣвшую римскія цитаты, которыми ихъ мучили скрывавшіеся патеры, во время террора воспитавшіе ихъ какъ мальчиковъ.

— Мессидоръ не хочетъ умирать. Мессидоръ согрѣваетъ Вандемьера въ этомъ году для твоей свадьбы, моя сестра... Смотри, какъ долго держатся листья.

— Оча-овательная меланхолія п-и-оды такъ подходитъ къ вы-аженію твоего ангельскаго личика, Ка-олина... Честное слово, я го-жусь показать тебя на балѣ...

И своими ручками, затянутыми въ перчатки, она обняла за талію сестру и, не подражая модѣ, простымъ языкомъ надавала ей много нѣжныхъ обѣщаній.

— Аврелія, Аврелія, — позвалъ отецъ Герикуръ, появляясь между поддѣльными дорическими колоннами бѣлыхъ дверей.

Слѣпой шелъ такъ, точно не былъ пораженъ этимъ убожествомъ, только немного раздвинувъ руки передъ своимъ жилетомъ, чтобы отстранить по дорогѣ молодыхъ дѣвушекъ въ легкихъ туникахъ, быстро отступившихъ къ розамъ и лиліямъ.

— Арфу, Аврелія, арфу!.. ты мнѣ обѣщала!..

Молодая женщина быстро подскочила къ арфѣ, сѣла на диванъ въ формѣ икса и, сдернувъ перчатки только съ кистей рукъ, коснулась ими струнъ, а легкимъ бальнымъ башмачкомъ нажала на педаль.

— Тише, тише, Аврелія будетъ пѣть, — шептали молодыя дѣвушки.

Il pleut, il pleut, bergère..
Sur tes blancs moutons.

начала музыкантша.

Слѣпой слушалъ, заложивъ руки въ карманы чернаго бархатнаго фрака со слѣдами пудры, падавшей съ парика

надъ багрово-фіолетовымъ лицомъ. Всѣ почтительно молчали, даже не смѣли на него смотрѣть, хотя онъ не могъ видѣть дерзкихъ, разглядывавшихъ его морщины и презрительныя толстыя губы. Бернардъ въ парадной формѣ придерживалъ рукой свою саблю изъ страха, чтобы она не зазвенѣла, и съ восхищеніемъ смотрѣлъ на свою сестру. Пракси-Блассанъ, ея мужъ, въ саду продолжалъ разговоръ о коварствѣ Тальена, уѣхавшаго въ Египетъ вслѣдъ за Буонапартомъ, этимъ наемнымъ убійцей Барраса, котораго Талейранъ предложилъ поддерживать ему, Пракси-Блассану. И онъ это дѣлалъ, скрѣпя сердце, чтобы не измѣнить конституціонной политикѣ...

— Но, милостивый государь, баронесса де-Сталь раздѣляетъ мое мнѣніе. Она бы совсѣмъ перешла на мою сторону, если бы какой-то швейцарскій фанфаронъ Констанъ де-Ребекъ не отговаривалъ ее и не склонялъ въ пользу этого корсиканскаго разбойника... Они увидятъ, всѣ увидятъ, милостивый государь, куда онъ ихъ приведетъ... Его братъ Люсьенъ уже въ совѣтѣ „Пяти-Сотъ“. Онъ пристраиваетъ семью свою. Кромѣ того ему выгодна женитьба его на Богарне, прежней подругѣ Тальена и Барраса. Ахъ! милостивый государь, въ какое время мы живемъ!..

И онъ предложилъ табаку изъ своей золотой табакерки старшему зятю, моряку Жонфу, сдержанному господину въ новомъ четыреугольномъ фракѣ, въ панталонахъ и сапогахъ съ отворотами. Большія почернѣвшія отъ загара руки его играли съ огромными брелоками, висѣвшими на лентѣ отъ часовъ. Бернардъ скромно присоединился къ нимъ; дипломатъ продолжалъ:

— Вы, такъ много путешествовавшій, были вы въ Англіи? Я только-что оттуда, милостивый государь: если бы вы знали, какъ о насъ тамъ говорятъ... Вооружаются со всѣхъ сторонъ. Мы отброшены за Рейнъ, разбиты въ Италіи... Вашъ генералъ Массена только-что побѣдилъ при Цюрихѣ, но ему необходимо отойти къ Генуѣ, если онъ хочетъ задержать Меласа. Нашъ кредитъ пропалъ,—вы можете мнѣ повѣрить, милостивый государь. Во Франціи не будетъ мира до тѣхъ поръ, пока король не поселится въ Тюльери. И онъ туда вернется, милостивый государь, и знаете — какъ?.. Возстановленный чужеземцами, да, милостивый государь! Всѣ державы взялись за это дѣло, и черезъ десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ, но роялистская Европа побѣдитъ якобинизмъ...

Вотъ какъ обстоитъ дѣло, милостивый государь! Господинъ Талейранъ меня призвалъ. Г-жа баронесса де-Сталь посовѣтовала мнѣ вернуться. Увѣряютъ, что не будутъ трогать возвращающихся эмигрантовъ; дѣйствительно, меня не безпокоятъ въ продолженіе двухъ лѣтъ моего пребыванія во Франціи, хотя я служилъ въ войскахъ де-Конде. Я свободно ѣзжу по Франціи, не привлекая вниманія жандарма. Чувствуешь, что голова на плечахъ держится крѣпче; положимъ, пусть такъ, я хочу этому вѣрить. Якобинизмъ складываетъ оружіе. Будьте увѣрены, что державы не распустятъ войскъ... Не хотите ли табаку? Это испанскій... И даю вамъ слово, что этотъ гусаръ еще сдѣлаетъ кампанію... Ну что! господинъ солдатъ, когда вы въ свою очередь женитесь? Мнѣ пишутъ про васъ, присылаютъ ваши донесенія. Вы недостаточно энергично обращаетесь съ вашими людьми... Этого не слѣдуетъ, милостивый государь! У васъ нѣтъ чувства собственнаго достоинства. Вы должны непремѣнно получить производство въ офицеры въ началѣ будущей кампаніи, что это такое... а?

Повертываясь по старой модѣ канатъ ноd х9Лпвиилгая щекой высокій воротникъ своего любимаго фрака, Пракси-Блассанъ запугивалъ всѣхъ увѣренностью своихъ утвержденій. „Неужели Аврелія любитъ его"—думалъ Бернардъ, разсматривая этого довольно полнаго, съ поблекшимъ лицомъ человѣка...

„Она очень честолюбива... Этотъ раздражительный, властолюбивый человѣкъ не можетъ любить. Ему нужны наши деньги, а ее онъ взялъ, какъ прибавку къ нимъ, чтобы управлять финансами нашей семьи по своему желанію. Впрочемъ, онъ, кажется, все знаетъ и судитъ ясно. Безъ сомнѣнія, это и соблазнило мою сестру. Мой отецъ тоже слушается его. По всѣмъ нашимъ владѣніямъ теперь высятся красныя крыши новыхъ кожевенныхъ заводовъ, которые будутъ поставлять на войска кожи. А если война не продлится, что мы будемъ дѣлать съ этой массой шкуръ, привезенныхъ обозами съ сѣвера, юга и востока!.. и съ этимъ хлѣбомъ и мукой, нагруженными во всѣхъ амбарахъ!"

Пракси-Блассанъ увлекъ его за ограду. На многихъ воротахъ намазанная смолой буква Н означала временные магазины, которые быстро наполнялись разгрузчиками, бѣгавшими отъ судовъ, стоявшихъ вдоль Скарны въ желтыхъ тростникахъ.

Крестьяне смотрѣли на эти богатства, грозившія проломить стѣны. Молчаливые, серьезные они переглядывались между собою, отплевывали слюну, куря свои трубки, и опять смотрѣли, сложивъ на жилетѣ руки и мысленно считая мѣшки. На ихъ бритыхъ лицахъ Бернардъ прочелъ неодобреніе. Онъ сказалъ объ этомъ своему зятю, засмѣявшемуся при этомъ рѣзкимъ визгливымъ смѣхомъ.

— Повѣрьте мнѣ, господинъ адъютантъ, командуйте вашими гусарами, но не вмѣшивайтесь во все остальное. Я запираю Цереру въ наши амбары, потому что слышу клики Беллоны! О, у меня тонкій слухъ, милостивый государь! Даю вамъ слово!.. Четыре года я ѣздилъ по Европѣ, и эта прогулка не прошла для меня безслѣдно. Мои уши хорошо слышать и глаза хорошо видятъ, милостивый государь... по крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Пракси-Блассанъ снялъ свою шляпу и, взявъ ее за оба конца, обмахивался ею, точно ему стало жарко отъ волненія, оттого что его не понимаютъ. Бернардъ Герикуръ почувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Инстинктивно онъ потянулся къ дворянину, съ ироніей глядѣвшему на небо, и съ раздраженіемъ произнесъ:

— Милостивый государь!

— Милостивый государь... Вы храбрый молодой человѣкъ, котораго я хочу научить жить; вы не можете себѣ представить, что какое-нибудь кстати сказанное слово передъ начальствомъ можетъ гораздо больше повліяетъ на ваше будущее, чѣмъ военные подвиги. Неужели вы думаете, что Буонапарте помѣстилъ своего брата въ Совѣтъ Пяти-Сотъ, потому что хорошо направилъ свои пушки противъ Тулона? Нѣтъ, но онъ съумѣлъ показать Баррасу тонкое пониманіе вещей, далъ ему понять, на какого помощника тотъ можетъ разсчитывать, и освободилъ гражданина Директора отъ такой неудобной женщины, какъ Богарне, женясь на ней и заручившись обѣщаніемъ командовать арміей въ Италіи... Вотъ что сослужило ему службу, повліяло на его судьбу гораздо больше, чѣмъ Тулонъ и Арколь. Старайтесь лучше быть полезнымъ, чѣмъ гоняться за славой.

— Согласитесь, милостивый государь, что это странные совѣты!

— Я не совѣтую вамъ слѣдовать дурнымъ поступкамъ маленькаго корсиканца, но къ честнымъ намѣреніямъ прилагать его методу.

Они пошли назадъ вдоль забора, мимо колесъ мельницы, затопляемой шумными водами маленькой рѣчки.

Пракси-Блассанъ заговорилъ болѣе дружескимъ тономъ, высказывалъ надежды, что скоро они переселятся въ Парижъ въ собственный отель на улицѣ Сентъ-Оноре, который онъ выкупитъ вновь. Они заживутъ открытымъ домомъ, и Аврелія, которую онъ искренно хвалилъ, будетъ очаровательна въ кругу друзей.

Онъ не сомнѣвался въ поворотѣ мнѣній. Предположивъ даже, что Баррасъ и другіе заберутъ на моментъ власть въ свои руки, ихъ единственной политикой будетъ добиться возвращенія законнаго монарха, иначе они возстановятъ противъ себя народъ провинцій, уважающій, признающій единственный авторитетъ, освященный временемъ, обычаемъ, законными традиціями, церковью, обѣщающей вѣчныя муки непокорнымъ и блаженство вѣрнымъ. Какое правленіе возможно безъ уваженія къ авторитету и къ вѣрѣ? Масса слишкомъ глупа, чтобы умѣть отличить справедливость отъ несправедливости. Все равно, якобинцы признали бы это, какъ признали въ термидорѣ безсиліе гильотины уравнять честолюбіе партій и уравновѣсить теоріи добродѣтели.

— Что это такое?

Въ воздухѣ раздался взрывъ; поднялся страшный шумъ. Они побѣжали къ дому, Аврелія сдѣлала видъ, что падаетъ въ обморокъ съ крикомъ: Боже! Боже! Нимфы въ туникахъ поддерживали падающую арфу. Каролина застѣнчиво прижалась къ синему фраку Кавруа; послѣдній нахмурилъ брови, оскорбленный, какъ это въ его присутствіи могъ произойдти такой безпорядокъ.

— Какая-нибудь неосторожность!

— Августинъ?—спросилъ дѣдъ.

— Августинъ!.. Августинъ!..

Нимфы разсѣялись по фруктовому саду, ихъ платья мелькали между деревьями, отягченными желтыми яблоками. Онѣ звали его по всѣмъ направленіямъ. Слѣпой крикнулъ:

— Вѣроятно, Августинъ забавлялся порохомъ! Я ему ноги переломаю.

Страшный, съ красными вѣками слѣпой вышелъ изъ гостиной, потъ катился градомъ съ его багроваго лица. Онъ громко бранилъ Августина, говорилъ объ его лѣности, порокахъ; старикъ всегда наводилъ страхъ на всѣхъ своимъ гнѣвомъ; про него разсказывали, что нѣкогда онъ убилъ

ударомъ камня дерзкаго рабочаго. Пракси-Блассанъ успокаивалъ Аврелію. По ихъ просьбѣ Бернардъ издали слѣдилъ за старцемъ, быстро шагавшимъ черезъ лужайки и аллеи, точно гнѣвъ ему вернулъ зрѣніе, чтобы привести его на мѣсто суда.

— Отецъ мой, послушайте,—умолялъ Бернардъ.

— Оставь меня, оставь меня!.. Я не желаю, чтобы мнѣ не повиновался ребенокъ! Въ день свадьбы его сестры! День свадьбы! Я убью его... Я ему запретилъ брать порохъ! Это воръ! Я не могу имѣть воровъ въ домѣ!.. Мой сынъ укралъ, укралъ! Онъ укралъ порохъ изъ магазина! Мой сынъ воръ! Одинъ изъ Герикуровъ укралъ!

Съ гнѣвомъ ломая тяжелой палкой кусты, стебли, обдирая стволы яблонь, колоссальный старикъ быстро шелъ впередъ, и изъ-подъ его тяжелыхъ ступней во всѣ стороны летѣла мокрая земля.

Бернардъ всегда зналъ его такимъ жестокимъ, сангвиническимъ деспотомъ, внушавшимъ страхъ своимъ двумъ женамъ, четыремъ сыновьямъ отъ перваго брака, двумъ дочерямъ отъ втораго брака, маленькому брату Августину и сотнѣ молчаливыхъ работниковъ.

Благодаря этому страху, старикъ Герикуръ удесятерилъ отцовское наслѣдіе, требуя отъ каждаго наибольшихъ усилій, преданности, повиновенія, производительности. Его двѣ жены не выдержали и почивали на кладбищѣ подъ плитами.

Въ памяти гусара быстро промелькнулъ образъ печальной второй жены Констанціи Грелу, матери Каролины, Авреліи и юнаго Августина, чахлой блондинки, утромъ и вечеромъ склоненной передъ мѣднымъ Распятіемъ.

Отъ ненависти къ мужу быстро поблекло и покрылось морщинами лицо первой жены, Антуанеты Деслингъ, пріѣхавшей во Францію вмѣстѣ съ крестной матерью, бѣлошвейкой Маріи Антуанеты. Семь лѣтъ замужества и рожденіе четырехъ мальчиковъ довели ее до сорока восьми часовой агоніи между восковыми свѣчами, монахинями и сиротами общины, пѣвшими на колѣняхъ псалмы въ ея комнатѣ,—агоніи, закончившейся смертью. Моряки, изъ которыхъ одинъ, Эмиль, погибъ въ морѣ, и Бернардъ были ея сыновьями.

Слѣпой съ проклятіями бѣжалъ дальше. Молодыя дѣвушки бѣгали по боковымъ дорожкамъ, позади цвѣтущихъ

кустовъ. Шумъ на деревнѣ умолкъ... одинъ рабочій подошелъ къ старику.

— Да, господинъ. Онъ зажегъ порохъ въ церкви...

— Приведи его.

— Да онъ убѣжалъ... Кропильница въ церкви разбита въ дребезги, и колонна въ церкви раскололась.

— Приведи его... или я убью тебя.

— Да... это вамъ будетъ стоить пятьсотъ ливровъ, господинъ, эта забава Августина.

— Приведи его, говорю тебѣ. Пятьсотъ ливровъ!

— Я его пришлю, если найду...

— Если ты его не найдешь, я тебя выгоню вонъ, понимаешь, я не вижу, но я еще умѣю справляться съ моей палкой...

Старикъ въ бѣшенствѣ ударилъ изо всей силы по дереву, рабочій убѣжалъ съ курткой въ рукахъ, заявляя о своемъ усердіи.

Въ концѣ фруктоваго сада неистовый слѣпой остановился.

— Пятьсотъ ливровъ! онъ разрушилъ церковь, бандитъ! Пятьсотъ ливровъ! Значитъ, я болѣе здѣсь не хозяинъ! Я болѣе ничто... я... я... я... я!.

При каждомъ „я“ съ пѣной у рта онъ вонзалъ въ землю палку; потомъ сразу рванулъ всѣ пуговицы на жилетѣ, разорвалъ жабо и обнажилъ красную шею.

— Пятьсотъ ливровъ!.. Онъ мнѣ заплатитъ за это, или я его убью, твоего брата, слышишь, Бернардъ! Онъ заплатитъ.

— Чѣмъ?

— Своей шкурой! своей шкурой! А! этотъ господинъ хотѣлъ выучиться инженерному дѣлу!.. чтобы его здѣсь кормили... ты не знаешь, ты не знаешь. Бернардъ, ты всего не знаешь! Онъ крадетъ деньги у Каролины, да, изъ ея кошелька... Это бандитъ...

— Пхе! Это шалости.

— Нѣтъ, онъ не почитаетъ своего отца... онъ меня не почитаетъ; меня! меня! меня! Я знаю, я старѣю, я ничего не понимаю. Всѣ ко мнѣ непочтительны, плюютъ мнѣ въ лицо... Ты тоже плюнулъ бы мнѣ въ лицо... если бы смѣлъ. Каролина тоже плюетъ мнѣ въ лицо и Аврелія и всѣ, всѣ; я вамъ удесятерилъ доходы; безъ меня у васъ не было бы ни копѣйки, подлецы! а вы не уважаете вашего отца! Вы оскорбляете вашего отца! Вы оскорбляете меня, меня!

Это ему казалось святотатствомъ. Онъ поднялъ кверху свою мощную голову съ краснымъ лицомъ и бѣльмами на обоихъ глазахъ, билъ своей палкой по кусту терновника и колотилъ ногою землю, продолжая бранить своихъ дѣтей.

— За столомъ Аврелія велитъ подавать себѣ первой... Сейчасъ за обѣдомъ я не могъ допроситься капли свѣжей воды. Графины нагрѣлись отъ огня въ кухнѣ... Ты слышишь: ни капли свѣжей воды! ни капли свѣжей воды!.. для твоего отца!.. Въ субботу этотъ Кавруа, когда я дремалъ въ креслѣ, посовѣтовалъ мнѣ прогуляться!..

— Такъ что же?

— Не считайте меня ребенкомъ, чортъ возьми! Я вѣдь понимаю, что это значитъ?.. Имъ противно видѣть стараго слѣпаго отца, желали бы, чтобы онъ ушелъ, и если бы это была моя послѣдняя прогулка въ траурныхъ дрогахъ, вы затанцовали бы отъ радости, всѣ, всѣ, всѣ и ты!..

— Клянусь вамъ, что совершенно ошибаетесь.

Бернардъ почувствовалъ слезы на глазахъ. Онъ видѣлъ, что старикъ страдаетъ, и лицо его уже посинѣло. Но успокоительныя слова остались безо всякаго дѣйствія. Слѣпой громко передохнулъ, чтобы потомъ громче кричать.

— Подлые... подлые... какъ вы ужасно отравляете мою старость!.. Я уѣду, я пойду по дорогамъ, протягивая шляпу... Я предпочитаю это. Я уйду. Вы всѣ возбуждаете противъ меня Августина... Вы его испортили, чтобы онъ оскорблялъ меня, меня, меня!

— Старецъ затопалъ ногами.

Ничто не могло успокоить его гнѣвъ. Шестьдесятъ лѣтъ онъ собиралъ эти богатства, которыми дѣти будутъ наслаждаться, лишая его всѣхъ радостей. Онъ хотѣлъ, чтобы его родъ господствовалъ надъ страной.—Я купилъ для Авреліи положеніе Пракси-Блассана и для Каролины Кавруа. Теперь васъ поддерживаетъ Талейранъ и вліятельныя лица. Раньше чѣмъ черезъ полгода изъ этихъ амбаровъ и заводовъ повезутъ зерно и кожи поставщикамъ арміи, и тогда деньги прорвутъ всѣ мѣшки. Твои братья черезъ двѣ декады отправляются въ море за иностраннымъ хлѣбомъ... Здѣсь я возростилъ дерево, побѣги котораго бѣгутъ къ востоку, западу, сѣверу и югу... А я? Я не воспользовался ничѣмъ, только видѣлъ, какъ это все создается, а вы? Вы будете наслаждаться всѣмъ этимъ, а я умру... Я и хочу только умереть, но умереть покойно, ты слышишь!.. Даже собакѣ

дають умереть покойно въ ея канурѣ... Я только и думаю о смерти, я ничего не хочу, только спокойно умереть, спокойно!

Онъ бросилъ на землю свою шляпу и растопталъ ее каблуками.

— Но что вамъ сдѣлали, отецъ?

— Что мнѣ сдѣлали! Ты смѣешь спрашивать, что мнѣ сдѣлали!.. О,Боже!.. Но вчера еще! Ко мнѣ пріѣзжаетъ гость... Пракси-Блассанъ поднимается первый и протягиваетъ руку на порогѣ... Я уже больше у себя не хозяинъ. Повидимому, я въ гостяхъ у господина Пракси-Блассана. Онъ вмѣсто меня принимаетъ гостей... Вотъ что со мной дѣлаютъ.

— Что же, если это его знакомый.

— Что же изъ этого слѣдуетъ? Нельзя принимать на себя роль хозяина въ чужомъ домѣ. Этому нахальству имени нѣтъ! Это непростительное оскорбленіе! И я не прощу. Я уйду! Я буду просить милостыню по дорогамъ, пока не умру въ ямѣ... потому больше я ни на что не гожусь.

— Но увѣряю васъ, что Пракси-Блассанъ...

— Довольно! Молчите, когда я говорю!.. Кто далъ порохъ Августину?

— Я не знаю...

— Вы не знаете! Вы на сторонѣ этого мальчишки... изъ духа противорѣчія, неповиновенія и чтобы очернить меня!.. О, вы доведете преступленіе до конца... Я теперь слабъ. Я страдаю какъ бѣшеный. Всѣ мои внутренности выходятъ наружу!.. И я не вижу ясно!.. Я не смѣю ѣсть, пока не услышу, что кто-нибудь уже ѣстъ принесенное кушанье... Я знаю, что по вечерамъ за мной слѣдятъ... Хотятъ покончить со мной! И можетъ быть тебя вернули сюда съ этимъ намѣреніемъ; ты солдатъ, привыкъ къ подобнаго рода работамъ!.. Ахъ! оставь меня! Я знаю, что говорю.

— Боже мой!—послышался нѣжный рыдающій голосъ.

Бернардъ обернулся. Обѣ сестры плакали, Каролина въ своемъ подвѣнечномъ нарядѣ и Аврелія въ своемъ шарфѣ. Оба зятя жестикулировали въ тѣни аллеи, и скромныя нимфы смѣшались въ глубинѣ сада съ синими, зелеными, плюсовыми фраками.

— Отецъ, вернитесь домой! — сказалъ Бернардъ.

Безконечная тоска сжимала его сердце, наполнила слезами его глаза. Старецъ очевидно вѣрилъ своимъ страхамъ.

вообразивъ семейный заговоръ противъ убогой, надоѣвшей имъ старости...

— Ахъ! что за муки!—простоналъ онъ.

Но все-таки онъ успокоился; на него какъ будто подѣйствовалъ голосъ Бернарда и слезы его дочерей. Морякъ Жозефъ съ продѣтыми въ проколотыхъ ушахъ тонкими золотымя кольцами взялъ отца за руку.

— Пойдемте отецъ... совсѣмъ это не такъ... Проститесь съ Каролиной. Мы всѣ васъ любимъ. Вѣдь только для васъ мы съ братомъ возимъ зерна и адъютантъ сдѣлалъ кампанію. Развѣ Каролина не держала вашъ домъ въ порядкѣ, развѣ зять Пракси не доставилъ вамъ военные подряды, развѣ Аврелія не играетъ чудно на арфѣ, чтобы доставить вамъ удовольствіе, а я не воспитываю попугаевъ, которые забавляютъ васъ.

Онъ выправлялъ треуголку отца своими большими руками со слѣдами смолы въ морщинахъ...

— Вы желали имѣть въ семьѣ солдата? Ну вотъ, я солдатъ,—сказалъ Бернардъ.—Дипломата? Аврелія вышла замужъ за дипломата. Чиновника? Каролина вышла замужъ за чиновника.

— Моряковъ? Мы съ братомъ объѣзжаемъ моря,—заговорилъ опять Жозефъ.—Нашего Эмиля мы оставили въ Бискайскомъ заливѣ... Вы хорошо понимаете, что все, что вы говорите—фантазія, не хорошія мысли... Пойдемте...

Старикъ Герикуръ забормоталъ. Его морщины и багровое лицо поблѣднѣло. Они оставили его одного идти черезъ садъ домой. Криво одѣтая, продырявленная треуголка плохо держалась на трясущейся головѣ, высокія плечи поднялись, и старикъ задумчиво шелъ, ощупывая дорогу палкой. Онъ разговаривалъ самъ съ собой. То угрожалъ кому-то рукой, то дѣлалъ отрицательный жестъ. Трясущаяся голова кивала то утвердительно, то отрицательно.

— Несчастный ста-икъ,—шепелявила Аврелія.—Ты узе смот-ишь въ могилу и незнаешь п-елести нѣзнаго дов-ѣ-ія... А доб-одѣтельный паха-ь на склонѣ дня садится пе-едъ своей хизиной, съ ми-ной душой; его ок-узаютъ дѣти, онъ улыбается. Тебѣ незнакомы несчастный отецъ эти оча-овательныя волненія... С-еди богатства ужасное подоз-ѣніе от-авляетъ твое се-дце... Кто не т-онется такими мученіями... моя сест-а... О, до-огой суп-угъ, помогите мнѣ ве-нуть моему отцу душевный покой...

Она граціозно склонила свой станъ на руки дипломата и плакала на его мужественномъ плечѣ. Братъ отвелъ свои глаза въ другую сторону....

ГЛАВА IV.

Въ парижскомъ отелѣ предмѣстья Сентъ-Оноре жесты и движенія Авреліи стали еще изящнѣе. Играя на литаврахъ, она красиво округляла руки и, нажимая кнопку, поднимала согнутые въ дугу мизинцы. Сидя на бѣломъ римскомъ стулѣ, она опиралась на руку, касаясь щеки указательнымъ и среднемъ пальцемъ. Желтый бархатъ мебели оживлялъ сѣрыя деревянныя панели салона. На мраморной подставкѣ стоялъ бюстъ музы Евтерпы.

Бернардъ счастливый созерцаніемъ проводилъ цѣлые часы въ этомъ салонѣ.

Молодая женщина - очень много читавшая — громко жаловалась на отсутствіе благородства въ новѣйшихъ романахъ. Ея книгопродавецъ Барба предложилъ ей прочесть „*Бароновъ Фальсгеймъ*" новаго автора Пиго. Но она нашла, что это произведеніе лишено высокихъ чувствъ и восхищалась „*Итальянцемъ*" Анны Радклифъ, всѣ сочиненія которой она перечитала по нѣсколько разъ въ первый же годъ замужества.

— Я всегда п-едставляла себѣ сцену, когда монахъ, поднявъ кинжалъ, чтобы по-азить уснувшую же-тву, узнаетъ въ несчастной свою собственную дочь. Вотъ гдѣ высокія чувства... Я п-оливала сладкія слезы... Гаэтанъ читаетъ Рестифъ, а мнѣ не позволяетъ. А мнѣ такъ хочется его п-очесть... Ты читаешь Рестифъ?

Предложивъ этотъ вопросъ Аврелія покраснѣла. Она шепелявила теперь гораздо меньше, потому что это выходило изъ моды, и даже стала иногда выговаривать р...

— Вашъ мужъ такъ строгъ?

— Се-дце мое!.. онъ непостижимъ. Таллеранъ его ненавидитъ и поддерживаетъ. У Гаэтана широкіе планы! Онъ уже добился для тебя чина поручика... Ступай сегодня послѣ полудня въ Люксембургъ, тамъ ты его увидишь. Говорятъ, Буонапарте привезъ изъ Египта мамелюка.

Бернардъ вспомнилъ, какъ народъ привѣтствовалъ побѣдителя пирамидъ въ Ліонѣ. Отвѣчая сестрѣ, онъ старался удержаться отъ выраженія восторга, раздѣляемаго многими

военными, и отъ зависти, которую ему внушало его собственное честолюбіе. Вѣдь Бонапарте занялъ его мѣсто.

Ему казалось, что онъ обязанъ восхвалять побѣдителя, и былъ доволенъ, что умолчалъ объ оскорбительныхъ намекахъ Пракси-Блассана насчетъ отношеній генерала и Барраса. Аврелія, конечно, оцѣнитъ, что онъ не поддался въ этомъ случаѣ ни своимъ личнымъ интересамъ, ни идеямъ ея мужа, въ домѣ котораго онъ живетъ.

Во время своей рѣчи онъ искалъ на лицѣ сестры выраженія возроставшей къ нему симпатіи. Онъ думалъ: „Я не скажу, какого рода удача слѣдуетъ по стопамъ Соперника (какъ мысленно называлъ онъ Бонапарта). Благородно не поддаваться пріятнымъ для нашего самолюбія чувствамъ. Но также не буду и сочувствовать ліонскому энтузіазму, потому что не слѣдуетъ подражать неразумному увлеченію черни и быть похожимъ на другихъ... Надо воспитать въ себѣ *характеръ*.

Характеръ! Это слово постоянно было у него на языкѣ. Онъ рѣшился подчинить всю свою жизнь этому лозунгу. Всю свою нервную, даже мускульную силу онъ желалъ употребить на созданіе этого идеальнаго, суроваго къ самому себѣ характера Цинцината и Сципіона.

— Я лично не люблю этого Буонапарте,—сказала Аврелія—Г-жа Талльенъ увѣ-яетъ, что это дурно одѣтый ничтожный инт-иганъ... кото-ый не пренебрегаетъ никакими средствами. Но если онъ возстановитъ по-ядокъ и освободитъ насъ отъ якобинцевъ...

Гримаска сложеннаго въ видѣ вишни ротика докончила фразу. Бернардъ, смѣясь, сказалъ:

— Аврелія, найдите мнѣ жену такую же какъ вы!

— Когда ты п-ославишься.

— Что вы сказали?

— Какъ Буонапарте!

Въ свою очередь адъютантъ сильно покраснѣлъ. Эти слова задѣли его тайное честолюбіе. Онъ колебался. Считаетъ она его способнымъ подняться такъ высоко или смѣется надъ нимъ?.. Онъ ей подробно выяснилъ причины этой новой славы: влеченіе къ смерти массы людей, гонимыхъ изъ городовъ застоемъ въ работахъ, возбужденныхъ къ борьбѣ пятью или шестью годами постоянныхъ неурядицъ, доведенныхъ до крайности нищетой и лишеніями лагерной жизни, оторванныхъ отъ семьи революціонными встрясками и политическими разногласіями и которымъ ни-

чего не остается, кромѣ гнѣва, ненависти, зависти и мрачной надежды, что только катастрофа можетъ покончить съ такимъ порядкомъ вещей. Онъ самъ это все видѣлъ въ арміи Журдана и разсказалъ ей о хлѣбѣ, съѣденномъ имъ подъ копытами лошадей.

Подобная же толпа, опьянѣвшая отъ лишеній и страданій, попавъ въ богатую Ломбардію, убивала уже только для того, чтобы не умереть съ голоду, чтобы отнять хлѣбъ, обувь, одежду, дрова.

Каждый солдатъ итальянской арміи дрался не за націю, а за кусокъ хлѣба, и Боунапарте воспользовался судорогами пустыхъ желудковъ, ранами на окровавленныхъ ногахъ и окоченѣвшихъ отъ холода членахъ, нищетой набросившейся на богатства счастливыхъ городовъ. Вотъ каковъ былъ этотъ воинственный порывъ націи!

Но, поднявъ глаза, Бернардъ увидѣлъ, что Аврелія не слушала его: одной рукой поправляла она свою прическу, другой она старательно расправляла складки на корсажѣ платья. Брата это раздосадовало; когда разглагольствовалъ Пракси-Блассанъ, Аврелія слушала внимательнѣе.

— Очень красивый корсажъ!—замѣтилъ онъ, чтобы скрыть свою досаду.

Аврелія, какъ-бы не замѣчая, продолжала кокетливо болтать: книги приводили ее въ восторгъ. До замужества отецъ имъ не позволялъ читать романовъ, и она упивалась ужасами англійской литературы о привидѣніяхъ, сентиментализмомъ романа *Розы или нищей дѣвочки*, украшенной всѣми талантами и всѣми добродѣтелями, всегда обуреваемой страстями и никогда имъ не поддающейся; и эти неестественныя приключенія не помѣшали ей умиляться волненіями Стерна, смертью собаки слѣпаго, свиданіемъ свѣженькой субретки въ маленькомъ чепчикѣ и простомъ передникѣ; французскимъ веселымъ чистосердечнымъ флейтистомъ; Маріей, бѣдной дѣвушкой, пасущей овецъ возлѣ дороги, и жалобой скворца, желающаго воздушной свободы. Аврелія на память говорила нѣкоторые отрывки, между тѣмъ какъ молчаливый братъ размышлялъ объ унизительномъ положеніи быть только слушателемъ, котораго не слушаютъ.

Суровое воспитаніе, данное дѣтямъ отцомъ Герикуръ, мало благопріятствовало развитію между ними братской симпатіи. Воспитывавшіеся совершенно въ сторонѣ другъ

отъ друга, мальчики и дѣвочки встрѣчались только за обѣденнымъ и вечернимъ столомъ. До 1792 года дѣвочки жили въ монастырѣ Бернардинокъ, и, вернувшись оттуда съ особыми привычками, смотрѣли на все съ ужасомъ и недовѣріемъ. Трое изъ четырехъ сыновей отъ перваго брака, достигнувъ юношескаго возраста, покинули стѣны дома iезуитовъ и поступили на службу на купеческiе бриги.

Воспитывавшiйся у бывшаго кавалерiйскаго полковника господина де Монши, основавшаго съ однимъ бенедиктинцемъ въ Перонѣ нѣчто въ родѣ военнаго пансiона, гдѣ обучали верховой ѣздѣ, фортификацiи, латинскому языку и немного математикѣ благородныхъ кадетъ, сыновей богатыхъ фамилiй,—Бернардъ Герикуръ видѣлъ своихъ сестеръ только во время лѣтнихъ каникулъ. Поступивъ на восемьнадцатомъ году жизни на службу простымъ гусаромъ, онъ служилъ по ремонтной части и какъ квартирьеръ завѣдывалъ покупкой овса и въ продолженiе двухъ лѣтъ не могъ получить шестимѣсячнаго отпуска.

Неожиданно на свадьбѣ сестры онъ увидѣлъ своихъ сестеръ уже взрослыми дѣвушками въ греческихъ платьяхъ, въ шарфахъ, опоясывавшихъ уже сформировавшiяся талiи.

Послѣ свадьбы ему надо было немедленно вернуться въ корпусъ Журдана, отправляющагося въ Швабiю, откуда Бернардъ вернулся побѣжденнымъ, печальнымъ, серьезнымъ, озабоченнымъ воспитанiемъ въ себѣ характера, который былъ бы выше страстей и былъ бы достоинъ собственной похвалы его,—покорнаго почитателя римлянъ.

Онъ страдалъ, что Аврелiя и не подозрѣвала достоинствъ своего брата. Уже шесть дней живетъ онъ въ отелѣ Пракси-Блассанъ, никуда не выходя изъ-за грязной дождливой погоды; въ окнѣ были видны мокрыя потемнѣвшiя высокiя стѣны сосѣдняго отеля и низенькiй обвитый плющемъ заборъ дворика, гдѣ слуги мыли зеленый экипажъ.

— Я для васъ совсѣмъ чужой, сестра.

— Ты думаешь?.. нѣтъ, мой до-огой!

Сперва она не соглашалась, но потомъ призналась, что очень измѣнилась послѣ замужества. Столько новаго разомъ нахлынуло въ ея жизни: дѣйствующiя лица романовъ, прiѣздъ Кавруа и Каролины въ Море, интриги, въ которыя посвящалъ ее ея мужъ, старающiйся узнать, выгоднѣе

ли ему придерживаться причудъ господина Тайлерана и расположенія „Древнихъ“ по Бонапарте и Моро, или сохранить расположеніе Журдана, Баррасса, Готье въ совѣтѣ Пяти-Сотъ и у генералъ-директора Мулена, который уже говорилъ объ арестованіи „Египетскаго дезертира“ и о его разстрѣляніи. Она съ безпокойствомъ старалась понять все это, а также и то, хорошо ли ей пойдетъ англійское ватное суконное платье и польская бархатная шляпа со страусовыми перьями.

— Мой до-огой, ты меня только немного пугаешь. Воинъ, вернувшійся съ поля сраженія!..

Она смотрѣла на кончикъ своего желтаго башмачка, прикусивъ маленькими зубками нижнюю розовую губку...

— Да, да, ты ко мнѣ не сп-аведливъ, ты человѣкъ не чувствительный, ты думаешь, что я читаю ду-ныя книги и меня ого-чила твоя улыбка, когда я гово-ила тебѣ о Рестифѣ.

— Сестра, вы ошибаетесь...

Бернардъ съ серьезнымъ лицомъ поднялся съ мѣста.

— Я читаю много оттого, что я не хочу имѣть глупый видъ у г-жи де Сталь или у г-жи Талльенъ,—снова начала Аврелія,—и ты мой братъ, долженъ бы помочь мнѣ являться повсюду, въ виду интересовъ отца и нашихъ. Надняхъ я должна встрѣтиться съ генераломъ Моро. Онъ могъ бы тебя взять къ себѣ въ адъютанты... Когда ты получишь чинъ поручика. Развѣ хорошо, если тебя будетъ рекомендовать какая-то провинціальная дурочка?.. Папа тоже хочетъ поставлять провіантъ и кожанныя уздечки въ армію, которую собираютъ на Рейнѣ...

— Чортъ возьми!—насмѣшливо воскликнулъ Бернардъ.— Я воображалъ, что это дѣла вашего мужа...

— Гаэтанъ добивается большаго. Онъ забываетъ о нашихъ маленькихъ интересахъ. Во всякомъ случаѣ я даю шпоры тому, что онъ приводитъ въ движеніе...

Братъ понялъ, что Аврелія ловко перемѣнила разговоръ послѣ высказаннаго ею намека, и вздохнулъ съ облегченіемъ. Она удовольствовалась тонкимъ выговоромъ, и онъ благодарилъ ее смущенной улыбкой.

— Тебѣ бы слѣдовало присоединиться къ Гаэтану въ Люксембургскомъ дворцѣ. Сегодня всѣ они собираются въ пріемной Директоровъ. Тамъ тебя представятъ генералу Моро или Буонапарте, который тамъ слоняется въ редин-

готѣ, и каждаго беретъ подъ руку, чтобы выяснить ему свои заслуги... Это лучше, чѣмъ сидѣть здѣсь, какъ наказанному школьнику... Скоро тебѣ придется возвращаться въ полкъ, а ты еще ничѣмъ не заручился. Или иди въ Пале-Рояль... ты тамъ развлечешься. Хочешь денегъ для игры...

Онъ отказался, пристыженный. Она его отсылала, желая, чтобы онъ забылъ ее въ другомъ обществѣ, и предлагала даже для этого денегъ.

— Я вамъ мѣшаю, сестра?

— Мнѣ, нѣтъ, оставайся, если хочешь...

— Посмотрите, Аврелія, какая погода, совсѣмъ непріятно выходить изъ дому.

— Я думаю, что молодые военные не пренебрегаютъ никакимъ случаемъ для всякихъ приключеній и любятъ вездѣ показываться.

— Я не таковъ.

— Конечно, у васъ было слишкомъ много бивуачныхъ похожденій, шалунъ!

— Сестра!

Аврелія погрозила ему пальчикомъ и вдругъ заговорила съ нимъ по-товарищески, разсказала массу романическихъ исторій, вычитанныхъ ею изъ книгъ, и спрашивала, случалось ли съ нимъ что-нибудь подобное въ его военной жизни.

„Характеръ“ его опять оказался не на высотѣ положенія.

Аврелія перестала быть для него женщиной и теперь его только стѣсняла—болѣе опытная и искусная, чѣмъ онъ въ умѣніи говорить намеками о разныхъ шалостяхъ, бывшихъ тогда въ модѣ.

Она ему гораздо больше нравилась въ своемъ прежнемъ видѣ.

Этотъ день и послѣдующіе сестра не переставала его дразнить съ большой смѣлостью. Пракси-Блассанъ помогалъ ей въ этомъ. Гордость адъютанта страдала. Далекая таинственная Аврелія, какъ бы нечаянно расцвѣтшая между его братьями моряками и массивной Каролиной Кавруа, мысль о которой ободряла его въ горькіе часы гарнизонной и боевой жизни, обратилась теперь въ обыкновенную веселую вольную, болтливую, практичную и смѣявшуюся надъ нимъ женщину.

Пракси-Блассанъ, этотъ маленькій коренастый человѣкъ со

своей табакеркой, высокими воротниками коричневыхъ рединготовъ, съ острыми отворотами золотистыхъ жилетовъ, съ гладкими напудренными волосами, обрамлявшими его овальное насмѣшливое и подвижное лицо, грубыми духами его жабо, возбуждалъ отвращеніе въ Бернардѣ. Ежеминутно онъ долженъ былъ убѣждать себя въ истинной учености этого удивительнаго работника, встававшаго съ зарей и читавшаго всѣ эти безчисленныя книги въ темнокрасныхъ кожанныхъ переплетахъ, разбросанныхъ на мебели въ библіотекѣ.

— Когда я могу уѣхать изъ Парижа?—спросилъ какъ-то разъ Бернардъ.

— Ого-го! — замѣтилъ зять. — Вамъ совсѣмъ не нравится наше общество... сударь?.. А между тѣмъ вамъ необходимо еще остаться здѣсь. Я еще не знаю, выгоднѣе ли вамъ добиться благосклонности генерала Моро или лучше остаться у Журдана. Въ случаѣ, если корсиканскій грубіянъ и господинъ Сіейсъ одержатъ верхъ, какъ въ этомъ горячо убѣждаетъ господинъ Талейранъ, общій семейный интересъ потребуетъ, чтобы вы служили въ драгунахъ Моро, который, конечно, получитъ командованіе дунайской арміей... Подождемъ конца игры. Теперь я еще не держалъ бы ни за ту, ни за другую партію, и всякая попытка въ этомъ родѣ могла бы только насъ скомпрометтировать въ случаѣ неудачи той стороны, къ которой бы мы примкнули... Поэтому гуляйте, ухаживайте, веселитесь, какъ подобаетъ молодому человѣку... и ни о чемъ не заботьтесь. О васъ пекутся.

— Ты знаешь,—говорила Аврелія,—сколько отецъ требуетъ подрядовъ... Необходимо, чтобы возлѣ главнокомандующаго... былъ кто-нибудь изъ нашихъ... Отецъ умретъ отъ ярости, если ты ему не поможешь, Бернардъ!

— Каплю ликера!..

Молодой человѣкъ старался быть еще сдержаннѣе... Аврелія смѣялась надъ нимъ. А его характеръ! Его характеръ давалъ поводъ къ насмѣшкамъ...

Онъ заперся въ своемъ помѣщеніи. Черезъ дворъ, отдѣляющій отель отъ улицы, онъ наблюдалъ въ окно за носильщиками, сгибавшимися подъ тяжестью картонокъ и тюковъ товара; за нарядными женщинами, мелкими шажками переходившими черезъ грязь по доскѣ метельщика; за проѣзжающими кабріолетами съ желтымъ кузовомъ и зелеными колесами, въ которомъ сидѣлъ, вытянувшись, или

господинъ въ каррикѣ, или генералъ въ двухъ уголкѣ съ золотой нашивкой.

Продавцы газетъ толкали прохожихъ военныхъ и патріотовъ въ голубыхъ короткихъ фуфайкахъ.

Дама съ англійскими буклями ждала съ улыбкой господина, который бы рѣшился спасти отъ грязи ея кисейное серизоваго цвѣта платье посадивъ ее въ карету. Много прошло ножекъ въ натянутыхъ бѣлыхъ чулкахъ, розовыхъ лицъ въ высокихъ чепцахъ, тонкихъ талій подъ шарфами съ большой шелковой бахрамой; жокеи въ круглыхъ куртках правили лошадьми, запряженными въ большія голубыя кареты. Хорошенькія продавщицы смотрѣли задумчиво на улицу, прижавшись лбомъ къ выставочнымъ стекламъ магазиновъ подъ разнообразными вывѣсками, украшавшими желтыя стѣны домовъ. На этихъ вывѣскахъ красовались: чудовищные сапоги и перчатки, гигантскія метлы, пучки травъ у продавцовъ лѣкарственныхъ травъ, золотой шаръ парикмахера и портретъ повивальной бабки, пускающей кровь блѣдной дамѣ въ ночной одеждѣ.

Аспидный цвѣтъ неба соотвѣтствовалъ мрачному виду кровель домовъ. Линія улицъ прерывалась выдавшимися впередъ лавочками штопальщицы, публичнаго писца, чинильщика фарфора и продавца патріотическихъ пѣсенъ.

Этой невеселой картинѣ съ мелькавшими всюду открытыми красными и зелеными зонтиками Бернардъ предпочиталъ звукъ лошадиныхъ копытъ по большимъ дорогамъ. Онъ видѣлъ себя опять въ лѣсахъ Швабіи, когда вѣтеръ рвалъ шинели и дождь холодными струями обливалъ лица солдатъ, спящихъ въ сѣдлѣ.

Одинъ пикардіецъ въ хвостѣ колонны затянулъ жалобную пѣсню. Вѣтви деревъ гнулись подъ потокомъ проливнаго дождя. Воздухъ былъ напоенъ сыростью лѣса кругомъ тишина... И видитъ онъ опять озабоченнаго офицера, прискакавшаго на забрызганной грязью лошади, и ефрейторовъ, держащихъ руки у глазъ, и внимательныя лица солдатъ, и тихіе голоса, приказывавшіе свернуть шинели, снять карабины, и сладостный трепетъ всего существа, жадно стремящагося застать врасплохъ врага, расположившагося на бивуакѣ.

Какая минута! Сердце бьется, тѣло дрожитъ, дыханіе прерывается, руки въ поту, а душа гордо растетъ въ испуганномъ тѣлѣ; и хочется видѣть себя сильнымъ, сильнѣе

инстинктивнаго страха, мужества противника. Врагъ и природа будутъ побѣждены. Душа растетъ и возбуждается. Глаза выходятъ изъ орбитъ, кулакъ сжимаетъ обнаженное оружіе, колѣна сдавливаютъ бока лошади...

Слышны хриплыя дыханія; показывается врагъ, ружья даютъ залпъ, сабля сверкнула въ воздухѣ, лошадь сдѣлала скачекъ, охваченная одинаковымъ желаніемъ со своимъ всадникомъ—желаніемъ овладѣть ошеломленными пѣхотинцами... Комья грязи, щелканья курковъ пистолетовъ...

Страха нѣтъ больше... Безуміе овладѣваетъ всѣмъ существомъ во время скачки за убѣгающей добычей...

Воспоминаніе объ этомъ моментѣ вознаградило его за всѣ обидныя насмѣшки сестры и зятя. Какъ онъ любитъ славу! Его душа точно расширяется въ нѣкоторые моменты торжества. Въ бою человѣкъ дѣлается выше: чудныя могущественныя силы, голосъ расы, вотъ что овладѣваетъ имъ, рвется изъ него, убиваетъ.

Характеръ! Людей надо ослѣпить славой и заставить заплакать насмѣшливую Аврелію!

Бернардъ подошелъ къ своему столу, гдѣ лежали раскрытыя книги: *Трактатъ кавалеріи*, произведенія Тюрпина де-Криссе, *Опытъ искусства войны*, блестящій плодъ энциклопедическаго ума, воспитаннаго на войнахъ Людовика XV, *Комментаріи на мемуары Монтекукули*, ученаго противника Тюренна, *Уставы* Вежеса, любопытнаго стратега IV вѣка, опытнаго въ искусствѣ атаки и защитѣ городовъ.

Герикуръ опустился въ низкое кресло и, положивъ ноги на каминъ, читалъ до тѣхъ поръ, пока въ комнатѣ не стемнѣло и не погасли послѣдніе отблески дня на ножнахъ сабель, приставленныхъ къ стѣнѣ, и на мѣди большихъ пистолетовъ, висѣвшихъ по бокамъ англійской гравюры, изображавшей персидскую лошадь принца Нассаускаго, извѣстную въ Парижѣ тѣмъ, что ее перегнала берберійская лошадь Доверна, завѣдующаго манежемъ въ военномъ училищѣ.

Кто-то поцарапался въ дверь. Зюльма, служанка, внесла высокую бронзовую лампу, освѣтившую лежавшія на столѣ рукописи по фортификаціи, пріобрѣтенныя отъ одного прилежнаго ученика, покинувшаго училище.

Зюльма съ благоговѣніемъ кончикомъ пальцевъ сдвинула листы и украдкой любовалась на молодаго человѣка.

способнаго такъ много работать, потомъ очень долго поправляла занавѣси у кровати и наконецъ вопросительно пробормотала:

— Затопить?

Бернардъ отодвинулся съ кресломъ; Зюльма встала на колѣни и нагнулась.

Несмотря на твердое рѣшеніе, адъютанту не удалось уничтожить въ себѣ вольныя мысли.

Зюльма, угадывая его настроенія, покраснѣла.

— Вы краснѣете, Зюльма,—началъ Бернардъ, у котораго кровь стучала въ ушахъ.

— Я краснѣю, я?..—она улыбнулась, и длинныя рѣсницы закрыли ея плутовскіе глаза.

— Отчего вы покраснѣли?

— Ни отчего.

Она не смѣла встать и машинально продолжала мѣшать уголья.

— Вы думаете, что я хочу васъ поцѣловать... Отъ этого вы краснѣете, плутовка!

— О, я никогда бы не подумала, что баринъ рѣшится на это.

— Гусары дерзки.

Покраснѣвъ еще болѣе, она слегка выпрямилась, продолжая смотрѣть на огонь...

Отъ всего этого объясненія у Бернарда осталось только чувство досады, и онъ совсѣмъ не нашелъ того, чего искалъ. Ему остался только стыдъ за то, что онъ искалъ чего-то, и онъ предавался одинокому отчаянію въ своей комнатѣ; его даже не могли развеселить послѣдніе „Аттики", ходившіе подъ дождемъ по улицамъ въ своихъ короткихъ лаконскихъ туникахъ. Съ обнаженными головами, руками и плечами, они думали создать якобинское воскрешеніе античной добродѣтели.

Ни въ чемъ ему не везло, ни въ любви, ни въ честолюбіи. Каждое хвалебное слово, произнесенное на счетъ Бонапарте или Моро, пронзало его какъ кинжаломъ. Не быть ихъ явнымъ соперникомъ, казалось ему, безконечно унизительнымъ.

Онъ перестаъ спускаться къ Авреліи, чахнулъ въ одиночествѣ, упрекая судьбу. Развѣ никогда онъ не докажетъ въ себѣ присутствія характера? Онъ пробовалъ разные методы.

„Сперва надо побѣдить мою лѣность“. Эту фразу, написанную на большихъ листахъ бумаги, онъ расклеилъ въ десяти различныхъ мѣстахъ своей комнаты, такъ, чтобы всегда бросалось въ глаза это спасительное изреченіе.

Онъ читалъ до того, пока печатныя буквы не начинали плясать передъ его усталыми глазами, какъ золотыя мухи. По десяти разъ онъ перечитывалъ одну и ту же страницу, если умъ его, развлекаемый ужасомъ передъ такой посредственной жизнью, какую онъ ведетъ, не достаточно ясно усвоивалъ себѣ теорію перемѣны фронта армейскаго курпуса или маневра кавалерійской бригады, вытянувшей своей фронтъ эшелонами эскадроновъ болѣе крыла противника.

Недовольный своей мысленной слабостью, онъ списывалъ и переписывалъ по нѣскольку разъ трудное мѣсто. Онъ хотѣлъ подчинить своей нравственной силѣ непокорное вниманіе, вѣтреные глаза, свое отчаяніе, какъ его отецъ подчинилъ своей волѣ жизнь двухъ женъ и дѣтей, чтобы добиться торжества рода. „Я долженъ быть отцомъ,—думалъ онъ,—суровымъ отцомъ моего разсѣяннаго вниманія; я долженъ, какъ онъ, создать уваженіе и добродѣтель моего дома“.

Во времена юности, когда Терроръ уравнялъ всѣ привилегіи, слѣпой отецъ проповѣдывалъ ему объ обязанности замѣнить благородствомъ своихъ чувствъ и честно пріобрѣтеннымъ богатствомъ качества бывшихъ дворянъ. Какъ они, надо было быть героями на полѣ битвы, образованными, блестящими людьми въ салонѣ. Онъ, старикъ, бралъ на себя добыть богатства, чтобы дать возможность сыновьямъ своимъ превзойти всѣхъ героизмомъ и образованностью, дочерямъ—изяществомъ и добродѣтелью.

Бернарду это казалось исторической задачей. Онъ провидѣлъ въ будущемъ новыхъ благородныхъ Деціевъ, Катоновъ, Лукрецій, заступившихъ мѣста Рогановъ, Вилларовъ, Монтескье, Марій-Антуанеттъ и затмившихъ ихъ.

Римъ Гракховъ, наконецъ, стряхивалъ съ себя иго варваровъ, гнетущее его въ продолженіе пятнадцати вѣковъ, и голова послѣдняго Капетинга упала подъ правосуднымъ карающимъ топоромъ ликтора.

Въ немъ пробудились всѣ латинскія воспоминанія. Онъ не отличалъ свирѣпости и насилія своего отца отъ суровости Брута, принудившаго къ смерти своихъ сыновей. Римъ возрождался вездѣ: въ домахъ съ поддѣльными

Widener Library
3 2044 099 709 487